

ИЛЪЯ ТАУРОВ

КЛАРА

В детстве всё выглядит ярче и воспринимается острее, в том числе и когда тьма сгущается вокруг тебя.

В таких условиях требуется немало времени, чтобы осознать, что те, кого ты считал источником света, на самом деле являются источниками тьмы, а тебе непременно придётся взрослеть в этом мире, где ты ищешь спасения у тех, кто хочет поживиться твоей душой, да и жизнью в целом.

Это история жизни многих и никого в частности, о том, как пройти по канату над пропастью, по канату, который ещё и потряхивают с обоих краёв обрыва.

Одна в поле

03.2046

Весеннее солнце подкрашивало природу в тёплые оранжевые оттенки, казалось, что тепла от него пока нет совсем, но по земле, будто до самого неба, стелился туман средней прозрачности. Если бы кто и мог сейчас видеть её, то не сумел бы понять кто там идёт пересекая поле. Был ли мужчина это или женщина, ведь на почтительном расстоянии от леса, оставшегося за спиной этого человека, не меньше расстояния было и до дороги. Вроде бы в этой местности вообще не было ничего, что могло бы заинтересовать путника, ни работы, ни магазинов, да и до ближайшего населенного пункта километров пять-шесть. Однако не понятно откуда и куда целенаправленно шла женщина лет тридцати, а может и сорока, твёрдо ступая на пока ещё скованную морозом грязь.

Из-под капюшона свисает коричневого цвета тоненькая коса, слишком длинная для настолько низкой густоты волос, да и не понятно, как у человека с такими явными следами алкоголизма на лице оказались дорогущая куртка, дорогушие ботинки и брюки, которые давно уже приятно называть тактическими. Точно так же не подходила к её лицу и образцово-ровная осанка, подчеркивающая немалый рост — чуть более ста восьмидесяти сантиметров. Взгляд её направлен вниз, женщина то ли пытается удержать слёзы, то ли это прохладный вечерний ветер заставляет её жмуриться и время от времени стирать воду с уголков глаз.

Спустя часа полтора она вышла к жилищам людей, времени было около семи часов вечера, в середине марта в этот период дня уже обосновываются сумерки, хотя и света ещё достаточно чтобы всё осмотреть. А картина тут была самая обычная: где покосившийся, где поваленный забор время от времени соседствовал с крепким металлическими или каменными оградами, за которыми скрывались не менее крепкие кирпичные дома, своим видом стыдящие домики из почерневшей от времени и сил природы древесины.

Женщина шла вдоль дороги к себе домой и путь ещё был не близкий. Сейчас она находилась в первом пригороде, потом нужно было бы пройти второй, так условно её в уме назывались эти местности, и уже после она оказалась бы на окраине города, где с недавнего времени нашла себе комнату в древнем, непонятно как, ещё используемом общежитии. При этом его ветхость несколько не смущала остальных жильцов, которые с удовольствием занимали жилплощади не оставляя свободных.

Вдоль хорошей асфальтовой дороги была небольшая песчаная насыпь идти по ней было почти приятно. Иногда этой женщине приходилось бывать здесь в другие времена года, ради поиска работы лет пять-шесть назад, когда после университета она не могла никуда устроиться и ездила сюда из родительского дома потратив на дорогу часа два и деньги, которые сейчас для неё сущие копейки, а тогда были ощутимой суммой.

Она шла и вспоминала именно тот летний день, мелкий дождь и засасывающую обувь грязь, может из-за страшно чумазных и очевидно дешевых кроссовок, её тогда и не взяли в пункт выдачи арендного инструмента, а может посчитали, что молодой девушке будет не под силу тягать генераторы или большие шлифовальные машины, хотя хрупкой она не выглядела даже тогда. Вспоминались и более приятные случаи, например, как они ходили куда-то с отцом, может на рыбалку, ведь неподалёку было крупное озеро, но на рыбалку

конечно вряд ли, папа вроде бы никогда ей не увлекался, может тогда с дедом, когда он раз в несколько лет приезжал в гости вместе с бабушкой, гостили они так редко, потому что жили и в другой стране, в маленьком городке, который ощущался одним гигантским холмом и множество пятиэтажек расположились на его склонах.

От мыслей молодую женщину отвлек идущий на встречу старик, но чем он вырвал её из погружения в воспоминания так сразу и не скажешь: то ли самого его вида достаточно, то ли запах, не без помощи ветра, ударивший в нос ещё метров с пяти. Взглядом они пока не встретились да ей и не хотелось этого, как правило люди смотрели на неё с отвращением, того же она ожидала и от этого деда, ноги которого будто уже не могли разогнуться до конца, старыми запыленными сапогами он шаркал по песку постепенно приближаясь к ней. Штаны заправлены в обувь, куртка с аббревиатурой какого-то завода, может найденная им, а может выданная когда-то давно, была распахнута, во внутреннем кармане мелкой точкой отражая солнце поблескивало горлышко бутылки, скорее всего что-то спиртное. Именно об этом заставляло думать его почерневшее лицо, будто старик посещал солярий, а его глаза были смотрели на мир с хитрым прищуром, но это, скорее, можно было списать на закат, который играл яркими красками за спиной девушки.

Их взгляды пересеклись, но старик остался будто бы совсем равнодушен, никакого отвращения, никакого презрения, которое так привыкла видеть женщина за последние три-четыре года, дед просто скользнул по ней своими красными, чуть слезящимися глазами и продолжил смотреть вперёд, что конечно удивило её, но долго она на этих мыслях не фокусировалась.

Солнце с каждой секундой пряталось всё глубже за горизонт, оставляя на улице всё меньше такого нужного света, держа и так высокий для ходьбы темп женщина ещё чуть ускорила, ей не хотелось задержаться здесь до темноты, а потом ещё и преодолевать небольшой парк, который по сути был чудом сохранившимся куском леса, он помогал местным, не отходя далеко от дома, прятать мусор подальше от глаз.

По пути домой встретились ещё несколько человек, и никто не посмотрел на неё косо, может даже вообще не смотрел и теперь она задержалась на этих мыслях подольше, гадая что же всё-таки случилось. В этих размышлениях она и подошла к дверям своей общаги, потянула за тяжелую дверь, изнутри сразу же обдало контрастным по сравнению со стремительно остывающей улицей теплом. Несколько шагов и вот уже она подходит к вахтёрше испытывая небольшой стресс от ожидаемой грубости говорит:

— Здравствуйте, — чуть кивает головой девушка, одновременно удивляясь своему погрубевшему, осипшему что ли голосу.

— Здравствуй, Клара, — отвечает ей неожиданно добродушно женщина лет шестидесяти, по внешности имеющая много сходств с дедом, которого Клара видела пару часов назад, — ещё б чуть-чуть и закрылись бы мы уже, десять скоро, а ещё тебе тут заказ твой оставили.

Вахтёрша спрятала тёмные зубы за своей тонкогубой улыбкой и передала женщине белый пакет, в таких местная фирма доставляет еду. Клара улыбнулась ей почти так же, и не зная, что ответить, сбита с толку этой неожиданной вежливостью отправилась к себе.

Поднявшись на шестой этаж пешком, ведь лифт то работал, то нет, делая глубокие вдохи она пыталась одновременно восстановить равномерное дыхание и открыть дверь под номером 672 обитую фанерным листом, выкрашенным в синий, как и стена, цвет. Наконец-то все механизмы замка расположились как надо и дверь открылась. Уже привыкнув к

особенностям, Клара чуть надавила на дверную ручку, чтобы все защёлки установились в нужных положениях, дверь захлопнулась, а женщина замерла в темноте своей комнаты, по площади вряд ли превышающей десять квадратных метров.

От света луны и фонарей можно было разглядеть дешёвую, сделанную из ДСП односпальную кровать, идеально заправленную. У противоположной стены стоял стол из того же материала, что и кровать, тонкий закрытый ноутбук лежал на равных расстояниях от краёв стола, рядом с ним она и поставила пакет из доставки, которую не заказывала. Она повесила одежду на вешалку похожую на такую, что стоит в коридорах поликлиник, а у Клары служила вместо шкафа и сейчас приняла на себя куртку. Остальная же одежда была красиво сложена в стопки, но на полу, Клара уселась рядом с кроватью тоже на пол, чтобы не вымазывать постельное бельё.

Несмотря на то, что часов в одиннадцать ночи она уже как правило спала, сегодня ей не хотелось совсем, что в принципе объяснимо, ведь проснулась она около шести вечера, в лесу из которого и добиралась почти четыре часа домой. Хоть желания спать и не было, всё же усталость от такого пути одолевала тело, женщина уже и не помнила сколько так просидела повернув голову к окну, но всё же решила взять себя в руки и достать из ящика стола маленькое зеркальце единственное, которое у неё было, чтобы посмотреть, что же произошло с её внешностью, а то люди реагируют на неё совсем не так, как ещё буквально пару дней назад.

Она быстро нашла, что искала на своём привычном месте, повернувшись к луне, чтобы не включать свет, открыла зеркало и замерла: в отражении помещался только глаз, но он вокруг него было всё в морщинах, которые появились будто за ночь, попавшая в зеркало кожа была вся в глубоких порах, да даже порами эти отверстия не называть, то что увидела Клара принадлежало не ей, а какой-то тетке-алкоголичке лет пятидесяти, хотя лицо кажется точно было её, Кларино.

Под испуганные удары своего сердца она пошла в душевую, место, где было самое большое зеркало в общежитии. Никто уже не мылся, женщина была здесь одна и то, что демонстрировалось ей в отражении заставляло замереть её на месте. И правда: лицо такое, будто она пила каждый день до неменяемого состояния: морщины, опухлости, зелёных глаз почти не видно под дряблыми веками, а густые волосы стали реже в несколько раз, где раньше был пробор теперь была блестящая проплешина, жидкая косичка сохранила длину, примерно до груди, но также потеряла в толщине. Первый раз она решила глянуть и на свои руки — они так же обветшали, только рост и осанка остались при ней. Со страхом и без ожиданий чего-то хорошего Клара показала себе свои же зубы, они соответствовали новой внешности: кариозные, тёмные. Женщина убрала оскал и в шоковом состоянии будто на автопилоте ушла в свою комнату-нору, теперь уже загадочную посылку она не игнорировала. Взяла пакет, трясущимися руками подошла к окну, развязала узел: внутри картонная коробка по форме как от мобильного телефона, в ней письмо.

Первыми догадками о том, кто мог бы передать этот пакет, стали мысли о том, что это один из представителей «кружка», которому она посвятила последние пару лет своей жизни и из которого её, можно сказать, с позором изгнали. Из-за чего в общем-то она и оказалась в лесу в прошлые сутки, ушла туда, потому что не могла уже находиться у себя дома. Провалившись, временами проплакав на лесной полянке в глубине ночи она увидела сон, а может это была явь, но перед ней явилось что-то, что спросило о её желаниях, Клара ответила, что желает лишь «чтобы это закончилось».

А потом она проснулась на том же месте, где вчера и загадала своё желание, по освещению сразу решила, что сейчас раннее утро, так уж располагал к этому красноватый свет и клубы тумана, умиротворенно лежащие на земле. Только выбравшись из леса, она сообразила, что солнце на западе, а значит спала она почти целую ночь и целую день, затем отправилась домой.

За окном блеснула молния, потом разрывая небо будто оно было тканью, ударил гром, улица в которую сейчас уставилась Клара замерла, затихла почти полностью, но тишину стали разбивать капли, с каждой секундой наращивая свои застенчивые, но ритмичные стуки по подоконнику, незаметно перейдя в шум сильного, как будто летнего ливня. «Чтобы всё это закончилось», — крутилось в её голове и начинало складываться в картину, она стала догадываться, что с ней случилось, на что она себя обрекла таким неосторожным желанием, и так тяжелое сердце, пока будто жалевшее хозяйку и не напоминавшее о недавней потере всех друзей разом, которые во всех проблемах обвинили её, отяжелело совсем. Больше не в силах держать своё тело, Клара, прилагая огромные усилия к тому, чтобы раздеться, не посещая душ впервые за несколько лет, скрутилась в своей кровати размером сто на сто девяносто сантиметров и под быстрое, словно проходящее через всё тело биение сердца, изо всех сил старалась ни о чём не думать и уснуть.

Это всё — только кажется

06.2026

Детсадовский день подходил к своему завершению. Ещё не понимая по часам Клара как-то чувствовала, что кто-то из родителей скоро должен за ней прийти. Только и оставалось, что чувствовать, если не понимаешь, что там говорят стрелки и цифры, да и в жизни ты не слышала, во сколько тебя должны забирать. В большом окне оставили открытой верхнюю часть и, если возле него долго сидеть, можно было расслышать как ветер шумит ветвями одетыми в набравшие самый сочный цвет листья. Этим Клара и занималась, потому что игрушки уже надоели, да и одноклассники тоже. На низком подоконнике, который по высоте был чуть выше их детских стульев девочке думалось о том, что она уже очень давно ходит в сад и скорее бы пойти в школу, но как же много лет ещё ждать до этого? Из маленького тела вырвался вздох сожаления, наверное, о потерянном времени.

Ход мыслей прервала появившаяся одним лишь лицом в большом дверном проёме, воспитательница, она позвала Клару по имени, не убирая с лица уже такую привычную улыбку, мотнула головой в сторону того помещения, где находилась всем остальным телом и добавила, что родители пришли. Несмотря на то, что воспитательница сказала именно про родителей девочка очень удивилась, когда увидела двоих людей сразу: это уж совсем редкое событие, обычно её забирал кто-то один. Так как в комнате, где были ещё не забранные дети у Клары ничего не оставалось, то в принципе, она уже готова идти, только надо было взять джинсовую крутку из шкафа, в которую мама одела её утром, что она и сделала. Неуклюже попыталась надеть её на себя, но рукава каждый раз представляли сложный лабиринт, который не понятно куда повернёт при следующем движении руки, да ещё при каждом новом надевании по-разному. Немного переживая из-за этого Клара перевела обеспокоенный взгляд на маму, опасаясь, что она может начать нервничать, ведь снова ничего не получается, но высокая женщина одарила её улыбкой, которая красиво расцвела над острым подбородком, вообще мама сегодня была красивее обычного, накрашены глаза, щеки не такого цвета, а будто ярче, хоть и намазано на них чем-то тёмным, а не очень длинные, еле закрывающие уши волосы ровнее и блестящее чем всегда, она почти сверкала чуть ли не перекрывая яркостью папу, который был выше неё, но не сильно, худой, и тоже причёсанный что ли. Привычная майка сегодня заменена на рубашку, а вместо шорт, которые он летом носил каждый день и повсюду, были асфальтового цвета брюки.

Мама протянула ей руку, Клара заметила кольца, которых тоже обычно на маминых пальцах нет, но ничего не сказала, да и раньше при виде их она не говорила ничего, а просто радовалась, что таких красивых родителей она ещё ни у кого не замечала, мама свободной рукой поправила свои светлые волосы и они пошли домой.

На улице было практически идеально тепло, ни жарко, ни холодно, а одним словом приятно, тёплый ветер щекотал травинки, которые, пятилетней девочке казалось, что даже смеялись, да и сам ветер словно напевал песню, без слов конечно, просто что-то тихо мычал. Клара понимала, что это всё ей только кажется, не зря же говорят взрослые: «Погода шепчет», ну вот значит, как она шепчет, даже разленившиеся под солнцем коты, обычно

драпающие от людей, сегодня валялись не двигаясь, только ведя ухом туда откуда исходит шум шагов, иногда приоткрывая один глаз и, как могло показаться, как-то презрительно закрывали его обратно.

До дома этим троим было совсем близко, обычным шагом не более десяти минут и ребёнку тоже, Клара даже время от времени рвалась ходить в сад самостоятельно, потому что дорогу уже знала наизусть: всего-то выходишь из подъезда и идёшь по косой дорожке, проходишь вдоль школьного забора, откуда-то она уже знала, что это здоровенное здание — школа, а дальше уже детсадовский забор со всегда открытой калиткой. Такой же путь и назад, который трое счастливых, как тогда была уверена их дочь, людей поднялись по бетонной лестнице, а вот уже и их квартира на третьем этаже. Папа открыл дверь и запустил дочку первой, последней же зашла мама.

— А там на кухне кое-что есть для тебя, — сказала она, обратив к ней всё тоже улыбочное красивое лицо.

Клара конечно же понеслась проверять. На столе возлежал торт состоявший из вафель между которыми толстым слоем была намазана сгущенка, самое главное правильного цвета, слишком тёмная была совсем не вкусной, а вот светловатая сводила маленький организм с ума, девочка чуть ли не подпрыгнула от радости, ведь это, по её мнению, был лучший кондитерский шедевр в мире. На столе уже были заранее подготовленные чашки и тарелки, а папа непонятно когда успел включить чайник, который как раз и закипел характерно щёлкнув, будто отбросил от себя электричество.

Какой повод для такого праздника Клара не интересовалась, потому что ещё не слышала такой причины, что должен быть повод, просто так и отлично, в голове конечно мелькнула мысль, что может день рождения у кого-то, но точно не у неё, потому что у неё — когда холодно.

Обпившись чаю и объевшись вдоволь тортом дочь и родители пошли в комнату складывать огромный пазл, с ним не могли справиться уже долгое время, главным образом потому, что взрослые не особо-то и пытались, а у ребёнка дело шло медленно, но сейчас все принялись, можно сказать, засучив рукава. Вскоре Клара почувствовала, как её клонит в сон, хотя за окном было ещё очень светло, лампочки в комнате горели скорее просто так, чем реально добавляли освещённости. Мама быстро заметила это и уговорила её отправиться в свою кровать, стоящую в той же комнате, что и родительская, деревянная, с круглыми прутьями, которые можно было при желании прокрутить. Обязательные «банные» процедуры, потом нелюбимая чистка зубов и вот уже маленький человек в своей кровати пытается побороть тяжелеющие каждую секунду веки, а мама откуда-то узнавшая это, подоброму сказала:

— Да ладно тебе, — рукой она поправила шоколадного цвета Кларину чёлку, — засыпай.

В ответ дочь ей еле улыбнулась, хотела что-то сказать, да не получилось, сон побеждал, и сквозь него она услышала вроде как щелкает замок, родители куда-то уходят что ли? Это конечно же вряд ли куда им идти ночью, да и если уходят, то только по одному, а кто-то всегда с ней. В общем она чувствовала себя в абсолютной безопасности.

Что-то заставило Клару проснуться. Вернувшись из мира снов в реальный, она не слышала ничего, кроме тишины. Открыв глаза, она обнаружила, что лежит в полной темноте, от света вчерашнего дня не осталось и следа. На миг ей стало страшно и первым желанием захотелось повернуться на бок, посмотреть сквозь прутья как там родители, но

почему-то она отложила этот порыв, всего лишь на одно мгновение, а в следующее девочка услышала твёрдые приближающиеся шаги, вот тут страх выиграл внутри пятилетнего тела по-настоящему, но она только могла лежать и смотреть вперёд, в поле её зрения из тьмы появилось что-то.

Остроносое, глаза человеческие, но слишком круглые, будто неестественно широко открытые, в огромном раскрытом рте торчали только острые вытянутые клыки, их было сильно больше, чем обычно у человека, Клару вроде никто не держал, но она не могла и шевельнуться, а вскоре рядом с первой появилась и вторая рожа, девочка с невероятным усилием напрягла голосовые связки, которые будто не принадлежали больше ей и как смогла позвала маму, но ответа не было. Страшное полуживотное рыло медленно приближалась к ней, в этот миг невидимые ремни ослабли девочка неуклюже перевалилась через борт кровати на пустую родительскую кровать, как назло между прутьев застряла ступня, но с болью Клара вырвала её. По скомканному одеялу родителей она бежала к телевизору, под которым стоял утюг, это единственное, что ей сейчас пришло в голову, что можно использовать для самозащиты. В страхе как-то упустилось, что родителей нет на кровати.

Поворачиваться и смотреть пропали ли те две головы не понятно кому принадлежащие не хотелось до сих пор. Вот она уже и добралась до утюга, маленьких пальцев еле хватило, чтобы нормально ухватиться за его ручку, но и две то ли животных, то ли человеческих головы были уже около неё. Одна что-то шепнула сзади, обдав Кларины ноздри неизвестной до этого мгновения вонью, какой-то одновременно резкой и тягучей, даже сравнить её было не с чем, чтобы вспомнить что-то похожее. Спереди наступала другая башка, Клара кричала, плакала и звала маму, а летающее в темноте лицо при этом тоже что-то заговорило, но девочка не понимала вообще этих звуков, она слышала какие-то слова, но голос, который скорее напоминал звучание аккордеона, чем человеческую речь, не давал сфокусироваться на смысле слов.

Её мольбы остановиться, отстать будто игнорировались, спереди её обдала очень похожая, но чуть другая вонь от приблизившегося лица, вблизи не менялось ничего, и выпученные глаза и рот состоящий из клыков и маленький нос, будто заточенный карандаш уже были в десятке сантиметров от Клары, как тут она почувствовала холодное касание к своему бедру, глянула туда и увидела на ноге мерзкую лапу или болотного, или серого цвета, с длинными ногтями, чёрными и матовыми, будто это их естественная чернота, а не от лака. Девочка завизжала, это касание открыло перед ней новые грани ужаса, хотя одного только вида этих рож уже было достаточно. В голове мелькнуло про утюг, она тут же замахнулась им захотела ударить по противному и страшному рылу, но оно уклонилось, издав пару аккордеонных нот, а детская ручка не удержала бытовой прибор, который полетел и куда-то грохнулся, Клара уже и сама не помнит о чём она тогда подумала, но в следующий миг после вспышки страха, всё почернело, комната исчезла.

В глазах девочка почувствовала что-то яркое, но открыть их было страшно, Клара понимала, что проснулась, но смотреть на мир после пережитого вообще не хотелось, а ещё болела спина, со следующей мыслью она осознала, что спала сидя, вытянув ноги и изогнув спину вперёд, чуть ли не положив свою голову на колени, спина тут же рефлекторно разогнулась, а глаза открылись: в комнате всё было как обычно, разве что утюг валялся не на своём месте в паре метров от своего обычного расположения под телевизором. Родители же спокойно и как обычно спали, девочка встала и испытывая эйфорию, что всё закончилось,

что и мама, и папа здесь, пошла к ним.

— Мам, — Клара осторожно пошевелила маму за неукрытое одеялом плечо, — мам.

У матери чуть приоткрылись глаза, а потом немного шире, вчерашняя доброта во взгляде куда-то исчезла, Клара даже отпрянула от неё, но скорее мама была не злой, а просто не сообразила зачем её будят в такую рань в субботу, разглядев дочку насупленные брови разгладились в две ровных полоски, а один уголок губ потянулся чуть вверх.

— А где вы вчера были? — испуганно спросила Клара, — сюда приходил кто-то.

— Да тут мы были, Клара, — с ударением на второе слово ответила мама, — не слышали мы что-то никого за всю ночь.

Клара не знала, что сказать, чтобы убедительней звучать, но она была уверена, что кого-то видела, страшные морды, зелёные или серые, или может коричневые, когти чёрные, вот прям как у мамы, только у них некрасивые были и воняли ещё.

Мама поднялась, точнее села на краю кровати, схватив девочку за подмышки посадила её рядом с собой и послушала ещё раз её рассказ иногда поглаживая по коричневым волосам до плеч.

— Не знаю я, что это такое было, но скорее всего просто очень страшный сон, если такое приснится, то не стесняйся, нас буди.

— Я не спала! — запротестовала Клара, — я бросила утюгом и всё пропало.

Мама, сведя брови повернулась посмотреть на отца, который свои брови наоборот немного приподнял, а потом сказал, что иногда люди спят и во сне ходят куда-то, бывает даже на работу свою приходят, сами спят и работают, лунатики их называют, так вот, наверное, и на Клару такой же лунатизм напал, но дочке можно не бояться, это не опасно, да и сходим скоро к доктору, он посмотрит и точно уже всё пройдёт, после отец спросил дочь, согласна ли она сходить к врачу.

С улыбкой Клара ответила, что готова, второй раз видеть такой сон или не сон ей вообще не хотелось, скорее бы уже попасть к этому доктору. Да и вообще жизнь налаживалась: она знала, что вчера был последний день садика на этой неделе, значит сегодня и завтра будут выходные. И мама с папой дома оба, что может быть лучше, может быть они придумают куда сходить, но вообще конечно пора включать телик, должны были выйти новые мультики на специальном канале, название которого девочка прочитать ещё не могла, но зрительно его узнавала. Найдя пульт, она промотала в подписках до нужного, нажала правильную кнопку и после сделавшего на экране оборот вокруг себя кружка, началось увлекательное зрелище. Осадок от ночи постепенно растворялся в дневных делах. Вот и есть позвали, всё как обычно.

09.2026

После выходных неизбежно наступил понедельник, Клара помнила о больнице, обещание папы и ни капли не сомневалась, что скоро они туда точно пойдут, правда, когда родители говорили об этом, она ждала встречи с доктором именно в этот день.

Утро в первый день недели было совсем холодным, уже совсем ничего не напоминало о том тепле, что было пару дней назад, отец отправился на работу, как обычно раньше всех, кажется ещё до того, как все проснулись, а Клару в сад вела мама, как и почти каждый раз до этого. Щеки щипали редкие прохладные капли, лужи, возникавшие как из ниоткуда заставляли делать неестественно широкие шаги, чтобы не вымочить обувь конечно же. Двери, лестница, поднимаемся на свой второй этаж, воспитательница уже чем-то занята с

детьми, мама ждёт пока Клара разденется, некстати коса запуталась где-то в бордовой куртке, но всё же с небольшой болью получилось выдрать её на свободу. Воспитательница услышав шорох подошла сюда, наверное, это называется гардероб, поздоровалась с мамой, они поболтали о своих взрослых делах, сразу после мама шутливо приказала хорошо себя вести с какой-то лёгкой, не очень натуральной улыбкой, хотя в силу возраста Клара этого и не понимала. Воспитательница взяла Клару за руку, та сама не зная зачем обернулась, наверное, чтобы увидеть как мама уходит.

Почему-то очень гадко и тревожно стало на душе, хотя Клара понимала, что для такого нет причин, просто какая-то тяжесть разлилась по телу, будто сделав его менее гибким. Трудно осознать, что с тобой происходит, когда даже себе описать этого не можешь, ведь не знаешь достаточно слов для такой рефлексии.

Вроде бы все дети на месте, есть те, с кем Клара дружила чуть больше, есть и те, с кем почти не общалась, не зная, чем заняться она пошла к столам где обычно то рисовали, то лепили из пластилина, уселась на маленький стул тёмно-розового оттенка, потянула за ящик, который с деревянным шорохом после небольшого усилия открылся. Она смотрела, что же отсюда вытянуть, если задуматься, то брать ничего и не хотелось, но нельзя же так, ничем не заниматься, после недлительного обдумывания Клара взяла листок, потом карандаши, которые она всегда складывала почти по цветовому спектру, почти бессознательно, просто так было красивее. Обычно дети рисовали маму возле дома, папу возле машины, в левом верхнем углу светило солнце, на дерево, которое по неписанным правилам, всегда располагалось в середине листа разделяя родителей, Кларе такие рисунки не особо нравились, без раздражения, просто как-то скучно, не понятно почему имея возможность рисовать что угодно, все рисуют одно и то же. Ей-то вечно мечталось о несуществующих зверях, наверное, фантастические фильмы повлияли и на альбомных листах жили гибриды, которые вряд ли могли получиться даже в самой лучшей генной лаборатории. Вот и сегодня как-то сам собой нарисовался овал лица, потом острый нос, круглые глаза, большой рот полный то ли толстых иголок, то ли это были такие частые зубы, все заострённые, а волосы больше напоминали червей, Клара так бы и продолжала, но голос воспитательницы вырвал её из размышлений:

— Ого, это что снеговик? — спросила она своим глубоким, приятным голосом, — рановато ты, Клара.

А Клара обернулась на неё, не понимая причём тут снеговика, после недолгого разглядывания этой низенькой, худой женщины, лет около сорока, с короткими волосами, девочка окончательно отряхнулась от своих фантазий и улыбнулась ей в ответ, да и оказалось, что тяжесть куда-то ушла. Вернулась к своему рисунку она уже будто другим человеком, мельком посмотрела на него, а потом решила скомкать и выбросить в мусорницу, которая стояла в туалете. Воспитательница уже давно ушла к другим детям, поэтому ничего не видела.

Выйдя из туалета Клара глазами просканировала помещение, поймала в свой объектив тех, кого можно было назвать подружками, пока шла к ним, как раз и вспомнила, что она не смотрела, а именно сканировала, потому что возможно она какой-то биоробот. Наверное и в этих мыслях в детской голове тоже виноваты фантастические фильмы, в общем-то кроме комедий, которые никого из взрослых не смешили и фантастики, ничего из киноискусства больше маленькую Клару не привлекало. Потом был обед, после которого вся группа отправилась на улицу, там было веселей.

Территория детского сада казалась такой огромной, что если вы все играете возле одной стороны забора, а ты убежишь к противоположной, то чувствуешь себя словно в другой стране, возможно совершенно разные пейзажи возле каждой стороны этому способствовали: спереди — пустырь по которому приводят и уводят детей, асфальтовая дорожка метра в два шириной, а по бокам газон со всегда низкой травой, сзади — жилые малоэтажные дома, справа — какие-то постройки, назначение которых могли знать только взрослые, то ли это была такая парковка, то ли закрытый давно рынок, слева, через небольшую можно сказать полуторарополосную дорогу находился парк, который без исключения всем детям казался бесконечным дремучим лесом, слушая сказки некоторые из них именно этот лес и представляли.

Сама же территория сада была усеяна песочницами, какими-то железными шпукovinaми, названия которым не могли дать даже воспитательницы и родители, а дети по ним просто лазили и повисали, прыгали с них, не задумываясь над названиями. Несколько горок, которые будто бы уменьшались пропорционально росту самой Клары, ведь когда она прокатилась на ней первый раз, то ехала долго и быстро, а теперь даже с самой большой горки она скатывается очень мало секунд, так ещё и медленно, но время от времени что-то затягивает скатиться снова, вдруг повезёт.

Стало холодно, и как раз их всех и начала созывать воспитательница. Вся группа, а это человек двадцать пять собрались вокруг низкой женщины, которую дети наоборот видели очень даже высокой, Клара смотрела на её красный берет, он почему-то веселил девочку, а женщина еле заметно кивала головой — видимо считала детей. Дальше они вернулись «внутри», там ещё несколько часов и пришла мама. Дорога домой, обычный вечер, то возле телика, то рисунки, то пазл, пришёл папа пошёл на кухню, а потом в комнату где были все, спросил у Клары, что она делает и с улыбкой ответил, что ему понятно. Дальше сон и снова день такой же как и предыдущий, наверное поэтому маленькому человеку и хотелось побыстрее в школу — это всё-таки что-то новенькое.

Так всё размеренно и шло, день за днём, неделя за неделей и месяц за месяцем, даже зима наступила незаметно, потому что она будто наращивала свою мощь постепенно. Сначала на землю упало пару снежинок, потом какое-то время стояла тёплая погода, а потом снова посыпал снег чуть побольше и чуть подольше. А в одно утро Клара встала и заметила, что на улице всё белое, красивое, снег блестит под фонарями, а где-то далеко видно поднимающееся солнце, настроение от такой природы сразу стало хорошим, а утренний бутерброд, обычно кстати, с утра каша, казался вкуснее чем всегда, даже горячий чай не хотелось наполовину вылить и разбавить водой из крана.

— Ты сможешь её забрать сегодня? — слышала приглушённый голос мамы, доносившийся из комнаты Клара, — а то мне нужно ногти ещё успеть, и на мейк ещё неплохо бы.

— А что сегодня такое? — недоуменно спросил вместо ответа папа.

— Ну как, мы идём на день рождения, Лена позвала в ресторан.

— О, блин, а я вообще забыл, наверное, да, — папа будто задумался, — заберу, а во сколько там быть?

— В семь, в центральном районе, называется «Мезанин».

— А Клару-то хоть можно брать?

— Ну а куда мы её денем? — раздражённо что ли ответила мама, — да и я спрашивала, там ещё дети будут, поиграют сами.

— Ладно тогда, вроде всё успеваю.

И он ушёл на работу как всегда первым, а мама зашла на кухню проверить справилась ли Клара с завтраком, она справилась, далее девушки оделись, причём дочь одели нарядней чем обычно и пошли в сад. В конце дня, как родители и договаривались за ней, пришёл папа, точнее сказать заехал, Клара с трудом открыла дверь машины, потому что еле доставала до ручки, и так же не без трудностей, зато сама, забралась в салон. Автомобиль был у них исходя из воспоминаний Клары «всегда», она не знала его цены, но сравнивая с другими понимала, что тачка эта получше чем у многих, даже не по стоимости, а как-то по внешнему виду, так казалось. Папа никогда не говорил на неё «машина», всегда называл «Мерс».

По пути они забрали маму из высокого стеклянного здания, мама работала в банке. Клара никогда не была у родителей на работе, только слышала вечные рассказы и поняла, что мама сидит где-то наверху этого стеклянного дома, потому что лифт когда-то сломался, а они долго понималась до своего офиса, чем занимался папа она пока в полной мере не понимала. После непродолжительной поездки они оказались в центре города. Здесь всё было очень красиво, в отличие от однообразного района где они жили, всё засвечено огнями, очень много людей, после того как нашли место куда припарковаться, отправились к ресторану.

Двери открылись сами, ну это прям как в магазине возле дома, а вот внутри был совершенно иной мир: стоял человек в деловом костюме, сразу что-то спросил у родителей, они покивали и стали снимать свои пальто, а Клара стояла и пока не делала ничего, но человек сказал, что и ей тоже бы нужно снимать куртку, тогда она сразу последовала примеру родителей.

Они вошли в зал. В полумраке за длинным столом сидело человек десять и ещё оставалось несколько свободных стульев, ну два для родителей, а для кого ещё пара-тройка? Клара глазами заприметила детей, примерно её возраста, вот видимо и стулья для неё и для этих друзей на сегодняшний вечер. Мальчик и девочка похоже занимались каждый чем-то своим, откуда-то в ресторане были игрушки и даже листки с карандашами. Вот и Клара влилась в этот ансамбль, взяла бумагу и уселась рядом с уже рисовавшей девочкой, они быстро глянули друг на друга и продолжили свои дела.

Время тянулось ужасно долго, иногда детей подзывали что-нибудь поесть, но в детстве обычно этого никогда не хочется, Клара то рисовала, то ходила туда-сюда, изучая большой, но пустой зал, кроме одного длинного стола за которым и сидели все взрослые, иногда до уха доносилось, как отец отказывается пить, говорит, мол он за рулём, а ему отвечают, что можно же такси вызвать. Находившись она садилась рисовать опять и опять. Так нудно, но спокойно и прошёл бы вечер, если бы какой-то тёте захотелось перезнакомить между собой детей.

— Ну что, детишки, — услышала голос, обращённый ко всем девочка.

Клара стала переводить взгляд от листка с начала к туфлям, которые прямо сверкали, потом были ноги, а чуть выше колен началось в цвет туфлей, сверкающее серебристое платье, большая грудь будто собиралась выскочить наружу, тонкая и длинная шея, а потом лицо и тут Клару как током ударило: без сомнения, это было лицо человека и вроде с ним ничего не произошло, но какое-то оно не настоящее, слишком большой рот, глаза будто полностью чёрные, кожа дряблая, зубы, наверное из-за такого тусклого света, коричневые, улыбка растянута чуть ли не от уха до уха. Клара застыла в испуге, а потом отойдя от шока стала глазами искать маму, случайно взглянула на это существо снова, но на этот раз всё

было нормально — очень даже симпатичная светловолосая тётя с длинной косой, разве что когда говорит, то пахнет не очень приятно, не едой, а не очень понятно, чем. На следующем взгляде опять эта рожа вернулась, Клара глянула на детей, они будто не видели ничего, наоборот слушали эту тётку-оборотня как загипнотизированные. Теперь Клара прям побежала искать маму, найти её было не сложно, девочка аккуратно потянула мать за локоть, чтобы попросить поехать домой, потому что здесь было страшно, к ней неспешно, будто боясь что-то недослушать повернулось лицо и Клара попятилась назад: то что смотрело на неё мамой точно не было, будто старуха, опухшая и беззубая, глаза вроде обычные, но какие-то пустые, пока девочка отходила назад случайно спиной наткнулась на стул и упала, этим шумом она развернула к себе все лица за столом, если можно было назвать это лицами.

Каждый был изуродован на свой манер, но все своими физиономиями ничего кроме омерзения не вызывали, они уже точно не могли напоминать людей. Странные существа были не то чтобы старыми, а словно начинали разлагаться заживо, хотя вроде бы и кожа вся на месте, будто какая-то маска, как в телефоне, когда Клара развлекалась примеряла на себя всякое в одном приложении. Закричать не поучалось, точь-в-точь как в том кошмарном сне. Не отдавая отчёт своим действиям Клара, не поднимаясь заползла под один из столов, уже находясь там заметила чьи-то ноги, как кто-то встал и идёт к ней. В голове мелькнуло, что это папа, кто бы это ни был, этот человек остановился, Клара увидела, что её ноги в небезопасности, но не успела и подумать, как кто-то схватил её за ступню и потянул к себе. Девочка брыкалась и искала за что схватиться, но под руку ничего не попадалось и вот её достали из случайного укрытия.

От страха она зажмурила глаза, а потом услышала чуть не такой, но всё же папин голос:

— Ну что такое? — без какой-либо агрессии спрашивал он сидя на корточках, — чего ты кричишь?

Ничего Клара ответить не могла, чтобы объяснить, что она видела, просто молчала и пыталась утихомирить свои слёзы, всё же сфокусировав взгляд на отце она заметила, что он вполне нормальный, страшные морды остальных опять исчезли, словно их никогда и не было. Рядом стояла мама, тоже совершенно обычная.

— Я хочу домой, — ультимативно и умоляя одновременно сказала она.

— Скоро уже поедем, — серьёзно, но как-то не так ответила мама и пошла обратно за стол.

Домой они поехали не то, чтобы скоро, а вместе со всеми через несколько часов. Клара ещё пару раз видела изуродованные лица, как всегда на пару секунд, так сильно это её больше не пугало, но мерзко было, слова человек ещё такого не знает, а чувство уже есть, от этого ещё хуже. Она отметила, что работники ресторана, не становились страшными, как и водитель такси, а вот родители за всю поездку пару раз одевали свои маски, как и дома, когда они остались втроём, страх захлестнул её снова. Лёжа в кровати она пыталась уснуть, чтобы скорее наступило завтра, хлюпающим носом мешала уснуть себе и родителям, за что на неё и прикрикнули. Она стала дышать через рот и вроде сон по чуть-чуть стал приходить, уже засыпая она услышала: «может у неё что-то с головой, надо точно в больницу».

12.2026

Мама то стояла возле окна, то ходила неспешно туда-сюда, разговаривала с кем-то по телефону. Был субботний день, на дворе стоял декабрь, отца, не смотря на выходные, дома

не было. Клара не знала, где он сейчас, да и не сильно её это заботило, он очень часто куда-то пропадал на выходных, иногда по работе, иногда по отдыху, все к этому давно привыкли. В двухкомнатной квартире, всегда пустовала одна комната, так как ребёнок всё ещё жил в родительской, вроде бы никто из них и не был против, Кларина кровать почти не занимала места, стояла так, что никому помешать не могла, да и ей самой было уже слишком уж привычно засыпать под тихо бубнящий телевизор.

Сейчас она сидела в кресле, у противоположной от окна стены и рассматривала свою мать, похоже, что та не может куда-то дозвониться, наверное, потому что сегодня выходной день и многие частные медицинские центры не работают, а о том, чтобы обратиться в свою районную больницу речи не было, почему-то родители девочки ни одной мысли не допустили в этом направлении. Трубку, видимо, наконец-то подняли:

— Алло, здравствуйте, — вежливо и официально сказала мама, — мне нужно записать ребёнка, наверное, для начала терапевт, — она помедлила, — хотя не знаю, да давайте с начала к терапевту, а потом возможно МРТ в тот же день, можно так?

Не отрывая глаз от пола, мама покивала головой, потом, похоже, у администратора или кто там принимал звонок возникли вопросы, связанные с таким сочетанием врачей, мама как могла объяснила зачем именно так, потом что-то поугукала в трубку, ушла на кухню и там сказала какую-то дату, которую ясно расслышать не получилось, а вот время долетело до Клариных ушей — «одиннадцать-ноль-ноль». За окном стояла пасмурная погода, с неба обыденно посыпались крупные снежинки, а папа только вчера жаловался, что устал вычищать снег около машины. Через несколько дней будет новый год, в стекле отражалась цветастая гирлянда, что она сияет в честь какого-то праздника Клара пока не подозревала, просто не помнила, что было в прошлом году, возможно, что и ничего.

Тридцать первого декабря Клара проснулась и увидела под ёлкой целые залежи сокровищ, несколько альбомов, некоторые из них неадекватно большого размера, чуть ли не с неё саму, наборы фломастеров, каких-то необычных, краски, кисточки, как же родители со всем этим угадали, почему-то игрушки резко перестали интересовать её в последнее время, что в саду, что дома она в основном занималась тем, что рисовала и ни она сама, ни кто либо другой особо не мог объяснить, что за звери или инопланетяне изображены на её картинах.

Вечером мама неожиданно приделась в какую-то праздничную одежду, да и отец сменил привычные спортивные штаны на одни из тех брюк, что носил на работу. Родители переносили еду из кухни в комнату, на улице только-только стемнело, настроение у всех, а особенно у Клары было очень хорошим, это первый новый год, когда она понимает, что происходит, даже на день рождения, который был пару месяцев назад, не было так весело, да и он был слишком близко к тому злополучному ресторану. Зато и видений никаких больше не было.

Все расселись за стол, электронные часы, по которым Клара уже могла понимать время показывали 19:37, хорошо, что хоть они есть, потому что по стрелочным пока без шансов. Родители стали есть, положили какой-то салат и дочери, нехотя, так как не особо понимала зачем такое вообще употреблять, Клара стала колупаться в пище и поглощать по отдельным деталям, что дали. По телевизору целый день шли разные смешные передачи, вот и сейчас кто-то уже начал поздравлять. Мама сказала открывать шампанское и папа тут же принялся руками доставать пробку, которая не хотела сдаваться в борьбе даже с таким сильным человеком, возможно даже самым сильным в мире, но всё же после нескольких отцовских гримас, с выстрелом, пробка вышла из бутылочного горлышка, а у Клары ёкнуло сердце,

наверное, испугалась резкого звука. Папа дернул головой вверх, будто пробка улетела туда, повелась на дешевый трюк только Клара и всем стало смешно. Родители разлили шипучий напиток по своим бокалом, ей в стакан налили что-то чёрное из другой бутылки, все чокнулись своей посудой и с ней тоже, а как только выпили и поставили их на стол, то тут же словно насекомые пробежали по их лицам, резко изменив цвет кожи на мертвенно-серый, смех на мгновение стал мерзким бульканьем, а в нос ударил резкий смрад, в детском саду росло много яблонь и так иногда воняло, если яблоки долго никто не убирал, только тут от того запаха будто взяли самое худшее.

Клару опять будто разряд тока ударил, она подавилась тем, что ела, на долю секунды заметила, как встаёт отец, сейчас она точно была уверена: не для того, чтобы ей помогать, но очень осторожно, можно сказать нежно, получила пару постукиваний по спине, а когда рефлекторно оглядела всё вокруг, то ни вони, ни масок на лицах уже не было, всё опять стало как обычно.

— Опять что-то увидела? — как-то без беспокойства, расстроено спросила мама.

— Да, вы опять стали как в фильме про зомби, — с горечью отвечала девочка, уже зная, что ей просто что-то мерещится, что очевидно на самом деле всё не так как ей кажется. Даже как-то стыдно вот так пугаться и всех отвлекать на себя.

— Ну ничего, после праздников сразу в больницу, мама тебя уже записала, — успокаивал дочь отец, — это вот всё с сентября началось, когда ты проснулась под теликом, да? Тогда был самый первый раз?

— Да, тогда, — ответила ему дочь.

— Интересно конечно, ну видать не снилось, а тоже тебе показалось что-то, ну ты не волнуйся, ты же видишь, всё с нами всеми нормально, никаких зомбаков тут нет, потому что их не существует, — он улыбнулся и потрепал её тёмно-коричневые волосы.

Вскоре все отправились спать, не дожидаясь полуночи, дома всё-таки ребёнок и соблюдать режим нужно даже в праздники, да и не так долго осталось ждать до того, как можно будет чуть засидеться и после двенадцати, буквально несколько лет.

После нового года все сидели дома около недели, точно Клара не высчитывала, но получилось как-то очень долго, гораздо больше чем в обычные выходные, а сразу после этого заключения, потому что ребёнку кажется надоело такое сидение больше всех, они отправились в больницу, все втроём.

Медицинский центр располагался на другом конце города, и пока они ехали, минут пятьдесят, Клара не отрывалась от окна, ездил она тут не первый раз, но именно сейчас такое ощущение, что глаза открылись и мозг жадно впитывал всё что видит вокруг: людей на остановках, вывески на первых этажах магазинов, в центре как-то не так как везде, а потом начинается слой старых низких домов, потом высоких, а потом новые высотные дома, очень похожие на те, что стоят в их районе. Вот и больница двумя этажами выделяется среди высоток, в которых этажи поленился считать даже тот, кто мог бы. Стены здания отделаны блестящими белыми квадратами, а также в глаза бросаются окна, которые стоят чаще и которых больше чем обычном доме. Внутри стало тепло и не менее тепло семью повстречала сидящая прямо напротив входа молодая девушка:

— Здравствуйте, — обратила на себя внимание она.

— Здравствуйте, — ответила ей мама, — мы сегодня к одиннадцати к детскому терапевту.

— Ваша фамилия, пожалуйста, — девушка расположила пальцы над клавиатурой.

— Чащина Клара Алексеевна, — ответила мама, теряя уверенность с каждым словом, — но может я на своё имея записала.

Девушка пошумела клавишами, поводила мышкой, и доброжелательно сказала, что всё в порядке так и записано.

— Клара Алексеевна — это вы? — обратилась она к девочке, — проходите, вас уже ждут.

Клара при этом растерялась как никогда прежде, чего это к ней и на «вы» ведь очевидно так называются только чужих взрослых людей, отец кажется понял причину замешательства хихикнул, потом сказал ей снимать куртку, чтобы сдать в гардероб, и они «пойдут уже, а то доктор ждёт».

Доктором оказался совсем не молодой человек, который саму Клару вроде бы и не замечал, всё расспрашивал родителей, а они отвечали, как какие-то школьники, в итоге до девочки дело так и не дошло, но он сказал, что можно на всякий случай сделать МРТ, потому что сейчас он ничего не скажет про этого совершенно нормального маленького человека, если и там ничего не заметят, то лучше всего будет обратиться к психологу.

Выйдя из кабинета терапевта, они направились в кабинет МРТ, Клара совершенно не знала, что это значит, но раз мама говорила о таком ещё давно, то всё будет нормально. Довольно долго они шли по коридору, а потом уперлись в большую, больше остальных раза в два-три дверь, мама взялась за ручку и потянула на себя, засунула голову внутрь, чтобы узнать можно ли входить, там мужской голос ответил, что можно. Далее была процедура, которую Клара видела только в кино, а теперь и сама стала участницей, не понятно почему, но настроение у неё чуть поднялось, хотя и ненадолго. После она с папой, пошла ждать в коридоре, а говорить с врачом осталась мама.

Клара сидела на стуле и болтала ногами, бордовые зимние ботинки даже не чиркали по полу, не доставали. Вот и мама вышла к ним с отцом, губы сжала и как только появилась в поле их зрения карикатурно пожала плечами.

— Говорят ещё будут смотреть, но предварительно вообще ничего необычного, абсолютно всё в норме.

— Ну так и хорошо, — ответил ей папа.

— Что ж, будем искать психолога. — Как-то на выдохе произнесла мама.

На сегодня они поехали домой, а потом мама пару недель искала психолога. Нашла, отзывы в его социальных сетях были хорошими, хотя попробуй ещё найти у кого-нибудь плохие, но вроде бы и цена средняя, и вид внушает доверие, взрослая женщина, чуть полновата, волосы окрашены в спокойный, можно сказать тусклый рыжий цвет, специализируется на детях. «Что ж», — сказала свою частую фразу мама, — «пойдём к ней».

Не менее часа рыжеволосая тётя допытывала ребёнка одного, потому что родителям было приказано выйти, а Клара совсем и не отказывалась сотрудничать, рассказывала всё как знала ничего не тая, не то чтобы тётя умела вызвать доверие, но девочка очень хотела больше не видеть того, что видела уже несколько раз, а раз мама сказала, что тут нам могут помочь, то лучше бы выкладывать всё и только правду. Даже порисовать пришлось, женщина очень внимательно разглядывала рисунки, поджимала губы, поднимала брови, что-то записывала в свою огромную тетрадь, которая больше напоминала альбом для рисования, потом они непринуждённо поболтали о чём-то, как тут тётя сказала, что время заканчивается и если Клара захочет, то может приходить к ней ещё. Не сильно-то Кларе и хотелось, но из вежливости она уже знала, что не всегда нужно говорить, что думаешь и

ответила: «хорошо». Тётя попросила позвать кого-нибудь из родителей. К ней опять пошла мама. А Клара снова ждала вместе с отцом в очередном коридоре.

— Знаете, — обратился психолог к маме, — ничего плохого пока сказать вам не могу, совершенно нормальный ребёнок, даже немного опережает развитие я бы сказала.

— Так, а чего она тогда пугается, видит каких-то мертвецов в нас.

— Не только в вас, она говорила, что вы были в каком-то ресторане и там все люди стали такими, а потом стали нормальными опять, после того, как она испугалась.

— Я всё равно не очень понимаю, но это же не совсем нормально.

— Нет, ничего неадекватного тут нет, особенно для пятилетнего ребёнка, просто может она мнительная чуть-чуть. Пока кажется, что это пройдёт с возрастом, но, — психолог сделала акцент на этом слове, — похоже все эти видения или как это назвать, случались во время празднований чего-то, кроме её дня рождения как я поняла, про него она ничего не сказала, а он был между рестораном и новым годом.

— Ну там мы просто подарили ей кое-что, потом торт да чай и всё, не гуляли особо, пока она такая маленькая, без гостей в общем.

— А не было ли у неё какого-нибудь травмирующего опыта на праздники, может где-то вроде парка развлечений кто-то вроде аниматора напугал её сильно, просто праздники тут точно замешаны, но не понятно как.

— Нет, — мама задумалась, — да мы и по паркам никогда не ходим в крупные праздники, может быть по телевизору что-то увидела, — нахмутив брови мама опустила взгляд в пол, а потом подняла его к потолку, — тоже вряд ли без она его не смотрит, а если все посмотрим, то ничего такого страшного там нет, весь контент не более «шести плюс», мультики и фантастика, остальное ей скучно.

— А сами вы смотрите фильмы ужасов?

— Так прямо не отслеживаю, может быть изредка, но Клара с нами такое не смотрит, и мы не дали бы, и самой ей не очень интересно.

Дальше психолог говорил, что всё странно, что девочка точно не прикидывается, а реально что-то видит, точнее видеть конечно же она не может, но думает, что видит и главное сама понимает, что всё не по-настоящему. Пока родителям посоветовали наблюдать за дочерью и всё-таки подумать о травмирующем опыте, может даже алкаш какой-нибудь зарычал возле магазина, это для них такое — фоновый звук, но ребёнка может очень впечатлить, а Клара как раз из очень впечатлительных.

Позже все трое сели в машину и поехали домой, мама глянула на дочь, мельком, но Кларе стало почти обидно, хотя не понятно почему, а мать сказала папе:

— Уже четыреста баксов отдали, а так ничего не поняли.

Это был упрёк? Клара в чём-то виновата? Она не понимала, но решила думать, что ничего плохого мама ввиду иметь не будет. Отец в ответ лишь пожал плечами, а через пол часа они были дома. Настроения рисовать у Клары не было, посмотрела какое-то неинтересное кино со всеми, поела и легла в свою кровать, сильно зажмуривая глаза, так вроде бы легче засыпалось. Может во сне будет солнечно и красиво, а то слишком много подряд тёмно-серых дней, хотя и в них была какая-то своя красота.

05.2027

Детское время тянется долго, иногда кажется, что вообще стоит на месте, но какое-то движение обязательно происходит, так и здесь дни тягучей смолой сменялись один за

другим. Душе Клары становилось всё спокойнее ведь «страшных масок», такое название укрепилось в её уме, она уже давно не видела, разве что мелькнёт где-то на улице всего лишь на долю секунды, но бывшего трепета они уже не вызывали. Боевой настрой родителей день ото дня стихал и уже к весне речи ни про какие больницы, психологов или психиатров не было, да и вообще специалисты ведь сказали, что с девочкой всё нормально. К тому же если взрослым и надо было куда-то уйти, на какой-то праздник, день рождения и тому подобное, то Клару сдавали одним из множества знакомых, а ей даже и нравилось побывать у кого-нибудь дома, потому что каждая квартира представлялась отдельным миром, да и внимания к ней там проявляли порядочно, а это было приятно, особенно когда в родном доме её будто стали избегать.

В чём заключалось избегания сказать было сложно, просто чувствовалось какое-то отторжение от мамы и равнодушие от отца, хотя её вещи были всегда постираны, она всегда была накормлена, даже просьбы о покупках всякого удовлетворялись, но всё это таяло на фоне того, что она могла вложиться всем детским сердцем в рисунок на который мама разве что угукнет и продолжит пялиться в телефон, а если Клара вступит случайно в лужу, то вот тут уже сквозь пальцы этого никто не пропустит: будет визгу на всю улицу о том, что она никуда не смотрит и кто это теперь будет мыть и стирать, другие девочки нормальные и только она как свинья.

Вот и в очередной раз после майского проливного дождя они шли домой из сада, Клара засмотрелась на распускающиеся цветы каштанов, которые хоть и были усажены довольно часто по дороге до дома, но как-то выделялись, у некоторых деревьев бело-розовые цветки были смешаны с ещё закрытыми почками, которые скорее напоминали личинок насекомых, чем листья. Вот эти «личинки» и приковали взгляд девочки к себе и отвлекли её от камня, возникшего под ногами, а он в свою очередь послужил отличной подножкой, благодаря которой Клара и полетела всем телом в большую грязную лужу.

После звука брызг воды первое, что девочка услышала был мамин полувздых-полувскрик, ещё в полёте понимания, что сейчас ей что-то будет, она в миг подорвалась и посмотрела молящим взглядом на мать, но не ради жалости, без расчёта, а просто искренне не хотела никого злить, но взгляд очевидно ничему уже не мог помочь, мама вперемешку с матом закричала:

— Ты под ноги вообще смотришь? — она махала руками, а маленькая женская сумочка пролетала на опасном расстоянии от лица Клары.

Ребёнок абсолютно не понимал, что ответить, да и кажется не было и секунды, чтобы вставить слово между вопросами-обвинениями мамы. Мимо проходили люди, поглядывая и отворачиваясь от этой картины, кто-то улыбался думая, что перед ними обычная неряха, которая так падает каждый день ради развлечения и похоже никто не понимал, что прямо сейчас этот маленький человек бессознательно мечтает только о том, чтобы исчезнуть и больше никогда не быть, настолько он неудачный человеческий экземпляр.

Мама как-то чуть ли не с отвращением схватила дочь за плечо, больно ущипнув за кожу и потянула её наконец-то домой.

— Сейчас придём и будешь свои сапоги сама стирать, поняла?

— Хорошо, — ответила Клара, смотря себе под ноги.

— Заткнись.

Душа разрывалась, потому что вроде бы ей задавали вопрос, а после того как она ответила — говорят заткнуться, помимо обиды и страха душу всё более заполняла тягучая

тоска, о которой Клара вот вспомнила снова. Изю всех сил этот ребёнок старался быть хорошим и его хорошие дела замечали всё меньше, зато любая неудача становилась предметом вот такого представления.

Когда вошла в квартиру, Клара тихонько разделась и будто зашла в чужой дом, чтобы её не заметили стала прокрадываться в комнату, она слышала, что работает телевизор, значит папа уже пришёл, может хоть у него можно будет найти защиту сегодня, потому что этого хотелось очень сильно, но как гром сразу отовсюду прозвучал мамин голос:

— Куда! — Клара замерла, а потом стала оборачиваться готовая выполнить, что угодно лишь бы мама перестала быть такой, — бери свои сапоги и пошла в ванную мыть их.

Клара в миг так и сделала, но и тут всё пошло не так, только она подняла обувь, сделала пару шагов в сторону ванной комнаты, как противный визг, который чуть ли не физически давил на перепонки заставил девочку вздрогнуть в очередной раз за этот день.

— Ка-па-ет на по-о-л, — тягуче и гадко тянула мама.

Казалось, что она уже наслаждается мучениями своей дочери, на крики своей жены в коридоре наконец-то появился папа и захотел понять, что происходит, мама тут же выложила всё, объясняя ему какая-то конченная у них дочь, свинья, криворукая и так далее, отец даже кажется чуть опешил от такого напора, немного прикрикнув сказал ей успокоиться.

Клара же в это время с усердием, включив горячую воду на полную, чтобы её температура обжигала руки и страдания от этой боли помогли искупить вину перед мамой, оттирала свои сапоги. Стерев любые следы грязи снаружи, девочка, намылив руку стала вымывать обувь изнутри, со всем упорством, что у неё было, потом стала наливать обжигающе-горячую воду внутрь обуви, проделав это несколько раз, чтобы внутри не чувствовалось мыло, она подумала, что надо бы набрать воды ещё разок, что и сделала и вот уже сливая абсолютно прозрачную, значит без мыла, жидкость, она услышала мат за спиной, повернувшись, из искаженного лица мамы донеслось:

— Ты что делаешь, сука тупая? — и затылок девочки зажёгся резкой болью от удара.

Это уже было слишком для детской психики, бросив сапог куда-то вперёд, а хотелось, наверное, в маму, Клара побежала во вторую, пока можно сказать необитаемую комнату, с намерением не выходить оттуда никогда.

Очень тихо и очень долго она плакала там одна, за окном время от времени сверкало и бил в невидимые барабаны гром, так Клара и заснула в детсадовской одежде, с чувством голода, а посреди ночи проснулась и была абсолютно уверена, что слышала чей-то шёпот, однако разобрать, что он говорит было абсолютно невозможно, немного полежав она почувствовала, как кто-то аккуратно берёт её за маленький локоток и тянет к окну, хотя в комнате очевидно не было абсолютно никого, зато около окна шёпот становился всё отчетливее. Клара взяла стул, на который не без труда вскарабкалась, чтобы дальше влезть на подоконник и открыть окно, потому что этого сейчас хотелось больше всего на свете, а может кто-то очень просил её беззвучным голосом, так или иначе — окно открыто.

Лицо девочки погладил лёгкий тёплый ветер и будто шепнул что-то на ухо, посмотреть куда-то что ли надо было, Клара посмотрела вверх, а там добродушно своим серпом улыбалась ей луна, поглядывая на неё двумя звёздами-глазами, снизу красиво кружились белые лепестки от цветущих деревьев, медленно опускаясь в налитые недавним дождём лужи. Девочке точно что-то говорила вся природа сразу, а понять она никак не могла, а потом кажется расслышала что-то вроде: «не грусти», и сразу после этого лицо состоящие из

луны и звёзд стало просто луной и случайно разбросанными по небу звёздами, ветер начал просто шуршать где-то в пространстве, а лепестки залетали без особой красоты, Клару же потянуло в сон. Чему она и поддалась, на душе при этом стало спокойно.

На утро мама оказалась совсем нормальной, будто насквозь мокрые сапоги перестали быть самой главной проблемой в жизни, стали какой-то мелочью, а грязную куртку можно постирать, и она будет такой как была до той злосчастной лужи. Клара сидела на кухне и ела что дали, при этом испытывала смесь эмоций одновременно радость, что мама больше не кричит и страх сделать лишнее движение и разбудить того вчерашнего зверя. Папа же за завтраком рассказал, что они сегодня поедут на природу, Клара обрадовалась, ведь она любила бывать в лесу, потому что там всё совсем не такое как у них здесь, будто другая планета. Однако через мгновение уже поняла, что под «они» папа имеет ввиду только себя и маму, а её же как обычно сдадут кому-нибудь из знакомых.

— Давай сегодня Абышевым отдадим, — говорил отец про Клару будто она какой-то предмет.

— Так они же с нами тоже поедут.

— Я знаю, но они же живут у матери Абашева дома, да и пацана своего оставят тоже, не скучно им будет, — он пожал плечами.

— Да ну, ему уже десять лет, это пропасть в таком возрасте.

— Больше всё равно не у кого, а с собой брать её — это будет испорчен вечер у всех, опять начнётся.

— Давно уже не было, — ответила мама, видимо надеялась, что Кларин недуг сам собой прошёл.

— Так мы её с собой давно и не брали.

— Ну тогда сейчас позвоню Лере и спрошу можно ли так.

Совсем скоро Клара уже ехала на другой конец города «в гости» к какому-то мальчику Абышеву, которому было десять лет. Вот они уже и оказались возле нужного дома, не очень похожего на их собственный новый жилищный комплекс, так как этот был явно из более древней эпохи. Двор уставлен машинами, очень много зелёных номеров на автомобилях — значит у них электродвигатели, подъезд, лифт, нужный этаж, вот они уже в квартире, как обычно взрослые разговоры ни о чём, после того как они перекинулись парой слов с низкой старушкой, каким-то чудом отстоявшей у седины свои чёрные волосы, все родители ушли.

— Как тебя зовут? — обратилась к девочке женщина, которая казалось ей раза в два ниже папы.

— Клара, — ответила она ей.

— А меня Мария, пойдём отведу тебя к одному бандиту, а то устроил нам тут вчера, — она с улыбкой покачала головой, а Кларе стало как-то немного страшно.

Тем не менее она отправилась в след за старушкой разглядывая довольно бедное убранство квартиры, в ценах конечно она не разбиралась, но вокруг было всё не такое современное и красивое как у них дома, а значит скорее всего дешевле, да и запах стоял какой-то еды что ли. Бабушка открыла дверь и перед Кларой предстала маленькая, вряд ли больше восьми квадратных метров комнатка, в конце которой с простым карандашом в руке сидел черноволосый короткостриженный мальчик, ноги до пола не доставали, потому что стол и стул были явно для взрослых, как и его лицо, которое он сразу повернул к двоим стоящим в дверях, было каким-то взрослым, не сочетающимся ни с возрастом, ни с очевидно маленьким ростом.

Парень с чётким ударом прихлопнул карандаш к столу и юрко соскользнул на пол со своего высокого трона, подошёл к двери и будто бы перекрикиваясь с соседом через забор сказал своей бабушке:

— Я сейчас не хочу ни с кем играть.

— Ты никогда не хочешь, — по-доброму сказала она. Парень кажется не понял, что из этого следует.

Но тут взглянул на Клару, которая и сейчас не знала куда деться, ведь и тут она снова никому не нужна и всем мешает, а он это будто почувствовал, ему стало как-то жалко этого ребёнка, хотя он и был убеждён, что дети в таком возрасте ничего не соображают, а сейчас она, как и все, давит на жалость.

— Да ладно, Ваня, — продолжала, вкладывая в слова доброту бабушка, — поиграете несколько часов, а потом и родители приедут, опять будешь тут сидеть как сыч себе, никто тебя трогать не будет.

— Сегодня приедут не родители, а уроды.

— Не говори так, — резко строго сказала бабушка, — это твои родители, нельзя так.

Ваня от этого только закатив глаза вздохнул, но жестом показал Кларе заходить, бабушка чуть подтолкнула её в комнату и тихо закрыла за собой дверь.

Как только это случилось Ваня молча уселся за свой стол и продолжил с упорством рисовать что-то, Клара без приглашения подошла к столу и заглянула в рисунок и даже немного отдёрнулась, сама-то она такое давно перестала изображать, потому что потом всю ночь снились кошмары. Мальчик будто влез ей в голову увидел там «страшную маску» исполнив её на бумаге, в то же время и Ваня заметил странную реакцию девочки, но первым делом подумал, что он просто очень хорошо нарисовал своего уродца, а она впечатлилась.

— Что такое? — спросил он её без эмоций, правда стало интересно, ведь никто раньше не пугался, не удивлялся, ну фантазирует пацан и ладно.

— Я таких видела, один раз ночью, и один раз в ресторане.

— Не понимаешь, что это да?

— Это — страшные маски.

Ваня выпустил смешок и улыбнулся чуть ли не надменно, хотя сам всего лишь подражал кому-то из кино, конечно же сам того не осознавая, но с видом знатока сказал:

— Это не маски — это когда твои родители напьются, то превращаются в уродов.

— А твои? — Клара даже чуть обиделась за своих дорогих людей.

— И мои тоже, да и вообще все люди.

И тут Ваню как осенило, надменный тон сменился на какое-то волнение — перед ним стоит первый человек, который тоже «это» видит, раньше-то все говорили, что он выдумывает, даже бабушка, которая совсем никогда ничего спиртного не пила, сама почему-то вечно успокаивала, что родителям тоже надо отдыхать и не надо так беситься каждый раз.

— Давно ты своих такими видела? — спросил он у Клары и сам не заметил, как повернулся к ней всем телом.

— Давно уже, меня после ресторана никуда не берут.

— Понятно, — дернул головой Ваня, будто поздоровался с кем-то. — а я своих постоянно вижу, я уже заметил, что уродство слазит с них где-то недели три, но если они не пьют, то к третьей неделе становятся очень злобными.

— У меня мама кажется теперь всегда злобная.

— Ничего, завтра вот уже станет доброй, — он опять улыбнулся, Клара вообще не

понимала чему он рад.

— А я вижу маски только на секунду, — внезапно вспомнив важный факт сказала Клара.

— Это только пока, потому что ты ещё себе не веришь, а я уже вижу всё как есть.

Клара не сильно понимала о чём речь, но тоже было как-то приятно, что кто-то тоже способен узреть страшные маски, что вообще это не видения, а всё на самом деле.

— Пошли на улицу, — предложил резко Ваня.

— Пошли, — ответила ему Клара.

Дети вышли в коридор и стали одеваться, бабушка тут же всполошилась и безапелляционно заявила, что пойдёт с ними, мальчик не раздумывая ответил, что мол не надо, но бабушка настаивала, ведь сам он может конечно «дуть» куда хочет, а вот за Кларой надо смотреть и вернуть родителям целую и невредимую.

Какое-то время они уже гуляли как тут Ваня заявил своей бабушке:

— А Клара тоже видит уродов, — он пытался удержать рвущуюся наружу улыбку, от этого аж ноги не могли устоять на месте.

— О господи, — ответила бабушка, — правда, что ли?

— Да, — ответила смутившаяся Клара, по груди растекалась обида на этого мальчика, он будто выставил на показ её самую большую слабость.

— Эх, Ваня, Ваня, зачем ты подговорил вот ребёнка, выдумки эти твои ещё, а ты Клара... стыдно должно быть обманывать взрослых людей.

Клара молчала и смотрела вниз на сухой и ровный асфальт, хотя себе в душе и ответила, что никого она не обманывает.

— Это всё на самом деле, — бросил Ваня бабушке, будто действительно нашёл железные доказательства своей правоты.

Бабушка в ответ только угугнула.

Ваня же умудрился стать под таким углом, чтобы видела его только Клара и покрутил пальцем у виска, явно имея ввиду бабушку, а потом махнул рукой, мол ничего она не понимает. Клара хихикнула и тут уже устыдилась за себя, потому что ничего плохого старушка ей не сделала.

Позже они пошли домой, а с утра за Кларой уже приехали родители, вместе с родителями Вани, он сразу вздыбился будто чего-то испугавшийся кот, и шепнул Кларе на ухо:

— Видишь?

Она в ответ только помотала головой, ведь и правда её родители были совершенно обычными, но в том, что видит он Клара не сомневалась ни секунды. Ваня же её ответ принял совершенно спокойно, он уже знал, что скоро она тоже начнёт распознавать всё, сам-то он более-менее длительно стал наблюдать родителей в личине уродов, когда пошёл в школу.

Клару привезли домой, а потом она слышала, как мама разговаривала, видимо, с мамой Вани, долго, наверное, они даже спорили о том, у кого ребёнок менее сумасшедший и кто кого чему научил. Больше к Абышевым её не отдавали.

08.2027

В июне Клара закончила детский сад, лето, перед тем как пойти в школу оказалось жарким, долгим, будто само решило помочь насладиться всем своим присутствием. За три

месяца девочке казалось, что она чуть ли не прожила целую жизнь. Родители уже отпускали её одну гулять в своём дворе, правда очень быстро это переросло в побеги в другие дворы, но за них Клару очень быстро перестали ругать, да и она уже давно привыкла к недовольству взрослых у себя дома, так что ругань её не сильно останавливала. Уходы на новые территории обязательно оборачивались новыми друзьями, их было столько, что Клара не у каждого даже имя могла запомнить сразу, но это в общем-то и не так важно. Подпрыгивая без будильника в шесть-семь утра ничего не ев, не каждый раз даже чистя зубы, девочка уже неслась на встречу друзьям, которые, тогда казалось, жили чуть ли не в других странах, ведь каждая площадка, окружённая домами, представлялась больше и загадочней, чем была на самом деле.

Дни, наполненные смехом, иногда какими-то трагедиями, например, когда всем знакомый кот играючи выбил жизнь из воробья, дети, вдоволь наругавшись на местного хищника устроили похороны птице со всеми почестями, даже с крестом и цветами, но на этом всё не заканчивалось: одуванчики и то, что росло в округе какое-то время подносили к этому месту скорби, устроенному чуть ли не ровно в середине двора. Потом конечно же цветы стали пропадать, да и сам крест повалился и больше уже никем не был поднят, а к концу лета и отыскать место детского паломничества было уже невозможно, будто его никогда и не существовало.

Каждому в этой новообразованной стае было не больше шести-семи лет, да и меньше, никому не было тоже, так как детям постарше абсолютно не интересно находиться в такой компании, а детей помладше ещё просто-напросто никто не отпускал одних. Не смотря на столь маленькую разбежку в возрасте знаний про окружающий мир у детей было в очень разном количестве, Клара относилась к тем, у кого этих знаний поменьше, всё было для неё удивительно. Один мальчик сказал, что знает где здесь есть стоянка с брошенными машинами, но идти надо далеко, это конечно же никого не остановило, хотя Клара и чувствовала какую-то непонятную тревогу, но, чтобы не прослыть трусихой молча пошла в неизвестные дали

Добирались они до цели по своим меркам и правда долго, а какая-то внутренняя сигнализация у Клары в душе верещала уже на всю мощность, чуть ли не физически заставляя её вернуться в знакомые и можно сказать, родные места. Тем не менее детская толпа уже видела очертания стоянки далеко внизу, «далеко» — это метров триста, но зрелище действительно стоило преодолённого пути: площадь не меньше чем парковка у большого гипермаркета была заполнена самыми разными машинами, разной степени ржавости, какие-то военные грузовики чередовались с обычными маленькими машинами, на паре прицепов можно разглядеть брошенные катера или лодки. Все ринусь по старым, уже разрушающимся бетонным ступеням вниз, таких проходов было два или три и каждый раз ноги переставлялись медленней чем хотелось бы, спасал только железный поручень с остатками красной краски, Клара всегда после таких мест нюхала свои ладони, а они неизменно пахли металлом.

Сетка-рабица абсолютно не мешала обзору и жадные до такого зрелища детские глаза скользили вдоль неё, не обходя вниманием ничего, что могло попасть в поле их зрения. Почти обойдя одну из четырёх сторон большого прямоугольника, они уперлись в старый и толстый ясень, который создавал тень над одной из машин, кроме тени каждую осень он, как одеялом, укрывал её опавшими листьями, о чём свидетельствовали небольшие кучи подгнившей листвы возле сдутых колёс.

— Мы можем пролезть здесь, — сказал мальчик, который их сюда привёл, — вон по дереву, потом на крышу машине, походим внутри.

Все как-то замялись, а он сказал, что уже ходил тут сто раз и ничего за это не было.

Раз так, то конечно, попробовать можно.

Через несколько минут весь коллектив исследователей в количестве семи человек, каждый раз обязательно гупая по крыше старой машины, перебрался внутрь стоянки.

И началось изучение такого интересного объекта, с начала дети просто ходили и смотрели на забытые хозяевами и самим временем автомобили, кто-то становился около колеса грузовика, и все понимали, что оно в два раза больше этого маленького человека, кто-то пристально вглядывался через запыленные стёкла, часто покрытые слоем чего-то зелёного, явно растительного происхождения, внутрь салона. До того, как кто-то начнёт дергать дверные ручки долго ждать не пришлось, да и найти открытую машину тоже было не такой уж непосильной задачей.

Посидели в одной, потом нашли вторую, Клара всё время избегала садиться внутрь, ей казалось это страшно запрещённым, машины ведь чужие, да и на свободные места хватало много желающих и без неё. Такого хитрого приёма хватало до тех пор, пока они не наткнулись на микроавтобус, открыта у него была только одна дверь, для водителя, но тем не менее воспользовавшись этим входом все уже сидели внутри, а за рулём уселся один из парней.

— Клара, садись, — он махнул ей рукой приглашая внутрь салона, — поедem куда-нибудь.

Кларе совсем не хотелось, но она уже привыкла делать не то, что хочется, а что сказали, чтобы никто ни в коем случае не обиделся и не разозлился, и вот она уже сидит в салоне вместе со всеми. Не так уж в принципе и страшно.

Их «водитель» крутил рулём, давил на педали и дёргал рычагом, перетыкал, наверное, все кнопки, что только были в салоне постирав много лет копившуюся пыль, как тут после очередных дерганий рычага микроавтобус, который стоял на небольшом уклоне очень медленно покотился куда-то вниз, но даже этого хватило, чтобы детские сердца ушли в пятки.

Первым корабль покинул капитан, но спасибо, что, хотя бы дверь за собой не закрывал и остальному экипажу было не так тяжело выскочить. Клара видела в стёкла сзади как «водитель» убежал куда-то, а потом и совсем пропал среди автомобильных туш. Микроавтобус тем временем катился вниз уже как метра три, а эти метры можно было умножить на тысячу в Кларином, да и остальных, восприятии. Клара, вошедшая последней теперь и выйти могла только последней, от того всё делалось только страшнее, но очередь дошла и до неё, машина катилась очень медленно, а Клара чувствовала себя так будто выпрыгивает из самолёта, но в последнюю секунду всё же решилась, нормально не получилось, всё-таки упала и счесала до крови кожу на ладонях, но разглядывать было некогда, их машина врезалась в другую. Без громкого звука, скорее всего даже царапин никаких не осталось, но детям казалось, что они устроили аварию.

А тут ещё и жаркий воздух разрезал чей-то злобный крик:

— Вы что там делаете? — донеслось из ниоткуда, — как вы сюда залезли?

Вдалеке виднелся силуэт мужчины, высокого, с большим животом, рукава рубашки, кажется были закатаны, лицо его было не разглядеть, но детское воображение само дорисовало гримасу и все, словно птицы порхнули кто куда, точнее кого куда понесли ноги.

Клара, сперва застыв и не в силах выбрать за кем бежать так бы, наверное, и стояла, но в глаза попался яшень, что недавно послужил входом на стоянку, к нему она и ломанулась, что было мочи, ей казалось, что настолько быстро она ещё никогда не бегала, возможно это было и правдой. Изредка она оглядывалась, мужик-сторож махал кулаками и хоть, и не быстро, но всё же направлялся будто бы лично за ней, а за кем ещё, если все уже выбрались отсюда.

Вот и дерево, но что теперь можно сделать, ни черта не ясно как отсюда вылезать, и Клара полезла по забору, рабица предательски прогибалась, маленькие стопы то и дело соскальзывали, и она беспомощно болтала ногами, словно застрявший в каком-нибудь отверстии кот. Однако быть пойманной, тем более единственной пойманной она не собиралась, а потом ещё и подумала, что про всё это скажет мама и будто только от самих эти мысли справилась с непреодолимой преградой высотой не более полутора метров.

А дальше нужно было бежать, что Клара и сделала пока не кончились силы, она остановилась разглядывала местность, но сразу не могла сообразить где она находится, чуть не запаниковала, но стала понимать, что места в общем-то знакомые, они ходят домой из сада «сюдой». И так цепляясь за объекты, вон за тот ларёк, потом надо найти «будку с электричеством», после которой она всегда обращала внимание на большие качели. Так и добралась до своего двора, выискивая то, что запоминала несколько лет проходя один и тот же путь.

Дома же никто ни о чём не спрашивал, Клара будто не могла поверить, что она столько всего за сегодня пережила, но никто этого не видит, не понимает, будто свои приключения она держала сейчас в руках перед собой, но их всё равно никто не мог бы рассмотреть. Родители занимались своими делами, и даже, только Клара зашла, то как всегда слышала призыв идти есть, а то уже три часа, а она где-то ходит.

Клара не хотела, но и, как обычно, не протестовала.

После так и улеглась спать. Следующие пару дней она вообще никого найти не могла, но запомнив, как идти до стоянки, сходила туда сама, посмотрела хотя бы издали на запретное место.

Ещё через несколько дней в их домофон позвонили, родители Клары были на работе, но она уже не боялась снимать трубку и сама, что пошла и сделала.

— А Клара дома? — не здороваясь и без прочих церемоний раздались оттуда детские голоса.

— Это я, — ответила Клара.

— Выходи, — весело сказали ей.

Ей было даже как-то лень, будто за пару дней она снова привыкла только сидеть дома и рисовать или что-нибудь смотреть по телику, но всё же натянула свои кроссовки и пошла.

Только выйдя из подъезда, её два спутника, один из которых водил на стоянку, показали пачку сигарет, ничего на ум Кларе не пришло, сигареты и сигареты, поболтав о чём-то они ушли в соседний двор, времени сейчас не более девяти часов утра и людей вокруг почти не было видно. Пройдя сквозь кусты, вся троица уселась под одним из балконов, казалось, что их тут никто никогда не сможет найти или хотя бы заметить. Клара не понимала зачем они здесь, но её позвали, поэтому и пошла.

Рассевшись на холодном бетоне один из парней снова достал пачку сигарет, а тот, что водил на стоянку — спички. Клара хоть и не знала, как должно быть, но можно сказать, догадалась, что пачка уже не полная, одну сигарету протянули ей, а она растерялась не зная,

что делать, точнее она знала, что точно не хочет, ведь когда в саду спрашивали будут ли они курить Клара твёрдо ответила, что она точно не будет. Но тем не менее раз дают — то надо брать. И как обычно, чтобы никто не расстроился и не обиделся она сделала, что требовалось, парни подкурили себе, потом ей. Со всей силы она потянула мерзкий дым, который уже колот глаза и закашлялась так, что не могла вспомнить, когда такое вообще было, сигарету она держала по-взрослому, как видела в фильмах, но уже точно решила, что это не её и захотела отдать бело-жёлтую палочку, протянула руку в одному из парней, как тут её кашляние нарушил чей-то писклявый голос:

— И ты здесь, — сказал кто-то.

Клара с усилием открыла всё ещё страдавшие от дыма глаза и увидела Рому Кравчука, она с ним ходила в сад, на его лице застыло какое-то гадкое ехидство.

— А я всё твоей маме расскажу.

Клара совсем уж растерялась, потому что вот это действительно худшее, что может быть, лучше уже тут и помереть под этим балконом, с ненавистью и растерянностью глянула на своих спутников, которые и затянули её во все эти проблемы. Они не выражали никаких эмоций, а Кравчук будто куда-то испарился.

Положив сигарету, которую она всё так же ещё держала между двумя пальцами, на бетон, она сама не зная куда побрела, но в полной уверенности, что домой больше можно не возвращаться, далеко уйти не получилось и не зная, как же ей провалиться сквозь землю она сидела на качелях и покачивалась, изредка отталкиваясь ногой от земли.

А когда солнце стало краснеть с работы приехали родители, что удивительно, на одной машине, обычно мама приезжала сама, так как работала гораздо ближе к дому, чем папа.

— Клара, ты чего там? — добродушно окрикнула её мама.

И Клара только сейчас сообразила, что Кравчук им пока ничего не рассказал, ну хоть этот вечер она проведёт нормально и радостная побежала навстречу родителям. Сегодня она ещё пока поживёт, а если завтра её выгонят или прибудут, то так тому и быть.

Накормив дочь, а потом ещё и задоблив сладостями родители сообщили, что им куда-то надо в очередной раз на всю ночь и не боится ли Клара побыть самостоятельной или может её лучше куда-то отдать, хотя и отдавать-то некому, у всех какие-то дела, Клара сообразила, что надо сказать, что она легко поспит и одна в квартире. Родители были рады это слышать, и она тоже осталась довольна, тем что никому не создала трудностей.

Клару уложили в её комнате, она и сама уже почти отрубалась, родители пообещали быть с утра, ещё до того, как она проснётся, такой уговор вполне устроил девочку, ведь пока она будет спать она и знать не будет, что дома никого нет.

Щёлкнули замки, а Клара стала погружаться в сны, сегодняшний проступок почти вышел из памяти, будто она его никогда и не делала.

Как часто бывало, что-то разбудило её среди ночи, и она дежурно пошла посмотреть в окно на свой ночной двор, который в темноте был совершенно другим местом, отметила для себя, что не горит красная лампочка от телика, нигде не светятся часы, видимо отключили электричество, да и во дворе ни один фонарь не светил, только луна немного выполняла эту функцию.

Как обычно подставив стул, уперев локти в подоконник, а подбородок в ладони она стала наблюдать за пейзажем, в котором знает каждый уголок, но что-то было не так, взгляд уперся в какого-то маленького человека на качелях, ровно на том месте где сидела она сама весь день. На душе уже стало жутковато, но Клара не могла отвести взгляд. Человек

вырисовывался всё лучше: длинная черная юбка, черная кофта с пуговицами, а на голове светлая косынка, спина сильно сгорблена, лица не видно, потому что старуха сидит боком и смотрит вперёд, Клара была почти рада, что не видит её физиономию.

Но медленно под скрип железа она стала поворачиваться, и как же сейчас Кларе хотелось бы убежать, но она не могла, будто прилипла к табуретке, а та к полу.

Старуха уже повернула своё лицо к ней: оно было не женским, будто какой-то озлобленный мужчина смотрел на девочку, губ не видно, на том месте только морщины, больше похожие на лапы насекомого, глаза, если они вообще есть, посажены очень глубоко, но где-то там в глубине что-то мерцает слабой точкой, и этих точек хватало, чтобы приковать Клару к месту где она стоит. Бабка задвигала ртом, так будто собиралась улыбнуться, но улыбка перетекала в мерзкий оскал обнажая зубы-иголки. Клара уже видела такое и опять всё всплыло тут как тут, а потом по ушам ударил старухин крик, точь-в-точь аккордеон, а не человеческий голос, всё как тогда, да ещё и громкость была такой, словно она стояла рядом, а не сидела в десятках метров от закрытого окна.

Но Клара от этого звука будто в себя пришла, отскочила от окна, завесила шторы, бегом побежала проверять замки — всё было закрыто, как и все окна, не зная, что делать она просто закуталась в одеяло так, чтобы не осталось ни одного отверстия и кое-как, несколько раз считая до ста, сумела заснуть, чтобы скорее «сделать» утро, и чтобы родители скорее пришли.

Проснувшись она в одиночестве, домой никто и не приходил, часы сбились из-за отключения электричества ночью, поэтому понять сколько времени она никак не могла, уже готовая впасть в отчаяние она услышала, как в дверях, будто жук в коробке, скребётся ключ, дверь открылась и на порог вошли родители, Клара кинулась к ним, обняла маму, даже не дав ей раздеться и упёршись лицом ей в живот сказала, почти со слезами:

— Пожалуйста, больше никогда не уезжайте.

Родители только улыбнувшись переглянулись.

09.2027

Первое сентября с самого рассвета решило доказать всем, что лето ещё не кончилось и начиная с утра обдавало жарким воздухом всех, кто решил выйти на улицу, а людей сегодня встречалось чуть больше обычного и все нарядные.

Клара шла по улице и не узнавала свой район, но не потому что что-то изменилось в архитектуре, а из-за людей, детей, которых никогда раньше видела, а теперь они словно распутившиеся цветы решили украсить собой улицы, и все направлялись примерно в одну сторону с ней. Конечной точкой этого маршрута была школа, куда многие, как и сама Клара шли на первую в своей жизни линейку. Идти, как и до детского сада было совсем не долго, не более десяти минут. Папа уехал на работу, поэтому на линейку шли они только вдвоём с мамой. Клара несла большой, особенно по сравнению с ней, букет и запах цветов смешивался с запахом маминых духов, всё это как-то умиротворяло и давало иллюзию того, что всё плохое в этом мире куда-то пропало и больше никогда не сможет случиться.

Вот они уже подошли к воротам школы, здание не новое, в три этажа, стены выкрашены в светлый цвет, а на площадке перед школой люди, на первый взгляд робко, занимают квадраты с цифрами и буквами, пару человек крутилось и в том нарисованном мелом квадрате куда надо было Кларе и маме, она как раз, оглядевшись вокруг сказала, что они рановато пришли и забрала у дочери цветы, Клара без сопротивления их отдала, потому что

букет уже норовил упасть вниз, будто хотел посмотреть, что там на новом асфальте написано.

Постепенно выделенная площадка заполнялась людьми, Клара с мамой медленно, но верно отходили назад, наверное, маме не хотелось толпиться среди всех, потеть и неудобно стоять, а вот девочке наоборот было интересно посмотреть, что там происходит в свободном месте. Она одна зашла вглубь толпы насколько могла и сквозь тела смотрела как женщины разного возраста то читают какие-то поздравления с листка, то говорят от себя, потом дети Клариного возраста рассказывали стихи, всё быстро стало довольно скучным и только Клара собиралась протискиваться обратно к маме, как заметила Кравчука. Настроение испоганилось тут же, и она даже замешкалась, не зная стоит ли уже возвращаться к родителям, вдруг он уже рассказал. Поникая она всё же вышла к маме, как раз и где-то там произнесли, что торжественная линейка закончена.

— Ты чего, Клара? — спросила мама, забеспокоившись от её вида, — передумала хотеть в школу? — мама улыбнулась.

А Клара сообразила, что она ничего так и не узнала, а, следовательно, конец Клариной жизни на какое-то время снова откладывается.

Потом родителей и детей разделили, детям устроили что-то вроде экскурсии по школе, а родителей собрали в классе, где будут учиться их дети, нужно было с самого начала решать какие-то денежные вопросы. Кто-то возмутился, можно же просто всё отправить в сообщении, в ответ на это неизвестно чей голос сказал, что потом отправят. Далее уже эти суетливые разговоры перестали быть слышны. Клара заметила, что Рома Кравчук попал в один класс с ней уже абсолютно точно, при этом он заметил её, но кроме короткого взгляда больше ничего не произошло, будто он не знал этой девочки. От такого даже стало как-то полегче.

После того как их, и ещё одну группу, видимо параллельный класс, повели по школе, учителя отвели их в помещение к родителям, каждый из которых сидел за отдельной партой в одиночестве и дети, без указаний, сообразив самостоятельно, подсели к своим мамам и папам. Мама Клары переводила взгляд телефона на учителя — что-то записывала, а Кларе уже стало совсем скучно, она смотрела в окно, которое выходило на пустырь украшенный только тремя, будто забытыми лесорубами, высокими соснами, они равномерно и еле заметно покачивались на ветру, небо было ещё утреннего светло-голубого цвета, а потом всех отпустили домой. Клара так хотела пойти в школу, а тут учёба ещё не началась, а ей уже хотелось домой. Хотя может всё дело в Кравчуке, хотелось держаться от него подальше, правда, кажется, ничего рассказывать маме он и не собирался.

Первые уроки начинались только в понедельник, поэтому четверг и пятницу Клара ещё могла понаслаждаться своими каникулами, а потом законные выходные. Разве, что в воскресенье вечером её уложили раньше, чем укладывали для сада, но Клара не бунтовала и не ныла: родителям виднее, да и учиться надо хорошо, поэтому нужно хорошо выспаться, на улице ещё было светло, а девочка уже лежала в кровати.

Сама учёба давалась Кларе не очень легко, это если сказать мягко, пока она находилась в школе, она мало что, понимала, только придя домой до неё уже что-то доходило, может быть процесс понимания шёл и быстрее, если бы не мамины нервы. Она выходила из себя, не понимая, чем же Клара занимается на уроках, если, приходя домой она ни черта вообще не знает. А Клара тем не менее в школе напрягала всё своё внимание, но, то кто-нибудь отвлечёт её, то в классе просто стоит шум, в общем обвинить её в халатном отношении к

своим обязанностям было нельзя. Да и ещё постоянно думалось про Рому Кравчука, в один из дней, где-то спустя месяц после начала учёбы, она подошла к нему и попросила ничего не рассказывать.

— Что не рассказывать? — искренне не понял Рома.

— Про сигареты.

— А, — протянул Кравчук, — точно, ну если плохую оценку получишь, то я расскажу.

Лицо его растянулось в знакомой ехидной улыбке.

Клара конечно немного испугалась, но решила, что ничего страшного не произошло, всего-то нужно будет хорошо учиться, а она так и собиралась, правда, что она сама же и напомнила Кравчуку, что есть крючок, на котором он её держит, сообразила не сразу. Но всё равно некоторая часть груза с души снялась.

Однако, как бы Клара не старалась, плохая оценка случилась с ней всё равно, и первое куда устремился её взгляд — это на Кравчука, а он уже с каким-то наслаждением смотрел на неё, обычно ей хотелось, чтобы уроки закончились поскорее и можно было идти домой, но сегодня это желание отпало полностью, а минуты предательски текли быстрее обычного в несколько раз и учебный день так же безжалостно подошёл к концу.

Клара как обычно сидела в фойе первого этажа и ждала маму с тревогой, как на зло за Кравчуком тоже никто не приходил, а так бы оставалась надежда, что его заберут раньше. Характерный звук отрывающейся двери, два ребёнка направили свои взгляды на вход, это вошла мама Клары, а вслед за ней и папа, раньше в школу он никогда не приходил, хуже ничего придумать было нельзя. И по мере того как родители приближались к своей дочери, к её глазам приближались слёзы, а из груди вырывались какие-то всхлипывания. Рот хватал воздух, а Клара пыталась не дать ему это сделать, чтобы никто не понял, что она плачет, хотя это всем уже было очевидно, растерялись от этого зрелища все, и родители, и Рома.

— Клара, что случилось, ты чего? — спросила то ли смутившаяся, то ли испугавшаяся мама.

— Я получила двойку, — сказала Клара сквозь плач, хотя оценок как таковых им ещё не ставили, — а Рома, вам всё расскажет.

Сам Рома, кажется сконфузился ещё больше в это время и на вид, хоть и не плакал, но выглядел не сильно лучше Клары.

— Расскажет про что? — спросила мама, глядя то на дочь, то на её одноклассника.

— Что я, — Клара захлёбывалась в слезах и не могла закончить, но потом словно выплюнула, — курила.

Мама сделала такое лицо, что повторить его выражение будет трудно, но без какой-либо агрессии, папа вообще засмеялся, заулыбался даже вахтёр, который наблюдал за всей этой драмой со своего места на входе, не смешно было только двум детям.

— Ну ты это, бросай тогда, — сказал с улыбкой папа.

Мама же поинтересовалась где она так умудрилась, а Клара всё в подробностях выдала и на этом всё, можно сказать, и закончилось, даже с Ромой Кравчуком потом не было ни вражды, ни, какой-нибудь напряжённости, он тоже был рад, что всё разрешилось хорошо, а то во время чистосердечного признания он распереживался даже больше, чем жертва его шантажа. И что самое странное — учёба в школе пошла намного легче, Клара приходила домой и делала уроки сама, а мама потом только проверяла их, как правило лишь, исправляя мелкие ошибки. Конфликтовали они с мамой только насчёт почерка, мама почему-то хотела добиться от дочери такого же написания, как и в прописи, а дочь сидела и старательно

выписывала букву за буквой и кажется к зиме уже всё стало получаться.

Так и закончился учебный год, к его концу словно все проблемы рассосались: Клара хорошо училась, красиво писала, хорошо себя вела, учительница только хвалила её, говорила про её не по возрасту развитую дисциплинированность и часто ставила в пример всему классу, особенно на экскурсиях, когда все остальные словно ядра при радиоактивном распаде стремились во все стороны, Клара делала так, как сказал учитель. Родители подарили ей телефон, по которому они потом иногда договаривались с вахтёром, чтобы он разрешал Кларе уйти одной, у мамы ведь новая работа, с которой она не всегда могла отпроситься, чтобы забрать дочь, зато в их семье появилась новая машина, как раз-таки мамина, да и папа не то чтобы давно обновил свою тоже. В общем с каждым днём становилось только лучше.

В последний учебный день мама в очередной раз отпросила Клару у вахтёра, сегодня дежурила старушка, которая никогда не ругалась на детей, а Клару вообще будто любила чуть больше остальных и конечно же без проблем отпустила, а та шла домой не подозревая, что там её ждут новые приключения.

Вечером родители поприходили со своих работ и сообщили Кларе, что она на всё лето поедет к деду с бабой в Россию, куда именно она не знала, даже если бы ей сказали город, но дух авантюризма уже сделал своё дело, в последующие пару дней она только и ждала этого момента. Ехать надо было на поезде, что тоже было с ней впервые, с начала на современном, а потом должна быть пересадка, уже в самой России, потом как могла понять Клара, был бы третий поезд. В общем скорее бы этот день настал. Мама взялась сопровождать её туда, хотя ехали они к родителям Кларино отца, но сам папа не мог из-за своего начинающегося бизнеса, а у неё получилось взять отпуск.

Наконец-то ранним утром, ещё даже не встало полностью июньское солнце, значит не было и четырёх утра, как её разбудила мама, на кухне уже ждал сладкий чай и два бутерброда с маслом и сырокопчёной колбасой — теперь новое любимое Кларино блюдо.

К удивлению девочки, они остановились прямо возле подъезда, а не пошли к маминой машине и поэтому тут же Клара на неё вопросительно посмотрела, мама сказала, что они поедут на такси, а то возле вокзала машину негде будет оставить. Теперь понятно.

Совсем скоро мама и дочь уже сидели в поезде, который словно огромный зверь время от времени вздыхал, Клара смотрела в окно, верхняя часть его была открыта. Она чувствовала скопившийся в воздухе новый для себя, но такой не новый и характерный для вокзалов запах, совсем скоро они уже отправятся «к деду с бабой».

Как-то по телевизору она наткнулась на передачу, где старые мужчины обсуждали, что такое счастье, тогда и она задумалась над тем, как это быть счастливым, что именно нужно почувствовать, и вот в вагоне ей эта передача вспомнилась, Клара подумала, что вот сейчас она счастлива, наверное, от этого на душе стало только приятнее.

Поезд ещё раз выдохнул, но покатился назад, это было еле заметно, но Клара тут же спросила, чего они назад едут, мама сказала, что так надо, а поезд в неопределённый момент сменил направление и так же практически незаметно начал движение вперёд.

Борьба
06.2028

Виды за окном сменялись, но каждый новый пейзаж был не хуже предыдущего, время от времени по вагону проходила проводница, женщина примерно того же возраста, что и мама Клары. На редких остановках своих поездов ожидали люди, вроде бы они ничем не отличались, но одновременно ощущались как какие-то иностранцы, да и сама местность была необъяснимо из-за чего, но другой. Клара это списывала на то, что первый раз она уехала так далеко от дома, хотя родители говорили, что уже возили её к бабушке и дедушке, но в памяти ничего подобного не закрепилось.

— К-рас-но-е, — по слогам Клара прочитала название станции.

Мама оторвала взгляд от телефона и посмотрел на большую табличку утвердительно покивала головой.

— Ну всё, мы уже в другой стране, — сказала она. — Но ехать нам, конечно, ещё долго, ничего доберёмся, поспим в гостинице, а завтра уже будем у деда с бабой.

Клара отметила, что их она называет дед и баба, а своих родителей дедушка и бабушка, но саму Клару такие наименования не устраивали, ей почему-то было неприятно произносить слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

В очередной раз из вагона одни люди вышли, а на смену им зашли новые пассажиры, поезд как всегда выдохнул, словно спортсмен перед поднятием тяжестей и медленно потянулся вперёд. Дочь с матерью уже пару раз успели поесть, а финиш всё не приближался, даже солнце начало катиться к закату, при этом сельские пейзажи стали всё более редкими, а потом и совсем исчезли, вместо них взгляд Клары приковали к себе всякие склады, технические здания, на улице стало тем временем совсем уж темно, зато и поезд добрался до своей конечной точки — большого вокзала. Кажется, он был более старым, чем в том городе откуда приехали Клара с мамой, но уж точно не менее красивым, размеры было оценить трудно, так как для ребёнка в семь лет всё большое.

Покинув вокзал, они оказались в городе. Ночной воздух был свежим и чуть прохладным, а на улице подозрительно тихо для города. Часы показывали не более одиннадцати, только изредка тишину нарушали проезжающие мимо такси.

— Сейчас, я только город поменяю, — мама, сдвинув брови что-то делала в телефоне, — всё, сейчас машина приедет.

И правда: весьма быстро к ним подъехал новый автомобиль жёлтого цвета. В салоне было тепло и тихо играла музыка из радио, Клару начало клонить в сон, совсем быстро она и уснула, но скоро мама разбудила её и сказала, что они уже приехали в гостиницу. Там они обе поочерёдно помылись, Клара начала мыться сама всего лишь пару лет назад, но для неё этот период был довольно внушительным сроком, потом улеглись спать в одной кровати, мама сказала, что завтра поезд тоже рано, надо хоть сколько-то поспать, а никто и не был против.

Утро выдалось серым, но всё равно приятным, дождя не было, ветра почти тоже, было и не холодно, и не жарко, опять на что-то потыкав в телефоне мама вызвала машину и вновь спустя некоторое время они снова оказались на вокзале, Клара подумала, что просто не

узнаёт это же здание днём, однако вокзал точно был другим, это сбивало девочку с железной уверенности в том, что в любом городе может быть только один вокзал.

Они вошли внутрь, сразу после входа в глаза бросился огромных размеров экран, на котором постоянно сменялись записи, но мама что-то высматривала именно там.

— А что ты там ищешь? — поинтересовалась у неё дочь.

— Смотрю, где останавливается наш поезд, путь и платформу, — и не глядя на девочку указала куда-то пальцем, — о, вон, пошли.

Взяв Клару за локоть, слегка задав ей вектор движения они с мамой прошли под этим большим табло, спустились по ступеням, затем длинный коридор, стены которого были отделаны светлым камнем. Стены блестели, а пол, наверное, от постоянной ходьбы по нему, был матовым. Мама вертела головой по сторонам, что-то бубнила себе под нос: «Это три, нам дальше, пять, платформа..., семь». Видимо найдя, что нужно, они резко повернули и теперь уже поднимались по ступеням вверх, оказавшись снаружи им как будто перекрыл дорогу поезд, который разлётся здесь словно огромный зелёный змей, причём змей был почтительного возраста.

— Это наш, — сказала мама.

Клара при этом удивилась, но где-то даже обрадовалась, потому что это было опять что-то новенькое, мама начала искать билеты в своей сумке и довольно-таки быстро нашла, с ними в одной руке, с дочерью во второй она подошла к проводнице и протянула документы, девушка в форме очень похожей на ту, что была у предыдущей проводницы внимательно посмотрела на один билет, потом на второй и с улыбкой вернула их маме, только ещё спросила, найдут ли они сами места, так же с улыбкой мама ответила ей, что найдут.

Если с наружи змей был тёмно-зелёного цвета, то внутри оказался бежево-коричневым, с белыми занавесками на окнах, внутри вагона уже сидели некоторые пассажиры, дочь с мамой дошли где-то до середины и их места оказались здесь, слева, там, где были длинные сиденья, справа же были какие-то две маленькие сидушки и высокая полка сверху, Клара обрадовалась, что их места не там, себе она не могла объяснить почему сидеть здесь лучше, но особо конечно этим и не утруждалась — просто лучше. Этот поезд выдыхал как-то по-другому и ехал чуть громче, но зато виды за окном были очень похожи на те, что они видели у себя в стране, такие же одноэтажные деревянные дома подальше от городов, такие же окраины городов и даже здания станций мало чем отличались, Клара это отметила и тут же спросила маму:

— А чем отличается Россия?

— В каком смысле? — не поняла её вопроса мама.

— Тут всё такое же как у нас.

— А-а, — протянула мама, — да все страны очень похожи, особенно бывшие советские.

По Кларе было понятно, что такое слово ей не знакомо, кто там с кем советовался было не понятно, мама это заметила и чуть объяснила:

— Когда-то была такая страна, Советский Союз — СССР, туда и наша страна входила, и Россия, и ещё много каких, вот в этих странах всё очень похожее.

— А почему сейчас этой страны нету? — закономерно возникло в голове у ребёнка.

— Потому что она развалилась, — пожав плечами, сказала мама.

— А почему?

— Да не знаю я, Клара, — со смешком сказала мама, — в школе вам расскажут, когда история начнётся.

— А вам не рассказывали что ли? — искренне не понимала девочка.

Старик ехавший с ними, сидевший сбоку от мамы аж хохотнул, Клара метнула взгляд на него, решив, что он смеётся с её глупости, он же наоборот решил, что это такой не по годам колкий юмор, но зато ответил ей за маму:

— Советский союз развалился, потому что всех обдурили, — с улыбкой, но как-то печально произнёс он.

Клара решила дальше не спрашивать, потому что уже застеснялась и даже заёрзала на сиденье, на котором сидела в одиночестве, напротив мамы и дедка, до этого всё время, смотревший в дальнее от себя окно, для Клары — справа, для него — слева. Он заметил её смущение и полез в свою огромную сумку, которую держал в ногах, откинул верх, потянул за молнию и стал рыться одной рукой внутри, но взгляд направил вверх, будто принципиально не желая смотреть внутрь.

— О, — сказал он и замер, — нашёл.

Он вытянул большой пакет с конфетами, глянул на маму и коротко, будто и сам застеснялся, спросил у неё: «Можно?», она вежливо сказала, что конечно можно. Большими пальцами он неуклюже стал пытаться развязать узел на пакете, который, наверное, сам же и завязал, не порвать пакет тоже видимо было делом принципа, но всё же старик справился, своей медвежьей лапой взял конфеты и всё эту кучу протянул Кларе, а она не понимала, что должна сделать.

— Да бери, не бойся, — сказала ей по-доброму мама.

И хоть Клара и вытянула две руки с раскрытыми ладонями, места всё равно не хватило, и несколько конфет просыпалось, старик тут же как-то ловко изогнулся и поднял их, затем положил на стол, а Клара, не зная, что делать так и сидела, держа неожиданные дары в руках, мама хихикнув забрала всё у неё, сказала, что отдаст потом.

Старик с мамой разговорились, в основном об отличиях соседних стран, а через несколько станций ему уже надо было выходить, напоследок он пожал Кларе руку так, как обычно делают мужчины, когда здороваются и сказал заходить к нему, если она ещё будет в их краях. Вместо старика никто не пришёл, и они поехали с мамой вдвоём. К удивлению Клары, им и самим оказалось, что нужно будет скоро выходить, она почему-то рассчитывала ехать в этом поезде опять до ночи, наверное, не так поняла маму.

Выйдя на платформу, они остались там же. Вроде бы их следующий транспорт, должен был вот-вот приехать, мама называла его «электричка», хотя чем он отличался от поезда так сразу и не догадаешься. Когда электричка подъехала, Клара разве что отметила красивый рисунок красным цветом на вагонах, а потом, приглядевшись рассмотрела, что это не какое-то изображение, а буквы РЖД, тут же спросила маму о том, что это значит.

— Российские железные дороги, — сказала равнодушно мама, как раз перед автоматически открывшимися дверями.

Клара ничего не ответила.

Электричка была новой, напоминала тот поезд, на котором они ехали самым первым, разве что расположение сидений было чуть другим, но в основном так же по три друг напротив друга. Мама сообщила, что сейчас они будут ехать дольше, зато там дед должен будет их встретить и домой на автобусе, потому что машину дед никогда водить не умел. Клара не очень расстроилась, сил на удивление ещё было много, хоть время уже давно перевалило за полуденное. До первой остановки они ехали напротив пустых сидений, и, наверное, лучше бы так и продолжалось, на станции в вагон, вперемешку с матом воши,

кажется, двое мужчин, хотя взрослыми их назвать мог разве что ребёнок, им было лет по двадцать, Клара испугалась ещё когда только услышала брань, которая была направлена, скорее всего, на проводницу, и видимо их агрессия действительно помогла попасть внутрь.

Сидя на боковом сиденье девочка чуть высунулась посмотреть кто же там нарушает общественный покой и портит такое хорошее настроение. Два тела, совсем уж нетвёрдой походкой приближались к ним, Клара шарахнулась обратно, будто думала, что спрячется от них, но совсем скоро они стояли на против.

— О, — разделил слова матом один из них, — наши места, — предложение он закончил тоже с нецензурно.

Когда две живые туши рухнули напротив, Клара не смогла не посмотреть на них, и сразу же оторопела, потому что вроде бы и мама здесь и в вагоне людей достаточно, а она будто одна осталась, да и ещё после долгого перерыва прямо перед ней снова оказались две «страшные маски», только у этих носы были не острыми, а обычными, но кожа такая же бежево-зеленоватая, зубы обычные, не иголки, не клыки, но коричневые, гнилые. Красные глазёнки будто не могли ни на чём сфокусироваться и страшная вонь, от которой Клара перестала дышать, но на долго её не хватило и пришлось вдохнуть воздух: так воняло возле умершей собаки, которую они когда-то обнаружили в одном из оврагов со своей детской бандой, к этому смраду добавлялся ещё запах чего-то резкого, не природного, сразу вспомнилась водочная вонь.

— Мама, а можно мы пересядем? — взмолилась девочка, состояние которой было очень близким к истерике.

Мама сама изрядно испугавшись ответила, как есть.

— Клара у нас места здесь, может потом пересядем, — было видно, что она и сама волнуется, хотя старается произвести обратное впечатление.

— А чё? куда едем? — проскрипел один из них.

По началу им никто не отвечал, но потом мама всё же, решив, что это поможет, чтобы они отстали, начала отвечать односложно, но такая тактика кажется, только подзадорила попутчиков, не прошло много времени, перед тем как они уже прицепились к внешности и оценивали фигуру Клариной мамы, такое она решила не терпеть, вытянула сумку, которая стояла под креслом, взяла дочь за руку и сказала:

— Пошли у проводницы спросим, может в другом вагоне есть места, — сразу же встала.

— Э, куда ты? — опять прицепились к ней, и тут один из них схватил маму за ляжку сверху, с внутренней стороны и как бы надавил, чтобы она села обратно.

Мама не растерялась и с хорошим размахом дала ему пощёчину, второй всё это время только не понимающе водил головой и даже ничего не говорил.

— Ты чё? — он опять вставлял маты между словами, — сука, я тебе сейчас разнесу, — снова мат, Клара догадалась, что имеется ввиду лицо.

Каким-то образом он толкнул маму так, что она упала на Клару, ничего ей не повредила, но и не смогла скоординироваться, чтобы устоять, поэтому села, а когда собиралась подорваться обратно, он уже стоял над ней, руку свою сжал в кулак и тяжело дышал, теперь уже он размахивался, правда медленно, видимо с наслаждением, его напарник вроде бы хотел помешать, схватив друга за локоть, но эти попытки были ловко пресечены. Не зная, что делать Клара просто закричала, сквозь свой крик она уже слышала как бежит проводница, предупреждая о полиции, а носитель страшной маски всё ещё рассказывал маме о том, какая она плохая.

Реально-то всё длилось мгновения, но казалось, что эти секунды будто кто-то растянул, однако звук то ли хлопка, то ли щелчка всё резко оборвал, даже монстр нависавший над мамой резко, можно сказать отлетел к окну и Клара, и мама, и их ещё один сосед посмотрели в проход, а там стоял внушительных размеров мужчина с щетиной, которая медленно из чёрной перетекает в белую и обратно, такой же раскраски были и брови.

— Бери друга и вышли отсюда, — сказал он к тому, кто ещё был, хотя бы условно в сознании.

— Ну мы это, — он как-то тянул буквы гундосым голосом, — едем ещё.

Мужчина выдохнул, подобрал с пола, словно не очень тяжёлый мешок одного, второго взял за капюшон куртки другого и потащил их в сторону выхода, не протестовали оба, даже проводница уступила место в проходе лишь провожая взглядом эту картину. Мужчина бросил их в тамбуре, а там уже и полиция подоспела, высадив двух пассажиров на ближайшей станции, причём один полицейский остался с ними, а второй поехал дальше.

У Клары на сердце резко полегчало, теперь она уже без страха заглядывала за своё кресло, мужчина явно шёл к ним, потому что заметил её и не сводил с неё глаз, а она с него: «И чего уставился?», — подумала она.

— Ну как у вас? — спросил мужчина, когда дошёл до их мест и словно замер не успев договорить.

Мама вроде бы тоже собиралась ответить, какой-то даже звук из неё выскочил, они уставились друг на друга, а Клара смотрела поочерёдно на обоих.

— Ну, здравствуйте, — улыбаясь сказала мужчине она.

— Здорова, блин, здорова, — произнёс мужчина, каким-то не очень подходящим такому здоровяку высоковатым голосом. Снял кепку показав короткие, опять с проседью тёмные волосы.

— Это твой дедушка, Клара.

Клара же вообще не понимала, что должна делать и совсем растерялась.

— Видать подзабыла ты меня, ну и я б тебя тоже не узнал, а то видели мы с бабой тебя последний раз лет пять назад, ну и как жизнь, Карлуха?

«Почему именно так, даже не Кларуха, а Карлуха, не знает, как правильно, наверное», — подумала Клара.

— Нормально, — ответила она, поглядывая на маму.

Мужчина будто пытался сдержать улыбку, положил руку Кларе на колено, потом поправил тёмно-коричневые волосы, которые порядком порастрепались, с утра ведь мама поленилась заплетать хотя бы одну косу.

— Густые, блин, — дед перетёр, будто какую-то ткань, между пальцами Кларины волосы, — а я вот в город съездил, баба сказала, вам что-нибудь купить, а то у нас всё закрыто на выходных, только в райцентре работает, эх, во баба обрадуется.

Они стали говорить с мамой о всяких взрослых делах, в которые Клара не вникала, заметила только, что мама как-то неохотно отвечает, а дед будто бы этого не замечает.

Наступила ночь, все трое уже расположились в последнем на сегодня автобусе, дед напросился сидеть с Кларой, чтобы рассказать ей о местностях, через которые они будут ехать, правда и ехать всего лишь минут сорок, но всё же, а Клара и не против была поменять в попутчиках маму на этого бьющего жизнью малознакомого мужика, который, оказывается, её родной дед.

06.2028 (2)

Ничего не нарушало абсолютной ночной тишины, даже лёгкий ветерок сейчас не чувствовался, и никакая птица не хотела признаться, что ей не спится в этой окутывающей темноте, которая не стала такой же абсолютной только из-за нечастых фонарей, их работу, если замереть, можно было услышать.

Клара с дедом и мамой шагали к нему в квартиру, спустя некоторое время девочка заметила, что они всё время только спускаются вниз, почти без плоских участков. Немного уснув под рассказы деда в автобусе и проспав минут пятнадцать, сейчас казалось заряда бодрости хватит до самого утра, как и ехать, идти она была готова подольше, но этого делать не пришлось, к удивлению для неё, они уже стояли у подъездной двери пятиэтажного дома, сложенного из кирпича, скорее всего ещё в середине прошлого века. Дед набрал код на домофоне и дверь открылась, Клара глянула на маму в ожидании объяснений, потому что до этого момента она была уверена, что двери открываются только если в квартире кто-нибудь поднимет трубку или нужен специальный ключ. Мама ничего объяснять не стала, под характерный писк домофона они один за другим вошли в подъезд, дед сказал всем, но в большей степени, наверное, Кларе, что им нужно подняться на четвертый этаж. Сама не понимая зачем Клара стала переступать через одну ступень, делая неестественно большие шаги, видимо надеялась, что так получится добраться быстрее, пока шла успела спросить деда почему у них нет лифта, а он ей без трудов объяснил, что в пятиэтажках лифтов не бывает.

Эхо от тихих голосов деда и его спутниц предательски отражалось от стен и заставляло с каждым разом их говорить всё тише, топот шагов так же разносился будто по всему не то чтобы подъезду, а по всему дому. Вот компания уже стоит у нужной двери, дед хлопал по карманам в поисках ключей, те выдали себя в левом кармане характерным металлическим звоном. Замок он открывал зачем-то, потянув на себя ручку, видимо так получалось тише, когда дверь открылась в подъезд вырвался желтый свет из квартиры, смешавшись с белым из самого подъезда. Первыми внутрь, с помощью деда вошли сумки, потом за дедом догадалась зайти Клара и последней была мама, которая и закрыла входную дверь. Дед мельтешил перед глазами так, что Клара не могла заметить стоящую на входе в комнату бабушку, но всё же когда она встретилась взглядами с внучкой, то обрадовалась настолько, что последняя сильно смутилась, а тут ещё маленькая и полная черноволосая женщина, без вкраплений седины, как у деда, схватила её и ловко усадила на руки словно какую-то кошку. Клара не то чтобы испугалась, но точно была слегка шокирована: с чего бы такие радости и нежности, ведь даже дома её никто никогда не обнимал, не целовал в щеки и не захваливал за просто так, за то, что она приехала.

Потом они прошли в комнату, после очередных неинтересных взрослых разговоров кто-то сказал, что можно и спать, и дед с бабой ушли в одну комнату, а мама с Кларой остались в той, на пороге которой их встречала бабушка.

Несмотря на то, что Клара засыпала поздно, особенно для своего привычного графика, проснулась она рано, стрелки на часах не показывали ещё и восьми утра, небо в окне было абсолютно голубым, солнце же светило где-то вне поля зрения. Девочка некоторое время лежала и не могла понять, что она видит там вдалеке, потому что это и не небо, и не поле, и не лес, чтобы любопытство удовлетворить, она поднялась и пошла к окну, и заметив очень кстати стоящую возле подоконника табуретку взобралась на неё. Вид открывался действительно уникальный: уходящий вниз лиственный лес, а за ним огромное

водохранилище, размеров настолько больших, что не было видно противоположного берега, кроме нескольких пятиэтажных домов, леска и двухполосной дороги в это расстояние от дома до воды не вклинилось ничего.

Кларино внимание от невиданных пейзажей оторвали звуки доносящиеся откуда-то из коридора, скорее всего из кухни, незамедлительно она пошла туда, и в своих предположениях оказалась права: бабушка встала раньше неё и уже вертелась на кухне, в рубашке, в смешных штанах на которых были изображены сотни мелких цветков, собрав волосы в короткую косу, она вертелась на кухне.

— Дед сегодня на работе, — обратилась она к внучке, — а мамка твоя спит ещё? — лицо бабушки не выражало ничего кроме доброго спокойствия.

— Да, — уверенно ответила Клара.

Но за спиной послышались шаги, мама с нахмуренными бровями и недавно выкрашенными в почти белый цвет растрёпанными волосами заходила в ванную, кажется бабушка немного смутилась от недовольного вида своей невестки, зато Клара не удивилась совсем, она-то уже знала, что мама такая всегда до того, как попадёт в ванную с утра и лучше бы у неё ничего не спрашивать, а идеально вообще не попадаться на глаза. И действительно, через несколько минут вышел совсем другой человек, спокойный и нормально настроенный к окружающим людям.

Клара ковыряла яичницу с коричнево-черными кусками сала, даже не особо хотелось начинать, потому что дома она такое ела с большим напрягом, даже думать трудно про эту безвкусную гадкую жижу, бабушка, заметив это и всё-таки уговорила её, хотя бы попробовать и после недолгого сопротивления внучка сдалась — к её удивлению всё оказалось не так уж и ужасно, а причиной разящей разницы оказалась всего лишь обычная соль, правда и хрустящее сало тоже стало открытием для ребёнка.

После завтрака бабушка отпросила у мамы Клару и отправилась с ней на экскурсию по городу, которую проводила конечно же она сама и, конечно же, для всего лишь одного туриста семи лет. Мама как бы мысленно переговорив с бабушкой осталась дома, да и как оказалось уезжать ей уже завтра, а она ещё от пути сюда прилично устала.

Её дочь же чувствовала себя абсолютно нормально и с интересом и радостью оделась в новую одежду, которую будто специально прикупили для этой поездки, побежала вниз по лестнице обгоняя бабушку. На выходе из подъезда, да и вообще во всём дворе стояла тень и солнце только сквозь редкие проплешины между ветками точечно попадало на утоптанную почву. Как и весь их путь домой вчера вечером, за исключением широкой дороги, по которой без проблем могли проехать две машины, земля горкой уходила вниз, не то чтобы это был крутой склон, но что здесь не предвидится плоскости до самого водохранилища было очевидно.

— А какое это море? — спросила Клара бабушку, заметив вдалеке воду, которую было теперь видно намного хуже, чем из окна их комнаты или кухни.

— Это не море, это когда-то была широкая река, которую запрудили, чтобы сделать электростанцию, вы ночью проезжали её, но ты, наверное, не рассмотрела.

— Да, я не видела, — согласилась Клара.

— Ну ничего, — странным, но весёлым тоном сказала бабушка, — если не сегодня, так за лето ещё успеем сходить.

Клара ничего не ответила, просто тихо обрадовалась внутри себя, чем-то ей нравились всякие технические сооружения, хотя эту симпатию она ещё не могла чётко уловить в себе,

просто было немножко хорошо в душе.

По прямой дороге они прошли ещё три точно таких же дома как их, уже возле второго здания, по левую руку за небольшим склоном располагалось плоское место, на котором уместилась детская площадка, песочницы и трансформаторная будка, картина повторилась и возле третьего строения, получается только в Кларином дворе кроме горки не было ничего, но это в общем-то не страшно, главное, что там вдалеке было море-водохранилище.

Покинув дворы, они покинули и тень, солнце сразу же обдало приятным утренним теплом, правда довольно скоро приятное тепло стало перетекать в жару, которую Клара не очень любила, да и ещё оказалось, что первым делом они идут на рынок, а для этого надо было подниматься по склону. Когда они всё-таки поднялись на большую площадь, обрамлённую дорогой и за которой сине-белыми полосатыми палатками выдавал себя рынок, Клара обнаружила, что она запыхалась, чего не скажешь о бабушке, та данным-давно привыкла к местному рельефу и умела рассчитать силы.

Рынок провинциального города ничем не отличался от остальных таких же мест страны, хотя Клара и видела что-то подобное впервые, дома они вообще из города редко выезжали, совершать покупки, она была уверена, можно только в гипермаркетах или в интернете.

Народу вокруг довольно много и хоть бабушка и держала внучку за руку, Клара на всякий случай вцепилась посильнее, потому что уже представила, как потеряется и ей придётся жить в подвалах, воровать в магазинах и мыть окна машин, в общем всё как в передаче, которую она когда-то вечером видела по телику. Но быстро сделав нужные покупки, в основном продуктов, они уже покидали базар, а Клара обнаружила, что она совсем и не потерялась. Надо было пройти по склону домой, что далось значительно легче, чем на него восходить.

Дома оказалось, что мама уже даже накрасилась, хотя не понятно зачем, ведь она никуда сегодня выходить не собиралась, ну да ладно, ни внучка, ни бабушка этим не интересовались, зато Кларе предложили выбор: сходить на ГЭС, и она не поняла, что это значит или сходить на берег, сегодня Клара выбрала берег.

Теперь они шли только вниз, а Клара соображала, как же не легко будет подниматься обратно, но это её не печалило, ведь совсем скоро она посмотрит на таких огромных размеров море, никакое водохранилище в уме не закреплялось, да и потом выяснится, что тут многие местные не против называть свой водоём морем. Они с бабушкой перешли проезжую часть и оказались возле одной из множества протоптанных дорожек, по которой и вошли в лиственный лес, его бабушка называла чащей.

— Это чаща, а ты — Чащина, — зачем-то сообщила она внучке.

Клара не поняла к чему это и только слегка улыбнулась ей в ответ, но «звучит смешно, наверное, это шутка», — подумалось ей тогда.

Хоть на улице уже и стоял июнь, почки на ветках, казалось, распустились совсем недавно, потому что литься ещё не набрались зелёного цвета, а плодовые деревья были украшены то белыми, то розовыми цветками. Бабушка говорила, где из них яблони, где груши, а где вишни. Через какое-то время уже начал доноситься звук хлюпающей воды, и ещё через минуты они вышли из небольшого, протяженностью метров в триста из леса к гравийной дороге, за которой располагалась бетонное ограждение, казалось, что в оба конца оно уходит за горизонт.

Уже отложив алгоритм на подкорке Клара посмотрела сначала налево, потом на право

и ожидаемо не увидев никаких машин, побежала к ограждению и только встав на носки смогла заглянуть за него, перед ней открылся бетонный берег и синяя вода, которая как по магии, возле берега превращалась в зелено-желтую, а ударяясь о бетон вообще становилась белой. Они решили пойти направо, решили, потому что бабушка предложила Кларе выбор, будто она тут бывала раньше и может знать куда ей интересно пойти, но Клара обычно боялась не знать и всегда отвечала хоть что-то. Так и здесь, сказала: «туда». И они пошли, вскоре обнаружился проход, в который первой вошла бабушка, а Клара будто опасалась слишком резкого склона хоть и вошла внутрь, но держалась за ограждение, бетон был горячим. Боком подойдя к воде, бабушка не очень грациозно наклонилась и зачерпнула воды, помедлив сообщила, что вода ещё совсем холодная, назад она шла наклонившись вперёд и они с внучкой отправились дальше.

Путешествовали вдоль берега они довольно долго, как тут бабушка указала куда-то сторону и сказала:

— А тут у нас ездит трамвай.

Клара не поняла где, а потом заметила прозрачную стеклянную остановку и не очень аккуратно наклеенное расписание, под которым даже с расстояния были видны воздушные пузыри. Просить проехаться даже не пришлось, они уже направлялись к остановке. Прождали на ней они долго, а вокруг, как будто из ниоткуда брались всё новые и новые люди. Когда трамвай приехал и все люди с остановки поместились в него, девочка немного переживала, что им с бабушкой не останется сидений, пока бабушка там пробьёт билеты в компостере, однако мест оказалось с запасом.

Клара уселась возле окна и только сейчас заметила, что небо слегка покраснело, значит подкрался вечер, хотя казалось с утра прошло всего лишь несколько часов, но такие скачки во времени она замечала и раньше. Теперь, как и утром солнце светило снова приятно, не него даже можно было смотреть без особой боли. Под стук колёс они ехали куда-то, но кого это будет интересовать, когда первый раз в жизни видишь, как вода переливается из чёрной в красную, как каждая маленькая волна на водной поверхности суетится, а в целом эта гладь всё равно остаётся безмятежной.

Не доехав до конца водохранилища, ведь впереди ещё оставалось много воды, трамвай стал поворачивать в город, ему предстояло подниматься по склону, кажется такое действие давалось старому вагону не очень легко, но он упорно продвигался вперёд изредка, делая остановку и после этого всегда гудел перед тем как поехать, прям как стонет человек, когда поднимает тяжести.

Клара с бабушкой подходили к своему подъезду, на улице уже собирались сумерки, Клара к своему удивлению очень сильно хотела есть, и как же она была рада унюхав макароны с тушенкой, хотя до этого такого она не пробовала, но сейчас казалось, что блюда лучше просто не бывает, а тем более опять что-то новенькое. Как же хорошо, что дед уже позаботился об ужине и ничего не нужно ждать. Не забыв помыть руки, хоть совсем и не хотелось, Клара уже сидела за столом и уплетала не особо пережевывая, дед, который занимался тем же самым сквозь смешки сказал ей:

— Вот это ты, Карлуха, молотишь, здоровая вырастешь как я, — он то ли хлопнул, то ли погладил её по спине, — молодец.

— Не называйте её так, — весьма вежливо попросила его мама.

— Назвала — теперь терпи, — пожал плечами смеясь дед.

Мама кажется растерялась, улыбнувшись уткнулась в свою тарелку, стараясь делать вид,

что совсем не расстроилась. Бабушка посмотрела на Клару, а Клара на неё, она и махнула внучке рукой, еле заметно, и это значит, всё нормально, можно спокойно есть дальше, что все и делали.

Потом они немного поиграли в карты, Клара довольно-таки быстро сообразила, как играть в «Дурака», но много партий не вышло, так как с самого утра мама должна была уезжать, а дед её сопровождать с начала до райцентра, а потом до области.

Клара заснула совсем быстро, прошедший день, несмотря на всякие подъемы по холмам и толпы людей на рынке, от которых она пережила легкое волнение, ей очень понравился.

06-07.2028

Когда мама уезжала домой, бабушка не желая слушать возражений сказала, что дед сопровождает её хотя бы до областного центра, сопротивлялась этому только мама, просто нечего было рассказывать историю, что произошла с ними по дороге, от которой бабушка не на шутку перепугалась. В день отъезда Клару решили не будить, и хоть она и проснулась, как обычно для этой квартиры, рано, всё равно дома застала только одну женщину, опять копошащуюся на кухне. Время как обычно шло рвано и как-то уж очень неуловимо, то оно будто не хотело никуда двигаться и всё утро стояло в одной точке на циферблате, когда на него не глянь, то по телику показывали одну-две передачи и наступал вечер.

Первые деньки не было вопросов с кем оставаться Кларе, потому что дома всегда была мама, но теперь бабушка с дедом после небольшого спора, кто первый, решили чередовать внучку и будут брать её поочерёдно каждый на свою работу. Клара даже немного смутилась: родители спорили только о том, кому её спихнуть, это никак не обижало её, судя по другим детям — это нормально и так делают все взрослые, а тут наоборот, спор о том, кто её заберёт себе. В сегодняшней битве победила бабушка и Клара завтра утром должна была отправиться на работу вместе с ней, работала она, как оказалось в том же доме, что они и жили, только на торце здания в небольшом магазине, два дня по двенадцать часов, а потом, на столько же, её меняла напарница.

Оказалось, что все, кто не заходил бы туда, если не считать подростков или людей зрительно до лет тридцати, знают бабушку и каждая покупка сопровождается небольшим разговором про дачи, огороды и всё что там находится, никто без внимания не оставлял и маленькую бабушкину помощницу, все спрашивали сколько ей, Клара всем без устали отвечала и про возраст, и про своё имя, и про то, откуда она приехала и как там живётся. Некоторые спрашивали в каком она классе:

— Во втором, — отвечала Клара.

— Ничего себе, а я думала, что уже в шестом, большая такая.

Клара почему-то была польщена, что её принимают за взрослую, стеснительно улыбалась в ответ или гипнотизировала взглядом пол. Так примерно и прошёл первый день. Придя домой к удивлению Клары, там не было деда, но оказалось, что сегодня он на своей работе задержится на сутки, потому что помимо того, что он фрезеровщик — слово для Клары крайне загадочное, он там подрабатывает и сторожем, на какой-то базе по ремонту сельскохозяйственной техники.

Следующий день в магазине прошёл сильно обычнее, к часам двенадцати дня стало скучно прям совсем и ситуацию не спасали даже те пару раз, когда Клара смогла, хоть и под присмотром бабушки, обслужить покупателей, несколько раз расчёт был картой и один раз за наличку. Бабушка заметила, что её новая сотрудница занудилась в тенистом магазине и

тут очень кстати в окнах витрин появились дети.

— О, — почти пропела бабушка, — пошли я тебя познакомлю.

Клара и сообразить ничего не успела, как они уже шли к кучке детей, девочка конечно же стеснялась и никуда идти не хотела, но уже по какой-то укоренившейся привычке молчала о том, что ей делать не хочется или не нравится. Публика, состоящая из человек шести, разного роста, возраста и можно даже сказать цвета обратила на них своё внимание.

— Андрей, привет! — сказала кому-то из них бабушка.

Откликнулся ей парень на вид старше остальных, но как позже окажется, там было несколько его ровесников.

— Здравствуйте, — ответил мальчик с настороженностью.

— Возьмете к себе, вот, Клару? — бабушка подняла её руку, которую держала так, будто надо было её выделить в толпе.

Все немного молчали и не знали, что ответить, скорее всего тут дети начинали играть друг с другом молча без каких-то подходов и даже имена друг друга несколько дней могли не знать, поэтому и сейчас не понимали, что ответить на такой, почти официальный, запрос.

— Да, — кто-то пискнул из толпы.

Андрей, и его предполагаемые сверстники завертели головами, посмотреть, кто именно решил принять Клару в их банду. Поиски в принципе не могли быть долгими, потому что если остальные не знали, что сейчас делать, то единственная девочка была очень рада, что появится кто-то кроме неё, кому возможно будет интересно что-то девчачье, а не только компьютерные игры, футбол на хоккейной коробке, или что-нибудь взорвать, а также отыскать что-нибудь заброшенное и залезть туда. Насчёт последнего пункта эту девочку ждало разочарование.

Потом и остальные что-то промычали, с тем смыслом, что Клара может к ним присоединиться, дети не были как-то воодушевлены новым другом не потому что не хотели с ней играть, а просто потому что им было всё равно, особенно Андрею и его другу, которые оказались местными жителями и их компания менялась постоянно: детей привозили и увозили, а они со своим другом, которого звали Женя, были тут всегда. Так как все «достопримечательности» уже по сто раз облажены и изучены, то эмоции два подростка получали от того, что бывают в старых местах, с новыми людьми, их устраивали даже дети помладше, и даже девочки. Кстати той, что была явно рада Кларе оказалась Марина, полная девочка её же возраста из Москвы, которую привезли буквально на неделю раньше Клары, а она освоилась так, что казалась коренным жителем двора. Так же компания состояла из ещё троих мальчиков из разных регионов России.

С территории двора эта разношёрстная стая никуда не уходила, поэтому бабушка без проблем могла всегда выдернуть Клару к себе, чтобы та поела, и пошла дальше изучать программу развлечений, в которую сегодня вошли, догонялки, прятки, рисование каких-то кругов на земле, а потом метание в них ножей. Клара особо не поняла, или как она подумала «не въехала» в чём смысл этой игры, «ну и ладно», потому что было не очень интересно, а потом неизбежно настал вечер. Внучка с бабушкой прошла от первого подъезда к последнему и они оказались дома, снова четвёртый этаж, дверь была открыта, потому что дед уже давным-давно вернулся.

Все поели, младший житель этой квартиры ложился спать и с лёгкой душой был готов встретить следующий день. На утро Клара выбежала из подъезда, но никого не обнаружила, спустилась с небольшого склона к скамейкам в вечной тени и стала чертить на земле, не

особо задумываясь о том, что именно она рисует, «каляки-маляки» — проскочило в голове.

— Клара, — донесся откуда-то сверху уже знакомый голос.

Клара закрутила головой и увидела на балконе пятого этажа знакомое лицо, это была Марина и ростом, и цветом волос и даже немного внешностью похожая на саму Клару, разве что комплекции не совпадали.

— Ты уже здесь, — то ли спросила, то ли подтвердила очевидное Марина, — я уже иду.

Клара подумала, то Маринин балкон расположен более удобно, во двор где все гуляют и ходят, а из бабушкиного ничего не видно, кроме «моря» конечно же, ну в общем-то тоже неплохо. Через пару минут новая подруга уже выбежала из своего подъезда под характерный писк двери, и они стали заниматься тем, что для взрослых было бы ерундой, а для них несло очень даже большой смысл, как и любые детские игры. Позже появились и мальчики, и день был хоть похож на предыдущий, но не менее весёлый и интересный.

А потом настала очередь деда брать внучку на свою работу, что он с радостью и сделал, Клара уже заметила, что он уходил в разное время и проводил на работе разное количество часов, а дед будто прочитал её мысли, сказал пока завязывал шнурки на кроссовках:

— Сегодня на сутки, Карлуха, ну не захочешь, так баба тебя домой заберёт.

«Бабе» чем-то такое название её не понравилось и из комнаты она поправила:

— Не бабе!

— А что мужику что ли? — дед ехидно похихикал, глядя на Клару.

— Иди уже, — предложил голос, не то чтобы вежливо, ему.

Вскоре они встали в очередь в маршрутку на остановке, дед спросил правильно ли он занял, он и так знал, что очередь та, но видимо, чтобы убедиться. Стоящий перед ними мужчина, на вид немного младше деда, положительно ответил на его вопрос кивком головы.

— Хорошо пришли, точно усядемся, — отвечал ей дед, держа в руках портфель с супами, картошками и прочими пайками на ближайшие сутки для него и для внучки.

— Дед, а почему ты на машине не ездешь? — спросила Клара, дома почти не пользующаяся общественным транспортом. Она вообще не была уверена ездила ли на автобусе в родном городе.

— Так я не умею, — пожал плечами дед.

Ответ её полностью устроил, а скоро и маршрутка подошла, мест хватило всем, даже осталась парочка свободных, водитель похоже именно для этой цели оглядывал салон, а на следующих остановках кричал входящими в только открытые двери, что осталось только два места, люди будто не верили и осторожно заглядывали внутрь, затем с легким разочарованием отходили от дверей. Но им можно было сильно не грустить — утром маршрутки ездили довольно часто.

Спустя минут сорок Клара с дедом подъехали к старой, кое-где помеченной ржавчиной будке из трёх стен и крыши, остановке, она стояла с достоинством ровно и без мусора вокруг, а за неё уходила песчаная дорога, широкая будто четырёхполосное шоссе. По этой дороге, под пение птиц и пробивающиеся сквозь листья лучи они пошли к видневшимся вдалеке воротам, на земле валялись гигантские стручки гороха, но вряд ли это был именно он, Клара сразу же поинтересовалась, что это, дед ответил, что акация, дерево такое.

— А есть можно? — продолжала Клара.

— Можно, но не надо.

По мере приближения к воротам всё усиливался собачий лай, и Клара уже стала видеть внушительное разношёрстное и разноразмерное стадо зверей, по голосу которых можно

было подумать, что деда и тем более её тут никто не рад видеть. Голоса не унимались, даже когда дед подошёл к металлической калитке и засунул руку через верх куда-то внутрь, чтобы открыть её, а после, как открыл, вошёл сам и тут же строго скомандовал:

— Так! Тихо! — у него сдвинулись брови и моментально разошлись, а голос подобрел, — а то устроили тут.

Вслед за дедом вошла и Клара и вся эта публика, то с генами овчарок, то питбулей, то пушистая, то рыжая, то черная, то по колени деду, то по пояс, окружило их и стало обнюхивать. Какая-то собака сунула свою голову под руку девочке, видимо, чтобы она её погладила, другая куда-то осторожно тянула Клару за рукав.

— Успокойтесь, сейчас всё дам, пошли, — сказал дед, вынимая банки из портфеля.

И повёл их куда-то, а они без уговоров последовали вслед за ним, под каким-то огромным гаражом дед разлил по посудинам, то, что у него было с собой и собаки стали, похоже, с удовольствием уплетать, спустя считанные минуты миски блестели и они снова занялись Кларой, требуя от неё внимания. Краем глаза она заметила, как дед прощается с немолодым мужчиной, обладателем очень большого живота, который хочешь не хочешь, а притягивал к себе внимание, только Клара решила, что сейчас будут опять спрашивать про возраст и место жительства, как мужчина просто помахал ей рукой издали, пожал деду ладонь и пошёл к себе домой, наверное.

Когда Клара надоела собакам, и провонялась их запахом так, что чувствовала его везде, а собаки, наверное, решили, что она одна из них, то не оставалась ничего делать кроме как бродить по территории базы, как её называл дед, и смотреть на комбайны, грузовики и тракторы, некоторые из них были почти разобраны, какие-то стояли как новенькие. Дед всё время возникал из ниоткуда и давал ответы на немые вопросы, что мол тот трактор-донор, то есть разбирают его на запчасти для других, а этот грузовик только купили, а там уже что-то сломалось, дед говорил название деталей, но Клара не заостряла внимание. После того как она облазила всё, а в некоторых машинах даже посидела за рулём, они с дедом пошли в один из больших ангаров, он сказал, ему надо изготовить какую-то деталь для старого трактора. В ангаре стоял типичный химический запах нефтепродуктов, их разные виды создавали здесь одновременно уникальный, но такой типичный аромат технических сооружений. Дед надел смешные очки, изрядно поцарапанные, запустил станок, который загудел на всё огромное помещение, под лампой, установленной на станке время от времени летала металлическая стружка вперемешку с деревянной пылью, Клара сидела на грязном стуле в метрах пяти от деда и наблюдала за работой. Скоро дед к ней повернулся и показал какую-то золотую трубочку, Клара же подорвалась с места и побежала смотреть: красивый цвет, блестит, да и появилось вот только что.

— Латунь, — ответил дед, — втулка там в трактор нужна.

Потом они пошли эту втулку ставить, пару раз за время работы дед даже ругнулся матом, потом ойкал и извинялся, а Клару только одолевали смешки от этих щекотливых слов.

Обедали они в том, что было когда-то кузовом военной машины, с маленькими окнами толстого стекла на потолке, дед сказал, что всё это называется «кунг», Клара запомнила, и только они вышли из своего домика на ближайшие сутки, как девочку в очередной раз словно током ударило: она услышала нетипичный рёв мотора, поискала взглядом источник шума и увидела, что на территорию заехал мотоцикл, а его водитель сполз со своего транспортного средства и направлялся к деду, Клара неосознанно схватила его за руку и

зачем-то всё сильнее сжимала её:

— Почему он такой, такое лицо? — первый раз спросила Клара кого-то взрослого, когда увидела страшную маску не мельком, а очень ясно.

Дед задержал строгий взгляд на ней, а потом ответил.

— Да он просто пьяный, Карлуха, не бойся.

Чуть с силой дед достал её руку из своей ладони и пошёл на опережение к тому, у кого была «страшная маска», схватил его под локоть, и повёл куда-то, вместо человеческого голоса Клара слышала из его рта только какой-то скрип переходящий в хлюпанье, из которого можно было сложить слова. Заведя страшное создание в одну из построек, дед вернулся к Кларе и сказал ей идти за ним, точнее попросил и направился к кунгу.

— Клара, что ты там видела, что с его лицом?

— Не знаю, он просто..., — она не понимала, как это можно описать, — он не похож на человека.

— Коричневая кожа, или серая, или зелёная? — спросил дед, а Клара опешила.

— Да.

— И зубы острые?

— Да.

— Интересно конечно, — дед о чём-то задумался, потом вздохнул и продолжил, — ну ты не бойся, они все просто пьяные, понапивались водки или ещё чего и превращаются в таких уродов, а когда ты боишься им нравится.

— Мне уже один мальчик говорил, что это когда они пьяные.

— Тут что ли мальчик какой-то?

— Нет, дома.

— А откуда ты его знаешь?

— Меня оставляли у них, когда им надо было куда-то уезжать, потому что я пугалась, когда у мамы с папой были страшные маски.

— И часто тебя так оставляют?

— Всегда, когда едут куда-то, каждый месяц может.

— Понятно, и ты видела в страшных масках и маму, и папу?

— Да, два раза.

— Понятно, — ответил дед заметно погрузнев.

Кларе мгновенно стало стыдно, что она его расстроила, но совсем не сообразила, какие слова подобрать под его вопросы, чтобы не испортить ему настроение. Дед же только погладил её по голове и сказал, что ничего, только вот ей никогда не надо пить и напиваться, даже трогать бутылки не надо, а то это проклятие, особенно для их рода. А что ещё есть какой-то мальчик, которые тоже это видит, то это конечно очень интересно.

— А ты тоже видишь? — спросила его Клара.

— Я — да, а вот баба не видит, но она и не пьёт, — дед поводил глазами по сторонам, думал о чём-то, — ты будешь видеть не только это, но не робей и не бойся, хорошо?

Клара конечно же кивнула, хотя прямо сейчас стало страшновато, правда вместе с тем была и какая-то эйфория, дед всё видит в точности, что и она. Конечно был ещё какой-то мальчик, но Клара и имя его забыла, и где он живёт, и вообще, мало ли что он имел ввиду.

На следующее утро они приехали, а дед рассказал всё что было бабушке, она с соболезнующим взглядом посмотрела сначала на внучку, а потом словно ее осенило, и она сообщила деду то, что он и так понял:

— Так если есть какой-то мальчик, это получается не ваше родовое, да и папа вон не против попить, значит не каждому передаётся.

— Получается так, но у моего отца-то было, — ответил задумчиво дед.

— Ну значит сынок наш в меня пошёл, — бабушка тоже сделала паузу, и обратилась к Кларе, — зато ты трезвой всегда проживёшь, так в сто раз лучше.

Клара и не сомневалась, и никогда не собиралась ни курить, ни пить и так, а превратиться в такого уroda и подавно не хотелось бы. Скоро надо было ложиться спать, перед тем как лечь Клара подумала, что за сегодняшний день словно пару лет прошло, но на душе был, не понятно откуда, нерушимый покой.

08.2028

Про инцидент со страшными масками все как-то подзабыли чуть ли не назавтра, по крайней мере могло сложиться такое впечатление, потому что с утра все проснулись, поели, Клара пошла на улицу, в общем всё было как и всегда. Безмятежность продлилась дня три, у деда вместо работы случился неожиданный выходной, и он спросил, хочет ли внучка поехать с ним на дачу, там надо было что-то сделать с помидорами, собрать клубнику, если вдруг ещё что-то подоспело и может быть уже «пошла» малина, Клара решила разнообразить свои деньки и отправиться с дедом, а не с бабушкой в магазин.

До дач они добирались не на маршрутке, а на полноценном, но сильно укороченном автобусе, у себя в городе Клара таких не видала ни разу. Народу внутри было столько, что можно было подумать, будто им заплатили за эксперимент, в котором выяснялось, сколько же человек может поместиться в этом транспортном средстве.

По времени ехать примерно, как и до дедовой работы, минут сорок, а с пол пути уже стали выходить люди, все как один то с огромными рюкзаками, то с тележками, но что было у всех одинаковое — так это почтенный возраст. Клара с дедом доехали до конечной и прошли несколько улиц, которые на дачах назывались линиями. Они вдвоём стояли возле типичного, ничем не отличимого от других поворота с двумя выезженными редкими машинами бороздками. По обе стороны, разные, но чем-то похожие полутора, но чаще одноэтажные маленькие дома, будто стеснялись и прятались в цветах, кустах сирени или фруктовых деревьях, вдали, где улица заканчивалась виднелся смешанный лес.

Дача деда оказалось ровно в середине этой улицы-линии, Клара то называла это по привычному — улица, а дед настойчиво поправлял внучку и говорил «линия», какая всё-таки разница Клара решила не уточнять, постаралась только запомнить, чтобы в следующий раз уже сказать всё как надо.

Сам дом был кирпичный, вход надёжно закрывала выкрашенная ни в один слой зелёной краски металлическая дверь, по не очень аккуратному исполнению можно было заподозрить её в том, что она самодельная, но так или иначе она имела аж два замка и оба они отпирались странными ключами, своим видом напоминая скорее свёрла, притом спрятаны они были в специальном достающемся из крыльца кирпиче, в общем Кларе было где поудивляться.

Внутри дома в нос сразу же ударил характерный запах старого строения, хоть на улице и было часов девять утра, внутри стояла почти абсолютная темень, всё из-за того, что в крохотный коридор свет мог попадать только из единственной маленькой комнаты, окна в которой были сейчас завешены плотными шторами, а солнце находилось в таком положении, что светило ещё с другой стороны дома. Разувшись они с дедом вошли внутрь, в

ту самую комнатушку в которой у противоположных стен стояли две старые кровати, и будто для каждой было по окну. Дед откинул шторы сначала с одного, потом со второго окна и бросил набитый всяким большой рюкзак на своё будущее спальное место, пружины то ли скрипнули, то ли хрюкнули. Осмотревшись вокруг, дед перевернул металлическую кружку, стоявшую вверх дном на небольшом деревянном столе, между окон и кроватей, взял ложку из «специального» стакана для столовых приборов и зачем-то поляпал ней внутри посуды, посмотрел на Клару, и пожал плечами, будто это она попросила его сделать такого странное действие. Она к слову так и стояла на входе в комнату и всё разглядывала, что есть в этом маленьком доме, а было там казалось всё что угодно: одежды, что хватило бы разодеть какую-нибудь деревню, в условном коридоре обуви такое разнообразие, что можно устроить музей, во тьме, почти незаметные стояли садовые инструменты, а сбоку от Клары расположилась печь, с железной панелью сверху, внутри панели были сложены из металлических колец два круга — побольше и поменьше.

— Плита, — сказал дед, когда заметил, что Клара усиленно соображает, что это такое.

После того как дед на столе разложил продукты на ближайшие сутки, а то следующий автобус приедет только завтра утром, переодев Клару в привезённые с собой вещи, ведь чего-чего, а детской одежды среди кропотливо сложенного хлама было не сыскать, они пошли на огород.

Шёл одиннадцатый час этого солнечного дня, и если дома, у себя в стране, в это время Клара ещё думала, что утро, то здесь она уже привыкла называть такую часть суток днём. Они стали осматривать овощные растения, точнее дед осматривал, а Клара разглядывала всё впервые. Дед с радостью заметил, что ещё осталась клубника кое-где и словно великий полководец указал пальцем куда атаковать его армии из одного человека.

Только Клара отметила про себя, что даже птиц не слышно и нет никаких звуков, как не понятно откуда донёлся мужской голос, который точно не принадлежал деду.

— Здорово, сосед, — тянул голос, будто находился в километре от них, — а кто это у тебя там копошится?

— Да вот привезли кое-кого! — так же не понятно откуда ответил дед, Клара беспомощно вертела головой.

— Я здесь, — крикнул уже точно ей голос чужака.

И Клара наконец-то заметила, как из-за забора торчит чей-то нос и глаза, а над ними древняя кепка, почти потерявшая изначальный цвет, который уже было невозможно опознать, был ли он чёрным или красным.

— Ого, ты вымахала, а я тебя помню вот такой, — сосед поднял ладони и расположил их в сантиметрах тридцати друг от друга.

Клара поняла, что засиделась в этой клубнике и встала, сосед в это время куда-то делся, но вскоре возник уже возле калитки внутри их двора, появившись из ниоткуда в противоположном конце дачи нашёлся и дед и уже шёл к своему товарищу. Они поговорили, как это называют люди постарше «о насущном». Сосед допросил Клару про учёбу и как вообще обстановка у них в стране и ушёл, пожав деду руку так, словно не видел его лет сто и ещё столько же предстоит его не видеть.

В дачных делах, вроде собирания и подвязки помидоров, собирания огурцов, полива растений, на которые указывал дед, и прошёл весь день, не очень быстро, но и не менее приятно, чем остальные дни «в России», как называла любую местность здесь Клара.

Вода, предусмотрительно налитая дедом в специальную бочку за день сильно

прогрелась и Клара мыла ноги, руки и лицо с каким-то особым удовольствием, даже коричневый абсолютно некрасивый и невкусно пахнущий кусок мыла казался ей сейчас таким прекрасным. Что и говорить про ужин, который состоял из компота привезённого с собой в пластиковой двухлитровой бутылке от минералки и лапши быстрого приготовления. Деду два пакета, а Кларе один, зато для неё были кукурузные палочки и салат из овощей, собранных прямо на даче, да сосисок. Так вкусно Клара ещё не ела и возможно голод, нагулянный за целый день здесь не причём. Пока они ели солнце почти село и дед включил одинокую лампочку под потолком, которая хоть и светила тускло, но достаточно, чтобы прибрать тарелки, которые он сразу и пошёл мыть, а потом расстелил две кровати стоящие у противоположных стен. Клара с каким-то неземным облегчением улеглась и даже заснула, а проснулась от того, что дед хоть и старался тихо расставить на столе помытую посуду, всё-таки пару раз стукнул чем-то металлическим друг от друга. Потом она слышала, как он ложился спать тоже, в комнате стало совсем уж темно и бесшумно, даже замолчали кузнечики, которые весь вечер устраивали концерты.

Дед тихо спросил:

— Карлуха, ты уже спишь?

— Нет, — честно ответила внучка, голос дед стал чуть громче.

— Хочешь расскажу про страшные лица.

Клара помолчала и подумала над предложением, внутри-то она уже ответила да, потому что боялась отказывать кому угодно, лишь бы не быть плохой, просто замешкалась, но всё же после случайной паузы согласилась послушать.

— Твоя мама, наверное, называет нашу местность севером, — начал дед и сразу остановился, давая Кларе возможность согласиться, тем не менее она такого припомнить не могла, и он продолжил, — а моя семья начинается ещё севернее, это ещё мой прадед переехал сюда и для него это был юг, я сам от него этого наслушался, когда мне было лет как тебе или даже меньше.

Дед вздохнул и прокашлялся, без особой нужды, так делают перед длинной речью многие и продолжил рассказывать, что очень давно, когда его предки жили далеко на севере к ним стали являться люди, очень сильно отличавшиеся внешне, говорившие на других языках, мало кто мог сообразить, что им нужно, да и брать у их народа было особо нечего, спасались оленеводством и рыбной ловлей, иногда воевали с соседями, но так вообще было всегда, с самого начала времён, пока не появились эти странные чужаки. С начала они стали меняться разными вещами, давали ножи в обмен на шкуры, какую-то мелочь для хозяйства меняли на мясо и всё в таком духе, но обмен становился все менее справедливым, зато и понимать народы стали друг друга всё лучше и лучше и оказалось, что мои предки живут на земле, которая принадлежит гостям и обязаны платить за это, мол это налоги и у них в государстве так заведено.

Но никто в народе такого не мог понять, потому что все точно знали, что жили тут всегда и где начинаются чужие земли все тоже знали прекрасно. Тогда гости решили приучать народ оружием, но хоть они и имели ружья, охота составляла неотъемлемую часть жизни народа и коренным людям хватало меткости и умения прятаться, как и быть неслышимыми словно тень, даже лучше: быть незаметным там, где негде спрятаться. Поэтому война оказалась для чужаков совсем не такой лёгкой, как у них планировалось, и если бы им хватило мужества, то они конечно бы признали, что продули в этой схватке.

Ненадолго отступив гости вернулись снова, но без ружей, без наглости и без злобы, зато

были полны разных даров, среди которых была мерзкая водица в маленьких бутылках. Пробовало её всё племя и всё кривилось и плевалось, а гости смеялись, но и сами были не прочь приложиться. Перед тем как выпить некоторые жадно ноздрями засасывали воздух, а потом почти с наслаждением выдыхали, предлагая народу испробовать ещё раз, только чуть-чуть, это сначала гадко, потом дерёт лёгкие, а потом хорошо и чем больше пьёшь — тем лучше. Гостей обижать не очень красиво и народ пил, а потом оказалось, что гости и не врали: правда стало хорошо, просто отлично. Один из народа на радостях хотел поделиться с детьми, которые сидели и не плакали конечно, но перепугались это уж точно, но гости запретили давать такое тем, кто ещё не вырос, может это кого-то и спасло.

Дед, поднялся с кровати, налил себе компота и жадно выпил.

— Вот тогда-то, Карлуха, как мне рассказывал прадед, а ему его прадед, и так далее, что каждый из детей видел, то, что видела много раз ты и я, как целое селение за несколько часов превратилось в гниющих уродов, которые то хлюпали глотками, то издавали вместо голоса ни на что не похожий гул, кожа будто старела на глазах, а зубы у кого заострялись, у кого вываливались наоборот.

— А где сейчас этот народ?

— Нет уже этого народа, но такое было много где, не только с нашими предками, ну и повсюду были те, кто видел их по-настоящему.

— Кого их? Тех, кто пьёт водку?

— Они пьют её потому что они такие уже, и они такие уже потому что пьют, понимаешь, тут нет начала и нет причины, и дело не только в водке, а во всём, что пьянит мозги, например, вот наркотики сильнее водки и вот наркоманов видит уродами почти каждый, даже те, кто пьют.

— Я никогда не буду пить, — пообещала Клара, хотя никто не спрашивал.

— Ещё бы. Странно, что твой папа ничего не замечает, в нашем роду такое было у каждого, и странно, что он тебе ничего не рассказал, сам, чтобы ты не боялась. — Дед, резко переключился обратно к рассказу, — но как бы там ни было, гости добились чего хотели — народ перестал быть воинственным, вся воинственность будто стала переходить на собственных детей, жен, друзей, соседей, а со временем народ угас, спаслись лишь те, кто в маленьком возрасте убежал южнее, вот так и мой какой-то предок был одним из тех, кто в очередной раз спустился «вниз», потому что каждое поколение доставала эта водочная чума где бы они не жили, да и водка это не самое страшное из того, что бывает.

— Значит эти люди совсем не опасные, со страшными лицами, есть страшнее?

— Как тебе сказать? Эта дорожка, которая идёт не туда и с каждым шагом все мы всё ближе к пропасти из которой спастись невозможно. Бог или природа подарил кому-то дар, как тебе, видеть всё в правдивом свете, наверное, чтобы затормозить это движение к гибели, дело-то не в одной только водке, к ней толкает нищета, а нищета берётся от любви к водке или другим ненужным на этом свете вещам. — Дед прислушался к тишине и продолжил, — всё зло в мире связано и порождает друг друга, но также и добро и что-то хорошее связано и порождает друг друга, — этого Клара уже не слышала, так как не смогла устоять перед желанием спать, которое было таким сильным после целого дня на свежем воздухе.

Проснулись с дедом они почти одновременно, дед успел чуть раньше и просто лежал на животе глядя в окно и нахмутив чёрные брови, краем глаза он заметил, что Клара крутится и тут же отметил, что хорошо, что она встала. Клара же внутри себя отметила, что дед стал какой-то немного печальный, но после того как они поели, собрались и шли к остановке, он,

можно сказать, расходился и снова был привычно весёлым.

Дома их встретила бабушка и немного расспросила Клару о делах на даче, пожурив деда, что он не сводил внуку на рыбалку, а тот только говорил, что пока покрутились там-сям, то уже и ночь настала, да и ещё успеют съездить туда не один раз.

Время шло, до сентября оставалось две недели, за Кларой из дома выехала мама, так сообщила бабушка после разговора по телефону. Через день дед поехал её встречать. На дачу после того раза попасть и не получилось. Клара ещё не знала, что можно по кому-то скучать, но, когда мама приехала, Клара поняла, что за эти два с лишним месяца успела по ней сильно соскучиться и кажется по папе не меньше, даже как-то стыдно за такие мысли перед дедом с бабушкой, но что уж с собой поделает, хотя такие размышления и не значат, что здесь у них было как-то не очень, всё было отлично.

Через пару дней дед поехал провожать их до областного центра, бабушка ещё с утра расплакалась, когда все уезжали, а дед был непривычно молчалив всю дорогу, и когда сидел в поезде до Москвы достал из своего рюкзака, очень большого размера мешок конфет.

— Вы что, да не надо, — начала говорить мама, хотя давали-то не ей.

— Надо! — твёрдо ответил дед, — это наши с Карлухой дела.

«Карлуха» же как-то ехидно глянула на маму, но конечно без злости, ей было только слегка смешно, что мама никогда не может переспорить деда, поэтому она сейчас в попытках задержать улыбку сжала губы в тонкие нити и смотрела на мать из подо лба, как учитель сквозь очки на провинившегося опять ученика.

Проводник попросил провожающих покинуть вагон, и дед повиновался, перед выходом потрепав внуку за коричневые волосы, сказал ей обязательно приезжать к нему в следующем году, а то он сам приедет, Клара засмеялась, а дед театрально вздохнув пошёл к выходу из вагона.

Он ещё долго стоял на перроне, аж пока поезд не уехал, а Клара всё это время стояла у окна в тамбуре поезда и разглядывала деда так, будто видела этого человека впервые. Поезд тронулся и со временем дед пропал из поля зрения, Клара вернулась к себе в купе, где с мамой они ехали вдвоём, мама привычно сидела в телефоне, а на Клару накатила какая-то грусть, которая время от времени смешивалась с радостью от того, что они едут домой.

09.2028

Поезд равномерными звуками и толчками аккуратно разбудил Клару когда ещё было темно. Лежа сверху, первым делом она посмотрела вниз, на маму, та ещё спала и, кажется, время от времени попадающие на лицо тени или свет от фонарей нисколько не мешали ей. Клара решила смотреть в окно, ведь стало интересно где же они едут. Узнать это по пейзажам было нельзя никак. Скопления маленьких домиков, примерно поровну, что деревянных, что кирпичных выкрашены только в светлые оттенки, а между ними поля или лес. Посмотреть сколько времени негде, но день лениво заступал в свою смену, сменяя ночь. Прошло около получаса после пробуждения Клары, как зазвонил будильник на мамином телефоне, дочь машинально сначала глянула на его экран, а потом на маму, которая тоже будто машинально, даже не открывая глаз, первым делом нахмурила брови, а вторым неуклюже стала пытаться найти телефон беспорядочно ляпая рукой по столику. Будильник вскоре был выключен, а они отправились «наводить гигиену» как выразилась мама, после этого она стала собирать постели, скрутив одеяла и подушки с простынями в два огромных рулона. Мама с дочерью сидели напротив них так, будто от скуки создали себе попутчиков.

— Скоро уже приедем, — сообщила и так понятные вещи мама.

Только она договорила и в дверь пробили три застенчивых удара, это была проводница, которая раздавала обратно билеты.

— А почему их обратно отдают? — спросила Клара, как только вежливая женщина в синей форме заперла дверь купе.

— Ну, — помедлила мама, — может быть кому-то надо.

— А нам надо?

— Не, — мама опять будто задумалась, — выбросим.

Клара об этом даже немного пожалела, две бумажки цвета персикового йогурта казались ей красивыми, то ли своими необъяснимыми узорами, то ли блестящей полосой с боку, да и вообще это же настоящее подтверждение того, что она была в другой стране, до которой ехать два дня.

После того как поезд остановился и делившие последние пару суток такой длинный и увлекательный для Клары путь пассажиры разбежались кто куда, словно стая птиц, спугнутая кем-то. Стало заметно, что они с мамой стоят совсем одни, не слышно ещё ни машин, ни тем более людей. Прохладный августовский воздух с невероятной легкостью залетал в грудь, а солнце светило откуда-то из укрытия, потому что его самого видно не было, но на улице стоял практически день. Вокзальные часы сообщали о том, что сейчас с небольшим шесть часов утра. Пройдя несколько подземных переходов Клара с мамой оказались около высокого старого здания, перед входом в которое был установлен памятник какой-то женщине.

— А кто это? — сразу же поинтересовалась Клара.

— Учительница, это «пед».

Клара настолько просверлила свою мать взглядом, что та без дополнительных вопросов добавила:

— Педагогический университет, там учат учителей.

— И из нашей школы тоже?

— Ну, скорее всего кто-то отсюда есть и у вас.

Две фигуры пересекали большую площадь, чтобы сесть к арендной машине, которых на удивление не оказалось прямо около вокзала, а пришлось проделать десятиминутный путь. Мама тянула по плитке с характерным стуком чемодан на колёсиках, а Клара сама несла свой портфель и тканевую сумку с дедовыми подарками. После того как мама покопалась в телефоне замки на машине отщелкнулись и спустя пол часа они обе были дома.

Клара, ещё когда шла от вокзала до машины заметила в себе какую-то необъяснимую радость от того, что она просто приехала домой, хотя и в России ей всегда было хорошо, но тут подумалось, что даже дышать приятнее, а войдя в свою комнату это ощущение только усилилось из-за того, что сквозь окно осторожно струился оранжевый свет, будто подсвечивая лежащий на диване графический планшет в белой упаковке. У Клары даже дар речи пропал, не потому что она это давно хотела или просила, она и об обычном телефоне не просила, а когда он появился, то не особо-то им и пользовалась, а просить аж специальный планшет не могло ей и в голову прийти. Во-первых, в плане рисования её полностью устраивала бумага, а во-вторых, хоть и было интересно как рисуют на этих штуках, цену из она уже понимала тоже. Слово испугавшись невиданного зверя с растерянным лицом, она только посмотрела на маму, а та в ответ улыбалась привычной улыбкой.

— Ну открывай, — сказала она Кларе.

Та же всё никак не могла ухватиться за край упаковочной плёнки, которая как на зло сейчас выскользнула из пальцев как ты за неё не возмись. Тогда мама сходила на кухню за ножом и сделала небольшой надрез, дальше уже Клара могла справиться сама и после того как включила свою новую вещь, время резко сжалось и промежуток с семи утра до часов двух дня пролетел не более чем минут за сорок. У Клары уже порядочно заболела голова и сообщив маме, что она пошла на улицу, быстро выскочила из дома на поиски своих друзей, во дворе почему-то никого не обнаружилось, как и во всех остальных местах, где только могла предположить девочка. Домой она вернулась чуть позже трёх часов дня, как раз было время обеда.

Вечером домой пришёл и папа, после того как расспросил Клару про её сюрприз, взял планшет и сказал, что ещё сейчас туда кое-чего добавит, когда дочь хотела подсмотреть он убирал планшет и приговаривал что-то вроде: «Куда мы лезем?», Клара в ответ только улыбалась. Наставил он туда ещё несколько приложений для рисования, хотя тот кому этот планшет предназначался был в восторге даже от стандартного приложения, а теперь и подавно.

На завтра Клара уже и с друзьями повстречалась, а ещё через неделю, когда буквально пару дней оставалось до школы, Клара зашла домой с губами больше своих обычных размеров в несколько раз, папа усмехнулся и что-то пошутил, а у мамы было что-то близкое к истерике совсем не в юмористическом смысле. После расспросов выяснилось, что два мальчика дрались палками, видимо имитируя ними мечи и неожиданно кусок «меча» отлетел Кларе прямо в лицо. Папа ещё больше засмеялся, а мама выдала что-то странное вообще для всех:

— Ага, стояла там, наверное, хвасталась, что в России была или своим планшетом, вот и дали, — говорила мама отцу, будто сама была там.

— Ничего я такого не говорила, — на удивление самой себе запротестовала Клара.

— А что это тогда? — спросила мама словно в первый раз увидела «раны».

— Это палками дрались.

— Да какими палками? Что ты врешь?

— Ну и иди, сама знаешь куда? — обидевшись сказала Клара то, что слышала и дома и уж тем более во дворе.

За что мгновенно почувствовала пощечину, а отец больно схватил за руку и стал говорить, что так с матерью разговаривать нельзя и что она вообще себе возомнила, но в Кларе бурлил коктейль от досады и злости с такой силой, что все эти взывания к совести абсолютно не были услышаны.

На завтра будто всё забылось, и мама была по-обычному доброй, а Клара, не умеющая долго сопротивляться буквально через пару минут подобрела тоже, ещё через пару дней они поехали всей семьей за школьной формой и остальными принадлежностями, включая новый рюкзак, и вроде бы всё хорошо, но Кларе как-то резануло слух это слово — «семья», когда слышала его от кого-то из родителей. Впрочем, концентрироваться на данных чувствах она не стала.

С привычной линейки началась и школа, теперь Клара её уже точно ждала, потому что ни с одним предметом не знала никаких проблем и не собиралась узнавать их впредь, ведь ей было крайне приятно испытывать это чувство: чувство жизни со всеми законченными делами, вроде бы это мама когда-то её и уговорила делать уроки в среду на пятницу, чтобы в

четверг быть свободной и с пятницы на понедельник, чтобы гулять все выходные. Такого принципа Клара теперь старалась придерживаться во всех сферах своей жизни и жизнь за это будто благодарила её: страшных масок дома она уже давным-давно не видела, а если такое случилось где-то на улице, то её это больше ни капельки не пугало, в классе она со всеми сдружилась, и чуть ли не каждый учитель нахваливал её. День рождения, новый год, подарки и спокойствие, теперь Клара точно отдавала себе отчёт в том, что она счастливый человек.

После зимы наступила теплая весна, и в самом конце этой поры года неожиданно, где-то за неделю до каникул, приехал дед. Старший человек в роду Чащиных решил никого не предупреждать и своим внезапным визитом сконфузил родителей Клары, зато сама она чуть не разорвалась от радости, когда увидела бровастого высокого мужчину в одеждах тусклых тонов и с огромным рюкзаком, без которого уже и не могла представить деда. Лето ещё не наступило, а он уже начал удивлять её как когда-то в России, хватило даже того, что дед без телефона, только лишь дома на компьютере посмотрев карту, добрался до озера и они смогли с Klarой порыбачить, а в другой день, точно так же, лишь глянув где лес, они с внучкой отправились собрать каких-нибудь грибов: «А вдруг!» сказал дед, комментируя сомнения Клариных родителей, что весной вообще бывают грибы. Их и не было, зато дед показал Klarе птиц, названия которых она слышала, но никогда не видела, а также почти с грустью сообщил, что на слух он их особо не отличает. Клара не сказать, чтобы всё запомнила, зато в память въелось, что все, кого она называла воронами оказывается являются разными птицами, «вороны» с голубыми глазами — галки, большие «вороны» с серым пухом на клюве — грачи, а большие вороны, словно в серых майках — и есть вороны, только серые, а есть чёрные, от грача отличаются тем, что у них клюв полностью чёрный. Эти знания потом не раз пригождались девочке, чтобы поправить не таких разбирающихся детей.

Дни прошли, а вслед за ними наступило лето, а значит она снова поедет в Россию к деду с бабушкой, что в общем-то опять и случилось, а в конце лета её опять забрала мама, и даже не описать с каким воодушевлением Клара ехала с ней на поезде, ведь ожидала подарков, как и в прошлом году, но на этот раз вышло без сюрпризов и она конечно немного огорчилась, но долго не грустила, буквально несколько минут, всё равно ей ничего такого уж конкретного и не хотелось. Зато точно, как в прошлом году ей хотелось в школу, ведь там друзья и ежедневная радость в виде весёлых перемен и хороших оценок, а также радость от решения трудных задач.

И не сказать, что всё стало каким-то однообразным и зацикленным, потому что когда человек счастлив его устраивает и однообразие, но годы проходили очень сильно похожими один на другой, разве что когда Klarе стукнуло десять, папе по вопросам бизнеса надо было часто уезжать куда-то на долго и в другие страны, поэтому дома его могло не быть и около месяца. К маме в это время не менее одного раз в неделю стала приходиться подруга, с которой они сидели в комнате и говорили обо всём подряд, часто, например, обсуждая своих мужей, в руках непременно было по бокалу белого или красного вина, цвет не важен. В результате Клара всегда видела страшную маску, только теперь она уже знала, что это не какой-то монстр или чудовище — это просто её пьяная мать. Когда мама была в таком состоянии, Клара ничего не могла с собой поделаться, постоянно огрызалась, хотя мама, как правило, была с ней неадекватно учтивая, но хоть ребёнок и не мог четко сказать и даже осознать, что его бесит именно эта фальшь, но уж точно что-то бесило и очень сильно.

Подруга, тётя Инна, как заставляла мать называть её вместо Клариноного «эта», всегда была на стороне матери, а нередко могла и отпустить какую-то колкость в сторону Клары, чем только подпитывала негативное отношение к себе.

В конце учебного года Клара чувствовала себя абсолютно чужой в этом доме и только и ждала того, чтобы отправиться в Россию. Да, дома был и отличный компьютер, и телефон у неё появился такой, который хотели бы все в классе, одежда и школьные принадлежности тоже в основном брендовые, вот только это мало поможет, если для собственной матери ты по умолчанию глупая и во всём плохая, а отец всегда на стороне матери, хотя домой приезжает на пару дней в месяц, но ведёт себя так будто в курсе всех дел внутри этой квартиры.

Один раз мать решила выяснить в чём же причина такого резкого ухудшения отношений с дочерью и когда Клара сидела и смотрела телик, мать предусмотрительно отобрала у неё пульт и села в кресло.

— Так, — начала она, — в чём дело?

Клара не реагировала, хотя отлично понимала к кому обращаются.

— Клара, я с тобой разговариваю! — ужесточила голос мать. — В чём дело? За что ты меня ненавидишь?

Клара конечно же никого не ненавидела, просто очень уж легко её было поймать на таком манипулятивном вопросе, и в этом раз она вострепелась как птичка и делая глубокий выдох, понимая, что сейчас начнётся выпалила:

— Просто ты слишком много пьешь.

Под лицом матери будто пробежали какие-то насекомые:

— Так что мне не с кем не общаться? Только на тебя сидеть смотреть или что?

Тут в разговор влез стоящий в дверях отец.

— Действительно. Ты уже вообще оборзела, у каждого должна быть своя личная жизнь, — спокойно заключил он.

Клара же уже почти плакала, она абсолютно не понимала в чём она борзела, она просто не хотела, чтобы пьяная мать, которой постоянно была присуща в этом состоянии страшная маска, чужой голос, чужие манеры и чужое поведение как-то контактировала с ней.

— Общайся, — ответила им двоим дочь уставившись в телик, по которому не шло ничего, но спрятать наглым образом вылезающие из глаз слёзы можно было только так.

Разговоры подобные этому происходили ещё не раз, и хоть в школе пока всё и было хорошо, дома тучи сгущались всё больше и больше, а совсем уж черно было, когда в один день перед школой Клара узнала от отца, что умер дед и отец поедет туда помогать. Происходило всё зимой, и выйдя из подъезда она заметила какую-то перемену в цветах вокруг себя: небо было пасмурным, но она обычно любила такую погоду, теперь же эта серость давила всем своим весом, на лавках необычно много обладателей страшных масок, а школа до этого вызывавшая только положительные чувства, казавшаяся чем-то монументальным и основательным, почему-то стала выглядеть дряхлой. Входные пластиковые двери были измызганы, краска на дверях кабинетов отслаивалась, куда-то делась одна буква с большого расписания висящего на втором этаже, хотя всего лишь ещё вчера всё казалось нормальным. Как итог, в конце третьей четверти Клара получила первый раз оценку, которая другими словами называлась «удовлетворительно», то есть тройка по старой системе, радости было мало, но она будто не могла всерьёз волноваться о школе, только лишь ждала лета, ведь летом она отправится в Россию, жаль, что теперь уже только к

бабушке. Время в гостях у неё воспринималась как спасательный остров, после которого чудом всё исправится и станет хорошо, ведь там никогда не бывало плохо, и приезжая домой всегда была какая-то радость.

В Россию Клару снова завозила мама, это была уже совсем не та девчушка семи лет, которая приезжала раньше, в прошлом октябре стукнуло одиннадцать, сама Клара этот каламбур заметила, но никому не говорила, что одиннадцатого октября ей одиннадцать лет. И хоть в отличие от тех времен, когда она была ребёнком, Клара уже умела скрывать свои чувства, бабушка заметила холодность между матерью и дочкой. Когда мама уехала домой бабушка интересовалась в чём же дело и не показалось ли ей. Внучка всё и изложила в подробностях, про подругу, «эту» тётю Инну, про отца, который всегда за мать, не говорила разве что, что в школе стала учиться хуже, в этом она обвиняла только себя.

Когда мама приехала её забирать, то бабушка чуть ли не в первый день решила начать разбираться с тем, что происходит дома у её сына.

— И что, это правда, что ты и неделю не проживёшь без выпивки? — спросила бабушка маму строго.

— Это что, она наплела? — мама презрительно кивнула в сторону дочери.

— Так это правда или нет? — не унималась бабушка.

— Конечно нет, ну бывает мы выпиваем, как и все люди.

— Она ещё и курит постоянно в это время, — стала давить Клара уже понимая, что бабушке ответить нечего на такую простую мамину отмазку.

— Ты ещё и куришь?! — бабушка была совсем уж шокирована.

— Хватит врать уже! — зарычала мать на Клару.

Бабушка предательски чуть ли не встала рядом с мамой по одну сторону, хотя ещё мгновение назад они стояли друг на против друга и ударила откуда не ждали. По крайней мере такого не ждала её внучка, и что всё будет настолько быстро, ведь всё лето, только и шли разговоры вроде: «Пусть только она приедет, я уж с ней поговорю, а если Алексей приедет, то вообще не знаю, что с ним сделаю, дед таких терпеть не мог». А сейчас мать перевела главное Кларино оружие и защиту в виде бабушки в свою пользу. Так Кларе и казалось, что теперь бабушка защищает мать от неё, взрослую женщину от девочки, которой ещё нет и двенадцати лет.

— Ты точно не обманываешь, Кларочка? — спросила бабушка, будто умоляла признаться её, что она просто наврала доверчивой старухе.

Только вот чувствовала себя обманутой здесь одна Клара, которая решила больше никому ни на что не отвечать, взрослые же тоже, что называется, съехали с темы и стали заниматься своими делами, а этот разговор словно затерялся где-то как большой предмет, который был у всех на глазах, но его никто никак не замечает. Зато мама с Кларой в остальные дни общалась подозрительно вежливо, Клара ждала, что это закончится как только они сядут в поезд, но и в поезде всё было нормально.

Бабушка, как несколько лет назад дед, стояла на перроне и отчего-то плакала, не сильно, время от времени вытирая слёзы, Клара смущалась этого, а бабушка, заметив внучкино смущение сквозь слёзы улыбалась, девочка улыбалась ей в ответ застенчиво сжимая губы и махая рукой. Поезд тронулся, и они с мамой в очередной раз поехали домой. В этот раз Клару забирала сильно позже обычного, школа начиналась буквально через пару дней.

— Клара, у тебя ж скоро день рождения, что тебе подарить? — спросила неожиданно будущую именинницу мама.

— Ничего не нужно, просто, — девочка резко оборвала свою речь, глядя матери прямо в глаза и будто взвешивая шансы на то, стоит ли говорить, выдохнула и продолжила, — просто можно никто не будет пить?

Мама оторопела на мгновение, но довольно быстро из него вышла, однако этой секунды уже хватило, чтобы Клара подумала, что успела разозлить её, а мать неожиданно усмехнулась и совсем не по злому, не убирая улыбки с лица она продолжила:

— Ну ты юмористка, а всё-таки, чтобы ты хотела?

Клара решила не настаивать на том, что она сделала эту просьбу вполне серьёзно, и пожав плечами вежливо сказала, что не знает, мама, кивнув, с лицом на котором кроме тёплых эмоций не было ничего, закрыла дверь в комнату дочери. День рождения должен был состояться послезавтра, наступало двенадцатилетие, а уже завтра был понедельник, и Клара больше думала о школе, чем о предстоящем празднике.

В понедельник придя с уроков она застала родителей за готовкой еды для завтрашних гостей, по телевизору на кухне шёл какой-то музыкальный канал. По Кларину мнению, звук его был немного громче, чем следовало бы и ещё стоя в коридоре её настроение начало портиться, потому что слишком громкая музыка может значить только одно — родители в очередной раз надели свои страшные маски. Сняв куртку и скинув ботинки, она нехотя пошла в сторону кухни, в надеждах, что может быть телик работает громко просто, мало ли, всё бывает в первый раз, но к своему сожалению, через мгновение поняла, что и на этот раз не ошиблась и оба родителя были уже «не пьяные, а выпившие», как недавно выяснилось в одной из ссор с мамой, что именно так стоит её называть, хотя что от этого меняется.

— До завтра нельзя было подождать уже? — спросила Клара, держа своей рюкзак с учебниками за маленькую верхнюю ручку.

Обе страшные маски отвлеклись от копошения на столе. Одна из них, папина, расплывалась в глупой улыбке, мамина, как обычно, была крайне недовольна, она же аккордеонным голосом и ответила дочери:

— Для тебя стараются вообще-то, — она вздохнула так, как вздыхают, принимая несправедливые обиды.

Тут же подключился и отец:

— Действительно, чего ты всегда недовольная, и вообще у тебя в этом доме голоса не должно быть, потому что твоя работа — молчать.

Клара тут же приступила к «рабочим» обязанностям и молча пошла в свою комнату выполнять домашнее задание, твёрдо решив завтра ни в каких празднованиях не участвовать, хотя не только завтра, а вообще никогда в этом доме. Учиться было всё сложнее и сложнее, не понятно только из-за того, что Клара глупая, или из-за того, что она всё время думает про свой дом и то, что в нём происходит, спокойствию не помогали и учителя, одна из которых заявила Кларе, выделив только её из всего шумевшего на том уроке класса, со всей серьёзностью заявив ей: «А вы, Чащина, скатились с такой скоростью, что уже страшно». Про свои ухудшающиеся оценки она знала и сама, а тут будто надавили на и так сильно болящую рану. Улыбка с лица ученицы тут же сползла, да и как-то совсем не кстати в тот момент примолк весь класс.

Сейчас не получалось даже тетрадку открыть, руки тряслись, в голове что-то настырно

гудело, не давая больше ни одной мысли быть услышанной, в итоге на листы в клетку, прямо на уравнения начали капать слёзы, которые ребёнок будто пытался высушить изнутри, всасывая в себя побольше воздуха. Зато после того как поплачешь, всегда хорошо засыпается, этот раз не стал исключением.

А во вторник уже был день рождения, в школе про это никто не знал, потому что Клара так и не сподобилась завести страницу хотя бы в какой-то социальной сети, и сегодня она даже наслаждалась, что никто не подозревает о таком важном дне в её жизни. Никакое внимание и не от кого ей уже не нравилось, хотя решения она такого не принимала и даже не думала об этом, просто, когда кто-то произносил её имя, испытывала как правило негативные эмоции и наоборот, было приятно, когда Клара то ли не замечают, то ли специально не трогают. Хотя её класс и учился в этой четверти во вторую смену, Клара домой пришла пораньше гостей, обнаружив внутри родительской комнаты стол с педантичной точностью расставленными тарелками, стаканы, столовые приборы, даже некоторые блюда уже были размещены здесь, мама с новыми ногтями и свежекрашенными волосами, превратилась из обычной блондинки в какую-то седую что ли, носилась в платье из комнаты в кухню и обратно:

— Иди тоже переоденься, — вежливо попросила она дочь, — скоро уже все придут.

— Да я нормально, — ответила Клара, думая о том, как ей лень переодеваться и вообще думать о том, что надеть для «этих всех».

— Ну как хочешь, — решила не настаивать мама, — Как у тебя сегодня в школе?

— Кстати, да, — ответила девочка что-то вспомнив, — я пойду делать уроки.

И не отвечая на поставленный вопрос ушла в свою комнату, в которой включила старую лампу, возраст которой превышал Кларины и может быть поэтому она не давала её заменить на что-то более современное. Со спокойствием, которого так не хватало вчера, сначала она достала учебник математики, потом тетрадь и приступила к решению заданий, которые теперь стали даваться с таким трудом. Вскоре, сквозь свои густые мысли, устремлённые который раз в учебник и перечитывая задание, она услышала звук дверного звонка, а вслед за ним весёлый возглас какого-то мужчины, которого чуть не с порога стал успокаивать женский голос, может принадлежащий его жене, чтобы он вёл себя потише. Это было только начало, судя по тарелкам, которые Клара не успела сосчитать, только прикинула, что должно было человек восемь или десять. Со временем пришли и остальные, а математика всё никак не получалась, из другой комнаты она услышала:

— А где именинница? — голос точно не принадлежал кому-то из родителей, — сейчас будем отрывать ей уши.

Спустя несколько секунд дверь в её комнату без стука открылась, и Клара мгновенно обернулась посмотреть кто проявил такую наглость, хотя не то чтобы раньше в её двери кто-нибудь стучался, мама заходила сюда так, будто тут никогда никого не было и будто она никому не может помешать. Для Кларины это могло значить только то, что чем бы она не занималась — это не имеет значения, она — пустое место и её практически не существует, а спрашивать что-то у того, кого не существует довольно-таки странно. Но с одной стороны в мозг въедались эти мысли, а с другой эти врывания матери в комнату бесили каждый раз всё больше. Этот раз не стал каким-то особенным, на лице у девочки уже было написано как она раздражена, однако на своё раздражение в ответ она встретила улыбку.

— Пошли уже, отличница, — в дверях стоил рыжий мужчина большого роста и веса, впереди себя он держал большой живот, — потом доделаешь уроки свои, мы ж тебе там

подарков привезли столько, упадётся.

Клара знала, что этого человека зовут Игорь, это знакомый, ну или друг её отца, вот только откуда он его знал девочка не помнила точно, может быть они вместе учились в школе, а может быть жили в одном доме в детстве отца, хотя и то, и другое вряд ли, отец ведь приехал сюда из России только в восемнадцать лет, наверное, они вместе учились в университете. Лицо мужчины было настолько дружелюбным, а громкий голос играл какими-то весёлыми нотами, что и без того отходчивая Клара забыла про свою злость и раздражение быстрее обычного.

И вот она уже сидит во главе стола, а с другой стороны что-то тарыхтит телевизор, как-то скромно, как будто старался не перебивать взрослых. Стоило виновнице торжества сесть на предложенное место, как на неё тут же посыпались комплименты в основном по поводу внешности, которые тем не менее не достигали цели. Клара как-то задавалась вопросом красивая ли она, рассматривала себя долго в зеркале, но так и не поняла, что именно нужно считать красивым, но отметила, что совсем не похожа на тех, кого считает красивыми сама. Сегодняшний праздник показал, что её густые коричневые волосы все сочли красивыми, а также высокий рост тоже всех почему-то порадовал, и хоть девочка особо не впечатлялась, всё же было немного приятно кому-то нравиться. Немного поев один из гостей вспомнил про подарки и рванул куда-то в коридор так, будто то, что он купил кто-то может украсть или будто у Клары был секундомер и время, чтобы ей что-нибудь подарить вот-вот истекало. Вслед за этим человеком отправились и остальные, людей, кстати, пришло не восемь и не десять, а всего лишь пять, папин рыжий друг и две семейные пары, никто не взял с собой детей. Остальные три тарелки были для мамы, папы для неё самой соответственно. Рыжий мужчина подарил энциклопедию, таких размеров и веса, что Клара с трудом удерживала её в руках, от одной семьи ей достались книжки с какой-то фантастикой для детей, от другой настоящие шахматы, в которые Клара так и не научится играть, но в тот момент она была очень рада, потому что достоинство с которым на доске держатся фигуры и умный вид с которым игроки их передвигают её всегда впечатляли, когда-то она даже попросила папу купить ей такое, но он сказал, что дома у них никто играть-то не умеет, на этом и позабылось.

Клара была рада и даже не старалась скрыть свою улыбку, даже за стол больше не садилась, а разместилась в комнате со всеми в кресле, в котором первым делом стала листать огромную зелёную книгу с золотыми буквами на обложке и с информацией обо всём на свете. Информация очень удобно располагалась в алфавитном порядке, и девочка металась от буквы к букве, вспоминая о чём-нибудь, например, о самолётах и тут же перебрасывала охапку страниц, глядя есть ли что-нибудь о самолётах и о самолётах действительно что-нибудь, да находилось, когда фантазия закончилась, она вернулась к букве «А», то есть начала с начала, статья была о «Аборигенах», не успела она вчитаться, как её отвлек женский голос:

— Клара, — девочка подняла глаза в поисках звавшего её.

За столом было то, что и должно быть, когда все пьют: страшные маски уже были одеты на всех, а голоса преобразились в разные тянущиеся звуки, которые мало чем напоминали то, как говорят люди, но слова Клары уже научилась разбирать.

— А что тебе подарили мама с папой?

На неё ехидно смотрела обладательница зелёной кожи, маленькие глазки стали совсем чёрными и как-то округлились, а истончившиеся губы раскрылись обнажив редкие ржавые

иголки вместо зубов. Хотя женщина и сидела далеко от Клары, вонь от спиртного и переваривающейся в желудке еды были будто направлены прям к ней в нос. Брови Клары машинально сдвинулись, а взгляд она перевела на рыжего мужчину, лицо его стало серым, щеки покрылись чёрным прыщами, нос уменьшился и задрался вверх, напоминая свиней, а губы распухли до каких-то мультяшных размеров, зубы же его остались обычными, человеческими, разве что вытянулись в длину и между ними откуда-то взялась земля или что-то очень на неё похожее. Все остальные были в словно заблюрены до тех пор, пока Клара на них не посмотрит.

— М-м-м, — замычала мама словно что-то вспомнила и постучала спрашивающую женщину по руке, — я спрашивала, что она хочет в подарок, а она попросила чтобы мы не пили! — и разлилась в булькающем хохоте, а вслед за ней и остальные.

В комнате под этот смех мгновенно стало темно, хотя Клара смотрела на лампочки, каждая из которых точно работала, но тем не менее свет в комнате будто исчез, а лица взрослых подсвечивались синим, от телевизора, наверное, теперь девочка обратила внимание, что каждый смотрел на неё с каким-то презрением, лица всех были изуродованы.

— У тебя родители что, алкаши какие-то? — бросила ей обвинение другая женщина.

— Тебе не стыдно вообще, ты знаешь, как я жил в твои годы? — поддерживал её муж, сдобрив свою реплику матом продолжил, — вообще, что пошли за дети, всё время недовольны, всё время ноют, что тебе не хватает? Компьютер есть! Жрать есть! Что ещё?

— Ты, сука неблагодарная, не знаешь, как алкашей дети живут! Тряпки жрут! — снова влезла его жена.

Клара решила не дослушивать, хлопнув своей новой книжкой встала с кресла и пошла одеваться в коридор, там она первым делом включила свет, лампочка загорелась, но сильно светлее не стало, тут же в дверях появились мама и папа:

— Куда ты намылилась? — абсолютно невежливо спросила мать, дочь не отвечала.

— Обидели как обычно, ну это возраст такой, — видимо объяснял своей жене Кларин папа, — никуда не денется, пусть валит.

— Пусть валит, — согласилась мама, — но скажет куда, — она залилась гадким смехом. — Я же мать, я должна знать.

В это время Клара уже открывала входную дверь, не завязав шнурки и не застегнув куртку, потому что поскорее хотела уйти отсюда, в спину услышала:

— Клара! — мерзко и неестественно высоко визгнула мать, в ответ дочь только ляпнула железной дверью, после характерного звука бьющегося металла, услышала характерный издевательский хохот из своей квартиры.

Из подъезда девочка вышла с полной уверенностью, что больше сюда уже никогда не вернётся, а куда именно идти было совсем не важно, она пошла просто вперёд. Обычно любимый, родной район был каким-то чужим и неприятным, изъедало впечатление, что все люди, что попадают на пути смотрят на неё с осуждением или со смесью гадости и жалости. Ещё вчера казавшиеся нормальными дома резко обветшали, а машины покрылись проплешинами ржавчины, в непонятно откуда взявшихся на асфальте ямах блестели лужи, а деревья шатались из стороны в сторону поскрипывая ветками, и кроме этого звука не было ничего, даже легкого ветерка, нигде не было слышно речи людей, или шума колёс, от чего тогда шатались деревья не понятно, но Клара точно слышала этот звук. Набродившись по своему району она уже не знала куда податься, а время шло предательски медленно, она понимала, что пробыла на улице минут тридцать не более, так как уже знала за сколько

может обойти все знакомые места и после этого решила отправиться на озеро, до которого было далековато, но и Клара никуда не торопилась, с озером связаны воспоминания про деда. А он был такой же как она, «тоже видел эти страшные маски», но хороший он не поэтому, а просто так, а бабушка предала её, «хотя что бы она могла сделать», — протекало у девочки в голове. Вот уже и озеро, берег почти весь зарос кустами, найти место где можно было спуститься к воде трудно, но Кларе всё же удалось. С начала осторожно передом и балансируя верхней половиной тела она чуть не упала и решила идти боком, но размоченная частыми октябрьскими дождями грязь оказалась слишком жидкой. Клара предсказуемо поскользнулась и упала, больно ударившись животом о какое-то полено, видимо заменявшее кому-то стул, на этом приключения не закончились, потому что на животе девочка скатилась вниз почти к воде, по пути распоров руку об осколки бутылки.

Ладонь неприятно зацепила и когда Клара глянула на неё, то словно застеснявшиеся, капли крови побежали прочь из руки, однако девочка даже не всхлипнула, ведь тотальное безразличие ко всему заполняло сейчас её душу. Тем не менее тело окутывал холод, в осенней-то, теперь уже сильно измытанной, куртке было нормально пробежаться пятнадцать минут до школы, а вот находиться несколько часов при нулевой температуре становилась всё тяжелее.

Неожиданно к горлу что-то подступило, а маленькое тело согнулось пополам и стало передёргиваться с характерными звуками рвоты, то ли темнота делала всё таким, то ли из Клары лилось что-то подобное нефти, да и запах был как от химикатов, а не еды, но она совсем не испугалась, может только удивилась немного. Когда всё кончилось, вытерла рот рукавом, на котором остались чёрные следы и стала всматриваться в пустую даль, потрясываясь от холода.

Одинокая фигура в красной куртке стояла на берегу небольшого озера, ум её занимала сейчас тишина, сокрывшая все обычные звуки, не было слышно вообще ничего, да и кроме воды из поля зрения девочки тоже исчезло всё, не спряталась от неё только изредка покрывающаяся волнами, будто тоже ёжившаяся от холода чёрная водная гладь. Сколько времени здесь провела девочка, которой сегодня исполнилось двенадцать, она знать не могла, ведь телефон остался дома, но она уже к большому сожалению для себя пошла обратно в то логово из которого сбегала, потому что не могла выдержать холода. В следующий раз надо готовиться лучше.

Пока Клара добиралась до своего жилища, пыталась подготовиться к новой порции глупых вопросов-претензий на которые не надо отвечать, потому что задают их чтобы тебя обвинить, а не что-то узнать. Оказавшись у себя во дворе, глянув на свой этаж, в сердце флейтой прозвучала надежда, ведь в окне был свет только от телевизора — возможно все разошлись. Она поднялась по лестнице, нажала на ручку, дверь была открыта, в коридор доносились только звуки телевизора и спиртная вонь, состоящая из чего-то резкого и чего-то гнилого, когда Кларе станет побольше лет и кто-то её спросит, чем пахнет, как ей кажется, смерть, она ответит: «как водка». Прошла мимо родительской комнаты в свою, краем глаза заметила на кресле сегодняшние подарки, родители уже спали и телевизор работающий необычайно громко им не мешал, стол лишь чуть отодвинули от кровати, на нём так и остались тарелки и недоеденные блюда. Клара увидела, что пульт лежит на кресле с подарками, а значит ей надо сделать только шаг внутрь комнаты, чтобы выключить телик, в следующий миг это было произведено и она тихо, будто не у себя дома прокралась к себе в комнату осторожно закрыв дверь. Грязную куртку бросила прямо на пол, разделась до майки

и трусов и не принимая привычную ванну рухнула в кровать, почти сразу заснув.

Проснулась без будильника в шесть утра и первой же мыслью вспомнила, что вчера не сделала ни одного домашнего задания, тут же подорвалась и не одеваясь уселась за брошенную вчера математику. Сегодня примеры шли как-то необычно легко, а получавшиеся у неё ответы один за одним сходились с ответами в конце учебника. Дальше был русский язык и пока она искала в портфеле тетрадь дверь в комнату отворилась, первой же мыслью Клара подумала, что сейчас продолжится вчерашняя ругань и уже успела расстроиться за это мгновение, но показавшееся из-за двери мамино лицо выражало что-то вроде вины, так можно было подумать по поджатым губам и приподнятым бровям.

— А, ты уроки делаешь, — сказала почти шёпотом мама, — ого, блин, куртка где-то вымазалась, — сказала она так будто куртка это сделала сама, — я возьму постираю, а ты сегодня в зимней сходишь, хорошо?

Мама закрыла дверь, но быстро открыла обратно.

— Хочешь мы тебе на выходных новую осеннюю поедем купим?

Клара не знала, что ответить, потому что не думала об этом, сделала головой движения, которые нельзя было трактовать ни как да, ни как нет, но мама этим удовлетворилась и закрыла дверь. Чуть позже, когда её дочь почти доделала уроки, она принесла ей завтрак прямо в комнату и пообещала сегодня самой забрать из школы, а то дочь «наверное, не выспалась». Как обычно от учтивости и вежливости Клара растаяла и заставила себя забыть, что ещё считанные часы назад собиралась никогда не вернуться домой. На душе стало полегче.

2033–2036

С возрастом становится всё меньше и меньше нового, а из-за одинаковости дни словно отпрессовались в какой-то форме и теперь быстро и легко укладываются в жизненную коробку с надписью: «Прошрое». Так и Клара вряд ли могла отличить свой двенадцатый день рождения от тринадцатого или четырнадцатого, да и не обязательно это относилось бы к праздникам, можно было вырвать любой день из этого периода, и он был бы до тошноты похож на предыдущий. С началом каждой четверти девочка искренне собиралась хорошо учиться, каждый новый год брала себя в руки, каждый день рождения в душе всё ещё играл светлыми красками и каждый раз одинаково разочаровывал в итоге. С понедельника по пятницу были долгие заседания над уроками, особенно над математикой, которая у Клары перестала получаться совсем, всё держалось только на случайных удачных ответах у доски, благодаря которым оценка была повыше и можно было вытянуть средний балл за четверть до удовлетворительного. Наверное поэтому среднее арифметическое она высчитывала не хуже калькулятора. Не сказать, что дома ухудшение успеваемости никого не беспокоило — получала ученица средней школы за плохие оценки регулярно и всегда от матери. Бизнес отца шёл всё хуже, потому что приносил денег всё меньше, но по-прежнему достаточно, чтобы семья себе ни в чём не отказывала. Никто реального действенного метода улучшить учёбу дочери не предлагал, никогда разговоры о репетиторе не заходили дальше разговоров, а один раз Клара слышала как мать общалась с кем-то по телефону, от чего в этот вечер продолжить уроки не получилось, обида в голове гудела слишком громко.

— Да я вообще не знаю, что с ней будет, учится абы как, — царапала мама жалобами динамик смартфона и душу Клары, — и ладно, пацан, но это ж девочка и ей плевать на всё, на школу эту...

Та, кому было плевать на школу третий час билась над первым примером в задании, пытаясь решить его всеми способами, которые только могла придумать, но ответ как на зло не сходился раз за разом, мама тем временем продолжила:

— Я ей говорю, давай к репетитору, так она не хочет...да какое устаёт, от чего она устаёт? Лодырша, просто лодырша, ничего не надо сидит там в комнате у себя, ей знаешь, в окошко посмотреть, такое, ходит что-то себе вечно злобная, вот что мы ей сделали?

Разговор ещё продолжался, но подростковая душа ранимая куда больше чем душа ребёнка, который в силу малых знаний многого просто не понимает и это бережёт его. Клара заставила себя придержать слёзы, чтобы никто ни в коем случае не услышал хлюпанья и не пристал к ней с претензиями. А обидно стало до той степени, что девочку начало воротить, от того, что мать ни про какого репетитора ей никогда не говорила, следовательно, и отказаться она от него не могла. Каждый день безрезультатное сидение за уроками и так выматывало её, и она всецело поверила в собственную глупость, каждый новый год она загадывала желание, которое состояло из двух слов: «хорошо учиться», а теперь узнает, что она «лодырша», но даже это не подкосило Клару, а скорее раздражение от самой себя: когда мать договорилась по телефону и не стуча вошла в комнату дочери, чтобы узнать будет ли та есть, она, не подавая виду и никак не выказав обиды пикнула, что не будет.

Сдалась Клара перед науками из-за такого стечения обстоятельств, которое в их доме бывало не очень часто и заключалось в том, что перед приездом отца мать не пила больше недели, а она как правило делала это от двух раз в неделю и больше, но не в этот раз. Мама всегда была очень раздраженной в такие периоды, а тут ещё раздражённым приехал и отец, который все пару дней, что был дома не отходил от компьютера, а по вечерам садился на кухне с бутылкой водки, он говорил, что так расслабляется, а то с ума сойдёт от стресса. Родители крайне редко ругались между собой, потому что в последние годы всегда можно было поругать дочь, которая непременно дала бы для этого повод хотя бы тем, что ничего не делает, например. И не важно, что её ни о чём не просили. Вот есть у мамы однокурница, а у неё дочь всем занимается, а Клара занимается «ничем», или у матери уборка, но Клара всё никак не прочитает её мысли о том, где ей быть, что подхватить или что подать, чем не повод для унижения одновременно раздражающей и по-смешному сторбленной дочери. Она была самой высокой в классе из девочек, но чем выше становилась, тем сильнее какой-то невидимый канат тянул голову к земле. Вот и в этот день сошлось, что отец был злым из-за работы, мать была злой из-за Клары и вдруг решила зайти в её комнату и выяснить чем можно заниматься столько времени, дочь занималась тем, что делала русский язык, с которым проблем было явно поменьше чем с математикой, но в тетради к Кларину несчастью было слишком много помарок и исправлений, матери от чего-то стало смешно, а потом тетрадь в её руках разошлась пополам с характерным звуком рвущейся бумаги, полиэтиленовая обложка сопротивлялась подольше, но тоже пала в сражении с матерью. Клара сидела и переписывала все классные и домашние работы с самого начала и так старалась не ошибиться, что каждый раз вместо буквы «б» писала «д», за этим следовали зачёркивания, а зачёркивания мать будто чувствовала и заходила порвать очередную тетрадь, сопровождая это всё визгами о том, что её дочь идиотка, которая привыкла к тому, что за неё всё делают. На четвёртый или пятый раз мать вызвала себе на подмогу отца, который, как ему видимо казалось, придумал что-то умное:

— Пиши, я буду смотреть, — сказал он в тоне не допускающем возражений.

Хотя Клара уже давным-давно научилась возражать хоть кому-то, будь то родителям

или учителям, лезущим не в своё дело, постоянно причитающим о том, что такая хорошая девочка была раньше, а теперь стала как «эти», указывая на хронических хулиганов класса, с уверенностью добавляя: «Не за теми ты стала повторять Клара, нашла на кого смотреть». Спорить с тем, что дело не в хулиганах и ни на кого она не смотрит никакого желания у бывшей хорошей девочки почему-то не было. Так и с сейчас она не возражала, хотя это стояние за спиной явно давило. Клара хотела, чтобы всё поскорее закончилось и подписав очередную тетрадь перевернула лист с героями каких-то мультфильмов и преступила к переписыванию того, что уже давно сделала и за что получила оценку. Долго ждать не пришлось, и в первом же предложении Клара перепутывает буквы, на этот раз вместо «ш» написала «ж» и не от того, что не знала, как писать, а только лишь от нервов. Сделав ошибку замерла, оторвав ручку от тетради несколько секунд гипнотизировала две строчки выведение красивым почерком. А потом крепкая рука легла ей на затылок, чтобы через мгновение девочка ощутила треск в голове и какое-то резкое и гулкое давление от удара лица об стол, голова её словно отпружинила обратно, а на тетрадь брызнули капли крови из разбитого носа. Ошалела даже мать и вытаращила глаза на отца ничего не говоря, а тот перед тем как выйти из комнаты сказал только: «Ну, а что она?».

Клара удивилась когда мать стала жалеть её и вытирать не собирающуюся останавливаясь кровь, девочка же, отойдя от шока, начала плакать, только плачь этот был уже какой-то совсем не детский, пару слёз конечно скатилось, но в основном она лишь тягала воздух в нос, глотала свои сопли и кровь, потрясывая грудью. Зато тетрадь больше переписывать было не нужно, только то упражнение, которое задали на сегодня.

Родители как обычно обо всём забыли, забыла и сама Клара, хотя забыть такое можно только условно, человек ничего не забывает. Все боли и обиды только лишь прячутся и давят на любого, кто их не осознает в себе и не отпустит каким-нибудь индивидуальным образом: кому-то нужно простить, кому-то отомстить, а кому-то и что-то третье, в виде, например, того, что он повстречает человека, который поступит с ним совсем по-другому, по-доброму, но и это не универсальное лекарство. Не зря тогда и говорят: «Кто старое помянет — тому глаз вон, а кто забудет — тому два», потому что тот, кто будет жить, думая о зле и жить-то не будет, утонет в своих воспоминаниях, а кто его забудет, рискует повторять и разрешать другим зло по отношению к себе снова и снова.

Ещё был случай, когда Клара поняла тему по алгебре прямо в классе, и домой шла с редким чувством спокойствия, что сегодня сделает всё без мучений, но не получилось, мать в начале года купила решебник и теперь сравнивала все задания по нему, Клара же хоть и считалась уже всеми не очень умной, да и сама так думала, всё же соображала и купила такой же. Но сегодня он не понадобится, ведь она знает, как решать и так, и вот выполнив довольно-таки быстро домашнее задание отнесла тетрадь матери, та взяла свою волшебную книжку и ответы не сходились. Кларе было тут же сказано переделывать, она с этой целью и удалилась к себе. Переделав всё ещё раз поняла, что в решебнике опечатка и права именно она, мать таким ответом не удовлетворилась и перешла на любимый крик, в итоге Клара получила тонкой книжицей со всеми ответами по алгебре за седьмой класс пощёчину, но не сдалась. Потом после каждого проговорённого Кларой действия мать убедилась, что верно решила именно её дочь, переключила внутри себя какой-то режим и снова стала сама доброта. Этот случай уже повлиял не так, как удар головой об стол, неприятно конечно, но не шокирует.

Как и плохие оценки Клару уже больше не шокировали, не заставляли даже переживать,

всё чаще она ловила себя на том, что её организм словно поймал какую-то радиоволну со спокойным, можно сказать никаким настроением. Много лет она ходила из школы и издали смотрела на свои окна, надеясь не увидеть на кухне света, потому что если света нет, то и тёти Инны тоже дома у них нет, значит мать будет нормальным, трезвым человеком. Пару раз девочка заметила, что если поёт весёлые песни, то Инна не приходит и с тех пор, с лет двенадцати до четырнадцати, ходила и бубнила себе под нос какой-нибудь весёлый мотив, иногда работало, иногда нет, но к восьмому классу таким заниматься перестала — ей стало плевать, кто там будет у них дома. Слишком больно было надеяться на нормальное завершение дня, а потом надежды разбивались от одного лишь взгляда на окно своей квартиры. Да и можно сказать, что у Клары появился рефлекс, ведь стоило ей уехать на экскурсию с классом раз в году — дома ждала пьяная мать, а из этого следовало притворство, издевательства, агрессия и враньё про дочь своим подругам, стоило пойти на день рождения к однокласснице и там от души посмеяться — значит дома будет пьяная мать, и как правило Клара не ошибалась. К четырнадцати годам она железно усвоила, что если она станет счастливой, то дома за это обязательно расплатится и если счастье обязательно тянет за собой расстройство, то лучше пусть её настроение всегда будет никаким. Конечно так чётко в себе она это не формулировала и точно даже не задумывалась, всё это происходило как-то само, слишком медленно, чтобы быть замеченным.

Из уроков она теперь делала только языки, от былых времен отличницы остался лишь красивый почерк, математику, физику и химию дома она даже не открывала, просто списывала потом с утра вместе со всеми двоечниками, которые собирались вокруг тетради более успешного ученика, словно нищие собираются возле пункта раздачи еды. Чувствовала себя Клара примерно так же: как интеллигент, оказавшийся без дохода и теперь стоит за миской похлёбки с теми, кто всю жизнь особо-то и не старался, и это было не так уж далеко от правды. Клара старалась до седьмого класса, но старание из неё выбили, и оно, видимо, вытекло тогда с кровью из носа. Но и никак нельзя было сказать, что она была глупой и ничего не знала. Параллельно школе она обучала саму себя, хоть и не школьным предметам и абсолютно не прикладным, а в интернете она занималась тем, что, начиная с википедии всё больше углублялась в философию, экономику, историю и политику, небезразличны ей была и биология, с которой всё было хорошо и в школе, и дома она тратила на неё время.

Но и при таком обучении можно было отметить черты характера, которые уже выпячивались в Кларе, например, нестойкость к чужому мнению: один раз наткнувшись в википедии на статью о коммунизме она вспомнила про своего деда, который так его нахваливал, и решила почитать. Пока читала не чувствовала в себе никакого противоречия, до тех пор, пока не вспомнила то, о чём говорят все: коммунизм — живодёрская идеология из двадцатого века, которая кроме ужаса и глупости ничего в себе не несёт. Вспомнив это, читать стало как-то скучно, да и не нужно и Клара быстро перешла на что-то другое.

С таким багажом и подходила девочка, которая к десятому классу или к своим пятнадцати годам выросла до ста восьмидесяти сантиметров и теперь больше соответствовала слову «девушка». Уже несколько лет как она самая высокая из девочек, но как природа дала Кларе роста, в грудях или сзади, у неё было не так, чтобы её саму устраивало и совсем не от того, что всё было слишком большим. Поддавала сил плохой самооценке ещё и осанка, которая делала её больше похожей на новогодний полосатый леденец, чем на человека. Зато среди всех она ещё никогда не курила, не пила и не влюблялась, на этой почве она стала негласным изгоем, то есть Клару не травил никто, но

никогда с собой и не звал. Не то чтобы она сильно расстраивалась, потому что из-за описанного ранее отлично знала, что лучше бы не веселиться, чтобы потом не горевать и когда её, как она была уверена, забывали позвать, то в душе она испытывала облегчение. С детства сохранились разве что темно-коричневые волосы и выразительные зелёные глаза, а также никак нельзя было упрекнуть природу за лицо, которое Кларе досталось. И хоть она сама на парней не смотрела, они, заглядевшись на красоту лица, могли и позабыть о том, что сама в себе Клара считала недостатками.

Падение

11.2036

Как обычно, каникулы выпали на первую неделю ноября. В первые пять дней было особо не разогнаться, из-за плохой погоды многие предпочитали сидеть дома, играть в компьютерные игры, кто-то навёрстывал упущенные знания с репетиторами, или находил другой способ никуда не выходить. Так же делала и Клара за полных девять лет обучения в школе так ни с кем и не сблизившаяся, но, и что не менее важно, не удалившаяся. Родители пропадали на работах, а она, утро за утром просыпалась одна под стук дождя, проводила под этот же звук и день, к счастью ей постоянно попадались интересные книжки, бумажные, из тех, что были дома или электронные, которые она предпочитала читать с телефона, в общем как проходят именно эти каникулы ей очень нравилось. Разве что вечером в сердце вспыхивал огонёк тревожности, когда мама проворачивала ключ в двери и Клара выходила в коридор без особой цели, наверное, поздороваться или забрать пакеты с продуктами, без особого желания, потому что вдруг она обнаружит там бутылку с вином. Но за неделю мать ни разу не пила и к пятнице Клара почувствовала невероятный подъём сил и хорошее настроение разрывало её изнутри, она сразу же подметила, что словно вернулась на восемь лет назад, такое же настроение было в поезде, когда они первый раз ехали в Россию, настроение обыкновенного счастья, выраженного в спокойствии и безопасности. Она вообще постоянно возвращалась к своему восьми-девятилетнему возрасту, сравнивая всё с теми годами: вкус еды, цвет неба, контент по телевизору, контент в интернете, одежду и музыку тех лет. Внешне она росла, да внутренне тоже не оставалась девятилетней девочкой, но мёртвой хваткой держалась за своё детство. Однако сейчас внутри себя Клара отметила, что в данный момент реальность не то чтобы как там, она другая, но тоже прекрасная. Для счастья ей было достаточно тишины, смены деятельности, выраженной в том, что после чтения своих книжек она могла куда угодно пойти гулять или даже уехать на транспорте, главное не покидать черту города, ведь родители оставляли достаточно денег, чтобы купить себе любую еду, да ещё и недавно подаренный телефон, не за хорошие оценки, ведь их не было, грел душу непонятно чем. Сейчас его было приятно даже просто разблокировать, полистать меню и заблокировать обратно.

На радостях Клара даже зарегистрировалась в социальной сети, пока лишь только в одной, да и то оправдала для себя этом тем, что в общем чате всегда удобнее посмотреть домашнее задание, чем звонить кому-нибудь, звонить в общем-то ей приходилось не часто, но в душе что-то подмывало сделать себе страницу и вот человек который всегда ищет в первую очередь плохие стороны, нашёл способ зацепиться за эту мысль. Клара ещё не разобралась как всё устроено, полистав галерею в телефоне обнаружила, что своих фотографий у неё-то и нет. К ней уже стали добавляться друзья, сразу же отправляя сообщения похожего содержания, главный смысл в них заключался в словах вроде: «О, и ты здесь», или «наконец-то». Первыми конечно же добавлялись девочки, вслед за ними и несколько парней, не весь класс конечно, но добрая половина была добавлена Кларой в «друзья» при первом же заходе в приложение. Как раз одна из девочек, тетради которой подписывались именем Елена, а все, включая учителей называли её Алёна, написала ей

сообщение с приглашением на день рождения, который будет проходить не в городе, а на даче, сказала, что «никаких подарков не нужно если что». Только предупредила, что надо или родителей попросить завезти её на прямо туда, к даче, или договориться с другими девочками, имена которых она назвала и с ними добраться на транспорте. Рефлекторно погасив экран, Клара пошла к маме в комнату, которая словно последовала примеру дочери и читала книгу, чтобы спросить можно ли ей отправиться со всеми. Мама была необычайно рада, предложила даже в пятницу после работы съездить за подарком, а так же сказала, что она заберёт с дач когда будет нужно.

«А до сколько это?», — спросила Клара свою одноклассницу.

«В субботу днём начнём, а в воскресенье по домам», — ответила Алёна.

— Блин, — Клара оторвала глаза от экрана телефона, — это на всю ночь.

— Ну так что плохого, заберу тебя тогда в воскресенье, — пожала плечами мама.

— Да мы ж туда на автобусе, я могу и обратно так.

— Как хочешь, ты если что — звони, а так конечно едь, хоть побудешь где-нибудь.

— Хорошо.

— Только ж сильно там не напивайся, — с улыбкой сказала мама.

— Я вообще не буду, — так же с улыбкой, но не сомневаясь в себе, ответила Клара.

Мама угукнула и вернулась к чтению книги всё ещё улыбаясь.

Когда в пятницу она вернулась с работы, то этого разговора словно не было, она не спрашивала во сколько завтра Кларе уезжать или есть у неё деньги, хотя про деньги вопрос был бы глупым, потому что мама это спрашивала каждый день перед школой и пару раз бывало на каникулах и то, что Кларе давали для её подростковых нужд, было даже с излишком.

Наступила суббота, отец не приехал к выходным как происходило чаще всего, видимо бизнес потребовал задержаться в другом городе, что тоже явление не редкое, а мама предсказуемо решила поспать, Клара же подорвалась раньше, чем нужно и тихо, чтобы она и оставалась единственной, кто не спит, прокралась на кухню, по дороге поплотнее прикрыв дверь в родительскую комнату, а также дверь на кухне. Включила чайник, из холодильника достала масло, варёную колбасу и два йогурта, а также два куса уже нарезанного хлеба, сделала себе бутерброды и дождалась пока чайник закипит, залила водой пакет чая и так же по-шпионски прокралась к себе в комнату, стараясь не разлить жидкость из пол-литровой кружки, на ладони неся хлеб, а йогурт одним стаканом был зацеплен за штаны, второй, припаянный к нему, висел словно граната. Компьютер предварительно включен, оставалось только найти что-нибудь интересное, и интересным в это утро Кларе показалось видео на канале под названием «Константин Сёмин», она на нём будто утоляла свой голод в непонимании того, почему мир именно такой, хотя конечно на сознание и давило то, что канал откровенно коммунистический, а значит там скорее всего всё является бредятиной, но реальность была щедрой на подтверждение этой бредятины.

Пока ела, смотрела видео длиной около получаса и не заметила, как на улице стало совсем светло, а времени было чуть за девять утра, выходить надо только через три часа, автобус отправлялся в 12:30 с остановки до которой минут десять пешком от Кларинаго дома.

Три часа тянулись очень долго, но всё же настала пора выходить, Клара крикнула маме, уже обуваясь, что она пошла, а та ей ответила примерно таким же тоном «хорошо», видимо это была пародия на дочь и Клара ушла. Вообще внешне она была копией своей матери, с

той лишь разницей, что у матери были короткие светлые волосы и голубые глаза, а также осанка которая могла бы конкурировать с осанкой военных, у дочери же при почти идентичных чертах лица и росте уже даже немного выше маминого, глаза были зелёными, они так и не стали карими как у отца, как кто-то в детстве её в этом убеждал. А самый частый комментарий про её осанку был «не горбься» — по поводу своей спины это она слышала больше всего. Ну и в плане одежды: мама любила подчеркнуть свою фигуру, и своё присутствие духами, Клара же вечно носила, если не мешковатую одежду, то довольно-таки свободную, а из парфюмерии пользовалась только дезодорантом, косметика у неё была исключительно для волос, чтобы придавать блеск длинной косе.

На улице стоял густой туман, к щекам постоянно прикасались микроскопические капли воды, повисшие повсюду. Клара вышла из своего жилищного комплекса, прошлась по необычно тихому проспекту до метро, как раз здесь и находилась остановка, а на ней уже собралось несколько девочек и один парень из их класса, Клара со всеми поздоровалась и спросила сколько всего людей будет на даче.

— Почти весь наш класс, почти вся параллель и пару пацанов из одиннадцатого, — ответила ей низенькая Маша, её черные волосы еле закрывали уши, светлые корни отросли, прям как у мамы.

— А остальные как поедут?

— Да и из своих районов на чём-нибудь, — продолжала Маша.

— Или родители привезут, — ответил парень который одиноко сидел на скамейке, будто сторонился одноклассниц.

Клара пришла примерно за пятнадцать минут до автобуса и за разговорами они пролетели быстро, из тумана тихо подкрался автобус с трёхзначным номером, на который никто не смотрел, одна из девочек зачем-то спросила, проходит ли маршрут через нужные дачи, водитель без эмоций кивнул. В автобусе было почти пусто, но Клара решила уйти в самый конец, на улице она уже немного подмерзала, а здесь было приятно тепло, первым делом она засунула руку в карман, чтобы достать кейс с наушниками, сразу же он не нашёлся и сердце Клары встрепенулось, а в уме громом прозвучало: «забыла», но спустя мгновения маленькая чёрная коробка была обнаружена и Клара погрузилась в мир своей любимой грустной электронной музыки, которую находила следующим образом: писала в поисковике Ютуба кириллицей «данжеон синт» и скачивала целые видео на час, потому что ленилась качать отдельные песни, а потом попадая в транспорт слушала, что же там загрузилось на этот раз.

Автобус выехал за город и ехал мимо убранных полей, всего лишь минут через пять показалась деревня домов на двадцать, которую школьники видели сначала с одной стороны, а когда автобус свернул, то смогли рассмотреть с другой. Остановка, двери открылись, но никто не зашёл и не выходил тоже. Клара испытала какой-то лёгкий стыд за зря исполнившие свои обязанности двери автобуса. Долго ехали по прямой, пока не доехали до перекрёстка, на котором вдали показалась ещё одна небольшая деревенька, сразу за перекрёстком остановка, снова пустая и снова водитель нажимал на кнопки зря. Далее маршрут пролегал по бетонным плитам и колёса стучали по ним словно у поезда, ну а потом шипели по уезженному песку с камнями, который обычно называют «гравийка».

Проехав минут десять по ней автобус прибыл на конечную. Клара сразу же завертела головой посмотреть, не нужно ли им выходить, ведь, что это конец маршрута она не знала, жестом одна из девочек ей показала, что всё-таки они выходят здесь. Оказавшись на улице

Клара первым делом вынула наушники и сложила их в коробку. Маша знала куда идти, о чём сообщила и повела всех за собой. Пройдя несколько улиц, Кларе вспомнился дед и «линии» вместо улиц и на душе стало ещё лучше, даже час грустной музыки не смог повлиять на настроение, хотя она слушала, такое не для грусти, а скорее наоборот. Вот и нужный поворот и всё очень похоже на Россию: выезженные в траве две полосы земли, но только дома были разноразные, мелкие деревянные домики соседствовали с хоромами в несколько этажей, перед одной из таких хором оказалась и группа подростков, Маша пару раз позвонила в звонок на заборе, а потом, чтобы никто не волновался, сказала:

— Сейчас я ей позвоню, — она копалась в телефоне, явно поискав номера Алёны, а когда нашла приложила телефон к уху, пока шли долгие секунды, все смотрели на Машу, а она вертела головой по сторонам, — ну мы здесь уже... хорошо.

Через несколько мгновений зазвенел металл засовов на массивной калитке и будто без посторонней помощи она открылась, хотя это явно сделала Алёна, которая просто спряталась за этим открывающимся куском, казалось монолитной, железной стены. Перед входом Клара глянула на свои кроссовки и подумала о том, что от сырой травы ноги промокли, но в доме, наверное, тепло и поэтому ничего страшного.

Внутри уже было полно народу, хотя далеко и не весь класс, а времени всего лишь около трёх часов дня, с телевизора играла музыка, довольно-таки тихо и не давила на мозги, на столе ожидаемо стояло много спиртного, много газировок, пиццы, роллы, в случайных местах валялись пачки чипсов и салаты в контейнерах, скорее всего из супермаркета, вряд ли Алёна делала их сама. Некоторые бутылки были открыты и рядом с Клариными одноклассниками стояли полупустые стаканы у кого с вином, у кого с пивом, хотя на столе была и водка.

Клару увидел Коля, парень постарше, который, как она думала, вряд ли помнит её имя.

— О-о-о, — начал он громче чем нужно, — Клара и ты тут! Ну что, выпьем за это?

Вряд ли он догадывался, что Клара ещё никогда не пробовала ничего алкогольного, а в далёком детстве даже обещала самой себе никогда этого не делать, но пока обещание проверить не было возможности, потому что не было соблазнов.

— Не, — тихо сказала она, — я не буду, только если колу.

Коля пожал плечами, открыл новую бутылку колы, налил ей до краёв и передал, Клара немного смутилась, беря стакан и смотря в пол пискнула себе под нос:

— Да ладно, я б сама.

— Да ладно, — махнул рукой Коля и взялся за пиво, чтобы подлить себе.

Всего в доме можно было насчитать человек тридцать, и никогда они не находились в одной комнате, да и сама Алёна редко заходила в помещение, где было наибольшее количество народу. Клара догадывалась, что скорее всего её одноклассница проводит время где-то на втором этаже со своим парнем из одиннадцатого класса. Сама же мастерски заняла место в кресле, с которого видела всех, но никто особо не обращал внимание на неё, стоило закончиться стакану колы она подливала себе ещё и тянула новый кусок холодной пиццы, разбавляя это всё телефоном. Проходили час за часом временами было то смешно, то даже противно, когда кто-то из напившихся одноклассников или одноклассниц начинали целоваться прямо за столом, но у Клари было чувство, что видит это только она, потому что никто больше не обращал внимания. За окном становилось всё темнее и в какой-то момент комнату уже освещал только телевизор, но кажется этого было достаточно. Шум от подростковых голосов Клору порядком утомил, и она подумала, что надо бы поискать

комнату для себя где можно было бы поспать, начала неуклюже пытаться встать с большого кресла как рядом возник одиннадцатиклассник, которого она конечно же раньше видела в школе, но имени не знала никогда, знакомство он начал будто с претензии:

— А ты что, не пьёшь что ли?

— Не хочу.

— Так, а чего ты сюда приехала тогда? — вопрос был одновременно и наглым, и вроде бы с искренним непониманием.

— А что нельзя было?

— Да нет, чего ты, просто спрашиваю.

— Я уже пойду спать, — зачем-то сообщила ему Клара.

— Так ещё ж рано, да и давай, один стакан, ну веселей же будет.

Клара уже поднялась с кресла и была одного роста с парнем, в нос ей бил хмельной запах, ничего хорошего у неё в душе он вызвать не мог.

— Я не буду, я же говорю.

— Да ты хоть попробуй, маме мы не расскажем.

— Нет, — ответила Клара, обошла его с мыслями подняться на второй этаж и найти себе комнату, где никого или хотя бы уже все спят.

— Разочаровала ты меня, — бросил ей вслед, как ему казалось, шутку парень.

Клара на это ничего не ответила, и сделала пару шагов по лестнице вверх, потом замедлилась, но всё-таки отбросив какие-то мысли снова пошла на второй этаж. Одиннадцатиклассник и сам не знал, что словно сеть накинул на неё.

Ведь не обязательно знать или осознавать свою низкую самооценку, если она есть ты будешь бояться разочаровывать вообще всех, тут у неё и промелькнуло в голове, что попробовать в принципе было бы можно, а почему, в общем-то, и нет. Клара развернулась и глядя на него стала спускаться вниз, а парень развёл руками и закивал.

— Вот это я понимаю, — сказал он и сходя в комнату ко всем вернулся с двухлитровой закрытой бутылкой пива, открыл пена поднялась под самое горлышко, но не вышла за него, первой он налил Кларе, потом себе, — ну давай.

Он маханул стаканом так, словно им нужно чокнуться, Клара покивала и так и сделала, а потом залпом выпила половину стакана стерев пену с верхней губы, так как она собиралась только лишь попробовать, испить горький с мерзким привкусом напиток она старалась побыстрее, ещё в процессе поняла всё о гадкости этого вкуса, но хотела допить всё что было. Не осилив налитого, она перестала пить и рефлекторно закашлялась.

— Ну как? — спросил малознакомый парень.

— Фу, — с неподдельным омерзением ответила Клара, — и тут же из глубин тела вырвалась длинная отрыжка.

— Да ты подожди, — смеялся он.

И действительно много ждать не пришлось, в голову буквально сразу ударила какая-то незнакомая до этого весёлость и с течением времени становилось только веселее. Клара даже решила ещё посидеть снизу, ведь разговоры стали не так глупы, а целующиеся одноклассники не настолько отвратительны. Через пятнадцать минут она пила опять, теперь уже «стать пьяной» стало для неё навязчивой идеей, одиннадцатиклассник опять куда-то пропал, да и не страшно, даже хорошо. Через часа полтора в глазах уже всё шаталось, а Клара понимала, что она напилась, но тем не менее была в полной уверенности, что надо бы добавить, потому что она пьянеет, но веселее не становится и тут её осенило: просто надо

выпить водки. Тут же она попросила помочь с этим одноклассников, кто-то заботливо сказал, что лучше не смешивать, на что всем известная тихоня Клара с матом объяснила, что ей всё равно. Водка неприятно обожгла лёгкие, да и заставила её прокашляться и зажмуриться от своего неприятного вкуса, с неё смеялись, показывали пальцем, но Клара всё воспринимала очень дружелюбно, да и одноклассники не со зла. Между питьём она не забывала набивать желудок какой-нибудь едой, в скачущем туда-сюда телике она заметила, что сейчас около двух часов ночи, а спать ей не хочется совсем. Нетвёрдой походкой она вышла на улицу, где тоже было полно людей и попросила сигарету у «кого-нибудь», ей тут же всё предоставили и зажигалку тоже, до сегодня ни разу не курившая, она сильно втянула в себя дым, закашляла, но и действие никотина почувствовала на себе сразу же, он был словно какой-то глазурью, украшающей всё веселье.

Вот только зайдя после улицы обратно, сменив ночную прохладу на тепло и спёртый воздух, к горлу что-то подступило. Клара даже сразу не осознала, что происходит, почему её как-то передёргивает, а через секунду рот наполнился рвотой, сдерживая его рукой она побежала в туалет, где, свалившись на колени исторгала из себя всё что съела и выпила в унитазах. Еда и питьё довольно-таки быстро закончились, далее Клару просто выворачивало наружу, по-другому она это назвать не могла, как не могла и остановиться, чувствовала запах, видела всё глазами, но не это вызывало самые гадкие ощущения, а новый рвотный позыв, когда уже и вырвать нечем. Кто-то стучался в туалет, но открыть она не могла даже если бы и хотела, за дверью ругнулись матом и видимо пошли на второй этаж или на улицу. Кажется стало полегче, Клара поднялась, всё смыла и почувствовала смертельную усталость, а так же уверенность, что никогда снова пить она не будет, теперь уж точно. Сейчас только спать.

На втором этаже пустых помещений не оказалось, но была комната, где уже спали Кларины братья по несчастью, ведь пали первыми из своих одноклассников в битве с алкоголем. Не раздеваясь она улеглась на никем не занятый диван, закрыла глаза радуясь, что можно уснуть, а не чувствовать вот это неопишуемое чувство, но не всё было так просто: через несколько минут голова закружилась и снова начались рвотные позывы. Клара подорвалась и нетвёрдой походкой побежала в туалет на втором этаже, «а вдруг он занят», — мелькнуло в голове. Всё было свободно, здесь унитаз и ванна находились в одном помещении, Клара тут же рухнула на колени, падение оказалось очень болезненным, но она не обращала внимания, сейчас из неё выходила только противная на вкус желчь, из носа текли сопли, по бороде стекала слюна, громкие отрыжки чередовались со спазмами желудка, за спиной открыли дверь, сказали «ясно» и закрыли обратно. Опять спазм, из глаз уже просачивались слёзы, вроде бы просто так, а может и от сожаления, что она согласилась тогда на «просто попробовать». Но вроде полегчало. Клара встала и пошла чтобы умыться, уперлась руками в раковину, отдышавшись, хоть и не понятно от чего она включила воду и умылась, а когда подняла глаза чтобы глянуть на саму себя в зеркало то испытала шок: из зеркала на неё смотрели бесцветные глаза, ранее пухлые губы абсолютно исчезли, а кожа была покрыта огромными трофическими язвами из которых что-то сочилось, в приоткрытом рту у себя она увидела зубы будто ржавчиной покрытые, и если в душе бушевал страх, то лицо из зеркала смотрело уверенно источая эмоцию презрения, словно насмеялось над своей хозяйкой, будто поймало её на чём-то и теперь сможет шантажировать.

Клара чувствовала, как за ушами и по спине от страха бегают мурашки, инстинктивно она попятилась, но поскользнулась на коврик и упала, больно ударившись головой об пол,

это её как-то вернуло в себя, она встала, не в силах не глянуть на своё отражение Клара устремила взгляд на зеркало, но на этот раз на неё смотрела она сама, разве что волосы были растрёпаны и глаза совсем уж красные. Она отправилась спать ни на что более не имея сил, даже подумать о том, что это было. К Кларину счастью на этот раз стоило ей упасть на диван, как она отрубилась.

На утро её ждал не менее жестокий сюрприз, который выразился в том, что после открытия глаз в голове сразу же растеклась боль переливаясь во всё остальное тело, и если она раньше ощущение с утра во рту считала одним из неприятнейших, то сегодняшней день побеждает ту неприятность с отрывом. Она спустилась вниз, очень хотелось почистить зубы, но зубной щетки естественно не было, поняв, что ни есть ни пить она ничего не будет, Клара вернулась наверх, зато сообразила, что на втором этаже, в ванной, должна быть зубная паста и догадка оказалась верной, хотя бы так прополоскав рот, она снова сошла вниз. Там ей посоветовали «полечиться» рюмкой водки, от чего Клара тут же испытала ещё один рвотный позыв, всем стало смешно, хотя явно не так смешно, как ещё часов восемь назад. Большинство людей всё ещё спало.

— А когда мы домой? — спросила Клара у Маши, которую она почему-то была рада видеть. Маша так же выглядела не очень, хотя вчера и не попадалась ей на глаза.

— Через пару часов будет автобус.

— Ну и классно, — без внешней радости ответила Клара.

Перед тем как уйти Кларе почему-то очень захотелось собрать посуду и мусор, чем она и занялась, одинаковые тарелки сложив около раковины и сгруппировав бутылки по пакетам она и не заметила, как пришло время выходить. Сейчас домой ехали только они с Машей, остальные или спали, или к вечеру за ними приедут родители, думать о том, что уже завтра в школу совсем не хотелось, как и не хотелось слушать музыку в автобусе. Клара села у окна, её одноклассница рядом, так молча и вернулись в город.

— Ладно, пока, — сказала Маша, когда они вышли из автобуса.

— Да, пока.

И они разошлись в разные стороны. Домой Клара явилась около пяти часов вечера, мама вышла из комнаты, и без весёлости или какого-то особого интересно спросила:

— Ну как?

— Нормально, — пожав плечами ответила дочь, стараясь не смотреть на маму.

Дома был и отец, который тоже вышел из комнаты и спросил по смыслу тоже самое, что и мать:

— Ну как погуляли?

— Нормально, — опять ответила Клара и с глупой улыбкой и усталостью в глазах пошла к себе.

Сегодня ничего умного смотреть не хотелось, десятиклассница скачала Тик Ток первый раз в жизни и смотрела его пока не стемнело, потом преодолев огромную лень расстелила себе кровать и отправилась мыться, так же преодолевая себя. В кровать она свалилась, будто работала физически. Кажется, родители всё поняли, ну и ладно. А завтра вообще в школу. Портфель можно собрать с утра.

Клара проснулась так, будто бы двух предыдущих суток не было, ни по состоянию, ни в мыслях они её не преследовали, чему она было искренне рада и с необычно хорошим настроением отправилась на встречу первому учебному дню второй четверти.

Приближался новый год, казалось тучи изо всех сил старались прикрыть оставшуюся в наследство от осени грязь и сыпало с неба аномальные количества снега, в другой же день солнце, словно издеваясь над работой предыдущего «мастера» расплавляло появившиеся вчера небольшие сугробы. К концу месяца всё же победили тяжелые тёмно-серые облака со всеми вытекающими последствиями.

После самого знаменательного дня в ноябре, проведённого на даче, который частично Кларе вспоминался до сих не то чтобы очень приятным, учеба резко отошла на второй план, хотя внешне казалось, что Клара перестала учиться в классе шестом, однако не было такого дня, чтобы она не переживала о постоянно ухудшающихся, а потом окончательно понизившихся оценках. Теперь вот переживать перестала, никогда раньше нигде не развлекаясь с одноклассниками она была под большим впечатлением от того, как это весело, как, казалось, всем хорошо, любая шутка смешная и уместная, а все люди преображаются, особенно если принять чего-то спиртного. Наверное, страшные маски — это действительно фантазии, какая-то детская травма, а то что она увидела в своём отражении является не такими уж и редкими последствиями опьянения, в интернете про такое легко найти информацию, ничего страшного. Да и друзьями Клара обзавелась за этот месяц, не то чтобы она считала двух девочек, Алину и Диану очень близкими себе людьми, но домой до определённой точки пути они теперь всегда ходили вместе. Дружба выросла на сигаретной почве: уже в понедельник утром Клара подумала, что она хочет курить, хотя в действительности лишь придумала себе это желание, ей хотелось выглядеть как девушки с фотографий, с крутых видео в интернете, управляющие дорогими машинами или с битами в руках, время от времени с густым дымом изо рта. Трудно отдавать себе отчёт в подобном ходе мыслей, а то что ты копируешь кого-то помыслить и вовсе невозможно. Вот и оказалось, что у двух подружек сигареты есть всегда, курение вошло в их жизнь ещё в прошлом году, без проблем они приняли к себе и Клару, к тому же обнаружившееся у неё чувство юмора лишь ускорило процесс превращения дуэта в трио. Не то чтобы Кларе самой было очень смешно от своих шуток, скорее она просто понимала, как смешить других и что они хотят слышать, а вот уже их смех и одобрение грели ей сердце.

Все три молодые девушки были обладательницами длинных волос, у Алины они были того же цвета, что и у Клары — шоколадные, кто-то называет их тёмно-каштановые, Клара — коричневые, а у Дианы обычно собранные в хвост, черные и толстые как у азиаток. Обе Кларины подружки были кареглазыми и примерно одного роста, максимум сантиметров на пять ниже неё. Ну и по телосложению Диана была самой плотной из троих, хотя толстой её было никак не назвать. В таком составе они и проходили домой до остановки с которой две девочки доезжали на транспорте до своих домов ещё несколько километров, непременно выкурив по сигарете, затем одна из них, самая высокая шла к себе с необычно хорошим настроением, правда к концу ноября она стала замечать какую-то не проходящую вонь у себя изо рта, очень похожу на ту, что она чувствовала проснувшись после пьянки, но в общем-то, это не та проблема из-за которой стоит расставаться с такой замечательной привычкой, всегда же можно воспользоваться конфетой или жвачкой.

Хоть Клара и была высокой, но обманывать продавщиц в киосках или в магазинах ещё не получалось, какой бы она уверенный вид на себя не напускала и как бы не понижала себе голос — везде спрашивали паспорт, в котором предательски написано, что ей всего лишь пятнадцать. Зато Алине продавали всё не разглядывая её второй раз, только если заострить

внимание можно было заметить, что и она является несовершеннолетней, но вряд ли людям, которым и в туалет не всегда можно отойти, вынужденным сидеть по двенадцать часов делая однообразные действия легко сконцентрироваться и разглядеть каждого покупателя, этим подружки воспользовались и перед предстоящим большим праздником, новым годом. Не будучи особенно искушенной Клара купила себе полтора литра пива, две пачки сигарет и несколько пачек сухариков с разными вкусами, всё было приобретено на выпрошенные у мамы деньги, хотя конечно выпрашивать не прошлось, Клара лишь спросила: «А ты мне дашь на новый год денег?», и мама почти с радостью предоставила средства. Девушек не волновало и то, что пойти им некуда. Диана сказала, мол можно и на улице, и никто в общем-то не возражал и не думал о том, что могут быть, например, сильные морозы, потому что вряд ли их могло что-нибудь остановить перед намечающейся пьянкой.

Тридцать первого декабря Клара только и делала, что ждала вечера целый день слонявшись по квартире, выходя время от времени бесцельно на улицу. Часы тянулись очень долго, потому что предвкушение будущего веселья перекрывало собой всё происходящее вокруг. Отсидев с родителями до часа ночи, немного поев и загадав желание одновременно с питьём шампанского, один бокал которого Кларе предложила мама как раз, чтобы «желание загадать, и оно сбылось», девушка оделась и пулей выскочила из дома даже не застегнув замок на куртке, зато в обязательном порядке захватив портфель, в котором и лежало драгоценное пиво, сигареты и прочее. Вдохнув морозного воздуха и разглядев с любовью фонари, которые через один светили то белым, то желтым светом Клара достала пачку сигарет, чиркнула зажигалкой наслаждаясь каждым звуком и действием, сильно втянула едкий дым и теперь уже заметила, как в тишине чуть ли не со щелчками сверкает иней на фонарях, на машинах, на подоконниках. Вообще на улице было странно тихо, мигали гирлянды на окнах, а Клара пошла на остановку, ждать своих подруг.

Девочки немного опоздали, потому что, как они сказали, не подумали, что транспорт не будет ходить и пришлось пол часа идти пешком, «но ничего страшного» — подытожила Алина. Не зная куда податься, они решили отправиться в центр города, добираться до него было тоже не более получаса, правда в центре точно есть полиция, поэтому надо начинать употреблять самый главный напиток сегодняшнего вечера уже сейчас. Что они и сделали, Алина откупорила шампанское, Диана — пакет вина, а Клара своё пиво.

В центре, около большой искусственной ёлки они стояли и не знали, что делать, народу было очень много, но и не сказать, чтобы прямо негде яблоку упасть, все трое уже находились под воздействием алкоголя, поэтому ни о какой застенчивости или стеснении можно было не говорить и если девочки и стояли, не зная куда деться, то только лишь от того, что правда не думали, что делать или куда двигаться дальше, после центра. Но тут как снег на голову свалился одноклассник, рыжий и высокий парень по имени Максим, вроде он занимался спортом, но тем не менее это его не заставляло пропускать пьянки и с классом и друзьями вне класса, о чём он с задором делился со всеми в школе.

— Обана, — начал Максим повиснув сзади на Кларе и Алине, обдав их характерным спиртным запахом, — а вы что тут?

— Да что и ты видимо, — ответила Алина и вылезла из-под его руки, Клара осталась на месте.

— Пошли со мной, у нас тут хата есть близко, там и тёлки есть тоже, — предложил Максим с привычным для себя жаргоном, уточнив про «тёлок» для того, чтобы одноклассникам видимо было не так страшно.

— Пойдём? — спросила, как бы у всех Алина.

Клара пожалала плечами, что видимо значило «как все, так и я», а Диана в матной форме сообщила, что ей всё равно и она может и туда пойти в том числе. Да и к тому же их собственные запасы веселящих жидкостей подходили к концу, а веселиться ещё хотелось.

Квартира действительно оказалась совсем близко, её то ли сняли, то ли она была чья-то, Клара в это не вникала, как не вникала и в то, как зовут тех, кто с ней тогда знакомился, девушек или парней, она уже знала, что вряд ли с ними увидится ещё раз, поэтому запоминать имена вообще не нужно. Уже и позабыв своё пиво она начала брать угощения в виде дорогих виски, водки, рома, раньше она такого естественно не пробовала, поэтому теперь, после каждой рюмки прибавлялось и веселья, а, следовательно, и желания пить ещё. Когда квартира уже стала немного кружиться, а ходить так уверенно как раньше не получалось, Клара решила выйти на балкон освежиться, а заодно и выкурить сигаретку, где в этой квартире балкон она уже давно поняла по постоянно бегаящим туда людям.

Низкая температура бетонного пола неприятно подмораживала ноги, Клара полностью открыла окно, потому что хоть в стопы и было холодно, всё остальное тело чувствовало жару и хотелось побольше вдохнуть свежего воздуха после душной квартиры. Она закурила и даже подумала, что больше пить, наверное, не нужно потому что скоро идти домой, когда оставалось пол сигареты ручка двери балкона издала характерные звуки, Клара машинально обернулась и увидела, как сюда заходит один из парней, которого она отметила как симпатичного ещё как только попала в это жилище, имя она, конечно же, забыла. Парень закрыл за собой дверь, словно отрезав шум пробивающийся из комнаты, а Клара отвернулась чтобы курить дальше, будучи сама в сильном опьянении, она всё же смогла заметить, что её полупознакомый как минимум не трезвее неё.

— А холодно тут, — заметил он.

Клара не отвечала. А потом ощутила дыхание у себя на шее, не особо задумываясь над тем, что происходит, она стояла так как стояла, лишь заметила, что сигарета почти закончилась, поэтому швырнула её куда подальше и следила за тем, как окурок летит вниз, даже на носочки поднялась, хотя с её ростом это было не обязательно. Только лишь сигарета упала на землю разбросав оранжевые искры она почувствовала, как холодные руки обнимают её за живот причём оказались они уже под одеждой, одна ползёт вверх, к груди, вторая вниз. Клара ещё не поняла против она или нет, но машинально развернулась, а парень не растерялся и здесь и поцеловал её в губы, а так как Клара ещё ничего не решила, то ответила ему тем же. Когда он перестал, то, как ему позволяло состояние, серьёзно взглянул на неё и потянул за руку с собой. Для любой другой девушки было бы очевидно зачем, но не для Клары, она просто не собиралась уходить с балкона и стояла на месте.

— Ладно, — улыбаясь сказал парень, — сейчас приду сюда.

Он возвратился в комнату, не закрывая за собой дверь, а Клара опять отвернулась к окну, разглядывая ночной город, время от времени вдалеке взрывались салюты и сквозь их слабый звук она слышала речь из комнаты:

— Олег всё уже, — реплика закончилась матом.

— А что-то такое? — спросил кто-то желая уточнить, почему «Олег всё».

— Да он там на балконе с этой длинной сосался уже.

По квартире разлился смех всех оттенков.

— Это нормально водки нужно было бахнуть, — сообщил третий голос, и комната снова затряслась от смеха почти мужских голосов.

Клара понимала, что подумать на какую-то вторую «длинную» было никак нельзя хотя бы потому, что из девочек она была здесь самой высокой. Стало обидно, а потом она растерялась не зная, что делать, потому что как-то стыдно стало выходить на свет к ним, чтобы все смотрели на неё и радовались, что они не такие уроды как она. Потом стала корить себя за слабость и за то, что даже когда её оскорбили, она вместо ответа пытается как-то спрятаться. Метания долго не продлились, и она решила просто пойти домой, для этого быстро прошмыгнув через комнату с парнями. Но стоило ей выйти, как злорадные голоса куда-то делись, все смотрели на неё весьма приветливо, а тема разговора будто мгновенно переменялась и вообще никак её не касалась. Однако Клара ещё не настолько не верила своим ушам и не настолько была душой, чтобы повестись в этот спектакль, поэтому хоть и не очень смело вышла в коридор, похлопала себя по переднему правому карману штанов, убедившись на месте ли телефон, обулась, накинула куртку и схватив портфель с так и не открытыми сухариками пошла домой.

На душе было гадко, но хорошо, что, хотя бы Алина и Диана не видели, как она уходит и не стали уговаривать остаться или спрашивать, что случилось. Может они и будут волноваться о том, куда пропала подруга, но ничего страшного, смогут позвонить ей.

Около часа Клара добиралась до дома и помимо насмешек, услышанных о себе ей так же хотелось избавиться и от опьянения, которое вроде бы проходило, но недостаточно, а вот замёрзла она за этот час более чем достаточно, поэтому будь, что будет, Клара решила подниматься к себе.

Дверь была не заперта, у родителей и их гостей гулянка кажется была в самом разгаре, это немного обрадовало девушку, потому что никто не обратит на неё внимания, как и произошло, она спокойно пробралась к себе в комнату упала на стул и сидела в телефоне в ожидании когда гости уйдут. Время близилось к пяти утра и их уход в любом случае должен состояться скоро. Клара даже додумать эту мысль не успела как услышала, что все собираются домой, под слова прощания, под лязг тарелок, которые кто-то маме помогал носить на кухню она решила расстилать свою кровать, а задача оказалась не простой потому что в тепле выпитый алкоголь будто разморозился и начал действовать со старой силой, но кое как Клара всё же справилась, а затем упала на свою постель. Гости уже точно покинули дом, в квартире наступила тишина, спать вообще не хотелось, более того: голова закружилась со страшной силой и стало ясно, что придётся бежать в туалет, чтобы основательно проплеветься. Эта мысль ужаснула Клару, она не хотела, чтобы родители заметили такое, но у организма было своё мнение на этот счёт и после пары передёргиваний всем телом новогодний ужин оказался у неё во рту и наружу из желудка просилась добавка. Клара побежала в туалет, открыла дверь и еле успела припасть к унитазу чтобы исторгнуть всё туда. Топот, характерные звуки, сильная и громкая отрыжка вперемешку с кашлем разбудили родителей, которые уже стояли за спиной у дочери. Вряд ли они сами сегодня были трезвее неё, но осуждение первым прозвучало от матери:

— Что, нажралась? — спросила она так, будто это что-то систематическое.

Клара ничего не отвечала, потому что, во-первых, не могла и слова сказать, а во-вторых не считала нужным оправдываться именно перед ней. Не хотела она будить родителей не от стыда, а потому что не хотела слушать, то что сейчас приходилось.

— Я смотрю ты себя нашла, — продолжала пьяная мать, — ни учёбы, ничего, одни пьянки, а мозги у тебя есть? Это опять кто-то из класса тебя напоил?

С каждой новой порцией непереваренной еды, что выходили из Клары она становилась

трезвее, обернувшись девушка решила глянуть на родителей. Отец был какой-то растерянный, а мать с привычно злобным выражением лица, но никаких страшных масок ни на ком не одето. Клара удивилась, но сильно задумываться было некогда — подоспел новый приступ. Через какое-то время она поняла, что всё и «белый камень» как шутили в школе, отпускал её спать. Вытерев лицо рукавом черного худи, она сняла его по дороге и бросила в ванную оставшись в одной майке. «Нормально», — возмущенно сказала мать, но не стала идти за дочерью, скорее всего просто была не в том состоянии, чтобы выдавать что-то кроме коротких доведённых до автоматизма реплик недовольства.

— Нормально, — ответила Клара и закрыла дверь в свою комнату, а потом с огромной усталостью свалилась в кровать, заснулось легко.

Проснулась она в одиннадцать утра, конечно же было плохо, глянула на телефон — никто не звонил и ничего не писал, в первую очередь две подруги, Клара подумала, что они-то спят наверное до сих пор. Пошла в ванную, чтобы почистить зубы и избавиться от ужасного привкуса во рту. А в ванной, в отражении её уже поджидал сюрприз, вчера зеркала ей не попадались, а сегодня она уже и забыла, что может там увидеть.

Будучи уже трезвой, хоть и с трещащей головой она и стояла и смотрела то ли на своё лицо, то ли на лицо какой-то живой труп. Сердце больно било в груди, не понятно от чего больше: от страха, что она превратилась в это, или просто от испуга. Где-то в глубине разума прозвучал голос, что это всё только кажется. Клара стала чистить зубы, боясь взглянуть на себя, но всё же когда дочистила и умылась, готовая заплатить любую цену лишь бы увидеть своё лицо подняла взгляд на зеркало, но оттуда всё так же смотрела старуха с полусгнившей на щеках кожей неопределённого цвета, ближе к серому, волосы поредели и потускнели, хотя вне зеркала её коса казалась нормальной. Клара почти убедила себя в том, что ей только кажется, она вышла из ванной и заметила, что на кухне стоит отец, с серьёзным видом мешая что-то в большой кружке, при этом стоя только лишь в майке и трусах, Клара, казалось, не заметила этого, просто ночная ссора была выбита из головы испугом.

— Папа, — запросила она внимания к себе, — что у меня с лицом?

Он, повернув к ней голову с нахмуренными чёрными бровями внимательно посмотрел и ответил:

— Ну опухла немного после вчерашнего, пройдёт.

— Только опухла? — не унималась Клара. — Я не похожа на старуху?

— Нет конечно, какую вообще старуху?

— Я вижу на себе страшную маску, — сказала Клара и сразу же пожалела, потому что давным-давно уже не произносила этого словосочетания.

Отец тяжело вздохнул и голос его будто стал ниже, следующие слова он произносил крайне отчётливо:

— Какую, — он вплёл в вопрос мат, — маску? Этого всего не бывает, ты или больная, или ты прикидываешься, может хватит уже, ничего этого нет и никогда не было!

— Но ведь дед тоже видел, — отчаянно противилась Клара.

— Да твой дед был обычным шизофреником! — уже орал отец, — мне съездить в Россию за справками? Он просто был спокойный и кроме вот этих масок никого не трогал, вот и жил не в дурке! Хочешь у бабушки спросим, нормальный ли твой дед. Я и уехал оттуда, чтобы это не слушать, предки его, ещё чушь какая-то.

Клара молчала испугавшись, а отец не переставал:

— А-а-а, — отец делал вид, что только что о чём-то догадался. — Так это через

поколение передаётся, ты тоже шизичка, а он тебе подыграл, ну ничего, тогда как больницы откроют поедем лечить тебя, полежишь месяцок может и маски пройдут, — злобно и слишком громко говорил он. — Хочешь в дурдом, а?

— Не хочу, — ответила Клара, глядя в пол.

— Вот. Чтобы я этого не слышал больше никогда!

Клара, не отвечая ничего пошла к себе, в коридоре заметив, что страшная маска всё ещё на ней, хорошо, что, хотя бы мама ещё спала и не присоединилась сейчас к отцу. Сердце было не на месте, поэтому заняться чем-то дома она не могла, захватив с собой сигареты и зажигалку пошла на улицу. Там и правда стало полегче, домой Клара вернулась только когда через несколько часов, разыгралось чувство голода, взглянув с надеждой в зеркало увидела, что и сейчас маска была с ней и на следующее утро тоже, но она стала чуть моложе. Хорошо, что через неделю, к школе, уродство сошло с неё совсем и учиться она пошла, радуясь только этому лишь факту.

Следующий «отдых» у всего класса состоялся в конце учебного года, Клара, зная свою особенность просто избегала зеркал, да и до такой степени как первые два раза ей напиваться не хотелось, к тому же курение заставляло себя чувствовать круче и лучше, куришь то минут пять-десять, а потом час находишься в приподнятом настроении. С алкоголем же эйфория чередуется с грустью, хотя это конечно смотря как пить. И лучше бы эти возможности не упускать, потому что в голову всё чаще лезли мысли о том, что она не знает куда поступать или хотя бы в какой области искать своё призвание, но сигарета в любое время могла снять волнение, а уж когда выпьешь что-нибудь крепкое, то проблема исчезала абсолютно, будто и не возникала. Правда в неопределённое время накатывала снова, но надо только лишь сигареты держать под рукой.

06.2037

Лето начиналось совсем не так, как планировала Клара, а собиралась она первым делом выспаться и просто несколько дней посидеть дома перед компьютером никуда не выходя, но в планы вмешалась мама. Залетев в её комнату и наглым образом тормоша спящую дочку:

— Вставай, Клара, сколько уже можно спать? — бубнила недовольная мать.

— Да уже каникулы же, — глаза дочери не хотели открываться, и она глядела на недовольное лицо матери сквозь маленькие прорехи.

— Ну и что, тебе нужно в больницу сегодня, делать справку.

— Какую справку? — Клара уже списала всё на похмельную чушь опять что-то перепутавшей матери.

— На работу.

Клара на этот раз не на шутку разозлилась, потому что вообще не понимала о чём речь и почему мать разговаривает настолько непонятно. Она с глубоким вздохом сбросила с себя одеяло, под которым утром удобно лежать настолько же, насколько вечером было не удобно.

— Какую работу, с тобой вообще всё нормально?

— Я с тётёй Инной договорилась, пойдёшь к её знакомым в кафе, она тебя уже устроила, только надо справку сделать.

— А меня спросить не надо было? — возмутилась Клара, дыхание от взволнованности участилось, и при говорении, в нос ударил противный запах из её собственного рта.

— А тебе деньги не нужны что ли, вообще уже надо приучаться к работе, а то сидишь ни черта не делаешь никогда, хватит ныть уже, вставай, иди ешь и одевайся в больницу, справку

можно за один день взять, ничего сложного.

— Я не против работать, — начала оправдываться Клара, — но я тоже человек и надо было меня спросить.

— А что тебе ещё надо сделать? — начала орать мать ранее сдерживавшая своё раздражение от дочери, — слишком много ты о себе возомнила, тебя кормят и одевают, а у тебя вечно недовольная рожа, сколько можно уже?

Такие вопросы никогда не требовали ответа, но это не мешало Кларе растеряться и почувствовать вину за свою неблагодарность, почувствовать себя тяжким грузом на шее родителей, поэтому ничего не отвечая, только лишь опять тяжело вздохнув она стала одеваться, с подушки зачем-то собрала несколько опавших волос, скатала их в шарик и пошла на кухню, в спину получила ещё одно указание:

— И не вздыхай, — твёрдо проговорила мать.

Позавтракав, Клара сделала рутинные дела, связанные с гигиеной, косметикой в отличие от одноклассниц она до сих пор так и не пользовалась, поэтому сборы перед выходом у неё занимали не так уж много времени.

По дороге в больницу девушка отметила отличную погоду, температура как раз такая, чтобы было тепло, но невозможно вспотеть почти ни при каких условиях, разве что побежать, а ещё она только сейчас подумала, что прошлой осенью почти перестала видеть страшные маски, а после нового года вообще ни одной кажется ей не встретилось. Зато вот с её внешностью, запасом сил и настроением стало что-то происходить: она не могла выспаться сколько бы не спала, не могла избавиться от давящей усталости, а настроение, если его измерять как температуру, всегда было чуть ниже нуля. Но не сказать, чтобы это как-то сильно удручало её, наоборот, была даже какая-то романтика в этой всеобъемлющей грусти.

Справку получилось сделать за два захода, потому что в первый день отсутствовал один врач, так как Кларе ещё не исполнилось шестнадцать ей разрешили работать не более четырёх часов в день, о чём и было указано в справке. Когда врачи спрашивали кем она собирается устраиваться в то кафе, Клара немного запаниковала, ведь даже никогда об этом не думала, а терапевт заполнявший в итоге справку предположил, что промоутером, наверное, кем же ещё можно в таком возрасте и на лето. Клара обрадовалась, что ничего не пришлось выдумывать и всё подтвердила, мол, конечно же промоутером. В любом случае справка была на руках и на следующий день новобранец в рабочем классе собирался пойти устраиваться на первую в жизни работу.

Утром мать разбудила Клару даже раньше будильника, приговаривая, что дочь опаздывает. Однако будильник дочь себе и так установила с запасом, чтобы прийти в кафе примерно к открытию. Вроде бы никто даже не ругался и не ссорился, а какое-то гадкое настроение уже прилипло с самого утра на весь день. Пересилив свою обиду и раздражение Клара вышла из подъезда и уже спустя двадцать минут стояла около кафе, которое называлось крайне просто — «Утро», она подумала, что такое название, может быть из-за того, что утром здесь самая большая посещаемость, может в этом заведении дешёвые или очень хорошие завтраки. Судя по обычной пластиковой двери на входе и месте расположения: первый этаж обычного многоэтажного дома спального района — вероятно завтраки всё-таки дешёвые.

Не забыв о жвачке, чтобы скрыть запах выкуренной по дороге сигареты она вошла внутрь и не сказать, чтобы Клару там что-то удивило, но приятных чувств она особо не

испытала: запах еды, дешёвые столы и стулья, многие из которых имели признаки большого износа в виде торчащих ниток из сидений и спинок или уже видимо не оттираемых пятен на поверхности столешниц, а также контрастирующая с улицей темнота и музыка из телевизора состоящая из всяких популярных и уже надоевших на данный момент песен. В самом зале было будто пусто, но всё же, словно ниоткуда, возникла девушка, ростом сильно ниже Клары, скорее всего где-то до ста шестидесяти сантиметров, чёрные волосы коротко острижены, глаза голубые, а голос какой-то мультяшный.

— Здравствуйте, — одновременно почтительно и строго сказала девушка вопросительно глядя на стоящую в дверях Клару.

— Здравствуйте, — ответила она, — а я насчёт работы.

Девушка завертела головой, а потом, будто что-то осознав, сказала:

— Блин, директорши сегодня нет, приходи завтра, — она улыбнулась, — меня зовут Даша, — девушка показала на бейдж распечатанный на обычном принтере, в котором, видимо уже заканчивалась краска.

— А сегодня её вообще не будет что ли? — немного расстроилась Клара, предвкушая разговор с матерью, которая найдёт как обвинить её в том, что она никуда не устроилась.

— Не знаю, но по средам она всегда есть, и обычно целый день здесь.

— Понятно, — Клара задумалась, — а вам вообще нужен сюда кто-нибудь?

Девушка нервно засмеялась, не открывая рта, а потом сказала сквозь лёгкий смех:

— Ты что, я уже три недели без выходных, конечно нужен, так что тебя точно возьмут, ну если хочешь подожди её и сегодня, но когда она придёт я не знаю.

— А позвонить? — спросила или точнее предположила Клара.

— Не, ей лучше никогда не звонить.

— Но мне же пятнадцать лет ещё, только на четыре часа можно выходить, — сообщила Клара затем, что может такая сотрудница и не нужна.

Девушка как-то почти с жалостью, но и одновременно с улыбкой посмотрела на Клару, а потом махнула рукой.

— А мне вообще четырнадцать, всем тут всё равно, — разве что последнее выражение она использовала более яркое.

— Ну ясно, — так же с улыбкой ответила Клара и развернулась к двери, чтобы выйти.

Только она собиралась положить руку на дверь, как та распахнулась перед ней, а Клара чуть не упала в объятия женщины лет пятидесяти, весьма тучного телосложения, но всё же удержалась и просто встала в проходе, не успев за это мгновение сообразить куда же ей деться.

— А вот и директор, — сказала Даша, за спиной у Клары.

— Здравствуйте, — с улыбкой и искусственным добрым взглядом сказала Клара.

— Ну войти-то дай, — абсолютно без эмоций произнесла женщина по ту сторону двери.

— Ой, да, — опомнилась Клара и сделала шаг назад пропуская женщину.

— Она хочет устроиться, — видимо желая помочь сообщила своему директору Даша.

Женщина стала разглядывать Клару с ног до головы, а потом спросила:

— Раньше работала?

— Нет, — почему-то испытав стыд ответила Клара.

— А сколько лет?

— Пятнадцать, в октябре шестнадцать.

— Ясно, дай свой номер я тебе позвоню.

Клара уже знала к чему такое говорят, видела такую ситуацию в фильмах, в анекдотах или не раз слышав такое в рассказах взрослых, решила использовать козыри.

— Я от Инны Колган.

— Колган, Колган, — думала женщина над этой фамилией, — а, да, знаем мы такую, а справка есть у тебя, что можно работать?

— Да, всё с собой.

— Хорошо, — женщина опять задумалась, — ну ты телефон-то дай мне, я сегодня просто занята, а завтра выходи.

Клара улыбнулась и назвала свой номер, а после поговорив ни о чём, для вежливости, с директором и Дашей, новая сотрудница вылетела домой с хорошим настроением. Дома же сюрпризов не случилось, мать довольно холодно отреагировала на успех дочери в деле, которым сама заставила её заниматься, но не сказать, чтобы Клара это как-то задело, ведь она уже давно привыкла, что все её неудачи — трагедия мирового масштаба, а все её успехи — мелочь, на которой не стоит заострять внимание.

Но в любом случае в конце первой недели каникул, несмотря на то, что это уже была суббота у Клары состоялся первый рабочий день, в течение него она просто хвостиком ходила за Дашей, которая принимала заказы, минимум раз в день делала вид, что не замечала грубости со стороны посетителей, примерно с той же частотой не замечала приставаний, а после двенадцатичасовой работы, падала без сил на стул вне зависимости от количества клиентов за сегодня. В понедельник у Клары должна была быть первая смена в одиночестве, разве что Татьяна Николаевна, так звали «директоршу», сказала, что на всякий случай будет здесь эти два дня. Но получилось так, что она ни разу за два дня не понадобилась Кларе. Та довольно-таки спокойно отработала и даже сразу не поняла почему так устаёт Даша, конечно сил к девяти вечера ни на что не оставалась, кроме как дойти до дома и уткнуться в телефон, но спустя две рабочие смены наступили и два выходных дня.

На следующее утро Клара перебросилась с мамой пару слов, в результате та очень загордилась собой, что устроила дочь работать, а она и справляется, ну а самой Кларе тоже сделалось как-то неловко, но это была неловкость скорее приятная, что она удостоилась редкой похвалы от матери и в кои-то веки не подвела её. Хотя где она раньше её подводила вспомнить было бы трудновато.

Примерно так пролетел первый месяц работы и в итоге, когда подошёл срок к первой зарплате Татьяна Николаевна подошла в середине рабочего дня к Кларе и очень вежливо начала:

— Клара, ты очень хорошо работаешь, ничего не подумай, но мы пока заплатить тебе не можем, но в следующем месяце получишь за два, хорошо? Только не уходи, ты здесь нам очень нужна, Даша так вообще помрёт без тебя, ты у нас спасение здесь.

— Хорошо, — улыбнулась Клара, хотя внутри ничего приятного не испытывала, просто не знала, как она может начать конфликтовать, когда с ней так хорошо заговорили и столько приятных слов наговорили.

— Я знала, что ты нормальная, — сказала Татьяна Николаевна и от этого Кларе сделалось ещё неприятнее.

То ли из-за того, что оплаты не случилось, то ли из-за того, что копилась усталость, но слабый запас энтузиазма у Клары абсолютно иссяк. Теперь всё труднее было не замечать поглаживания по ноге от всяких не очень молодых или молодых, но не воспитанных мужчин, так же и грубость всё сильнее била по стене Клариной защиты, которая называлась

«через несколько часов это закончится». Да и даже если посетителей не было, то всё равно изнутри силы выедало напряжение в ожидании их, в ожидании колкостей, насмешек или неуважения, и как раз после первого месяца Клара поняла, почему Даша в конце дня не могла даже со стула встать, чтобы пойти домой и собиралась на это действие как на какой-то последний рывок. С Дашей они кстати больше не виделись, что не мудрено ведь они заменяли друг друга. Всё поняла Клара и про график два через два, что он не так хорош, как казался изначально, потому что когда работаешь по двенадцать часов, то ни до, ни после работы ничего не будешь успевать, да и желания на это не будет, а когда наступят выходные, то в первый день не будет сил, а во второй желания, ведь завтра на работу.

Где-то в середине второго месяца работы, он в общем-то совпадал с календарным июлем, Клара решила, что с неё хватит после того как один из посетителей не просто дотронулся до руки или слегка провёл ладонью по ноге, а схватил её за так называемую филейную часть и нагло улыбаясь предложил поехать к нему домой, Клара бы и так не поехала, но уже как недели полторы стала видеть страшные маски снова и этот случай не был исключением, она вытаращила глаза, взвизгнула и рефлексивно отскочила от стола, а мужчина не убирал улыбки со своего лица.

— Да не пугайся ты так, — слова вместо голоса озвучивались каким-то бульканьем.

Клара в ответ не зная, как реагировать улыбнулась тоже и сразу же возненавидела себя за то, что она никогда не знает, как защитить себя, как ответить на явную наглость и унижение и если ей улыбнутся — то она обезоружена. От злости на себя у неё закружилась голова и захотелось блевать, что она и побежала делать в туалет, а ближе к вечеру сказала Татьяне Николаевне, что она больше не будет работать, однако в тот день Клару опять удалось уговорить остаться, пока не найдут новую работницу, а как только это произойдёт, то её отпустят в тот же день и с деньгами. Клара согласилась.

Прошло около двух недель, до того как новая сотрудница нашлась и на этот раз уже Клара обучала её. Вроде бы рассказав о всех своих знаниях, она сообщала, что может отпустить её домой и новая сотрудница, такая же, как оказалось, несовершеннолетняя, светловолосая и полнотелая девушка сказала Кларе «спасибо» и только лишь этим покорила её. А вечером был инцидент, который уж точно укрепил в Кларе решение уходить.

В зал зашли муж и жена, она низкая и худая, можно сказать, что нездорово худая, а он же наоборот с большим животом и висящими щеками, на голове густые волосы по бокам и лишь несколько волосин сверху, при этом такой же низкорослый как жена. Они сели за один из столов, и Клара была тут как тут, разложила перед обоими меню и сказала, что она здесь рядом и когда они определятся с заказом смогут её позвать. Официантка отошла обождать до тех пор, пока она не потребуется вновь, так она делала всегда, так всегда делала и Даша, если клиенты не обращаются в течение нескольких минут, то Клара подошла бы сама.

Но времени прошло совсем мало, мужчина встал, подошёл к ней и схватив за локоть подвёл к их столу, после чего сел и сказал:

— Тут стала и слушай.

Клара, внешне не выказывая никаких эмоций достала блокнот, вознесла над ним карандаш и ждала заказа. Она записывала блюда называемые мужчиной и поглядывала на его жену, которой было явно некомфортно от его поведения, а после того как дописала, сказала, что всё будет минут через десять. Так и случилось, семейная пара поела и мужчина попросил счёт, Клара принесла книжку с чеком, в которой всё было расписано и ещё не положив её на стол спросила будут ли они рассчитываться по карте или наличными,

мужчина сказал, что по карте, Клара стала вписывать нужную сумму в терминал, который принесла с собой вместе с чеком. Мужчина с недовольным видом приложил карту. Официантка, как требовали того правила, кивнула и сказала:

— До свидания. Всего вам хоро..., — она не успела договорить.

— Всё. Иди, — тут он вставил мат, — отсюда.

И нервно потряс толстой ладонью с короткими пальцами, при этом хмуря брови гримасничая лицом. Женщина не проронила ни слова.

Кларе было очень гадко, хотя сегодня она точно не первый раз столкнулась с подобным, но чтобы вот так сразу и с матом. Домой она шла абсолютно без настроения, так словно её облили помоями и с абсолютной уверенностью, что больше не будет там работать. Пospала ночь, а на утро только укрепилась в своём мнении и зная собственную слабость перед уговорами позвонила Татьяне Николаевне по телефону, чтобы сообщить ей, что больше работать не будет и хотела бы получить две свои зарплаты.

На следующее утро и состоялся этот телефонный разговор:

— Алло, — ответил низкий женский голос.

— Здравствуйте, это Клара, — она не успела сказать запланированную речь до конца, хотя перед звонком даже репетировала.

— Да знаю я, что случилось? — прервал её голос.

— Я больше, наверное, не приду к вам, только деньги хочу забрать.

В трубке было тихо, словно связь пропала, Клара глянула на экран телефона, время разговора шло, и как раз в этот момент молчание прекратилось, Татьяна Николаевна заговорила:

— Как знаешь. Заходи, чтобы меня точно найти, то в среду.

— Хорошо, спасибо, до свидания.

— Ага, пока.

Услышав гудки у Клары на сердце стало легче от того, что больше не придётся туда ходить, всё время посматривать на часы и ждать конца рабочего дня, но душевное облегчение длилось недолго, потому что в комнату ворвалась мать, на лице страшная маска, которую Клара стала называть просто маской, совсем свежая, ведь теперь Клара хорошо видела градации и могла распознать как давно человек пил спиртное, с точностью до дня, конечно, она сказать не могла, но знала, что к трём неделям маска полностью сходит с лица, а чем она явнее и гаже, тем свежее дата опьянения. Мать пила вчера, вот сегодня и маска тут как тут. Хотя это лишь название, Клара просто видела искаженные уродствами лица, а масками называла их для самоуспокоения.

— Что значит ты больше не пойдёшь? — мать возвышалась над Кларой как штормовая волна, — тебе же звонили, вызывали туда!

— Это я звонила, сказала, что больше не пойду.

— Ты думаешь я совсем дурочка или что? Мать у тебя идиотка? Я всё слышала, тебе позвонили, а значит ты там нужна, ты подставляешь людей, у тебя есть совесть?

Клара быстро раскинула в уме, что подставить она могла бы только Дашу, но на смену уже как неделю есть новая работница.

— Это звонила я, я не могу больше там работать, — пока ещё твёрдо говорила Клара.

— Не можешь потому что у тебя одни гулянки на уме? — и мать куда-то ушла, вернувшись уже с ремнём. — Где ты вчера была, а? Отвечай!

— На работе! — орала теперь уже Клара, кстати, как о работе она сказала об этом месте

впервые, раньше говорила, что идёт в ресторан или на смену.

— И что воняет по всему дому перегар от твоей работы? — мать замахнулась и ударила Клары пряжкой ремня по ноге.

К глазам тут же прильнули слёзы в одинаковой степени от обиды и от боли, ведь сама мать, никогда не работала ради денег, при малейших конфликтах уходила со своих работ и трудилась там, где ей было комфортно по графику и по коллективу, а деньги благодаря отцу всегда стояли на втором месте. Клара же в пятнадцать лет наслушалась больше чем её мать за жизнь. И сама об этом догадывалась, поэтому и было больно и обидно. Боль жгла ударенную ляжку, а обида сердце, только лишь на этой смеси Клара и выпалила:

— Это от тебя воняет, только ты вчера нажралась в этом доме.

Мать сначала широко раскрыла глаза, потом казалось попятилась на несколько миллиметров, но шоковое состояние длилось недолго, через мгновение бляхой ремня своего мужа она заехала дочери прямо по лицу, удар пришёлся в щёку.

— Прекращай эти разговоры. — Мать говорила не своим голосом, — я у тебя тупая, так ещё алкашка? Я что под забором валяюсь? Неблагодарная скотина, зачем тебя только рожали, пятнадцать лет ничего не можешь, ни в школе, ни на работе.

Далее уже опешила Клара, потому что мать плюнула ей прямо лицо. Омерзение к себе, которое она испытала сейчас, вряд ли чувствовала раньше, ни на балконе с тем парнем, ни, когда её схватили за зад на смене, но вслед за плевком она увидела очередной замах ремня, на этот раз что-то заставило схватить мать за руку и вырвать у неё импровизированное орудие, вот только пока вырывала как-то попала ей локтем по лицу, от чего мать завизжала и со слезами выбежала из комнаты. Спустя секунды Клара услышала, что мать кому-то звонит и говорит, что дочь её избивает, причём это был не просто разговор, а крик сквозь слёзы, с хлопаньями и завываниями.

Тут ещё домой и отец пришёл, который вообще не понимал, что происходит, и прямо такими словами и спросил это стоя в коридоре так, чтобы видеть и жену, и дочь.

— Она уходит с работы, — плакала мать в кухне, судя по всему с сигаретой, ведь запах табака уже стоял в Клариной комнате.

— Ну и что? — неожиданно для дочери не осознал масштаб проблемы отец, — и так два месяца, хватит.

— Её Инна туда устроила, что я ей скажу теперь, она же всех подставляет!

— Да про меня там даже никто не знал, я сама устроилась, и сама справку сделала, иди поцелуй свою Инну в, — и Клара сказала куда, — такая же как и ты, только бухать и может.

— Клара! — рявкнул отец, теперь уже привычно для дочери заступаясь за жену.

— И правда, тебе твоя Инна дороже дочери? Она два месяца отработала и так, по двенадцать часов, а ты когда работать начала после универа? Только после декрета?

Мать похоже растерялась и не нашла, что ответить и видимо на этом конфликт был погашен, потому что по крайней мере в тот день никто уже никого не трогал. Кларе стало немного легче, если не сказать полностью, потому что было приятно, что отец стал на её сторону, раньше такого вообще не бывало. Поэтому с чуть более лёгким сердцем она порылась в портфеле, нашла сигареты и жвачку, взяла наушники с телефоном и отправилась на улицу, чтобы «подлечить себе нервы» привычным способом. Когда стемнело она вернулась домой, родители уже спали и отлично, потому что даже взглядами встречаться с ними не хотелось.

В ближайшую среду она отправилась за деньгами, зайдя в кабинет директора, которому

скорее подойдёт слово коморка, она увидела Татьяну Николаевну за каким-то бумагами и с калькулятором. «Директорша» вопросительно смотрела на уже бывшую подчиненную.

— Здравствуйте, — начала Клара

— Здравствуй, — ответили ей.

— Я за деньгами, — с улыбкой, застенчиво и как можно вежливее сказала Клара, испытывая за это вину, словно она делает что-то неприличное, как будто должна была отработать два месяца и уйти ничего ни от кого не требуя.

Татьяна Николаевна вздохнула, открыла свой кошелек и набрала внушительную стопку купюр, затем протянула руку с деньгами бывшей официантке. Клара протянула руку в ответ, чтобы забрать две свои зарплаты, но директорша бросила их на стол прямо около ладони Клары, вряд ли это вышло случайно. Однако Кларе было не до гордости и деньги она взяла, согнув купюры пополам вышла из кабинета и только сейчас решила пересчитать, и начав поняла, что здесь очень сильно не хватает, если переводить в понятные эквиваленты, то заплатили ей около трёхсот долларов, хотя договаривались на в три раза большую сумму. Клара тут же вернулась назад.

— Так здесь же мало, — возмущённое, но вежливо сказала она.

— Так ты работала по четыре часа.

— Я работала по двенадцать, это же кто угодно подтвердит.

— На здоровье. Иди отсюда, скажи и за это спасибо и можешь больше здесь не появляться.

Клара поняла, что пространства для ответных ходов у неё нет, ещё раз вышла из кабинета, на этот раз окончательно, и тут же в голове всплыли мысли, что это всё хотя бы закончилось, да и хоть какие-то деньги дали. Домой шла не с таким уж плохим состоянием духа, хоть не получила и трёх четвертей того, на что рассчитывала, зато как по вмешательству высших сил про неё вспомнили школьные подруги. По дороге зазвонил телефон.

— Алло, — начала Клара.

— Ну что ты? — спросила Алина.

— Да вот зарплату отдали.

— И сколько?

— А тебе-то что? — Клара смеялась, чтобы как-то прикрыть своё нежелание отвечать.

— А что ты делаешь завтра?

— Уже ничего, я уволилась.

— Так приходи ко мне, у меня правда денег немного, может купить нам что-нибудь?

— Хорошо, а Диана будет?

— Будет.

Потом разговор был никак не содержательнее, зато настроение у Клары поднялось совсем уж до нормального, про неё вспомнили друзья, а завтра ещё и намечается гулянка, будет смешно и весело, пропадут страшные маски, а мир окрасится в яркие цвета.

Вроде всё стало хорошо.

2038

— А ты уже подумала куда ты будешь поступать? — спросила мама Клару в середине одиннадцатого класса.

— Пока не знаю.

— Ну думай, уже ж ведь зима.

На этом разговор и закончился. Клара-то как раз и напрягала мыслительные процессы по поводу того, какую профессию ей выбрать, но каждый раз испытывала стресс ведь ничего из известного ей не нравилось, не привлекало, из-за этого она просто бросала поиски, с надеждой на то, что необходимые мысли придут сами, откладывала такое важное решение до следующего раза. Тем не менее мир не собирался ждать, что же она выберет и время шло с той скоростью, которой считало нужным, так и пролетел одиннадцатый класс, который в жизни Клары можно отметить разве что растущим контролем со стороны матери, он выражался как правило в грубых расспросах дочери по телефону о том, куда она пошла, или приказами идти домой потому что «уже девять вечера», хотя когда мать пила до Клары никому не было дела, она могла приходить домой в любом состоянии, в любое время. Тоже самое касалось и еды: мама очень обеспокоилась рационом дочери, правда только в те дни, когда удавалось не поддаться алкогольному влечению. Например, один раз пять дней подряд, особенно если отец уезжал, мать была в состоянии «не очень», Клара готовила сама себе как умела, хорошо, что хотя бы деньги на это водились. Но стоило пьянкам прекратиться, мать закармливала дочь строго по расписанию, нервно реагировала на газировки и чипсы. А Клара каждый раз неизменно злилась, будто её злость могла что-нибудь изменить.

В учёбе случился небольшой перевес в лучшую сторону, точные науки Клара так и не смогла обуздать, зато её любовь к чтению, к искусству дали ей помощь в языках и оценки начиная со второй четверти во всём, что относилось к «гуманитарным» дисциплинам у неё улучшались, это же касается и иностранного языка, если не брать в расчёт химию, физику и математику, Клара снова превратилась в отличницу или как минимум крепкую хорошистку. Когда дело касалось, к примеру, сочинений, то ей ставили оценку всегда на балл ниже чем тому, кто у неё списал. Но даже это не выбивало у Клары почву из-под ног, она никогда не спорила и понимала, что её так и будут считать глупой и в спорных случаях списала именно она, а не у неё, такое она себе создала наследие за последние несколько лет.

Поразмыслив над тем, что Кларе нравится читать, когда нужно делать сочинения, она даже испытывает какую-то радость, а также то, что у неё по каждому вопросу в политике, экономике, философии завелась своя точка зрения, она решила поступать на журналистский факультет государственного университета, пытаться сразу на бюджет, а не получится — может быть, родители согласятся платить. Но лучше бы конечно никого ни о чём не просить, а пойти самой работать и учиться на заочном, это конечно немного не то, но ведь таким образом получаешь те же знания, разве что усвоить их сложнее. О своих догадках она и сообщила матери где-то в апреле:

— Я думаю, что буду поступать на журналиста, — сказала Клара маме, подождав пару дней, пока та решит сделать перерыв между пьянками.

— Ты, — она сделала паузу, — на журналиста? — удивилась мать и с явно не позитивными эмоциями.

— Да, а что такого? Я хорошо пишу сочинения, например, — недоумевала будущая абитуриентка.

— Да какой из тебя журналист? Это не тоже самое, что с интернета скатывать. Да и что ты, конкурсы какие-то выигрывала? Подумай что-нибудь нормальное, а то ты вся в меня: я тоже считала, что мне всё принесут на блюде и я только по дому в халате буду ходить.

— Так, а куда мне поступать? — спросила Клара не обращая внимания на очередные

выбрыки по поводу своей личности.

— Не знаю, думай сама, я думала тебя отправить на юридический, где я училась. На таможенню потом работать пойдёшь, там многие мои сокурсники уже карьеру сделали.

— Там надо сдавать математику.

— Ну и что? Сдашь как-нибудь. — Уверенно сказала мать и вернулась к просмотру телевизора тем самым показывая, что разговор окончен.

Клара не умела настаивать и бороться за своё, поэтому молча встала и ушла к себе в комнату, чтобы позлиться, избить подушку и пожелать своей матери всего плохого, вплоть до смерти, а может быть она желала этого себе, потому что уже знала, что без борьбы подчинится её воле, ведь как по какому-то волшебству она вообще ни в чём и никому не может отказать и почти никогда не идёт на конфликт просто подминаясь под людей. Часто и конфликта не случается, а Клара, зная, как будут происходить события за секунду в голове просматривая картины будущего отказывается от споров, от ответов на неуважительное отношение, что никогда не проходит бесследно, потом дома она до синяков может схватить саму себя за ногу, за руку, за бок или расцарапать кожу там, где никто не увидит, один раз она швырнула свой телефон в стену и теперь уже более года ходит с разбитым экраном.

Май выдался тёплым и приятным, пару раз Клара даже слышала пение природы в ветре и дожде, прямо как когда-то в детстве, в этом году получилось так, что она не пила и поэтому количество страшных масок вокруг неё становилось всё больше. Что-то подобное даже мелькало на её подруге Алине, но это было лишь мгновение, нельзя точно сказать не привиделось ли просто боковым зрением. Клара сдала обязательные экзамены полностью списав три задания по математике у Дианы, которая намного больше преуспевала в этом предмете и вообще была ей как-то ближе Алины, та никогда не давала списывать, ссылаясь на то, что не успевает сама, всегда следила за тем, чтобы она не потратила на что-то денег больше других двух подруг настолько, что кажется сигарет вообще никогда не покупала сама.

На экзамене по русскому языку вообще устроила Кларе настоящую подлость, которая заключалась в том, что хоть Клара и не жаловалась на память и изложение должна была написать без проблем, но всё же оставила книгу с экзаменационными текстами в соседнем кабинете, ведь этот сборник известен до экзаменов, и если что, то она бы вышла и прочитала ещё раз. На экзамене всё шло по плану Клары, она действительно легко запомнила и всё написала, несколько раз перечитав не нашла у себя ошибок, но тут подлым образом в душу закрались сомнения, что она что-то упустила, ведь оглядев класс увидела, что закончила первой. Тогда-то и попросилась выйти, зашла в соседний пустой кабинет, прошла через всё помещение к шкафу с глобусами, сверху у него были стеклянные дверцы, а снизу из имитации дерева, вот вниз Клара и полезла: туда, куда недавно клала свою книжицу с изложениями. Если сказать мягко, то она очень удивилась, что абсолютно ничего там не нашла, а про то, что спасательный сборник спрятан там знали только две подруги, Диана при этом никуда не выходила, а вот Алина — да. Но может она перепутала шкаф, посмотрела в другом и тоже ничего, время поджимало, и чтобы никто ничего не заподозрил и не стал догадываться, что Клара не в туалете ей пришлось спешить назад.

Сев на своё место Клара посмотрела на Алину без эмоций, без осуждения, ей просто было интересно зачем так делать, что в этом смешного, Алина же в ответ только улыбалась неумело изображая сожаление и растерянность, потому что от неё так и сквозило каким-то издевательством. Только экзамен закончился и ученики вышли из кабинета Клара подошла к

своей подруге:

— Зачем ты его забрала? — довольно злобно спросила она, ведь была и правда зла.

— Ну блин, что-то затупила, — улыбалась Алина.

— А если бы мне понадобилось?

— Так что я уже сделаю блин? Ничего страшного, ты вообще сама разрешила мне брать, — соврала Алина.

— Я такого не говорила.

— Ладно, не важно.

Когда объявляли оценки выяснилось, что обе девушки написали изложение на высший балл и проблема как-то забылась. Но экзамены на этом ещё не заканчивались, оставалось ещё несколько предметов и далеко не по всем оценки сообщали в тот же день. Когда же вторая неделя лета подошла к концу и теперь уже знание всех дисциплин было проверено, многие готовились к тестированию, в котором сдавали бы ещё раз три предмета, что требуются для выбранной специальности. Клара тоже определилась с тем, что будет сдавать для поступления: математика, русский и иностранный язык — именно такой набор нужен, для поступления на юридический факультет главного университета страны. Чтобы узнать оценки по последним экзаменам можно было сходить в школу лично, а можно было посмотреть на её сайте, но Клара почему-то боялась именно такого, второго, способа. Дождавшись пяти часов вечера одиннадцатого июня пошла туда, куда отходила почти каждый будний день в течение предыдущих одиннадцати лет.

Кажется, что на улице не хватало воздуха, хотя время от времени дул сильный ветер, но не менее горячий чем всё вокруг, один раз в глаза уже теперь бывшей школьнице попал песок, так что школа была чуть ли не каким-то спасением от бури. Клара поздоровалась с пенсионеркой, сидевшей в специальном пластиковом квадрате для вахтёров и пошла на второй этаж, чтобы посмотреть на списки с оценками, в сердце было как-то тревожно да и ожидание того, что почему-то она всё завалила подавляло изнутри. Но оказавшись перед стендом, на котором пару недель назад ещё между кабинетом директора и учительской висело расписание, она искала свою фамилию слегка водя пальцем по напечатанным строчкам, а когда нашла поскользнула пальцем вправо, к оценкам. Математика, русский язык, история и так далее, всё это было ей известно, зато заканчивался список иностранным языком и биологией и к её удивлению она сдала экзамен на отлично, хотя практически не готовилась. Настроение поднялось так, будто она герой компьютерной игры и сейчас выполнила задания основной сюжетной линии, а теперь может ходить куда хочет и что угодно делать в своё удовольствие. Губы сами растягивались в улыбке, а в душе что-то накапывало, что дома же мать и сегодня она пьёт, но на этот раз Клара отогнала эти мысли от тебя.

— Ну как? — спросила бабуля на выходе у довольной Клары.

— Всё очень хорошо, — ответила она.

— Молодец, — старушка, школьный сторож, низкого роста, с седыми волосами, в старой юбке и каком-то синем халате поверх шерстяной кофты потрясла маленькими кулаками так, будто болела за Клару на протяжении всех экзаменов.

Клара сжимая губы и одновременно улыбаясь выдохнула, открыла пластиковую дверь, чтобы выйти и почти шагнув в тёмный тамбур резко вошла назад.

— До свидания, — сказала она бабуле.

— Пока, пока, — ответила та ей, и теперь Клара вышла окончательно.

Только она закрыла за собой дверь школы, будто из-за забора прибежал ливень такой силы, что вряд ли бывшая школьница, видела такое раньше, да и сама сила дождя удивляла не так, а то как он метр за метром приближался к ней меняя оттенок асфальта на более тёмный и перекрывая остальные звуки своим шумом. Козырёк над школьным крыльцом укрыл Клару от стихии, так же, как и от капель, которые бились совсем рядом с её белыми кроссовками, но не попадали на них. Она стояла и вдыхала резко посвежевший и кажется наполнившийся кислородом воздух. На душе было абсолютно спокойно, как будто все проблемы куда-то исчезли, или может быть смыты этим дождём, может быть если бы Клара могла выбирать, то так бы и осталась стоять здесь навсегда и смотреть как с козырька и с водосточных труб сбегают ручьи, но как этот ливень резко начался, так же и закончился и обходя лужи Клара пошла домой.

Куда она ходила и что там с оценками сегодня предсказуемо никому не было интересно, чему Клара была даже немного рада, ушла в свою комнату и зачем-то вспомнила про экзамен по русскому языку, а главным образом про поступок Алины, которая взяла без проса сборник, да ещё и не положила на место, а утащила с собой, якобы случайно, и это вызвало другие воспоминания, в частности, как Кларе поставили единицу за неп прочитанную книгу. Только вот не прочитала она её из-за того, что в школьной библиотеке произведений не хватало на всех и ученики разбивались по парам, мол первые две недели месяца читает один, а вторые две недели — другой. Клара сидела вместе с Алиной, и когда с запасом времени взяла себе произведение классика, соседка по парте попросила у неё прочесть первой, на что Клара тут же согласилась, хотя в сердце уже что-то подсказывало, что лучше сделать наоборот. Но ведь просят же. Так и случилось — Алина не передала Кларе книгу ни через неделю, ни через две, и только за несколько дней до занятия на котором всех будут спрашивать соизволила принести творение Льва Толстого своей однокласснице. Вряд ли кто-то осилит «Войну и Мир» за четыре дня, читать с компьютера долго Клара не могла — болели глаза, телефон был разбит, нормально работала только четверть экрана, этого хватало лишь чтобы звонить самой, а звонки принимать можно было с помощью наушников. Читать же сокращённые произведения или смотреть вместо чтения фильмы Кларе казалось ужасно пошлым. Но этим постановки Клары в неудобную позу не закончились: Алина сказала, что прочитала, но забыла что-то, ведь давно это было, но в общих чертах помнит, а книгу отдала Кларе две недели назад. Клара в свою очередь сказала, что это не так, но ей как обычно никто не поверил, она получила свой «кол» и сильно обиделась на подругу. Однако спустя пару уроков, после пары небрежных слов от Алины, что единица для Клары — «это ничего страшного», и вообще она не специально забывала для неё книгу, всё прошло, хотя в душе ещё зудело, однако Клара уже очень хорошо умела затыкать тот голос, который внутри что-то там стесняясь блял о том, что с ней поступают несправедливо.

Так и сегодня Клара решила не ворошить прошлое, в следующий раз наверняка Алина так не поступит, ей точно стыдно, просто характер такой, что она не признается в этом. Через неделю выпускной, а в конце июня начинаются тестирования, которые продлятся до середины июля, сейчас кажется, что всё это очень далеко. К тому же и Диана тут звонит с предложением покутить и как-то отметить окончание экзаменов, каким именно образом — очевидно.

Спустя час три подруги уже стояли на своей привычной остановке, у каждой по рюкзаку, который приятно тяжелили два литра пива, если нажать на рюкзак там бы захрустели пачки чипсов, в кармане спокойствия добавляют дорогие, по поводу праздника

окончания школы, сигареты. Сегодня девушки отправляются домой к Алине на другой район, она живёт в богатом частном доме и, хотя все трое не из бедных семей, достаток у родителей Алины самый большой и не то, чтобы о таком все хотели помнить, сама Алина время от времени напоминала об этом. Это тоже была одна из её неприятных, для Клары, черт: если что-то есть у Алины, она десять раз напомнит о том, что это дороже и качественнее чем у других, но, если вдруг что-то дороже появлялось у Дианы или Клары, им тут же сообщали, что они страшно и бессмысленно переплатили.

Домой Клара вернулась в два часа ночи, зачем-то потянулась на кухню включила свет и пока искала среди ножей и вилок стакан, то наделала очень много шума, чем вызвала на кухню мать, но услышав из комнаты шаги, метнулась от шкафчиков с посудой к холодильнику, открыла верхнюю дверцу, чтобы спрятаться за неё и не выдать своего опьянения такой степени, что даже на земле она стояла не твёрдо.

— Где ты была? — строго спросила мать у стоящий за дверью холодильника Клары.

— У Алины, — спокойно и быстро ответила она.

Мать развернулась и ушла к себе, а Клара выдохнула, из холодильника потянула бутылку колы и пошла к себе в комнату.

Через неделю состоялся выпускной, в течение всего дня шёл дождь, который сегодня никакого облегчения на душе не делал, чем ближе был вечер, тем гаже становилось настроение у Клары, ведь надо было одевать платье золотого цвета, которое выбрала мама несколько дней назад, абсолютно не учитывая пожелания Клары. Все протесты дочери подавлялись тем, что платье очень дорогое, а Клара просто не понимает его красоты. Однако протест проявился в том, что Клара не воспользовалась косметикой, а праздничной причёской стала ежедневная коса. Наступил вечер школьная часть с аттестатами и напутственными речами закончилась и все отправились в ресторан, Клара понимала, что раз она пила где-то неделю назад, то страшных масок не будет, да и сама она ещё остаётся красивой. А её изуродованное лицо в день попойки, даже если потом пару дней после она себе видит такой же страшной — очевидно лишь иллюзия. Кстати подобное положение вещей ничуть не пугало её, наоборот в алкоголе виделось какое-то спасение, ведь все и она сама с недавних пор делаются красивыми, а настроение от одной до трёх недель будет прекрасным, правда потом поверх яркой картины проявляется какой-то холодный и мрачный ад, но никто не мешает выпить, чтобы вернуть всё как было. Почему-то сегодня Кларе прикладываться к спиртному не хотелось, она лишь бегала курить, то с одним, то с другим учеником.

В ресторане выпускница в золотом платье сидела между своими подругами, что Диана, что Алина, уже через несколько часов были навеселе, как и почти все недавние школьники, их родители сегодня не против, да и вообще они больше поглощены общением друг с другом за своими столиками, а молодёжь предоставлена сама себе.

Клара заметила, что её родители собираются домой, отец трезвый, а у матери уже знакомый блеск в глазах и другая мимика, кажется она вообще, когда выпьет представляет себя другим человеком, моложе и весомее что ли. Вот и сейчас дочь и мать встретились глазами и та подозвала своего ребёнка к себе, Клара послушно встала и пошла через весь зал не переставая чувствовать себя душой в этом золотом платье, его большая цена всё же никак не помогала избавиться от этого ощущения.

— Мы уже поедим, — Кларе ударило в нос винным запахом, — смотри тут держи себя в руках.

— Я сейчас вообще не пила, — возмутилась Клара.

— Ну мы ж не слепые, — как-то ехидно улыбнулась мать.

Клара тем временем глянула на отца, чтобы понять, он тоже «не слепой» или всё же понимает, что его дочь и так держит себя в руках. Он кажется вообще хотел отстраниться от этого разговора и просто уехать домой. Сам и потянул мать к выходу помахав дочери рукой, а она покивала ему. Клара вернулась с чуть испорченным настроением за стол к подругам, там ей Алина уже предлагала подлить в стакан с соком водки, ведь «у пацанов есть кое-где», Диана тоже подначивала на подобное, но Клара отказалась. Потом всё же кое-как смогла развеселить себя не прибегая к спиртному, просто в очередной раз заглушив свои мысли тем, что концентрировалась на происходящем вокруг.

Ресторан был заказан не до утра и где-то около часа ночи, все покинули заведение, отправившись на заранее снятый частный дом, поехала туда и Клара, там тоже пить ей не захотелось, а она и не противилась этому нехотению. До утра её грусть или обида, она не могла определить, что же именно там в глубине зудит, рассосалась, и ей даже захотелось домой. Очень кстати за Алиной приехал отец, что она, что Диана еле стояли на ногах. Клара помогла затащить обеих в машину, за это Алинин отец подвёз её до дома, спросив адрес и номер квартиры крепко спящей Дианы, попрощался с Кларой.

Пять часов утра. На улице абсолютно светло, Клара по дороге домой глубоко вдыхает воздух поднимается по лестнице на свой этаж и тихонько, чтобы никого не разбудить открывает входные двери, так же и закрывает их. Перед тем как пройти к себе закрывает дверь в родительскую комнату, уже смелее, большими, но бесшумными шагами попадает в свою и ложится спать, хотя на улице вообще не располагающий к этому пейзаж.

В понедельник первое тестирование и оно по русскому языку. Клара спокойна.

07.2038

Все три тестирования были сданы и теперь осталось дожидаться результатов, предчувствие у Клары было не очень, так на первый предмет она явилась ещё не полностью отойдя от выпускного, а перед вторым, математикой, снова отлично оттянулась с подругами, правда в их случае все варианты тестов были проштудированы по несколько раз с репетиторами, и хоть совпадения с прошлыми годами были не полными, всё же сами задания были крайне похожи. Да и учились, что Алина, что Диана лучше чем Клара. Но из дело предложить, а отказаться Клара никогда не может, поэтому хоть что-то в душе и противилось тому, чтобы напиться прямо перед математикой, она всё же сделала это. На утро встретившись с Алиной на остановке, так как сдавали тесты они в одном и том же университете, сердце у Клары встрепенулась, когда она поняла, что забыла чёрную гелевую ручку, а ведь подходит только она, но хорошо, что Алина добродушно поделилась, ведь захватила несколько запасных.

Само тестирование долго не продлилось, так как списать по естественным причинам не представлялось возможным, ведь любые переговоры тут же пресекались следящими за порядком преподавателями, а вопросы, если уж они возникали, можно было задать только им. В первых заданиях Клара ещё пыталась что-то решить, когда дошла до блока, где элементарные задачи кончились, то перестала даже пытаться думать и тыкала наугад. Решив задания, на которые отводилось три часа не более чем за двадцать минут, она всё равно не была первой: какой-то мужчина лет тридцати пяти понёс сдавать свои листы раньше неё, чем вызвал тихие смешки и гул шёпота, похожего на шуршание опавших листьев. Для

приличия, чтобы не привлекать внимания она ещё посидела изображая, что думает, всверливалась взглядом в бумагу, а когда «сдались» человек десять из, может, пятидесяти рассаженных в одной аудитории, пошла сдаваться во всех смыслах и она.

Комиссия за длинным столом без эмоций взяла бланки, Кларе вернули её телефон, на мгновение задержавшись взглядом на разбитом экране, еле слышно она попрощалась с преподавателями и тихонько вышла, стараясь не хлопнуть дверь. Так как аудитория находилась на первом этаже, то на улицу Клара попала довольно быстро, перед университетом стоял небольшой сквер полный деревьев и скамеек, которые ещё не заполнились бывшими школьниками и людьми за тридцать, желающими получить ещё одно образование. В тени, довольно далеко от выхода, Клара заприметила место куда можно сесть, сама того не понимая, как обычно ушла туда, где она видит всех, но её не будет примечать никто. Надо дождаться Алину, ведь они договорились, захотелось покопаться в телефоне, так разблокировав экран в очередной раз вспомнила, что он разбит, хотя случилось это давно, а рефлексы при минимальном скучании всё те же. Поэтому пришлось полазить в своих мыслях, найти там причины почему поступать в универ, который сказала мать — правильно, потому что действительно, писать же она может только на заданные темы, да и грамматика немного хромает, а кому нужен такой журналист, у которого будут ошибки, это же вообще стыдно. А так таможенное дело, наверное, всегда будут водиться деньги, правда где именно можно работать не понятно, особенно если она не поступит на бюджет и потом у неё не будет распределения, ведь вряд ли мест для этой узкой специальности очень много на рынке труда. Далее мысль ушла в менее важные плоскости чем карьера, а потом и вообще затихла. Клара стала рассматривать прохожих, глянула на электронные часы, установленные над входом в университет: экзамен начался больше чем полтора часа назад, а Алины всё нет, ну зато можно покурить пока, чем Клара и занялась, на всякий случай покинув территорию университета. Таким образом бродя туда-сюда она и скоротала более двух часов, спустя которые и вышла Алина воспользовавшись временем предоставленным для теста на полную.

— Сколько у тебя в третьем примере в блоке «Б»? — первым делом спросила она Клару.

— Я уже не помню, — ответила та, немного расстроившись, что так безалаберно подошла к такому важному дню своей жизни, но показывать этого никому не собиралась.

— По-моему двадцать семь, мне вообще попался похожий на десятый вариант, мы такой с репетом делали много раз, — Алина стала оглядываться вокруг, будто забыла где выход с территории университета, — пошли покурим.

— Да, пошли, что там Диана интересно.

— Ну, — в матерной форме Алина поинтересовалась «зачем», — она поехала сдавать в университет информатики, а не с нами.

— Так она хочет сдавать там же, куда будет поступать.

— Точно, — сказала Алина чиркая зажигалкой, тонкая сигарета зажата губами — ну всё равно тупо, лучше бы с нами.

— Да какая разница, — ответила Клара выбирая сигарету в своей пачке, будто между ними была какая-то разница.

После этого девушки отправились по домам, у Клары оставался только иностранный язык, испытание должно было состояться через неделю, что делать в течение этого времени вопрос даже не стоял: готовиться хотя бы к этому тестированию. И потенциальный юрист засел за учебники хоть и к третьему экзамену, но всё же лучше, чем никогда. Диане тоже

нужно было сдавать английский, и хотела она или нет, родители заставили её отсидеть с утра до ночи у репетитора, так что если Алина и собиралась подбить подруг на любимое время препровождение, то ничего бы не вышло, ведь Клару без Дианы она никогда никуда не звала, зато наоборот бывало часто, но на этот раз Диана была словно под арестом.

К своему удивлению, заполняя варианты ответов теста, Клара довольно много знала и сдав листы непонятного размера, точно меньше чем А3 и точно больше чем А4, вышла на улицу со спокойной душой и уверенностью, что на этот раз количество баллов будет точно больше шестидесяти, это минимум, а скорее всего за восемьдесят. Результаты будут готовы через две недели после первого тестирования, а самый последний будет известен через неделю после того как состоялся, то есть к последнему июльскому понедельнику. Клара, как и в случае со школой, не хотела ничего смотреть на сайте, и дождавшись двадцать шестого июля поехала в университет, чтобы забрать три сертификата, на которых указаны её баллы. Прибыв туда с удивлением обнаружила, что уже нет никаких очередей, про которые рассказывали Алина и Диана, но они-то поехали в первый же день как результаты стали известны, например русский язык Алина завалила не набрав и сорока баллов, зато по математике было целых восемьдесят шесть, за восемьдесят она набрала и по химии, у Дианы по каждому предмету оценки были то около девяноста баллов, где-то чуть больше, где-то чуть меньше, теперь пришла очередь третьей подруги узнать сколько же процентов образования она впитала в школе за одиннадцать лет. Все три сертификата были уложены в один конверт, сотни их лежали на сдвинутых в один длинный, столах. Кларе само собой дали тот, что был с её фамилией, женщина, выдававшая сертификаты, долго не могла его заметить. «Вот я» — помогла ей Клара, указав в нужную область стола.

Она вышла на улицу, уселась на ту же скамейку, на которой ждала Алину с математики и из конверта достала три желтых листка, чем-то напоминающие железнодорожные билеты.

Шрифт на сертификатах тоже напоминал шрифт билетов, самые важные строки на первом содержали следующее:

Русский язык: 68 баллов.

Неплохо, хотя могло быть и лучше, но всё же доставая листок Клара ожидала чего и похуже, следующей была вытянута математика, глаза чуть ли не приняв собственное решение сопротивлялись, чтобы не смотреть на цифры.

Математика: 17 баллов.

Сердце упало, и сосуд со стыдом разбился где-то внутри, а его содержимое сначала обожгло грудь, а потом запекло на щеках и на висках, первым делом Клара подумала о том, как сообщит об этом маме. А вторым о том, что надо бы покурить, но оставалось посмотреть на результаты последнего тестирования:

Английский язык: 91 балл.

Настроение тут же улучшилось, по крайней мере горечь от предыдущих результатов разбавилась, как разбавляется острота во рту, если прополоскать его водой, но до конца конечно ничего не ушло.

Покинув территорию университета, который был ближе всего к дому, поэтому и оказался выбран для того, чтобы проходить в нём тестирования, Клара закурила сильно волнуясь, но где-то глубоко внутри, сама того не понимая, наслаждалась своей неудачей, ведь она как героиня какого-то фильма, на которую сваливаются проблемы одна за другой, но она их обязательно преодолевает, только вот в фильмах преодоление проблем, можно сказать, запрограммировано по сценарию, но запрограммирована ли жизнь Клары, чтобы

всё преодолеть? В прочем о таком она не могла подумать в силу возраста и новых привычек.

Дома мама повела себя так как Клара и рассчитывала, то есть никакой поддержки или успокоений, вместо того чтобы сказать словами сколько набрано баллов, Клара со вздохом, с которым будто хотела выдохнуть из себя чувство вины передала маме сертификаты, она смотрела их не в том, порядке, что Клара, математика была для неё последней. На высокий балл по английскому она не отреагировала никак, а Кларе почему-то именно сейчас вспомнилось, что к ним домой один раз пришла учительница иностранных, чтобы сообщить родителям лично об успехах дочери и что им надо это как-то развивать. Родители покивали, а стоило учительнице выйти, тут же принялись высмеивать то, что у Клары могут быть какие-то таланты, она ж двоечница, что-то эта «молодая коза», как они её тогда называли, перепутала, при этом никто не переживал слышит ли эти насмешки Клара, а она слышала, и вроде бы сразу выбросила из головы. Что-то конечно можно вычистить из памяти, но некоторые вещи будто проваливаются куда-то в темноту, недоступную даже самому обладателю воспоминаний, чтобы потом через много лет зачем-то всплыть в неожиданный момент.

Ну а последней была математика: у мамы тут же расширились глаза, будто раньше она не знала, как учится её дочь и что на второй год Клару не оставляют только лишь потому, что она наловчилась списывать на контрольных и экзаменах, при этом совершенно не наглея, на удовлетворительный балл и не более. Во-первых, так сразу поймут, что она списала, ведь её в этом обвиняют даже тогда, когда она не списывает, во-вторых — она ведь и правда «скатывает» математику, физику и химию. Один раз ей сказали, что она гуманитарий, но Клара нетипичным образом для себя разозлилась и выпалила:

— Не бывает такого! — она не кричала, но говорила твёрдо.

— Как это не бывает, ты ж вот математику вообще не понимаешь.

— Так это не потому что у меня такой склад ума.

— А почему же? — одноклассник с которым она спорила ухмыльнулся.

— Потому что до восьмого класса у меня всё нормально было с математикой, а потом что, мозги мне поменяли?

— Ясно, — вместо аргумента со своей стороны ответил одноклассник.

Ясно было только то, что этот спор он проиграл, но это не мешало Кларе даже не спать в ту ночь, сначала штудировав интернет, а потом приводя всё новые и новые доводы у себя в голове.

Теперь же спорить ни с кем она не собиралась, собиралась только принять оскорбления от матери и уже считала, что всё это будет вполне заслужено.

— Что это? — спросила мама.

Клара молчала, только оторвала взгляд от пола, несколько секунд посмотрела матери в глаза, внутри её мучал вопрос, который звучал бы так, если бы она осмелилась спросить: «Зачем меня сейчас ещё дополнительно мучать?», — но она не осмелилась.

— Я с кем разговариваю, что ты смотришь на меня? — сыпала мама.

— Я не специально так сдала, — мычала себе под нос, констатируя факт Кларе.

— Больше гулять надо было перед экзаменом, — вонзила очередное обвинение мама, вместо того, чтобы задавить дочь, немного разозлила её.

— Я не из-за того, что один день погуляла так сдала, — теперь Клара не боялась смотреть в глаза.

— Иди отсюда, завтра отец приедет, сама ему скажешь, что ты теперь только на

платное.

— Это ещё неизвестно, — Клара теперь чему-то радовалась в глубине души.

— Ещё лучше, — мать вздохнула, — в кого ты только такая, господи, — она демонстративно отвернулась, — всё, вышла отсюда. — Мать резко повернувшись обратно протянула ей бумажки.

Клара забрала сертификаты и ушла к себе в комнату, было гадко, что сама себя она абсолютно тупой не считала, но вот главный предмет, по которому все почему-то оценивают ум был сдан на семнадцать баллов из ста, получается все, кто над ней подшучивал были правы. Нет, пожалуй, это не так, а сейчас наконец-то можно пройтись по району и покурить с чистой совестью, ведь всё сдано, а первого августа можно подавать документы на юридический факультет государственного ВУЗа, чтобы учиться хотя бы на платной основе.

Когда приехал отец, он не удивился и был крайне спокоен, платное так платное.

Клара поехала одна подавать документы, но написала два заявления, когда узнала, что так можно, в которых говорила, что хочет обучаться за счёт бюджета, но если баллов не хватит, а их не хватит точно, то за свои деньги. Правда теперь она сомневалась, что попадёт и таким способом: группу набирали из тридцати человек: десять бюджетников и двадцать студентов будут платить, а вот документы подавало значительно больше желающих, да и в прошлые годы общий конкурс всегда был более двух человек на место. О том какие шансы, что Клара со своими семнадцатью баллами окажется в тридцатке лучших она предпочитала не думать и просто ждала.

Опять, списки появились на сайте спустя две недели, но Клара будто ретроград отрицала современные способы получения информации и поехала в университет, чтобы увидеть свою фамилию на бумаге, на специальном для подобных списков стенде в коридоре. Поднялась на лифте на нужный этаж, не сразу нашла где именно посмотреть свою фамилию, а как добралась начала читать сверху, точно не от того, что надеялась там найти себя, а, чтобы оттянуть момент разочарования.

Первые десять фамилий пролетели в глазах и Чащиной Клары Алексеевны там не было. Во второй десятке тоже, а после «21.» сердце колотилось и удары его отдавали по всему телу. Список закончился, и Клара там не упоминалась. Она просмотрела всё ещё несколько раз, медленно и быстро, сверху и снизу, но список от раза к разу оставался всё тем же. Опустошенная и с чувством стыда она пошла в кабинет, указанный на одном из листов, чтобы забрать свои документы, заявления, сертификаты, копии паспорта. Там как-то чуть ли не с пренебрежением ей вручили конверт. Клара решила, что так тут относятся к глупым, но скорее всего люди, работающие с этими документами уже просто очень утомились, пропуская через себя десятки или сотни абитуриентов за день, многие из которых настойчиво хотят узнать нет ли ошибки в списках или что-то в этом роде. Но всё это было далеко не худшим событием за сегодня, ведь теперь надо было идти домой и сообщать такие новости. Обмануть или как-то утаить здесь никак не выйдет.

Домой Клара вошла полностью раздавленная, и был бы у неё хоть какой-то шанс провалиться сквозь землю, то она бы им воспользовалась, но такое трудно повернуть где-то кроме этого самого выражения. Мать сидела в комнате, работал телевизор, но она тем не менее всё внимание уделяла телефону, Клара остановилась в дверях и хотела было что-то сказать, но мысли куда-то испарились из головы, и школьница так и не ставшая студенткой только лишь вздохнула, чем обратила внимание матери на себя.

— Я не поступила, — Клара смотрела маме прямо в глаза.

— А на платное?

— Я про него и говорю, — теперь дочь опустила взгляд.

Мать закрыла рот руками и так завывала, словно страшнее в жизни вообще ничего не может быть, Клара сейчас правда думала так же, а эта реакция только подкрепила её в уверенности в том, что она ужасный, всё испортивший в своей и в маминой жизни человек. Тем временем у матери глаза стали мокнуть и не прекращая своего завывания, толкнув Клару она выбежала на кухню. Клара пошла зачем-то за ней, но не приближалась, наверное, дочь влекло желание какой-то доброты, ведь необъяснимая чернота сейчас сжимала её сердце и окутывала душу, но глядя на мать сейчас не то что просить не могла её пожалеть, а даже мысли эти в голове жили лишь где-то там, где не могли бы быть услышаны и своей обладательницей. Так и смотрела она из темноты коридора на маму, а та трясущимися руками вынимала сигарету, выпустив дым возвращала её и плакала, настолько громко, что вероятно слышно было и на улице. Ещё не докурив открыла холодильник и налила себе из начатой, вероятно сегодня, бутылки шампанского, быстро выпила, а Клару какая-то неведомая сила потянула к ней, теперь уже дочь хотела её пожалеть или попросить прощения за её страдания, доставленные собой.

— Не подходи ко мне! — заорала мать так, будто Клара собиралась сделать ей что-то плохое или была заразной чем-то ужасным.

Дочь тут же одернулась и замерла, а мать взяла телефон, прихваченный с собой из комнаты и кому-то набрала, конечно же тёте Инне, видимо прождала несколько гудков, а как только трубку сняли не своим голосом вперемешку с плачем заорала:

— Она не поступила, — и дальше просто заплакала.

На этой сцене Клара ожила и ушла в свою комнату, села на стул, не включая компьютер просто смотрела в окно, потому что больше ничего не хотелось, не просто пропали желания, пропали даже какие-то мысли. Так продолжалось часами и кто знает, сколько бы продлилось ещё, но вечером пришёл отец и новая порция истерики от матери стала прорываться в Кларину комнату. В этот раз отец довольно быстро оборвал представление вопросом:

— Ну и что?

— А что с ней будет теперь, — пыталась выбить из него эмоции мать.

— Работать пойдёт, может как раз поймёт откуда деньги берутся, это ты её приучила, что всё просто так.

У Клары, которая никогда ничего не просила, разве что в детстве и по мелочи, да бывало, выпросит то, что есть у всех детей в классе, опять закололо где-то в груди, ведь обвинение с её точки зрения несправедливое. Но долго она фокусироваться на нём собиралась, ведь мозг зацепился за другую мысль: пойти работать.

Уже на следующий день она заполнила заявление на сайте ближайшего гипермаркета, ведь в мелких магазинах прямо на их улице работать как-то не хотелось, а ещё через пару дней её вызвали на собеседование и приняли в свою команду. Первая настоящая работа началась у Клары на последней неделе августа, на кассу её конечно никто не садил, но вот менять ценники, перебирать фрукты и овощи или просто перебирать товар она очень даже годилась. Работать здесь Клара собиралась год, чтобы накопить на первый курс обучения и ни у кого не брать эти деньги, нормально подготовиться, чтобы возможно поступить на бюджет, но на заочное отделение и так эти месяцы и прошли бы по плану и спокойно, не угоразди Клару найти себе парня. Помимо этого, ещё и матери кто-то сказал, что видел кем

работает её дочь, той было страшно стыдно, Клара как обычно услышала это в одном из пьяных разговоров.

К лету следующего года стеклось сразу несколько обстоятельств: парень Клары, ростом и весом чуть ниже неё, на щеках никак не уходящие прыщи, который уже являлся студентом бюджета политехнического университета, где его учили быть инженером заявил, что они расстанутся, если Клара так и будет работать где работает. Вместо того, чтобы тут же согласиться на такое уникальное предложение, она испугалась и стала думать о том, чтобы подать документы на платное, лишь бы её Гриша не ушёл, ведь он даже маме так понравился. Мама в свою очередь последние месяцы окучивала дочь тем, что та должна поступить хоть куда-нибудь, но лучше конечно попробовать ещё на юридический факультет, ведь у неё есть хорошие знакомые, которые устроят Клару на такую работу, что она там делать ничего не будет, зато деньги не будет знать куда девать. Клара хоть и готовилась, но на этот раз из-за работы не получалось сделать это качественно, часто не было сил, а когда силы были, то появлялись Алина с Дианой, и Клара не могла себя пересилить, чтобы с ними не пойти, тем более сейчас она всегда была при деньгах. Так или иначе, тестирование хоть и сдано чуть лучше, чем в прошлом году, особенно по математике — аж двадцать девять баллов, ещё чуть-чуть и было бы в два раза больше чем в первый раз, но Кларе снова не хватило баллов на бюджет, и чтобы не рисковать она подала документы в частный ВУЗ, туда не было конкурса, а результатов с её тестирований хватило чтобы стать второй в списке, среди всех подавших документы двадцати четырёх человек.

Вот так чтобы угодить парню, и чтобы маме не было стыдно перед подругами Клара стала студенткой юридического факультета частного университета. Специальность — таможенное дело. Но о таких своих мотивах она не догадывалась, будучи абсолютно уверенной, что хотела этого всего сама. Наступило первое сентября, пропустив церемонии, где выступили ректор и владелец учебного заведения, она пришла только когда начались непосредственно пары, на следующий день. А все перезнакомились ещё вчера, на мероприятии. В общем Клара уже успела стать белой вороной. Поняв, что она тут пока явно не вписывается в коллектив, новоиспеченная студентка почувствовала облегчение, но одноклассники, как выяснилось в течение дня, оказались довольно приветливы и даже были готовы преодолеть Кларино сопротивление. А она и пошла им навстречу. Всё было бы хорошо, только пока ехала домой поругалась со своим Гришей, который зачем-то сказал, что их уже отпустили, Клара тут же предложила встретиться, на что он ответил: «Лучше посижу дома». Ей было обидно, не из-за самого желания парня сидеть дома, а из-за того, она всё слишком неправильно понимает, ведь он просто сказал, что свободен, никуда не звал её, а она уже тут напридумывала. Погода подыгрывала упадочному настроению, ведь умом понимая, что надо остановиться, Клара зачем-то выпрашивала встречи, но Гриша оставался непреклонен, так и закончился этот день.

К октябрю эти отношения закончились, и если в первый день Клара готова была на стены лезть, создавать новые страницы, ведь любимый её зачем-то везде заблокировал или вообще купить новую сим-карту, потому что дозвониться тоже стало невозможно, то с каждым новым днём становилось всё легче и уже в первую субботу октября, Клара подумала: «Вот и хорошо». Ей действительно было очень легко, разве, что учёба шла не так хорошо, как хотелось бы, но сейчас она займётся как надо.

С самого первого дня Клара понимала, что поступила не туда, хотя и не могла бы с точностью ответить, в какое место стоило подавать документы и получать профессию на будущую жизнь. Спустя пару месяцев стало очевидно, что не получается выдумать хотя бы притянутые за уши причины, которыми можно было бы успокоить себя, сказать себе, что всё не так уж плохо. В голове мелькнула мысль забрать документы, но тут же была и отвергнута, ведь первый семестр уже оплачен, о скандале, который могла устроить по этой причине мать не хотелось и думать.

Но одно Кларе в учёбе нравилось без сомнений: выходишь из подъезда — куришь, приезжаешь на нужную остановку и идёшь до универа — куришь, между парами — куришь, идёшь домой — куришь. Столько удачных возможностей ранее никогда не было, правда одновременно со всё учащающимся курением, она с каждым новым утром всё больше чувствовала, как уходят силы из рук и ног, всё более отчётливо ощущается состояние «как после пьянки», хотя со своими двумя подругами Клара не встречалась и соответственно не пила. Наверное это и побудило бросить курить, в первую очередь Клара подумала о деньгах, ведь в месяц тратится солидная сумма, на которую можно купить себе что-то из одежды или каждый день покупать что-нибудь вкусное. Её первая попытка не продлилась больше суток, потому что всё начало казаться неполноценным и несерьёзным: как, например, можно писать конспекты дома и не выходить покурить, чтобы с наушниками и задумчивым видом покружить вокруг родного района. Да и вдруг Алина или Диана объявятся и что, не курить когда пьёшь? Ну тогда можно сказать, что и питьё всё зря.

К декабрю вырисовался круг новых друзей, или как минимум приятелей Клары. Главным образом она сдружилась со смуглой девушкой с чёрными глазами и армянской фамилией, не то чтобы это был какой-то осознанный выбор из-за интересов и взглядов на жизнь, просто им было по пути домой как и ещё паре ребят. Но только с Тамарой они ехали дольше всего, и Томе ехать было дальше. Они были противоположны друг другу не только внешне, ведь Кларина университетская подруга занималась спортом, хоть и не профессионально, зато очень увлеченно, была низкой, говорила, что даже никогда не пробовала ни пить, ни курить, и в отличие от Клары дружила с каждым из одногруппников или была как минимум «на короткой ноге». А ещё любила болтать и советовать и стоило им более-менее что-то друг о друге узнать, как Тома начала обрабатывать Клару на предмет того, что сигареты ей стоило бы бросить, а в учёбе поскорее взяться за голову, потому что не редкостью была сцена, в которой Клара в начале пары усердно писала, внимательно слушала, но где-то к середине тяжело вздыхала и лишь делала вид учебного процесса, иногда водя ручкой по бумаге, в основном когда взгляд преподавателя падал на неё.

При этом к первой сессии обе девушки подошли без проблем получив зачёты по всем нужным дисциплинам, главным образом потому, что сам университет не заинтересован в отчислении студентов и за пропуски или неудовлетворительные оценки всегда можно откупиться рефератами, их преподаватели никогда даже не откроют или откупиться в прямом смысле, в кассе университета оплатив «отработки», которые никогда не нужно было отрабатывать. Хоть Клара и допустилась таким образом, использовав деньги, которые у неё ещё в изрядном количестве оставались после работы в магазине, ведь получив там более двенадцати зарплат ни одной она особо не потратила. За учёбу вызвалась платить мама, а Клара не сопротивлялась. На новый телефон хватило одной Клариной зарплаты, на одежду тоже не приходилось раскошелиться, Клару устраивала та, что была у неё в наличии.

Так или иначе пометки о зачёте стояли где им и положено. Всё было бы хорошо, если

бы не Гриша, который появился в начале месяца с извинениями и объяснениями того, что он всё понял, и хоть что-то в Кларе и кричало, что с ним больше не нужно общаться, чтобы он не говорил. Она это подавила, а к концу декабря, снова заметила привычное пренебрежение к себе, когда у него снова на неё пропало время, ответы в социальных сетях уместались в одно слово, в друзьях появлялись новые девушки, которые как бы скромно Клара не оценивала себя, были поменьше неё одарены красотой и судя по фотографиям и постам ещё интеллектом, но тем не менее Грише, похоже, нравились.

Зато под новый год, объявились обе подруги, да и не просто позвонили, а заехали за Кларой на машине, которую Алине подарили родители на день рождения. Автомобиль был точно не из дешевых, хотя Клара не разбилась, но подумала, что стоит этот аппарат больше тысяч сорока долларов, решила, что спрашивать не вежливо, с этими мыслями и села в чёрную Тойоту, сбоку от водителя, потому что Диана сидела сзади. Появление машины — не всё что изменилось в Алине, за эти два месяца из девочки, она вполне можно сказать, что стала женщиной, ведь на лице был макияж, возможно даже сделанный в салоне, одежда деловая, словно она не училась, а работала каким-нибудь начальником в банке, уложенные волосы и золотые серьги. Всё это выглядело немного странно, ведь весной именно Алина насмеялась над девушкой в похожем наряде, никто тогда особо и не понял сути претензий, ну стояла в очереди какая-то ухоженная тётя и ладно. Алина тогда быстро успокоилась не получив поддержки своего мнения о котором сообщила, как только три подруги вышли из магазина.

За спиртным Алина с Дианой заехали и в этот раз, ведь на заднем сиденье помимс пассажира расположились бутылки с шампанским и ещё каким-то вином. После того как Клара посмотрела на них, перевела взгляд на Диану, она-то со времен школы не менялась совсем, как ходила раньше в полуспортивной одежде, так сидела и сейчас, потому что не признавала нужды надевать что-то другое, если это обычная пьянка у кого-то дома. Не особо со времен школы изменилась и Клара, до сих пор выбирающая черные обтягивающие джинсы, черную синтепоновую куртку, густые волосы заплетены в высокую косу — пожалуй единственное обновление, раньше коса всегда заплеталась свободно и не очень аккуратно.

Отправились девушки к Алине домой, потому что её родители уже уехали встречать новый год куда-то в южную половину планеты, оставив дочь от двадцать пятого декабря до седьмого января дома одну, чем она сейчас и пользовалась. Когда троица вошла в Алинин двор из ниоткуда появилась овчарка, но никто не испугался, так как с детства все знали эту собаку, собака в свою очередь полаяла, за что заслужила несколько недовольных слов от хозяйки, а потом животному взбрело в голову пообниматься с Кларой, что тут же оно и сделало поставив самой высокой из девушек лапы на грудь, Алине это не понравилось уж совсем и она с матом выругалась на своего питомца.

— Не вымазала? — спросила Алина Клару.

— Да нормально, ничего страшного, всё равно надо стирать, — прокомментировала Клара следы от лап, которые действительно были не так уж страшны и оттирались водой.

Они вошли в дом, разделись, Клара пошла на кухню, как тут подруга её одёрнула:

— А ты мне деньги может отдашь? — Алина по-своему уникально и ехидно улыбалась.

— За что? — искренне не поняла Клара.

— Ну за вино, за еду, мы же с Дианой покупали.

— Так у меня нету с собой, никто же не сказал.

— А ты что, пить не будешь что ли? — ехидная улыбка всё никак не сходила с лица, чем

уже поджигала пожар злости у Клары в душе, который выводил её из равновесия за секунды.

— Не буду, — отрезала Клара и уже смотрела на свою куртку.

— Да ладно, я отдам, — встряла Диана, — вот, — она протянула несколько купюр

Алине.

— Ну ладно, — ответила та.

Инцидент был исчерпан и все трое продолжили общаться как в чём не бывало. Перед первым глотком алкоголя Клара почувствовала сопротивление в душе, кто-то внутри неё тихонько и стыдливо шепнул, что это унижительно, пить сейчас, но Клара уже была мастером по затыканию своих самых правильных мыслей.

Лились шутки и смех, Клара отметила, что почти полностью их разговор состоит из издевательств и оскорблений друг друга замаскированных под юмор, причём больше друг другу внимания уделяли именно Диана и Алина, иногда в перерывах переключаясь на Клару, да и то по большей части затем, чтобы перетянуть в этой битве остроумия её на свою сторону. «Вот Клара, скажи, что она...» — самое частое, что она слышала в своей адрес. Но тем не менее было весело и, как казалось, хорошо.

Когда время перевалило за двенадцать ночи Клару потянуло к унитазу, чтобы как обычно исторгнуть из себя лишнее выпитое, после она пошла в ванную умыться, где уже никакого внимания не обращала на уродливое лицо смотрящее на неё из зеркала, причём уродства будто кто-то подкручивал и добавлял новые, прыщи превращались в огромные гноящиеся фурункулы, зубы словно редели и Кларе было трудно поверить, что это галлюцинация, ведь она прямо чувствовала это всё когда смотрела на себя, глаза опухли и из них тоже мерзко сочилось что-то гноеподобное. Стоило ей открыть рот — в нос ударяла ни с чем не сравнимая вонь, даже её руки в зеркале были изуродованы тем, что все пальцы опухли, кожа делалась зелёно-желтой, а ногти были поражены грибком. Клара равнодушно рассмотрела всё в отражении, а потом посмотрела на руки своими глазами — так всё было нормально, значит можно отправиться обратно к подругам. Правда больше не пила, не из-за зрелища в зеркале, а просто потому что не хотелось.

С утра Алина развезла всех по домам. Клара, как только пришла, попросила у мамы «скинуть ей немного», и тут же получила некоторую сумму, что и отразилось в банковском приложении, первым делом перевела свой долг Диане, а вторым подумала, что надо бы и за сигаретами сходить, ведь вчера всё кончилось, да и вообще нужно прикупить побольше, ведь через пару дней Новый год и надо серьёзно подготовиться, а денег маловато. Но это не страшно, попросит у матери денег ещё и тридцатого числа.

Всё так и случилось, правда не сказать, чтобы Клара была в приподнятом настроении тридцать первого декабря, ведь вчера после нескольких дней игнорирования объявился Гриша и в очередной раз сказал, что им надо расстаться. Это предсказуемо ударило по Кларе, и она сама себе не могла объяснить почему она расстраивается, грустит и не хочет чтобы её бросали. Как-то она рассказывала о своих проблемах Алине, и та ответила ей: «просто ты ему надоела», последнее слово разве что было чуть поглубже. Может быть всё дело в матери, которая говорила, что это такой хороший парень, что его запросто уведут у Клары, если она не будет нормально себя вести, хотя в чём заключается нормальность никто не пояснял. Умом Клара понимала, что то, как он к ней относится не очень правильно, и что никому она не надоедает, а просто не понимает, зачем он с таким напором сначала лезет сам, а стоит ей ответить как-то по-человечески, то её парень тут же меняется, и именно когда он меняется, Клара будто становится на его место, и тут же начинает искать к нему

подход и изъедать себя тем, что же она сделала не так, отправляя на задний план проблемы с учёбой и другими сферами жизни. Но на новый год он сказал, что нужно расстаться и был непреклонен, хотя это конечно относительно, Кларины письма он читал и не отвечал, не понятно зачем, ведь мог бы просто опять её забанить, лишив возможности унижаться.

Вот как-то так, чувствуя себя никчёмной уродиной, которая всем надоедает Клара шла пешком к Алине домой, потому что транспорт не ходил, время было за двенадцать, родители уже выпили, да и Клара вместе с ними, чтобы загадать желание опустошила пол бокала шампанского.

Дома у Алины она оказалась минут через сорок, Диана уже была там до двенадцати, иначе она просто не добралась бы и полный дом Алининых однокурсников: и парни, и девушки, стоял шум, кто-то прямо в доме взорвал петарду чем вызвал крик временной хозяйки на себя. Клару это почему-то жутко насмешило, причиной такого смеха, наверное, было то, что она почти не ела, а только пила с тех пор как пришла, в глазах незнакомых девушек она замечала какое-то недоумение смешанное с пренебрежением, но ей было как-то наплевать. Изначально она планировала остановиться к часам трём-четырёх ночи, чтобы домой явиться в трезвом виде. Но план провалился и тело высотой сто восемьдесят пять сантиметров, в восемь часов утра, брело неуверенной походкой по пустым улицам иногда подскальзываясь и падая на замерзших лужах. Домой Клара добралась к десяти, потратив возможно часа два вместо обычных минут тридцати с лишним.

Проснулась уже вечером, в пять. Напилась зелёного чая, считала, что так ей легчает и написала Грише. Он даже ответил ей, но как обычно односложно, не желая говорить совсем, но зачем-то же начал. Клара недолгое время изображала доброжелательность, но быстро сорвалась на унижение и просьбы уделить ей чуть больше времени, объяснить почему он ушёл. Если бы она видела себя со стороны, то возможно сгорела бы со стыда, потому что девушка прочитывающая не один десяток книг в год, не менее трети из которых не относятся к художественной литературе, высокая, с фигурой которую любой мужчина называл бы как минимум нормальной, уж точно красивым лицом, про это она слышит нередко, разве что абсолютно не верит, сейчас унижается перед любителем игр и сериалов, которого другие девушки не сказать, чтобы мечтали захомутать, ведь в социальных сетях он цепляется к разным красоткам сам. Это Клара узнала, подглядев ночью, когда Гриша думал, что она спит и писал какой-то девушке не смотря на то, что под боком лежит другая. В общем большинство людей по интеллектуальному, душевному и телесному развитию поставило бы Клару выше чем его, но Клара именно себя считала похуже в их паре, оттого и были эти унижения.

Но всё проходит и к февралю она снова плевать хотела на своего то парня, то нет, а в марте он опять к ней прицепился, теперь уж к лету добившись от неё доброты и внимания, а осенью как-то незаметно Клара снова поняла, что уговаривает своего парня сказать ей, что же с ней не так, что он так к ней стал относиться. К следующему новому году чувства Клары угасли окончательно. До лета Гриша опять добивался её, но ничего не получалось, однако он не отступал, когда Клара обрubiла ему всякую возможность написать ей или позвонить, он стал выкладывать свои фотографии с грустными песнями, повсюду писать, как много стал пить, что ему плевать где быть «только бы с ней», но вспоминая всё пренебрежение и унижения, которые она натерпелась от этого человека, разве что смешно становилось. А потом Клару и вовсе поглотили бытовые проблемы, такие, например, как поиски работы, и даже то, что Гриша стал зачем-то надписывать знакомым Клары и пытался подружиться с

ними, вообще никак не всколыхнуло её сердце.

В это лето Клара в основном занималась тем, что сидела дома, а когда не сидела, то пила с подругами. Через год, следующим летом вместе с Тamarой они устроились на работу в службу доставки еды, ходить вместе по заказам естественно не получалось, но всё равно было как-то приятнее что ли, работать зная, что где-то так же идёт твой знакомый, всегда можно было ему позвонить или переписываться, если вы вдруг одновременно оказывались в общественном транспорте. В очередной раз всё сложилось странно и с подругами: Алина предложила уехать на озеро в пятницу, чтобы нормально потусить там всю ночь и возможно все выходные, Клара сразу сообщила, что в пятницу работает, но часов в шесть вечера она уже сможет освободиться, оказалось, что до шести её ждать слишком долго и Алина с Дианой, взяв кого-то из чьего-то универа, уехали в четыре часа дня. Клара чувствовала обиду, но разгуляться ей в душе она не дала, потому что как ни в чём не бывало перед следующими выходными уже «отдыхала» у Алины дома, не в силах отказаться от такого предложения. Правда понимала, что скорее всего теперь их общение сойдёт на нет. Кларе здесь совсем некомфортно, виноват ли случай с озером, что именно Диана не захотела подождать до шести и они уехали всего лишь на два часа раньше, или накопилось за всё время, она не понимала, да и особо не старалась разобраться.

К удивлению для себя осенью в университет она вернулась с желанием учиться, а это пожалуй единственное чего не хватало Кларе и если первые два курса она всегда была довольна удовлетворительными оценками «лишь бы не отчислили», то теперь её полностью устраивал результат только в виде «отлично». Не все преподаватели были к такому готовы и за третий курс оценки ей занижали по старой памяти, Клара не сдавалась, потому что со школы к этому привыкла, зато весь четвёртый курс и даже защита диплома оценились высшими баллами. Разве что после того как оценки были озвучены, и Клара вышла со всеми из аудитории куратор их группы, низкая женщина лет сорока очень худая и с писклявым голосом, которая с первого дня за что-то невзлюбила Клару, а потом всегда имела чем подпитать свою неприязнь, ведь Клара могла и проспать, и учиться особо не старалась, сказала теперь уже дипломированному специалисту:

— Я вообще не понимаю за что вам такая высокая оценка, — лицо её исказило омерзение, которое сама преподавательница, вероятно, не замечала.

Клара посмотрела на неё с высоты собственного роста, вздохнула, улыбнулась и пожалала плечами, пару человек тоже опешили от таких слов в сторону своей одноклассницы, но Клара внешне не растерялась, хотя в сердце больно кольнуло.

Её возраст стремился к двадцати годам и она иногда задумывалась почему она ничего не стеснялась в детстве, а теперь стесняется всего, даже в аптеку зайти это стресс, или тем более позвонить, чтобы устроиться на работу летом, потом конечно всё равно звонила, и не понятно, что было страшного, но сопротивление в душе из раза в раз повторяется. Сейчас тяжело было осознать, что стеснение, неуверенность в себе берётся у человека из диалогов, которые он зачем-то прокручивает в своей голове, может среди ночи, может среди дня. У Клары они были примерно следующего содержания:

— Что опять рассталась? — зачем-то спросил одноклассник прямо на паре, в одно из многих расставаний Клары, потому что буквально за неделю до этого видел Клару в метро с её, на тот момент, парнем.

— Да.

— А чего это так? — явно иронизируя, будто общаясь с ребёнком спрашивал молодой

человек.

— Потому что он мне изменил, — сказала Клара то, в чём не была уверена, но что было очевидно по косвенным признакам.

— Я бы тоже изменил.

— Что? — рефлекторно нахмутив брови спросила Клара.

— Да ничего, — смеялся одноклассник, — забей.

Потом, эти мысли как из небытия брали и втыкались словно гарпуны в сердце девушки, а у в голове она начинала спорить, не давая тем самым себе, например, заснуть, всё приводя аргументы и морально уничтожая своего одноклассника. Правда с утра морально уничтоженной просыпалась только она сама.

Не то чтобы Клара была хорошим специалистом, она просто научилась получать хорошие оценки. Не научилась реально что-то знать и понимать, а только как попугай повторять нужный материал на экзаменах, в реальной практике это не помогало совершенно.

Идти работать по профессии Клара не собиралась: и не хотела, и не чувствовала квалификации, план её был в том, чтобы устроиться в какую-нибудь смежную с юриспруденцией область, но куда именно идей не было. Как когда-то она боялась смотреть оценки на сайтах, сейчас она боялась открывать сайт с вакансиями. Тем не менее после диплома не прошло и дня, а ещё должен был быть выпускной, мать стала расспрашивать о том, куда собирается устраиваться Клара, когда та ответила, что ещё ничего не искала разразился скандал, который только лишь отец смог затушить своим посредничеством.

Пришло лето, в которое Клара на вид стала совсем взрослой, и стала она такой какой никогда не хотела быть: грустной, пьюще-курящей, всего боящейся и закомплексованной девушкой со странными вкусами в одежде, причём когда она её покупала, то всё было нормально, но придя домой не понимала, как наденет на себя «это», потому что ничего уродливей, казалось, у неё ещё не было.

После ругани с матерью больше всего обидно Кларе было то, что она не собиралась ни у кого сидеть на шее, в чём её уже обвинили, и во многом другом, от чего Кларе бы встать и уйти из этого дома, но она так боялась, что мама права, что она действительно ни на что не способна, во-первых, и максимально ленивая, во-вторых.

Утром она всё же создала себе резюме на сайте для поиска работы.

07.2042

Первым делом после выпуска из университета Клара не стала искать куда устроиться, потому что пребывала в незыблемой уверенности, что только она откроет сайт с вакансиями и от изобилия выбора какую карьеру предпочтёт у неё разбегутся глаза. Однако уверенность подтачивала трусость, что она вообще ничего не найдёт там. Весь июнь она потратила на то, чтобы как следует отдохнуть перед рабочей жизнью, отдыхала она конечно же со своими подругами, двумя единственными, Алиной и Дианой, за четыре года обучения у неё они так и остались ещё со школы. В универе ни с кем сблизиться достаточно для дружбы не получилось.

Клара в этой троице чувствовала, что ведёт себя наиболее странно, ведь, что у одной, что у второй подруги, всё было, что называется, «на мази» и к работе они должны были преступать аж в сентябре, а до того могли жить совершенно свободными людьми, Алине устроиться помогли родители, Диана как-то сама себе нашла способ зарабатывать деньги

ещё на последнем курсе. Лишь Клара могла рассчитывать только на себя, при этом совершенно не шевелилась в течение всего первого летнего месяца, думая в основном о том, куда отправиться гулять с подругами, которые всё чаще хотели «отдохнуть культурно» в каком-нибудь заведении, что Кларе, во-первых, не очень нравилось, а во-вторых, не было денег на посещение таких мест. Ещё и мать будто знала куда надавить и чуть ли не каждый день спрашивала нашла ли себе Клара работу, а этот вопрос как минимум на день отодвигал поиски, потому что Клара злилась так, что единственное, что могла сделать — это вылететь на улицу и закурить сначала сильно затянувшись, а потом выдохнув столб дыма, словно старый мощный двигатель.

Но всё же когда подошёл последний срок, который Клара сама себе дала для «отдыха», одновременно с этим кончились почти все запасы денег с прошлогодних подработок, она уселась за свой компьютер и открыла самый крупный сайт с вакансиями.

Начала с того, что в созданном резюме указала все свои места работы, образование, разве что уровень знания английского приукрасила, указав где-то на уровень повыше своего теперь, без практики забытого и довольно-таки поверхностного знания языка. В конце надо было выбирать фотографию, она обнаружила, что поставить ей и нечего. Когда Алина постоянно снимала сама себя, то Клара куда-нибудь пряталась, если это были фотографии из университета, то там она была слишком мелкой фигуркой, в общем-то как и любой отдельный человек на таких снимках, поэтому в голову не пришло ничего лучше, чем на телефон сфотографировать свой портрет в паспорте.

Анкета была готова и Клара приступила к поискам, сам сайт ей упорно рекомендовал вакансии юристов в различных областях, потому что обоснованно предполагал, что человеку с её образованием такое и нужно, но сама соискательница даже взглядом не задерживалась на подобных предложениях, потому что обладала железобетонной уверенностью, что именно её туда никто не возьмёт. Слишком уж она поверхностная, несерьёзная и даже скорее всего некрасивая для такой работы, а ещё объективно первые два курса чудом не вылетела из университета, о чём свидетельствуют и её оценки по ряду дисциплин и знания, поэтому и искала что-то в смежных областях. Искала, но найти не могла, ведь вписать в поисковую строку какую-то определённую профессию было трудновато, если сама не знаешь, что ищешь, а листая области, вроде программирования, маркетинга или даже продаж ничего для себя не видела.

На глаза попала вакансия менеджера по продаже недвижимости, изучив требования и условия Клара посчитала, что это неплохой вариант и с дрожью в сердце откликнулась на данное предложение. После такого стресса было решено, что нужно сходить покурить, расслабить нервы, но она не успела даже обуться, как её телефон затрещал стандартной мелодией, которая не менялась с покупки этого аппарата несколько лет назад. Абсолютно не понятно от чего, но сердце задрожало, Клара догадывалась, что звонят по работе, потому что больше никому и не может быть такого совпадения.

— Алло, — она ответила чуть более высоким голосом чем говорит обычно.

— Здравствуйте, вы тут у нас отзывались на вакансию менеджера по продажам недвижимости.

— Да, было такое, — Клара усмехнулась и тут же почувствовала себя глупо.

— Вам будет удобно завтра подойти к нам в офис к десяти утра?

— Да, я думаю нормально.

— Хорошо, тогда ждём вас, — мужской вежливый голос назвал адрес и даже этаж, — до

свидания.

— Да, спасибо, до свидания. — Клара услышала гудки.

От сердца отлегло, но она тут же подумала, что не запомнила во сколько приходиться, а помнит только адрес: улица Фёдорова, бизнес-центр Европа, последний, шестой этаж, весь принадлежащий агентству, поэтому, когда она зайдёт, то пусть сообщит, что она к Андрею Николаевичу на собеседование. Всё это в голове засело железно, а вот ко сколько она напрочь забыла. Тут же в телефоне и посмотрела рабочие часы своей, возможно, работы, оказалось, что там трудовой день с девяти до шести, вряд ли её приглашали к самому открытию, но и одиннадцать тоже не звучало — значит пойдёт к десяти.

Немного успокоившись, Клара вышла из квартиры, потом из подъезда и отойдя зачем-то туда, где её невозможно было бы видеть из окон родного дома закурила, хотя и мать, и отец уже знали и смирились с таким увлечением дочери. Причём отец принял это куда спокойней, хотя сам бросил несколько лет назад, а мать, не расстающаяся с сигаретами, долго скандалила и раз за разом «случайно» находила пачки у Клары в карманах, чтобы снова и снова сокрушаться по этому поводу.

Присмотрев подходящую скамейку, как обычно требование к ней состояло в том, чтобы не сильно попадаться людям на глаза, Клара уселась и выбросив дотлевшую сигарету в рядом стоящую урну достала телефон, чтобы войти в какую-нибудь из социальных сетей, но тут голову осенила мысль посмотреть отзывы на своё предполагаемое место трудоустройства. Сразу же внутри что-то сказала, что этого делать не нужно, а то вдруг обнаружится, что всё плохо, но девушка пересилила себя и вписала всё, что её интересовало в поисковую строку. Ничего приятного и приободряющего браузер ей не выдал: то одна звезда, то две, и приличного размера рассказы с подробностями о маленьком заработке, лишние неоплаченных часах и плохом отношении руководства, пролистав несколько страниц, Клара почувствовала, что её настроение потускнело и даже поставила скачиваться приложение для поиска работы, чтобы прямо сейчас найти что-то ещё. Когда всё было готово она опять пролистала страниц двадцать с предложениями трудоустройства и ничего не нашла, настроение стало ещё хуже. Так она и отправилась домой.

Проснувшись утром сильно заранее, поела, оделась как могла наиболее официальным образом, и отправилась собеседоваться, при этом чем ближе она была к бизнес-центру, тем громче в голове звучали голоса, которые повторяли прочитанные вчера отзывы, но всё же их сил не хватило, чтобы остановить Клару.

Она поднялась на шестой этаж на котором увидела следующую картину: за матовыми стеклянными стенами ходили редкие люди, а перед офисом собралась без преувеличения толпа. Клара прошла сквозь неё к ресепшену, как ей и говорили по телефону и сказала всё, что должна была, девушка примерно Кларинаго возраста покивала головой, что-то отметила глядя в монитор, а после выдала несколько листов, попросив их заполнить. Клара огляделась и увидела, что достаточно много из собравшихся здесь с такими же листами, постояла с выданными бумагами возле администратора и вернула их обратно.

— Нет, — сказала молодая женщина с улыбкой, — надо заполнить.

— Вы знаете, я паспорт забыла, сейчас приду, я тут рядом живу.

Ничего из этого правдой не было, Клара просто сбежала поняв, что все эти люди претендуют на тоже место, что и она, но ничего негативного не испытывала сейчас, наоборот была страшно уверена, что поступает правильно. Только домой идти не хотелось, потому что у матери сегодня выходной и скорее всего она опять нападёт с расспросами о

том, когда Клара собирается устраиваться на работу. Мысли об этом прервало сообщение от Алины, в котором она сегодня предлагала «куда-нибудь съездить», это имелся ввиду какой-нибудь бар, чтобы там «отдохнуть». Кларе почему-то совсем не хотелось таким заниматься, хотелось найти работу и отдыхать со спокойной душой, поэтому она вежливо отказалась, Алина только прочитала сообщение, оставив его без ответа.

Весь день Клара отправляла заявки по разным направлениям, уже даже согласилась пойти работать по специальности, но как оказалось, помимо того, что выбор довольно-таки ограничен, ей ещё и частенько отказывают даже не приглашая на собеседование. Тогда она переделала свою анкету согласно всем рекомендациям в интернете и продолжила, но всё равно день завершился ничем: по пятнадцати отправленным запросам или не было ответа, или были отказы. С надеждой, что завтра появятся новые варианты Клара легла спать, с утра приступив к поискам с новой силой, но за ночь ситуация особенно не изменилась. Тогда она подумала, что, наверное, по понедельникам на сайт выбрасывают новые работы, как свежий товар на рынок.

Примерно по такой схеме прошёл июль. Клара заметила, что она «очистилась», как она называла свой процесс длиной в месяц, когда она из-за того, что не употребляет алкоголь в отражении начинает видеть нормальным своё лицо, а вот на других — страшные маски. В частности, страшная маска уже не сходила с матери, которая не делала перерывы больше чем на два дня. Отец же придавался в свободное от своих дел время: где-то раз в месяц, Клара тоже судила его по лицу, потому что со своих командировок он приезжал нормальным, а значит там не пил.

Мать, хотя сама устроилась в какой-то торговый центр продавцом в мебельный шоурум за весьма символическую плату и с довольно-таки свободным графиком, работала она по восемь часов, два дня, а потом два дня были выходными, насадала на Клару так, будто и сейчас, и всю жизнь, пропахала в шахте превышая нормы добычи. При этом каждый раз, после неудачного собеседования вздыхала, почти плакала, время от времени жаловалась своим подругам, что «Клара не может устроиться», и она, мать, «уже не знает, что делать с ней», будто действительно что-то делала для трудоустройства дочери кроме постоянного давления и предложений пойти официанткой или обратно в гипермаркет, где Клара уже когда-то работала.

Прошёл и август, а в начале сентября, Алина с Дианой всё же добились своего и вытянули Клару «отдохнуть», правда та наотрез отказалась что-либо пить, в первую очередь из-за денег, а подруги были и не против, сказав, что это совсем не обязательно, она может просто посидеть. А ничего большего Кларе и не хотелось потому что морально она очень устала от отказов и провальных собеседований. Не меньше выматывало и когда получаешь приглашения на работу, а открыв письмо видишь то мизерную оплату, то сумасшедший график и не лучшие условия по деньгам. А тут ещё в голове просвистели крамольные мысли о том, что если то, что она знает про СССР правда, то там проблем с работой не возникало ни у кого, но потом быстро одёрнула себя вспомнив про остальные ужасы социализма.

Около девяти она ушла из дома под неодобрительные взгляды матери, а в десять уже сидела в кафе, где её подруги мало себе в чём отказывали, ведь это буквально последняя свободная пятница, в понедельник они обе выходят на свои работы, тут же спросили нашла ли Клара себе что-нибудь.

— Нет, — ответила та, — даже не знаю уже где искать.

— Так ты резюме создай-то, — сказала Алина, выдыхая дым от курения кальяна.

— Точно, а я ж думала, что не нужно и не создавала, — раздраженно ответила Клара.

— Так, а что, есть у тебя уже резюме? — Алина ухмылялась и смотрела из-под лба, она часто так делала, ничего злого обе её подруги в этом не замечали.

— Представь себе.

— Ну так чего тогда не можешь найти работу?

— Что ты хочешь от меня? — ни с того ни с сего спросила Клара.

— Зачем ты злишься? — Алина стала ухмыляться ещё больше, а ещё видимо подействовало шампанское выпитое минут десять назад и её лицо слегка разлинейлось морщинами, а кожа потемнела, уходя куда-то в коричневые тона.

— Да найдёшь ты работу, Клара, — вмешалась Диана, — я тоже в универе долго искала.

— Хотелось бы уже, — вздохнула в ответ та.

Дома Клара оказалась около часа ночи с отвратительным настроением. Она не испытывала зависти или каких-то негативных чувств, по поводу того, что её подруги могли купить себе всё, а она ничего, скорее ей хотелось просто иметь какое-то спокойствие, что у неё есть какая-никакая работа и деньги, поэтому прямо ночью накидала заявок и на менеджеров по работе с клиентами, и просто на продавца, был же у неё опыт работы в продуктовом магазине. С утра обнаружила привычную картину: ей то отказывают, то не отвечают на отклик. Впервые за долгое время захотелось зареветь как ребёнок, потому что она уже просто не знала, что поделать, скопилось всё: и то что деньги неумолимо подходят к концу и собеседования на которых ей бывало смеялись в лицо, когда узнавали, что за время обучения в университете она работала только на доставке и никак по специальности, да и прочие попытки учить её жить прямо на собеседованиях, которыми часто не брезгают владельцы мелких бизнесов, не добавляют ни самоуверенности, ни самооценки.

Мысли, окутывавшие Клару разогнал шорох замков и скрип входной двери — это отец забрал мать с работы и они заехав в магазин прибыли домой. Их дочь услышав шелест пакетов вышла в коридор, чтобы помочь их разобрать, мать стояла в дверях и уже злобно смотрела на грустную девушку, а та привыкшая давным-давно к этому взгляду просто игнорировала его, уставившись на полиэтиленовые мешки.

— Ну ты возьмёшь его или нет? — рывкнула мать так, что Клара дёрнулась, — мне тяжело.

— Ну так поставь его на пол, — закричала неожиданно для самой себя в ответ Клара.

— Ты ещё, сука, на меня будешь повышать голос? Ты слышал? — она обратилась к так и стоявшему ещё в подъезде, тоже с пакетами, отцу.

От злости Клара не знала, что ответить.

— Сидишь тут только, по ночам где-то шляешься, сколько можно тебя кормить уже? — Клара чувствовала, как перепонки вибрируют от этого крика, — тебе уже двадцать один год, сколько ты собираешься, чтобы я тебя кормила? — не унималась мать.

Клара развернулась, ушла в свою комнату и так как всего её желания, чтобы исчезнуть не хватило, она просто тихо заплакала, потому что уж точно не хотела, чтобы это кто-то видел и осудил её ещё и за слёзы или сказал, что она и плачет специально, чтобы пожалели. Чуть позже услышала слова отца, который закрыв двери сказал жене: «Катя, это уже слишком». Вряд ли можно было выразиться мягче.

За всё лето Клара отправила около трёхсот откликов, от одного до нескольких раз в неделю была на собеседованиях, на которых ей либо обещали перезвонить, либо отказывали на прямую. Когда в очередной раз она услышала, что ничего не делает, только сидит дома и

шляется, девичья душа уже не выдержала.

— А что я сказала не так? — продолжала мать открывая дверь в Кларину комнату, — ты же сам так говоришь, а перед ней весь такой хороший, ты же тоже так думаешь.

Отец молчал.

— И не плачь, не надо тут давить на жалость, — рявкнула мать внутрь комнаты, затем ляпнула дверью.

Она ещё долго обсуждала бы дочь, но в итоге на неё рявкнул уже отец, скорее всего потому что она начала повторять все свои претензии по третьему кругу, Клара же, делая большие вдохи, иногда против воли хлюпая губами и до боли натирая нос, всё искала и искала незанятые вакансии, и как чудо попалась работа менеджера по рекламе в рекламном агентстве. Там готовы были обучать кандидата, поэтому первые три месяца зарплата очень маленькая и нет гарантий, что его возьмут, к тому же кандидату неплохо бы иметь юридическое образование. У Клары было всё, одновременно с тем, она отправила своё резюме в сеть магазинов косметики и бытовой химии «Мира» и ещё во множество мест, лишь бы её куда-нибудь взяли.

После того случая общение Клары с матерью почти сошло на нет.

Зато из рекламного агентства ей прислали тестовое задание, а также пригласили в «Миру», чтобы она попробовала поработать один день и посмотреть, как ей там понравится или как она понравится местному руководству. Чтобы нигде ничего не упускать Клара и выполнила задание агентства, и сходила отработать испытательный день да так, что все были в восторге от её старательности и аккуратности, а агентство же всё молчало. При этом и магазин ничего конкретного не предлагал, объяснили лишь, что ещё надо подождать пока одна девушка уволится, это где-то около двух недель и если им больше никто не подойдёт, то возьмут Клару. Зарплата в магазине была чуть больше чем на испытательном сроке в рекламном агентстве, с той лишь разницей, что в агентстве она могла через три месяца чуть ли не в три раза вырасти, а вот в магазине примерно такая же и оставалась бы.

Минула первая неделя сентября, в понедельник из «Миры» Кларе сообщили, что готовы взять её к себе, чему она была довольно искренне рада, а уже во вторник позвонило агентство, и хоть недавней безработной и было тяжело, она всё же отказала им, объяснив это тем, что уже нашла работу. Ей вежливо ответили, что поняли и даже пожелали удачи на выбранном месте. Почему Клара отвергла лучший график и заработок? Сейчас себе это она могла объяснить только тем, что в «Миру» её уже взяли, а в агентстве ещё испытательный срок, вдруг откажут, что тогда скажет мать?

В среду Клара подписывала нужные для трудоустройства бумаги, пообещала за два оставшихся будних дня сделать себе медицинскую справку, делать её день, но надежней взять время с запасом и уже в следующий понедельник выйти работать. В отделе кадров ей сказали, что если она хочет, то они ей подберут магазин поближе «к месту жительства», как там выразились, на что она сразу согласилась. Тогда же добродушные женщины лет на десять старше Клары предложили ей съездить туда сегодня и со всеми познакомиться, посмотреть, но она отказалась, сказала: «Всё уже в понедельник». «Ну как хочешь, главное справку нам принеси», — напоследок напомнили женщины. «Хорошо», — с улыбкой ответила Клара.

Последствия

10.2042

Как обычно, чтобы закончить оформление на любую работу необходимо было сделать медицинскую справку о состоянии здоровья, как правило все врачи ставят лишь отметки в специальном листе, о том, что трудоустраивающийся здоров, так же надо посетить наркологическое и психиатрическое отделение, чтобы там получить документ сообщающий, что ты не наблюдаешься в этих отделениях.

Уже на следующий день после звонка Клара, сдав необходимые анализы, стояла в очереди к терминалу, выдающему небольшую бумажку, на ней написан этаж и кабинет с которых будет начинаться профессиональный осмотр. Очередь неминуемо дошла и до неё, введя свои паспортные данные, нажав ещё пару клавиш о разных соглашениях Клара получила «своё направление» и отправилась на третий этаж, в кабинет окулиста откуда всё начиналось.

Над каждой дверью загорался номер только что присвоенный человеку в терминале, значит там его ожидают, ещё ни на одном табло цифра не превышала значение в «100», при этом номер Клары был «113». Поняв, что ей ждать час или больше она уставилась в телефон, чтобы почитать новости, не успев даже вникнуть в суть написанного на экране, услышала знакомый голос:

— О, привет, а ты чего тут? — произнесла женщина.

Клара подняла глаза, перед ней стояла тётя Инна. «Точно», — хладнокровно подумала про себя девушка, вспомнив, что мамина подруга работает здесь бухгалтером.

— Да справку надо на работу получить, — ответила Клара как могла вежливо.

— Понятно, а куда устраиваешься?

— Продавцом, — в душе не известно отчего стало неловко, от того, что это слышат окружающие.

— Ясно, — резко потеряв интерес ответила тётя Инна, — ладно, тут твой номерок загорится, и ты заходи, поняла? — она говорила так, будто Клара не очень хорошо слышит или соображает.

В ответ Клара только покивала и спрятала глаза. Вроде не случилось ничего, а в душе стало гаденько, сразу же захотелось покурить, чтобы груз с сердца сбросился, но следующей мыслью подумалось, что пора бы и бросать, потому что уже болят лёгкие, вся одежда воняет, а денег уходит слишком много, особенно когда, как сейчас, их практически нет, ещё чуть-чуть и придётся просить у родителей, точнее у матери, так как её она видит каждый день, а отца по прежнему пару раз в месяц. Клара уже пыталась бросить и раньше, последняя попытка была в феврале, тогда её хватило на целую неделю, но испив пива с подругами она поняла, что «отдых» не будет полноценным, если не закурить и спустя пять минут «ожесточенной» внутренней борьбы взяла у Дианы сигарету. На утро по инерции она чувствовала себя победительницей над своей пагубной привычкой, ведь выдержала неделю, следовательно, можно в этот раз покурить, а потом бросить в любой момент, но только не сейчас. После, каждая купленная пачка была «последней», в августе она накурилась так, что ей стало плохо, это было сделано умышленно, чтобы больше не хотелось из-за отвращения.

Отвращение действительно появилось, Клара даже выбросила почти целую пачку, но днём ей полегчало, а вечером она уже купила сигареты снова, разве что содержание смол и никотина в них было поменьше. «Чтобы здоровью не так вредить».

Вот и сейчас был очередной приступ бросания, с утра Клара собиралась не курить, но пока шла в больницу решительность ослабла, а теперь захотелось в полную силу. Сидя в очереди, она одной частью своего сознания подавляла этот импульс, второй уже знала, что в этой борьбе проиграла и внутри борется только лишь для вида. В раздумьях не заметила как настал её черед заходить, взяв в руку документы, оглянувшись на скамейку, чтобы убедиться не забылось ли что-нибудь, она вошла в кабинет окулиста.

К шести часам вечера Клара вышла на посвежевшую улицу, которая приятно наполнила воздухом грудь и будто даже смочила сохнувшие глаза после больницы, в которой было скорее душно, чем тепло, эффект такой вероятнее всего достигался не из-за избыточного отопления, а из-за большого количества людей. Справка полностью готова, результаты анализов хоть и пришли почти в конце дня, но всё же они успели попасть в итоговый документ и Кларе не придётся ехать в больницу ещё раз, чтобы «только забрать», как говорят многие люди, которые не хотят ждать час или больше в очередях.

Улица стояла в густых сумерках, фонари будто сами подмёрзнув светили очень тускло, еле-еле заливая пространство жёлтым светом, Клара читала, что ей написали: в целом она здорова, зрение идеальное, анализы в нормальных значениях, да и вообще ограничений к будущей работе нет.

Когда пришла домой, тут же налетела мама, даже не здороваясь и не спрашивая как дела:

— Там тётя Инна тебя сегодня в больнице видела, — каким-то воодушевлением говорила мама.

— Ну да, — со вздохом сказала Клара, ожидая претензий по поводу того, что она не поздоровалась или поздоровалась не так, без радости, например.

— Говорила, что везде тебя отвела, так ты сегодня и справку получила?

— Да, везде отвела и даже в баночку вместо меня навалила, — Кларе самой стало смешно.

Мать по-доброму улыбнулась тоже, и сообщила, что Клара может идти на кухню и скорее есть всё, что она сегодня наготовила. «Хорошо, когда она не пьёт», — подумала про себя дочь, совершенно позабыв, что давно и сама не упускает шансов развлечься подобным образом.

Наступил понедельник и уже без пятнадцати девять она вошла в магазин, который действительно, как обещали, оказался не более чем в двадцати минутах езды на автобусе, ехавшем от остановки возле Кларино дома почти до дверей магазина. Располагался он в редком для середины города гипермаркете, ведь они, как правило, сосредоточены на окраинах.

Пока Клара шла по торговому центру к своему новому месту работы, заметила, что мало кто ещё открылся, да и их витрины ещё располагались за специальными жалюзи, лишь над входом эти защитные ворота были приподняты над землей метра на полтора, так, что почти любому человеку нужно было согнуться, а уж тем более Кларе с её без пятнадцати сантиметров двумя метрами роста.

«Мира» в этом гипермаркете занимала довольно-таки большую площадь, можно было сравнить с магазинами одежды, пара квадратных километров тут умещалось точно, Клара

робко побродила по рядам, чтобы кого-нибудь обнаружить, но никто не попался в поле зрения, заглянув за очередную стену стеллажей за спиной она услышала претензию:

— Девушка, мы ещё закрыты, с девяти открытие, вы что не видели?

Клара резко обернулась, на лице уже была виноватая улыбка.

— А я работать.

— Да? — полная женщина с красивыми глазами, густыми шоколадными волосами, которые скорее всего не знали краски и были собраны в неряшливый хвост, немного опешила, но Клару разглядывать не перестала. — А, ну точно, — будто что-то вспомнила она.

— Мне сказали приходить по этому адресу, тут вроде бы всё должны знать. — Клара говорила так, будто что-то сделала, например, украла какой-нибудь шампунь или дорогую тушь.

— Скорее всего сказали, но не нам, — женщина, голос которой обмяк, будто переменялась и теперь в ней можно было рассмотреть девушку помоложе, чем показалось изначально, в дополнение к красивым, но укрощенным волосам, шло ещё не менее красивое лицо совершенно без косметики, — ну пошли покажу тебе куда поставить вещи.

По недолгому пути до небольшой коморки, в которой сотрудники магазина переодевались девушка рассказала, что была в отпуске две недели и не знает, что тут происходит в магазине, а тут вон, прислали нового человека, а им как раз не хватает народу, заведующий магазином, вот, ушёл в отпуск теперь, после неё, но будет всего лишь через неделю, а так они с Олей работали по бешеным графикам, а с зарплатой всё равно никто не разгонялся. Саму её зовут Алёна, о чём говорил и бейдж болтающийся на шее на фирменном салатом шнурке магазина «Мира», но Клара почему-то до сих пор туда не смотрела и прочитала это лишь после того, как Алёна представилась.

— Вообще заведующий у нас нормальный, немного конечно, — Алёна покрутила пальцем у виска, а потом махнула рукой, — но нормально, главное справедливый, но конечно цепляется по всякой ерунде постоянно, зато если надо всегда отпустит и даже отработает за тебя, такое есть.

— Понятно, в общем он через неделю придёт?

— Ну да, где-то так, так-то он уходит собирался отсюда, но что-то видимо нифига найти не может.

— А у него образование какое-то есть? — пустилась зачем-то в сплетни с почти незнакомым человеком Клара.

— Какое-то есть, но точно я не знаю, а так сразу поймёшь, что это он, главное не пугайся.

— А что в нём такого страшного? — с улыбкой спросила Клара.

— Ну по красоте конечно не очень такой, — серьёзно ответила Алёна.

— Понятно, — сказала Клара так и не поняв, чего она должна пугаться, тем более таких некрасивых мужчин, да и женщин, как видит она, вряд ли ещё кому-то везёт лицезреть.

Первую неделю Клара должна была работать по восемь часов, с девяти до шести, а если без обеда, то могла освободиться и в пять, всё это время она ходила хвостом то за Алёной, то за Олей. Оля оказалась человеком обычным со всех сторон: рост не большой и не маленький, волосы покрашены в белый цвет, говорливость, в отличие от Алёны, средняя, а ещё в отличие от Алёны она не курит, поэтому не очень приветствовала Кларины отлучки где-то раз в час. Работала пока Клара в своей одежде, форму, сказали напарницы, даст заведующий,

у них тут конечно есть некоторые комплексы, но не на её рост. Отработав семь дней подряд Клара получила два выходных, поэтому на работу нужно было выходить только в среду, а в среду уже придет и управляющий магазином, как можно было сделать вывод из рассказов напарниц — такой же продавец, только чуть больше ответственности и чуть больше зарплата.

В субботу звонила Диана, предлагала отметить как-нибудь трудоустройство подружки втроем, тем более они с Алиной уже получили первые зарплаты, но так как Клара работала и в воскресенье, пришлось отказаться, да и ездит она сейчас на работу буквально на последние копейки. По Клариным подсчётам до зарплаты хватит аккуратно на проезд и сигареты, остаётся только надеяться, что ничего из этих необходимых вещей не подорожает иначе придётся ходить пешком. В общем выходные Клара провела дома, где она с удовольствием смотрела со спокойной душой сериалы, отмечая внутри, что иметь работу и чувствовать безопасность по этому поводу очень приятно, изредка выходила покурить, но чем ближе были трудовые будни, тем меньше ей как-то хотелось возвращаться в магазин, ведь заплатят ей там совсем мало, меньше даже чем она получала, когда работала продавцом в продуктовом в период между школой и университетом. Но такие мысли очень быстро заглушались в целом правильными соображениями о том, что это лучше, чем снова сидеть без работы она бы не хотела.

Так или иначе в среду Клара проснулась в притык перед автобусом, чтобы на него не опоздать, в спешке она почистила зубы и побежала на остановку чуть ли не одеваясь на ходу, в автобусе заплела косу, но чтобы успокоить свою взволнованность только покинув общественный транспорт шла от остановки к гипермаркету пересекая парковку и сначала жадно вдыхая, а потом щедро выдыхая клубы горького дыма. Возможно из-за того, что с утра она даже воды не пила, закружилась голова и как-то очень неприятно стало в желудке. Попав с уличной прохлады в тёплое здание Клару совсем уж замутило и чтобы исторгнуть из себя вчерашнюю еду она побежала в туалет, умылась и глянув на часы увидела, что уже опаздывает аж на восемь минут и всё это в первый день, когда есть заведующий, который с рассказов коллег не опаздывает никогда и злится если, например, на прилавках одна помада стоит не так как остальные, и вообще, он человек, который любит порядок больше чем свою жизнью.

Как могла быстро Клара побежала на своё рабочее место, вбежала в магазин, людей ещё совсем не было, что немудрено в такое время, вдали что-то поправлял невысокого роста человек, сказать на него мужчина как-то не хотелось, ну это уже точно был не парень. Услышав шаги он повернулся, лицо его не выражало никаких эмоций, он достал из кармана телефон, видимо посмотрел время, потом опять глянул на Клару.

— Здравствуйте, — поприветствовала веселей чем нужно было своего начальника новая сотрудница «Миры».

Клара поняла, почему его ни с кем не перепутать и точно можно будет понять, что это он: низкий рост, короткостриженная черноволосая голова, цвет глаз с расстояния было не рассмотреть, но ясно, что они тёмные. Скромная одежда вроде бы должна была сказать, что этот человек безопасен, что его бояться нечего, но взгляд на каменном лице будто говорил вместо рта и делал внутри как-то неприятно, причём этот человек не играл бровями, не хмурился, только лишь пристально смотрел и то не долго.

— Я опоздала немного, извините, — виновато и растянув губы в улыбке говорила она.

Заведующий повернулся направо и махнул рукой как-то не очень чётко, вообще махнул

ли, и сразу же пошёл куда-то видимо хотел обойти все стеллажи и выйти туда где касса, его действия отзеркалила и Клара, и действительно, они встретились на прикассовой зоне.

— Не самое лучшее решение начинать свой первый день с опоздания, — такими были первые слова начальника Клары.

— Ну это не первый день, — как можно вежливее ответила она.

— Раньше, считай, у тебя была практика и подготовка, двенадцать часов же первый раз сегодня?

— Да, до этого было пять дней по восемь часов.

— Понятно. Чего опаздываешь?

— Просто как-то плохо стало, — оправдывалась Клара, — можете спросить у Алёны или Оли, я ни разу за неделю не пришла позже девяти.

— Этого не нужно, а плохо чего стало?

— Не знаю, живот, — Клара задумалась, — типа заболел, — она пожала плечами.

— А курение помогает животу?

Кларе почему-то стало стыдно, будто она маленький ребёнок пойманным за чем-то, что ему делать не следует.

— Так это было до курения, — улыбалась девушка, как раз в это время она прочитала на груди руководителя, что его зовут Иван, должность его называлась администратор.

— Ну связь кажется есть.

— Я просто ничего не ела.

— Понятно. — ответил заведующий, — ладно, какие у тебя размеры одежды запросим тебе форму.

Клара всё сообщила, а потом поняла, что у неё не спросили даже её имени, хотя наверняка Иван уже всё знал, ведь из отдела кадров сообщали именно ему, что к ним отправляют нового человека. Далее время шло длинновато, потому что, во-первых, хотелось есть, во-вторых хотелось курить, а попроситься выйти она стеснялась. Около часа дня Иван подошёл и сказал, что Клара может сходить на обед, но та отказалась, потому что из-за того, что опаздывала ничего не взяла, да и вряд ли что-то было ведь последние несколько дней мать пила, а сама Клара абсолютно беспомощная в кулинарном плане. Возможно дело в том, что когда у неё случались порывы что-нибудь готовить, тут же прибежала мама и спустя несколько минут дочь была полностью отстранена от продуктов, потому что то одно делала не так, то другое и пусть лучше сидит и смотрит, в итоге Клара бросила попытки научиться готовить, максимум запекала себе бутерброды в микроволновке.

— Я не хочу, — соврала Клара, хотя голод испытывала сильный.

— Ты же говорила, что ничего не ела.

Она смотрела на заведующего и не понимала почему он вообще к ней пристал, говорила и говорила, еды-то нет, а ответить что-нибудь нужно.

— А деньги есть? — спросил Иван.

— Немного.

— Понятно, я всё равно пойду сейчас в продуктовый, если хочешь, что-нибудь тебе куплю, потом, когда будет зарплата я это посчитаю.

— Тогда, что купите, то и буду, а то я соображаю не очень.

— Хорошо, жди.

Иван принёс ей суп и салат из магазинной кулинарии, пока Клара ела чувствовала какую-то неземную благодарность, хотя куплено всё было по сути за её же деньги, но душу

почему-то наполняла радость, а после сытного обеда положено было курить, но не хотелось, поэтому Кларе пришлось убеждать себя в том, что именно этого ей не хватает до полного счастья, а стоило убедить, как она опять начала стесняться попроситься выйти в специальный закуток, который ей показала Алёна. Но всё же ради такого дела получилось пересилить себя:

— Иван, можно я выйду на улицу?

— Курить?

Клара молчала, не хотела отвечать, да и вообще этот низкорослый гоблин, к которому она испытывала ещё недавно тёплые, почти дружеские чувства, уже начинал раздражать своими вопросами и цепляниями к личным делам, в частности к курению.

— Ладно, иди, — всё понял заведующий.

В шесть часов вечера начальник мог уходить домой, что и сделал, предварительно опросив Клару о том, чему её тут научили напарницы, предупредил, что когда она одна здесь, то выходить никуда нельзя, потому что получают все, в конце месяца обнаружат недостачи и если по камерам увидят, что кто-то оставлял магазин, то его уволят, а платить будут остальные. За кассой она уже умела работать, да и там ничего сложного, а самое главное уже редко кто пользуется услугами кассиров, все покупают через кассы самообслуживания, разве что когда происходит сбой программного обеспечения, то приходится работать с людьми по-старому. Отбыть здесь оставалось всего лишь до десяти вечера, когда ушёл Иван, то ещё часа полтора наблюдался наплыв людей, Клару часто спрашивали где что-нибудь найти или информацию о товарах. До конца дня она сумела не нарваться на конфликт, хотя уже видела такое в случае с Олей, третьей продавщицей, там женщина была недовольна, что эффект от крема оказался не такой как ей говорила «другая девушка тут у вас», а она мол целый месяц мазала, теперь пришла требовать свои деньги и даже с чеком. В итоге всё равно ушла ни с чем, так как Оля даже если бы захотела ничего не могла бы вернуть, нет таких функций в кассовом аппарате. Кларе тогда как-то жаль стало напарницу, ведь ей уже около сорока лет, а говорили с ней так, словно она какая-то малолетняя глупая девка. Так или иначе подошёл конец первого двенадцатичасового рабочего дня. Клара отметила в себе, что не особо то и устала, пока она искала работу, то выматывалась куда больше.

Каждый вечер становилось всё холоднее и после зарплаты она решила купить себе зимнюю куртку, а сейчас с чистой совестью, честно отработав и ни разу не сходяв, как и приказал Иван, закурила. Автобуса ждать целых двадцать минут, когда доберется домой надо сразу лечь спать. Этого не получилось, но боясь почему-то снова нарваться на недовольство начальника Клара встала так, чтобы не опоздать, хотя далось ей это очень тяжело, холодильник был полон еды и теперь она поела с утра и набрала себе на обед. За двадцать минут до открытия магазина она оказалась на месте, Иван уже был там. Сегодня он поприветствовал её куда более добродушно и сообщил, что привезёт форму на следующей неделе, заодно рассказал, что завхоз на основном складе не хотел ничего выдавать, почему-то решил, что Клара уволится через неделю.

— Ты ж пока не собираешься? — спросил Иван.

— Пока нет, — ответила Клара.

Ни о чём не договариваясь они разошлись чтобы поправить товар на полках, Клара подумала о том, что в спешке забыла покурить с утра, но по какой-то странности опять не хочется, это интересно, может быть с ней что-то не так, да и вообще рано или поздно

захочется, надо попроситься выйти, что она и сделала. Иван отрезал, что она может сходить один раз после двух часов дня и обсуждать ничего не собирался.

11.2042

Форму магазина «Мира» Клара стала носить далеко не сразу, потому что она была не особенно чистая, да и кое-где нужно было её заштопать, вообще комплект одежды представлял из себя салатовую рубашку с розовым воротником и розовую синтепоновую жилетку, и одно, и другое были выполнены из дешевых и легкорвущихся материалов, да и пачкались без проблем, потому что у Алёны с Олей жилетки всегда были в чём-то чёрном в районе живота, хотя такой грязи в магазине было не сыскать. Когда же Клара всё выстирала, заштопала и придя на работу надела этот костюм на себя, то от первого же своего отражения в зеркале почувствовала какое-то унижение: эта цветовая гамма будто снижала интеллект, следующей мыслью как раз и было то, что возможно она зря думала про своих напарниц как не про самых умных людей. Не то чтобы Клара как-то утверждалась в своём интеллектуальном превосходстве, скорее она и себя относил к не очень умным, но и две взрослые женщины в салатовых рубашках всё это время казались точно не умнее неё, не смотря на разницу в возрасте.

В такие мысли она решила не углубляться, и просто пошла работать, сегодня на смене помимо Ивана была Оля, да и вообще как оказалось — не часто в магазине только продавец и заведующий, как правило в магазине находятся трое, третий всегда приходит чуть позже и работает до закрытия, то есть до десяти часов вечера. В субботу и воскресенье же в магазине всегда только двое людей, но около пяти часов одна и продавщиц уходит домой, а вторая остаётся «на хозяйстве».

Спустя месяц после начала Клариной работы остаться вечером одной в очередной раз довелось и ей. День был не особо людный, Клара уже уверенно стояла за кассой, знала где какой товар находится, так же по большей части знала и про его характеристики, про популярные «позиции» так уж точно. Постоянное поглядывание на часы казалось только раздражало вселенское время, и оно тянулось всё медленнее и медленнее, можно было бы посидеть в телефоне, но от постоянных разблокировок экрана там не появлялось ничего нового, так же как не появляется в холодильнике от постоянных открываний дверцы. Тогда Клара вспомнила о том, что уже несколько раз здесь практиковала: навести порядок — и полезно, и время пройдёт.

И занялась делом: начала с того, что купила влажные салфетки, которые заманчиво стояли возле кассы и стоили чуть ли не в три раза меньше обычного, хотя даже такой обвал цен позволял накрутить на этом товаре тридцать семь процентов. Первым под очищение попал кассовый аппарат, истратив более десятка салфеток Клара всё же заставила его сиять чистотой, потом волна чистоты обрушилась на стол, заодно там сложились все бумаги. В ящиках стола ручки, и вся дребедень, что там хранится была отсортирована по смыслу, размеру и даже цвету. На полках с зубными пастами, дешевыми духами, гелями для душа и прочим, благодаря строгости Ивана, никогда не было беспорядка, но всё же оставалось куда стремиться, и Клара этим воспользовалась, выставив всё ровно, разделив похожие вещи маленькими разрывами, отодвинув одно от другого примерно на миллиметр. Не добралась только до «кладовки», так все называли помещение, которое служит и складом, и столовой, и гардеробом, не добралась потому что до конца рабочего дня оставалось меньше чем пол часа. Ощущалось какое-то приятное спокойствие и умиротворение на душе. Если бы ещё

завтра был выходной, то можно было бы испытывать что-то вроде счастья, а так эйфория от того что работа просто есть уже подвыветрилась, зато завтра будет первая полноценная зарплата. За сентябрь вышло оскорбительно мало, но Клара списала это на то, что был испытательный срок, она не работала полный месяц, и что в октябре будет явно лучше. Да и надо бы лучше, потому что до зарплаты еле хватило, пришлось опять не пить, когда все друзья пили и делать вид, что ей и не хотелось. Хотя Клара подловила себя на том, что немного рада невозможности, пока, позволить себе алкоголь, как её подруги, но такие недостойные мысли сразу же попадали в воображаемый блендер и уничтожались до такой степени, что разобрать их уже было невозможно.

Второй рабочий день, как и первый, для Клары начинался в десять утра, зайдя в магазин она увидела Алёну, которая с ней поздоровалась, но как-то уж очень прохладно, сказать конкретно, что не так, было нельзя, потому что вроде и тон нормальный, да и повернулась она, открыто глянув в глаза, но было что-то не то. Клара решила, что ей кажется и выбросила эти домыслы из головы, где Иван она решила не спрашивать, наверняка он сам скоро появится, по телефону, наверное, говорит по работе или заказывает товар где-то в тихом месте. Переоблачившись в рабочий костюм, она вышла в зал и тут же снова напоролась на Алёну:

— Зачем ты так всё расставила? — кричащим шёпотом, спросила она.

— Да скучно было вчера, — бесхитростно и искренне ответила Клара.

— Не надо так блин, нас теперь всегда так заставят делать.

— Да никто даже не заметит, — на Кларином лице снова возникла виноватая улыбка.

Алёна на это только тяжело вздохнула.

Клара ушла бродить по залу, но данное занятие быстро наскучило, и она отправилась туда где стоит касса, это место как раз близко к выходу, а там уже можно увидеть и остальных людей в гипермаркете: хоть какое-то развлечение, да оно и всяко интереснее стоящих банок, чуть ли не каждую из которых она потрогала вчера вечером. Прошло буквально несколько минут, как в поле зрения появился Иван, Алёна тоже была рядом, что-то искала в столе, который теперь жил под новым порядком.

— Так, — начал Иван всё ещё разглядывая полки, он был похож на какого-то карикатурного военачальника осматривающего войска, ровные ряды различных флаконов и низкий рост заведующего способствовали такой ассоциации, — это ты так всё выставила?

Клара отметила, что он улыбается, похоже, первый раз за всё время.

— Да, — ответила та после паузы, первым делом подумав, как можно выкрутиться из этой ситуации и сказать «нет».

— Ну красиво, блин, и я видел, что ты стол отёрла, в следующем месяце, можно сказать, что ты лучший работник у нас, будет тебе премия.

— Да? — опять повторила Клара, только с другой интонацией, ведь больше не знала, что ответить, потому что теперь застеснялась.

— Ты молодец Клара, всё очень красиво, премия там конечно будет из трёх копеек, но больше я, наверное, ничего не могу сделать. — Иван говорил добродушно, тон обычно ему не свойственный, обычно у него не было тона.

— Спасибо, — пожала плечами она, борясь со своей улыбкой.

Начальник опять куда-то ушёл, будто бы как в музей любоваться порядком, который тут навёл кто-то без его указаний и без его контроля. Клара обернулась к Алёне, а та ей неожиданно выпульнула:

— Я же говорила!

— Что?

— Что нас теперь всегда заставят так делать, буду я ещё тут за эти деньги корячиться.

— Да никто вас ничего не заставит, что делали то и будете делать, — раздражившись ответила Клара. Алёна в ответ только угукнула, наверное, желая этим показать свою обиду на новую сотрудницу. Правда, когда время подошло к двум часам дня, то обиду как волной смыло и она пригласила Клару сходить покурить, и что «надо только Ване сказать». Клара пошла говорить.

— А тебе точно надо? — спросил неожиданно Иван.

Клара помедлила с ответом, потому что не поняла к чему это.

— Ладно, иди, — заключил он.

Около пяти часов вечера, когда все кроме Клары засобирались домой на телефоны всем работникам магазина пришли сообщения о зачислении зарплаты. Если для двух людей цифры в этом сообщении были очень ожидаемы, то третья рассчитывала немного на другую сумму, хотя бы на тридцать процентов больше, ведь даже то, что ей хотелось бы получить было более чем скромным требованием.

— А тут нет ошибки? — Клара показала свой телефон Ивану.

Он внимательно смотрел и только покачал головой в ответ.

— Но ведь в вакансии написано совсем другое, да и когда меня брали, мне тоже говорили про другое, там, типа в первый месяц меньше, потом больше.

— В вакансии написано до вычета налогов и с премией, — Иван хоть и был на голову ниже Клары, но сейчас ей казалось, что он смотрит на неё сверху вниз, — в прошлом месяце мы план не сделали, вот и все — без премии.

— А план такой, что его сделать не реально, а как только сделаем, то в следующем месяце его поднимут, — втиснулась в разговор Алёна.

— Ясно, — вздохнула Клара, как-то неприятно, что, проработав месяц и купив джинсы, далеко не самые дорогие, точнее сказать одни из самых дешевых, лишиться где-то пятнадцати процентов зарплаты. А это ведь всего лишь штаны.

— Ну, мы пошли, — Алёна вырвала её из грустных мыслей, — пока.

— Да, давайте, — сказала Клара и осталась на следующие пять часов одна.

Несмотря на расстройство от того, что её доходы в ближайшее время будут совсем не такими, как Клара ожидала, она всё же пошла и навела порядок, оказалось, что это не только спасает от скуки, а ещё и немного отвлекает от негативных мыслей. А потом эти мысли окончательно разогнало сообщение от Дианы, в котором она сказала, что завтра они собираются и не хочет ли Клара присоединиться к ним, ведь вроде бы у неё уже была «ЗП». Клара написала, что обязательно будет, уже решив: пусть хоть денег и мало, но ведь и веселиться иногда надо.

Клара предвкушала какое-то веселье, но всё было немного не так как планировалось, Алина привела своего парня, который вёл себя не то чтобы не вежливо, но просто как-то странно, вроде бы и шутил над Дианой и Кларой, но вроде бы это было и слишком, да и эффект от опьянения был какой-то совершенно не такой: Клара очень быстро написалась, всех стала видеть красивее чем они есть, а потом испытывала такой приступ эйфории, какого ещё в жизни не бывало, однако утром не было сил даже оторвать себя от постели, хотя объяснить причины, хотя бы себе самой, не удавалось. Всё было точно не из-за головных болей, потому что мысли совершенно ясные, да и почему вчера Клара так быстро

«ушла» тоже странно. К тому же такой апатии и пессимизма, которые сейчас в полную силу били в ней она ещё не испытывала, провалявшись чуть ли не до вечера в постели она всё же встала чтобы сходить в туалет, мать уже была тоже немного не в оптимальном состоянии сознания, поэтому неправдоподобно радостно поприветствовала дочь и пристала с расспросами о том, как дела на работе, как дела «в личной жизни, когда ты приведёшь мальчика знакомиться». Клара и так очень злилась, когда просто видела мать в таком состоянии, потом так же быстро стирала из памяти её пьянки, но сейчас ответила грубо и убежала к себе в комнату. Ближе к ночи она вышла из неё ещё раз, чтобы сделать себе еды для завтрашнего обеда.

На работу явилась без опозданий, хотя сегодня ей надо было даже к восьми утра, зато так она могла уйти в пять. Как обычно Иван уже был на месте, сейчас он стоял за кассой, что-то сверял там с планшетом, услышав её шаги он поднял голову, лицо его было расслаблено, губы даже немного, еле заметно, стремились улыбнуться, но не прошло и секунды как всё переменилось, взгляд переделался в привычный колючий, а тот микроскопический намёк на улыбку бесследно исчез. Ничего не говоря Иван перестал смотреть на неё.

— Здравствуйте, — растерявшись стоя в пороге сказала Клара.

Иван в ответ только угукнул вернув всё своё внимание планшету.

— Что-то не так? — спросила Клара, явно чувствуя, что в чём-то виновата.

— Иди переодевайся, — раздраженно ответил заведующий.

Немного в растерянных чувствах она отправилась в кладовку, где посмотрела на себя в зеркало, там было всё ожидаемо: на Клару смотрел урод, у которого на этот раз бордовое, набухшее как от укусов насекомых лицо, через угри и прыщи исходило гной и ещё какие-то бесцветные жидкости, губы треснули, в ранках поблескивала кровь, белки глаз еле заметны, сейчас они пожелтели, а капилляры в них сильно вздулись. «Хорошо, что это только в отражении», — подумала Клара, — «Но надо бросать курить и пить». Хотя она сейчас и сама понимала, что это только лишь бравада, где-то внутри неё, кто-то уверенно произнёс, что ничего она не бросит, потому что жить без курения как-то слишком обыденно, неглубоко, неинтеллектуально, а не пить, значит никогда не испытывать эйфории, не быть счастливым. И Клара уже не первый год слышит эти речи, очень сильно пугающие, поэтому она отлично научилась делать вид, что ничего там внутри неё не зудит. Что она всего этого хочет сама.

Весь день Иван не то что не заговорил с Кларой, он старался даже взглядом с ней не пересекаться. Не обратил он на неё никакого внимания и когда она сказала, что пойдёт покурить. Ситуацию ухудшало то обстоятельство, что сегодня они с заведующим вдвоём на весь магазин, не считая покупателей, а Оля будет только завтра. Но когда пришла Оля особенно ничего не изменилось — Иван вёл себя точно так же. Спросить на прямую, что случилось Клара стеснялась, да и её начальник ведёт себя очень даже профессионально, не обязан же он для неё сиять улыбкой, и болтать с ней. Понадобилось больше месяца, чтобы он более-менее смягчился, тогда на душе полегчало и Кларе. Она заметила, что тон Ивана меняется с тем, как меняется её отражение в зеркале, но что он может видеть её такой — это бред, такое может видеть только она. Да и отец сказал, что дед, например, был шизофреником, может она тоже немного «того». По деду ведь было незаметно. Так или иначе начальник снова подобрел к ней, и на душе стало посветлее, тут ещё и Алина объявилась, пригласив её к себе домой. Кларе почему-то не хотелось идти, но убедив себя,

что будет весело и хорошо пошла, да и подружки чуть ли не подстроились под её выходные, как тут отказать.

05.2043

Низкий заработок очень часто соседствует с низким уровнем духовных сил, если человек не пускает всё на самотёк, то пытается приподнять их, вот только способы у каждого свои и не всегда приводят к планируемой цели.

Клара постоянно жила в стрессе из-за нехватки денег, хотя в магазине её часто премировали за хорошую работу, но это не сильно выправляло ситуацию, она чуть ли не ежедневно стала заходить в приложение по поиску вакансий, но панически боясь уволиться и остаться без ничего как когда-то, искала стопроцентный вариант и по зарплате, и по самому трудоустройству. Найти подобное было нереально: то нужно было ездить слишком далеко от дома, а тратить по два часа на дорогу в одну сторону не очень хотелось, хотя и такие варианты можно было бы рассмотреть: «Смотря сколько платят» — думалось Кларе, то, если близко к дому — оплата труда была смехотворной. В результате в сознание проникала какая-то апатия и безразличие ко всему, разве что сигареты помогали со всем справиться и подружки, которые разжившись деньгами стали звать Клару с собой всё чаще, теперь не было такой недели, чтобы она не «отдохнула» с помощью спиртного. Это казалось единственной отрадой, ведь дома было всё не очень хорошо: мать пила ещё интенсивней, ей уже давно никто не нужен был в паре, даже с тётёй Инной она вроде бы как поссорилась, а у отца начались какие-то проблемы в бизнесе, дома-то он был много, но настроение его оставляло желать лучшего. А ещё он словно боялся сказать своей жене, что у неё проблемы с выпивкой и ей стоит обратиться к специалистам, деньги на это точно имелись, как минимум из старых запасов, поэтому «не замечал» отец болезнь своей жены явно не по экономическим причинам. Клара на тему маминой слабости давно уже перестала говорить, да и сама сейчас исполинскими шагами догоняла её, дочери отец на этот счёт так же ни о чём даже не намекал, разве что становился ещё чуть грустнее.

Новый год Клара отметила в одиночестве, потому что Алина сказала, что будет со своим парнем, а Диана просто захотела побыть дома с семьёй, и так третья подруга осталась сама по себе. Но не сказать, что такое положение её расстроило, за неделю до праздника она купила себе бутылку рома, такого же как когда-то пила у Алины дома на её день рождения прошлой зимой. За стоимость этой бутылки можно было питаться неделю, что ничуть не смущало Клару, покупая подобные вещи, дорогие сигареты, например, она испытывала чувство того, что ещё не всё так плохо, раз она себе может позволить подобное. В голове прокручивались образы из музыкальных клипов и разных видео, где все пьют из зелёных прямоугольных бутылок красную жижу, или наливают немного коричневого виски, после чего крутость их автоматически зашкаливает, все решения точны и верны и всё всего лишь из-за одного глотка спиртного. Ну а последующие месяцы, вплоть до весны, Клара продолжила как минимум раз в неделю сильно напиваться, это при том, что бросить уже захотелось, но каждый раз был последним, как уже лет пять она каждое утро покупает последнюю пачку сигарет. А если уж не последний, то напиваться надо чтобы перезагрузить свою жизнь, тогда это делать необходимо обязательно до беспамятства, перезагрузится судьба только так, если тут не дожать, то всё зря.

В начале мая здоровье сильно пошатнулось, Клара поняла, что уродливое отражение в зеркале это уже совсем не иллюзия, страшная маска или приступ шизофрении. У неё

реально еле видно глаза, просто через несколько часов отёки разглаживались и к обеду она выглядела более-менее. Зато отношение к ней со стороны Ивана теперь уже точно не более-менее, а стало явно негативное, хотя это не отражалось на рабочих часах, она работала примерно, как все, да и зарплата была не ниже чем у других продавцов. Просто хоть Иван и пытался скрыть своё омерзение и раздражение при разговоре с Кларой, получалось у него плохо, она объясняла себе это тем, что просто люди её не любят, а этот низкий страшенький мужичок, наверное, комплексует из-за своего роста. Зато с Алёной улучшились отношения, не сказать, что они стали подругами, но какая-то напряженность первых дней прошла, к тому же Клара заметила, что за последние месяцы её коллега как-то похорошела, что изменилось во внешности не понятно, но она точно стала лучше. С Олей, второй продавщицей всё было просто нейтрально, иногда только казалось, что она чуть побаивается Клару или стесняется и поэтому избегает, но точно не чувствует такого же как Иван.

А ещё к концу весны Алина рассталась со своим парнем, гулянки временно прекратились, что дало Кларину организму передохнуть и залатать дыры, зато теперь Алина каждый день зачем-то приезжала именно к Кларе, чтобы излить свою душу, пожаловаться и спросить совета, хотя выбор более чем странный, потому что Клара была в отношениях только однажды и давно, но тем не менее подруге ни в чём не отказывала, выходила и после смены и когда на работу нужно на следующий день, сидела хоть до двух, хоть до трёх часов ночи, выслушивая в дорогой машине о том, как жизнь несправедлива к её подруге. Правда надолго Клары не хватило, когда Алина целый месяц прокручивала одну и ту же пластинку, её бесплатная психологическая служба не выдержала:

— Может хватит уже? — спросила Клара, — ты себе найти можешь ещё лучше хоть завтра.

— Лучше уже никого не будет, — с намокающими глазами, вытирая нос в свою ладонь произнесла Алина.

— Ты же сама недавно говорила, что он, — Клара матерным образом процитировала подругу о том, как её парень надоед ей, — и вообще кто-то там ещё лучше есть, да и вообще, что ты делала, когда уезжала в Турцию?

— Ну он же не знал, — искренне сказала Алина.

— А какая разница? У тебя вся трагедия только потому что тебя бросили быстрее чем ты.

— Ладно, — из голоса пропали любые слезливые нотки, — мне пора уже.

— Пока, — сказала Клара, сразу же выходя из машины.

Алина уехала, а Клара отправилась домой, испытывая чувство вины, порываясь взять телефон и написать подруге, что та не так её поняла, но следом всплыли воспоминания про зимний переучёт, когда нужно было ехать на основной склад с самого утра и пока порученный отдел не пересчитают, то домой никто не пойдёт. Клара и её напарница, которая работает в какой-то другой «Мире» справились в десять вечера. Автобусы уже не ходят, вызвать такси даже далёким эхом не звучит в голове, потому что это очень дорого, тогда-то она и решила позвонить Алине, вдруг та сможет её забрать, но оказалось, что у Алины нет бензина, Клара сказала, что отдаст за него деньги, но выяснилось, что Алина вообще уже спит и так лень куда-то ехать. Что ж, мороз не сильный, Клара пошла пешком девять километров, как она потом выяснила дома, до города, там-то автобусов было полно. Она не считала, что подруга ей что-то должна, но Алина сама рассказывала, как её просила

«крутая девочка из универа» отвезти её в другую область, а ещё одна «крутая девочка» просила забрать её ночью из клуба, и Алина так спешила, что даже нарвалась на штраф. Ну Клара не крутая, поэтому всё логично.

И желание извиняться и объясняться перед подругой как-то отпало.

Правда, похоже, что Алина не сильно-то и обиделась, потому после воскресного разговора уже написала Кларе сообщение, в котором спрашивала работает ли та в пятницу, Клара которая несмотря на все доводы своего разума всё ещё испытывала вину, этому сообщению обрадовалась и ответила, что в пятницу она в магазине до десяти, но сходить куда-нибудь можно.

В итоге сама же и предложила пойти «на Майскую», улицу где сосредоточены бары, забегаловки и прочие заведения, в которых можно отдохнуть культурным людям, не приемлющим пить на скамейках в парках или даже у себя дома, потому что дома нет атмосферы. Алина на это предложение охотно согласилась и сказала, что Диана тоже обязательно будет.

В половину двенадцатого они уже мчали в центр города, потому что Майская улица находилась совсем недалеко от него. Клара оделась в новое платье и накинула новую кожаную куртку, кожаная она конечно же была только на вид, не по материалу. На этот прикид она истратила половину апрельской зарплаты, хотя собиралась купить себе что-нибудь просто тёплое, спасающее от ветра, но образы, всплывшие в голове, в которых она представила себя как раз-таки на Майской, с бокалом в руке, а потом представила каких-то других женщин в похожих одеждах и все они успешны и счастливы. С тех пор что-то внутри настойчиво зудело о том, что и Клара станет такой же, надо лишь только купить два этих товара.

В тот вечер Клара только захлопнула дверь Алининой машины, как действительно почувствовала себя счастливой и уверенной в себе, даже взгляд Алины проскользивший от обуви до груди, а потом хлестнувший глаза Клары не сбил этого настроения. А может Алина вообще делала ей комплимент. Скорее всего так и есть. Диана не говорила ничего, словно Клара оделась как обычно, но для Дианы это вполне могло бы так и быть, потому что она никогда не зацикливалась на шмотках, косметике и деньгах. Очень странно, что они с Алиной так сблизилась и зачем Диана всё время слушает про свой вес или про внешность разные колкости и иногда лишь смеётся над ними. Например Кларе, Алина не рискует, как та думала, сказать что-нибудь про её осанку, грудь или рост.

Они ходили по улице выбирая куда отправиться, снаружи мест не было, жаркая весенняя ночь вытянула много народу из их домов, в некоторые заведения даже очередь стояла, а где очереди не было были охранники, которые всем равнодушно сообщали, что больше зайти нельзя. Надо уточнить, что улица не являлась прямой линией с домами по обе стороны, а извивалась как змея на разных высотах, вот забравшись повыше три девушки и увидели перед собой бар под названием «23:59».

— Пошли, — сказала Алина и вскоре они без проблем проникли внутрь.

Всё залито синим цветом, не очень людно, музыка странная, довольно-таки мрачная, за баром высокий молодой парень протирает стаканы, скорее для антуража, чем из практической надобности. Девушки подошли к его рабочему месту, первой сделала заказ Алина, потом Диана, а Клара не успела сказать:

— И вы тоже будете? — спросил бармен, зачем-то выделив её.

— Да, — Клара застеснялась, почему — не смола бы ответить даже себе, — вишнёвое

пиво.

— Точно пиво? — засмеялась Алина.

— Точно пиво, — ещё больше смущаясь и пытаясь не подать виду ответила ей Клара и виновато посмотрела на бармена.

— Хорошо, — с полным безразличием ответил он.

С пива всё только начиналось, да и время было около часа ночи. К двум Клара понимала, что уже порядком напилась, но как обычно в таких ситуациях бывает — это не повод остановиться, а только нарастить усилия. Вскоре рядом с девушками появились какие-то мужчины, ненамного старше самих молодых женщин, может разница в лет пять была между ними, но тем не менее вели они себя так, будто перед ними какие-то школьницы причём не из старших классов. Зато спиртным обеспечивали своих «глупышек» уже точно по-взрослому. Через некоторое время, Клара обнаружила, что целуется с одним из своих новых друзей, а две подруги на неё смотрят, Алина с каким-то болезненным наслаждением, а взгляд Дианы немного грустный.

«А бармен что?» — зачем-то мелькнуло у Клары в голове. Но гормоны или текила, которой их угощали новые спутники делали своё дело, и на какие-то моральные стороны собственного поведения, и на чьё-то мнение ей быстро стало наплевать, даже больше — захотелось уединиться где-нибудь с этим мужчиной, а он будто считал информацию из её головы и потянул её в укромное место, которое имелось в этом баре специально для таких дел, вернее сказать актов. Какая-то кабинка, с очень слабым светом, даже лица не рассмотреть, а здесь никому этого и не нужно, Клару умело развернули к стене и слегка нагнули.

Только процесс начался, у неё внутри раздался звериный крик, будто какая-то часть её испытывает самую страшную боль в жизни, у Клары уже были отношения и, что называется девочкой, она уже не являлась, поэтому крик был связан не с этим, да и физически никакой боли не было, зато чувство страха и отчаяния било на полную катушку. Она машинально оглянулась назад: рубашка расстёгнута, лицо искажено, хоть и красивое, движения одинаковые, он заметил, что Клара смотрит на него.

— Я всё одел не бойся, — он говорил между вздохами, — а то рисковать не хочу, — он почему-то закричал, — скоро уже.

Клара покорно ждала, но ничего кроме смеси ужаса и стыда не ощущала, будто бы она перешла какую-то черту, за которой в жизни теперь у неё будут только горести и несчастья, но почему она это чувствует объяснить себе не могла.

Её спутник и правда скоро закончил, одел штаны и ушёл, Кларе же одеваться особо не нужно было, разве что трусы поднять, сделав это она стояла с абсолютной пустотой в голове, с расплавленным оловом в сердце боялась покинуть эту кабинку, не хотелось ни плакать, ни кричать, потому что внутри возникло абсолютное безмолвие.

Всё же было очевидно, что стоять так вечно не получится, пусть и очень хотелось, но пересилив это желание Клара вышла на свет, хоть и синий, искала глазами место, где недавно они сидели с подругами и внезапно осознала, что весь алкогольный эффект куда-то делся, она абсолютно точно была трезвой. От этого лучше не стало, потому что вместе с трезвостью её окутало чувство позора, собственной грязности и ничтожности. Пока шла к знакомым девушками, это ощущение только усилилось, а Алинина ехидная улыбка его подпитала. Её ухажёр словно забыл всё что было, да и от красивого лица у него теперь не осталось и следа, типичная страшная маска, такая же у Алины, один из мужчин, тот который

приобнимал за талию её же, запустил руки Кларе между ляжек и типичным для такого состояния бульканьем произнёс:

— А со мной пойдёшь? — он улыбался гнилым рядом зубов, каждый из которых был заострён как клык, сверху и снизу, мутные глаза оплыли, кожа обвисла, а вонь изо рта была не алкогольной, скорее напоминала запах застоявшегося дерьма.

Клара отшатнулась, больше рефлекторно, чем сознательно, Алина при этом гадко и визгливо засмеялась, не понятно, от того, что подруга чуть не упала или от того, что ей поступают такие предложения уже второй раз за ночь. Но второй раз Клара на такое соглашаться не собиралась, да и не то чтобы у неё кто-то в первый раз спрашивал. Схватив сумку с курткой, из которой она достала денег даже больше чем нужно и положила их на стол, она направилась к выходу. Её никто не задерживал, не окрикивал, хотя и это не остановило бы её. Клара надеялась, что, выскочив наружу, свежий ветер выдует из нее всё что здесь было.

Ветер действительно был свежий, улица несколько часов назад битком набитая людьми сейчас почти полностью опустела. Тёмно-серые тучи словно одеялом укрывали собой солнце, не давая ему и шанса подогреть землю. Мало того, они судя по всему собирались охладить её чуть больше, потому что-то чёрное надвигалось прямо на Клару. Но она решила не останавливаться чтобы переждать ливень, который возможно и не пойдёт, отправилась домой. Добраться до спасительной квартиры, где как казалось уж точно отпустит это ощущение мерзости от самой себя, можно было примерно за час, и справившись где-то с третью пути Клару застал сильный дождь. Холодная вода сначала приятно остужала тело, но когда интенсивность ливня возросла, то ничего приятного в нём не осталось, одежда стала тяжелой, изнутри пробирает дрожь от холода, обувь издаёт противные звуки, а об общих ощущениях от мокрых туфель вообще лучше не думать. Но делать нечего — нужно идти. Переждать где-нибудь под подъездом уже бессмысленно, потому что Клара всё равно насквозь вымокла, да и холодно просто стоять на месте, поэтому она настойчиво шла к своей цели, до которой добралась даже чуть быстрее чем рассчитывала, хорошо, что в районе пяти утра никого на улице не было.

Тихонько, как она уже давно научилась, Клара открыла входную дверь чтобы никто не проснулся, запаха никакого в квартире не стояло, значит дома вчера никто не пил и надо осторожней пробираться к себе. В своей комнате Клара первым делом переоделась, перемена одежды сделала ей неожиданно приятно, она подумала, что уже давно вот этого не испытывала, когда, будучи замёрзшей и мокрой одеваешь свежие и сухие вещи. Сильная усталость буквально в тот же миг стала валить её с ног, но Клара решила перед сном посмотреть на своё отражение. В комнате не было большого зеркала, было маленькое косметическое и девушка с какой-то тревожностью, не понятно почему возникшей, ведь всё что там она увидит, она примерно знала, взглянула на себя.

Но на этот раз шарахнулась от своего отражения так, что чуть не выпустила из рук зеркальце, а когда поднесла второй раз, то уже рассмотрела внимательно: разорванный рот, очень глубоко, чуть ли не до ушей, глаза налиты кровью, а из носа стекает и повисает в воздухе что-то белое, Клара машинально вытерла над губой, но стекало только в отражении, а самое главное, что смотрела на неё не двадцати двухлетняя девушка, а глубокая морщинистая старуха, с редкими седыми волосами. Немного мурашек пробежало по её спине, и она, закрыв складное зеркало положила его на стол. Надо бы помыться, но тогда есть шанс разбудить родителей и нарваться на вопросы. Легла спать так.

Проснулась Клара только вечером. Голова тяжёлая, да и не хочет ни о чём думать, вся постель мокрая и ещё боль в горле противная и дерущая что-то там внутри, что никак не убрать, что только не делай и как не кашляй. Поднявшись она сразу почистила зубы и пошла на кухню ставить себе чай, без сахара, она считала это действенным лекарством при простудах. Мать ничего не сказала, видимо сегодня пила, в последнее время она перестала трогать Клару в таком своём состоянии, отец скорее всего уехал по делам.

Попила чаю, поела, что нашла в холодильнике и пошла курить. «Может не надо, пока горло болит», — мелькнуло в голове. «Уже так делала, ничего страшного», — успокоила её следующая мысль. Пару раз чиркнув зажигалкой Клара выдыхала длинный столб голубоватого дыма. Прокашлялась. Завтра на работу, а спать будет не хотеться, да и Иван опять начнёт бухтеть, а ещё денег вряд ли хватит до зарплаты. Оборвав этот круговорот бессмысленных думаний, она пошла домой, где из-за того, что состояние после курения стало резко хуже, измерила себе температуру. Тридцать восемь градусов. «Видимо заболела, ладно, пройдёт», — подумала Клара и включила компьютер, чтобы посмотреть что-нибудь, потому что спать совсем не хотелось.

06.2043

Ни на следующий день, ни даже к наступлению следующих выходных боли у Клары в горле никуда не делись, чай без сахара как единственное лекарство на этот раз «почему-то» абсолютно не помогал, как и курение, которое из-за болезни никто не собирался поубавить. Однако даже в плохом состоянии и с температурой Клара отработала два своих дня, постоянно на всём протяжении смен сглатывая слюну, каждый раз надеясь, что боль куда-то денется и теперь вот точно станет легче. Однако на выходных провалявшись два дня дома, стало очевидно, что к следующим сменам стало только хуже. К общей слабости и болям в горле прибавились ещё и какие-то тягучие боли в носу, без насморка, даже без заложенности, но отчётливо казалось, что он какой-то опухший, да и на голос это влияло. Ивану она ни о чём не говорила, даже плохое самочувствие старалась скрыть, но он всё равно будто бы что-то заметил, потому что немного шархнул, если так можно назвать его совсем легкий испуг, после того как увидел свою подчинённую. В итоге к исходу второй смены, когда часы на экране кассы писали «16:01», начальник спросил у неё:

— С тобой всё нормально? — это было не грубо, но точно не содержало какого-то сочувствия.

— Да, вроде, — ответила Клара искаженным, из-за гадкого ощущения в носу, голосом.

— Так сразу и не скажешь, — он помедлил, — я не буду допрашивать, что с тобой случилось, но сходи хотя бы в аптеку.

Сердце Клары встрепенулось, она подумала, что Иван как-то узнал о её пятничных злключениях, и сама того не осознавая, испуганно посмотрела на него, в голове прокручивая вариант за вариантом, откуда он мог выведать про тот бар и что там было.

— Пройдёт, — с улыбкой ответила Клара, пытаясь теперь делать вид, что не понимает о чём он.

— Зачем ждать, сходи купи себе какие-нибудь антибиотики, похоже, что это ангина, и фурацилин, чтобы промывать нос.

— А, ну да, — отлегло у неё, — я и хотела попроситься сбегать в аптеку.

— Ничего ты не хотела, — тут же посуровел Иван, — погода же нормальная, где ты заболела?

— Не знаю почему так, — Клара совсем не хотела продолжать разговор, но надо было хотя бы из вежливости, — вроде ничего не сделала чтобы заболеть.

— А курить не пробовала бросить, чтобы не заболеть?

— Я вроде не спрашивала, — вздохнула Клара и вернулась к коробкам в которых ковырялась.

— В общем сегодня в пять можешь уйти.

— Так Оля же тоже уходит в пять.

— Я побуду, ничего страшного.

Странный коктейль смешался в душе Клары, с одной стороны нужно поблагодарить заведующего за то, что отпустил пораньше, а с другой было немного противно, что он поучает её, хотя разница в возрасте у них не такая уж и большая, не больше лет пяти. Но всё-таки когда наступило заветное время, то закончив свои дела она попрощалась с Олей и с Иваном выскочив из магазина, и честно отправилась в аптеку. Что там покупать она знала, потому что когда болезнь не облегчилась за первые три дня Клара уже поставила диагноз себе по интернету, откуда выяснила, что у неё скорее всего ангина, которую нужно лечить антибиотиками, полосканием горла фурацилином и дополнительно не помешают какие-нибудь витамины, ну и к тому, что заведующий посоветовал промыть нос она тоже отнеслась вполне серьёзно, потому что боли в нём уже были не на шутку, причём они проявлялись только в момент разговора, и давали о себе забыть, когда молчишь, чем отнимали возможность хотя бы психологически подготовиться к тому, что сейчас будет больно.

Вот так Клара и не привыкла за прошедшие двое суток к новой особенности своего организма и когда приходилось общаться с покупателями, каждый раз чуть морщилась, как только открывала рот, вряд ли это кто-нибудь замечал, но главное, что замечала она сама и уже порядком замучалась. Поэтому буквально через несколько минут после преждевременного ухода с работы к антибиотикам и фурацилину был ещё докуплен шприц самого большого объема, правда всего лишь на двадцать миллилитров, для носа.

Перед тем как лечь спать она выполнила все процедуры, немного боялась, что желтая жидкость из шприца при промывании каким-то образом попадёт в мозг, ведь внутри её нос кажется распухшим и не найдя выхода фурацилин отправится прямо в череп. Чуть поговоривав себя Клара всё начала. Фурацилина в шприце становилось всё меньше, но он ниоткуда не вытекал, вроде бы это нормально, но уже страшно, только эти мысли блеснули, как через мгновение что-то начало попадать в рот, а что-то небольшими каплями падало в ванну. Когда содержимое шприца полностью вышло, Клара инстинктивно стала сморкаться, к тому же сделать это очень хотелось всё время промывки, и тогда из неё полетели неприятного вида вещи, судя по всему копившиеся в носу несколько дней, но сразу вместе с тем она испытала и некоторое облегчение, и на этом душевном подъеме начала промывать вторую ноздрю. Когда всё закончилось, то сразу отметила, что дышать стало лучше, сказала пару слов, чтобы понять, что говорить ещё пока было больно, но с утра она обязательно всё повторит, потому что похоже способ работает.

Однако долго радоваться не получилось, потому что стоило укрыться одеялом, как тело пробил гадкий озноб, который очевидно было ничем не остановить. Укутавшись с головой, Клара тряслась так, будто лежит не в кровати, а на снегу в зимнем поле, в одной майке и трусах как сейчас, и всё ещё тело откуда-то изнутри пробивает тридцатиградусный мороз, при этом, как на пироге, оставив на ней горячую корочку в виде кожи. Но всё-таки чуть ли

не чудом Клара провалилась в сон.

Пробудившись, первым делом она проглотила слюну, больно было до сих пор, хотя нос почти полностью прошёл, следующие два дня Клара сможет спокойно посидеть дома. «Хорошо, что денег хватило на лекарства, а то после гулянок уже почти ничего не осталось», — подумала про себя она и пошла завтракать, после этого отправилась покурить, потому что раньше она и просто так выздоравливала, а теперь можно и подавно, раз она принимает аж антибиотики.

Выходные неумолимо закончились, а боли в горле нет, с ними пришлось опять выходить на работу. Клару уже начали посещать мысли, что таблетки ей не помогают, но потом решила, что надо начинать беспокоиться только через несколько дней, после полного курса, а не в середине и на том, решила оборвать ход подобных мыслей. Зато смогла легко дышать и говорить не опасаясь, что сейчас станет неприятно, о чём с радостью сообщила Ивану, что «его» фурацилин помог. «Ну и хорошо», — то ли грустно, то ли вообще без каких-либо эмоций ответил Иван. Клара по этому поводу теперь уже не сильно расстраивалась, его грусть она списывала на то, что он просто немного нытик, хотя никогда от него не слышала жалоб на что-либо.

Здоровье тем не менее лучше не становилось, даже когда Клара пропила все нужные пилюли и честно по два раз в день прополоскала горло. В этот момент и начало портиться настроение, потому что помимо одной проблемы прибавилась и другая: каждый раз из каких угодно отверстий из Клара в туалете выходила вода, как подсказал интернет, из-за антибиотиков, там же, помучавшись несколько дней она узнала, что теперь ей нужно пропить курс пробиотиков, чтобы восстановить работу кишечника, хорошо, до зарплаты осталось буквально пару дней и она сможет себе купить что-нибудь из дешёвенького. Следующей мыслью в голову влетело что-то вроде, что если бы она не курила, то хватило бы на всё без проблем, по крайней мере из недорогих препаратов. Но очевидно, что если не курить, то и радоваться жизни не будешь, поэтому Клара сразу выбросила подобные глупости из головы.

Пробиотики помогли, но основная проблема никуда не девалась, а только усиливалась, теперь болело в лёгких, не сильно, но чувствовалось, да и кашель был не из тех, что легко переносятся, а постоянно доходило до ощущения, что изнутри кто-то поводит заострённым предметом, металлическим и ржавым. «Придётся идти в больницу», — смирилась со своей судьбой Клара, чтобы не брать талон к врачу в государственную, решила отжалеть на приём в платной клинике, потому что думала, что там уж точно от неё никто не отмахнется, не пропишет лекарств-пустышек и тому подобного. Клару не смутило множество плохих отзывов на клинику, да и она убедила себя, что другое ей не по карману, не смутило и расположение лечебницы в массиве многоэтажек, во внутреннем дворе в подвале, который, чтобы не использовать столь неприглядное слово называют цокольный этаж. Приключения начались с порога, потому что регистратор или администратор, Клара не смогла прочитать буквы на бейдже, ведь напечатаны они были на последнюю краску в принтере, сообщила ей:

— У доктора сейчас пациент, — сказала равнодушно дама в голубой маске на лице и такого же цвета чепчике из-под которого торчали жиденькие светлые волосы.

— Так я же записана на это время, — искренне не поняла Клара.

— Девушка, — женщина выдохнула, — я не знаю, кто вас записал, но у него занято, вас тут нет.

— А когда есть? — спросила Клара вместо того, чтобы уйти, вклеив в отзывах

очередную единицу.

Женщина опять выдохнула, будто в неё через какое-то скрытое от глаз отверстие постоянно поступал воздух.

— Ну вот, после человека, будете ждать?

— Да, — брови у Клары поднялись, потому что она не поняла весь предыдущий спектакль.

— Имя.

— Чащина Клара Алексеевна, одиннадцатого — десятого — двадцать первого.

— Мне это не надо, — почти с отвращением буркнула женщина.

«Не надо так не надо», — сказала Клара у себя внутри и уселась на примеченный ей маленький диван, а женщина с ресепшена спешно куда-то убежала, возможно на обед, который у неё, похоже, может быть любое количество раз в любое время.

После врача Клара вышла примерно с теми же знаниями, что и заходила к нему, разве что ей сообщили, что нужно ходить на какую-то там физиотерапию, она даже не запоминала, потому что знала, что никуда не пойдёт, дышать над травяными ваннами и приобрести гормональный препарат, название которого будет в заключении, обычном листе, который скорее всего, этот доктор даёт всем, кто ему попадает.

Покинув больницу, Клара покинули окончательно и остатки хорошего настроения, они будто провалились в какую-то пропасть в её душе, потому что горло болит, как его лечить не понятно, антибиотики пить второй раз страшно, да и деньги на них тратить жалко, потому что эти таблетки опять могут не помочь. Хорошо, что в такой ситуации всегда можно закурить, чтобы стало немного легче, что она и сделала.

Прошел первый месяц лета. Подходил к концу второй, Клара осознала, что почти не видит природы и всё время о чём-то переживает, точнее все её мысли мечутся только между тем, что она болеет и что у неё ни на что нет денег, точнее они есть, но любая покупка должна быть выверенной, а то можно и не уложиться в копеечную оплату своего труда. А ещё внезапно осознала, что подруги с той ночи ни разу ей звонили, возможно конечно у них дела, а возможно им теперь противно с ней общаться, чтобы это узнать, Клара сама написала Алине с предложением встретиться, а та без проблем согласилась и договорились в пятницу, тридцать первого июля. Когда все трое увиделись опять, то будто и не было никакого бара, никаких мужчин, все говорили о своих жизнях, больше всего как обычно рассказывала Алина, увлекаясь в своих рассказах, что у неё появился парень, но какая-то Маша сказала ей, что продавец это не её уровень, а ей нужен кто-то нормальный. Клара такое немного кольнуло, чего Алина не заметила ни во время рассказа, ни после, да и, наверное, никого оскорблять она не собиралась, поэтому и Клара небольшим усилием воли быстро всё забыла. К тому же становящийся всё хуже и хуже кашель не особо давал сконцентрироваться на своих мыслях. Разве что домой после встречи с подругами она зашла с каким-то тяжелым ощущением в душе.

Денег как обычно оставалось впритык, а до зарплаты ждать ещё две недели. За вечер Алина как обычно вытянула почти всю пачку сигарет, которые она сама никогда не покупает, так как «не курит, зачем ей», а теперь осталась последняя. Клара открыла окно в своей комнате, так как давно перестала стесняться и начала дымить в теплое предавгустовское небо. Всё-таки это хорошее ощущение лёгкости, наполненности, после чего-то алкогольного, проблемы в теле куда-то исчезают, давящие мысли как будто вытолкнуты в небытие. Подобное вертелось у Клары в голове, а тут ещё и последняя сигарета

романтично болталась в пачке.

Потом сидела в компьютере, что конечно же не способствовало тому, чтобы выспаться, да и опять насмотревшись на людей, которые живут полной жизнью посредством того, что пьют дорогой алкоголь, романтично курят ночью в дорогих машинах ей захотелось тоже, однако везде где можно было бы прикупить пачку уже было закрыто. Да и не за что покупать особо. Поэтому Клара пошла делать то, что уже делала не раз за последние пару лет — украсть пару сигарет у мамы, полазив по её вещам она ничего не нашла, но своим глазам не поверила и обыскала всё ещё раз, сигареты если и были, то очень хорошо спрятались. Но разве можно остановить человека, который действительно чего-то хочет. Клара пошла к себе в комнату, взяла тетрадный лист, оторвала от него бумаги примерно по размерам сигареты и обратила свой взор на пепельницу, которая самым подлым образом оказалась пуста. «Значит в мусорке», — озарила голову надежда. И правда в мусорном ведре, среди упаковок и объедков компактной кучкой лежали мамины окурки с тонкими фильтрами, на некоторых следы помады. Выбрав те, в которых табака осталось побольше Клара аккуратно собрала их в ладонь, а затем чуть ли не любуясь «бычками» стала высыпать на приготовленную ранее бумажку. Через несколько минут самодельная сигарета из, можно сказать, вторичных материалов была готова, Клара с ликующим сердцем отправилась к себе в комнату где с удовольствием затянулась, но удовольствие не длилось долго, потому что без фильтра сигарета очень быстро стала обжигать губы, а табак попадал в рот, что, впрочем, не стало поводом сдаваться и Клара выкурила своё изделие почти до самого основания.

Затушила окурочек, бросила в специальную бутылку, наполовину заполненную водой, в которой плавали чуть ли не обугленные фильтры, ведь Клара не была расточительной, поставила сосуд обратно на пол и поглядела в окно. Машинально облизнула губы, они оказались горькими, но кроме горькости на язык попал её какой-то омерзительный вкус, от которого Клара бессознательно отплюнулась, но в следующий миг, она чуть ли не рвотный рефлекс почувствовала, а в след за этим омерзение к самой себе, от того, что когда-то она была веселой, получала самые высокие оценки и почти ничего не боялась, кроме страшных масок, которых вообще-то и не бывает, а теперь лазит в мусорном ведре, чтобы собрать окурки. Алина, быстрее которой она как правило решала примеры по математике, пока понимала этот предмет, теперь говорит с ней свысока, а Диана смотрит словно с жалостью, но ей им даже противопоставить нечего, «Они правильно думают», — заключила из всего хода своих мыслей Клара. На глаза накатили слёзы, но не заплакалось, на душе и так стало полегче, будто только от глубокого выдоха.

С утра Клара опять купила сигарет, отдав деньги, хоть пол часа назад обещала не тратить на такое и испытала к себе прилив ненависти, от которого правда не выкинула пачку, а скурила её за пол дня, даже не спрашивая разрешения у Ивана на то, чтобы выходить. Тоже самое случилось и со следующей пачкой, правда на этот раз она чуть не потеряла сознание, зато в голове выкристаллизовалась мысль, что она точно хочет бросить курить, не когда-то потом и не когда будет удобный момент, а в самое ближайшее время, «шестого августа», — словно издала для самой себя закон, в котором отвела себе пять дней на курение. Алёна в магазине сразу же сказала, что у Клары не выйдет, но Клара только раззадорилась, потому что какой-то костёр злобы, в первую очередь направленный на себя, разгорелся в ней.

Неизбежно настало шестое августа, как раз Клара отработала два дня перед выходными, и это был последний день, в который она разрешала себе курить, но тут как раскатом грома

прозвучало, то, что её несколько раз уже останавливало или прерывало робкие попытки бросить: «Когда пьёшь, всегда хочется курить, без этого плохо». Клара как-то растерялась внутри себя, потому что раньше этого довода всегда хватало, чтобы если закурить не сейчас же, то в ближайшие сутки, ведь не бросать же пить. Но раскат кашля перекрыл те мысли, и она сказала себе: «Если чтобы не курить надо не пить, значит я никогда больше не буду пить», на этот раз всё было как-то иначе, это была не бравада и даже не взятие себя на слабо, это была усталость от болезней, проблем и безденежья, потому что на сигареты уходила пятая часть всех денег, а когда их еле хватает на основные нужды, то решение очевидно. К сожалению, не для всех.

Кларины сигареты закончились к десяти вечера, спать в такое время она уже давным-давно отвыкла, потому что только из магазина как правило приходила в одиннадцать, ела, мылась и засыпала только к часам двум, и не важно выходной завтра и к восьми утра. Из-за такого графика она возможно и поднабрала вес, ведь помимо очень поздних ужинов, на обеде она не упускала возможность съесть что-нибудь чуть ли не полностью состоящее из сахара. Поэтому внушительного роста девушка в последнее время стала ещё чуть больше, но не в высоту. Так или иначе, последний курительный день подходил к концу, сигарет нет, а хочется всё так же как раньше, тогда и мысль поступила такая же как раньше в таких ситуациях — украсть у мамы. Что Клара и сделала, свистнув три штуки. Одну выкурила сразу, ещё две осталось на потом, но расправиться с ними Клара собиралась до двенадцати ночи.

В правом нижнем углу монитора была написано «23:49», Клара выкуривала свою последнюю сигарету выдыхая дым в открытое окно, без оговорок, она точно последняя, она окончательно решила. Откуда-то из ночной темноты низкий голос заскрипел:

— Девушка.

Клара с высоты своего окна посмотрела вниз, во дворе освещения почему-то не было, мужчину бомжеватого вида делал видимым только свет из редких окон.

— Девушка, — сказал он ещё раз.

— Что? — ответила не очень громко Клара.

— Извините пожалуйста, у вас не найдётся для меня сигаретки?

— Сейчас, — громко шепнула она, сбегала на кухню, где на холодильнике лежала почти целая мамина пачка, после того как Клара вытянула из неё ещё три штуки, то осталась примерно половина.

«Заметно», — мелькнуло у Клары в голове, правда мать ей не предъявляла претензий за это ещё никогда, хотя точно замечала пропажи.

Клара выглянула в окно, мужчина послушно ждал, она бросила три белых палочки вниз, а он будто реагировал позже чем надо и смотрел на неё демонстрируя ей свой вариант страшной маски, хотя ничего необычного, черные провалы вместо глаз и отсутствие носа она уже видела не раз.

Подняв с земли сигареты, которые он не понятно каким вообще образом заметил, мужчина опять посмотрел на Клару, которая всё ещё торчала в оконном проёме, лицо его расплзлось в неестественно широкой улыбке, не в приветливой и благодарственной, а в такой, будто он что-то знал о ней. Клара на секунду допустила страх в своём сердце, но тут же его отбросила и закрыла окно. Почему-то ощутила чувство невероятной безопасности и захотела опять покурить, напоследок, по-нормальному, а то этот бомж помешал всё сделать «красиво», но и эту мысль тут же вышвырнула из головы.

«В детстве я не пила и не курила, и была счастливее всего», — подумала Клара и удивилась своему открытию, глянула на часы, время уже чуть перевалило за полночь, она почистила зубы и легла спать, с полным пониманием того, что завтра скорее всего будет очень тяжело, но сколько бы не было тяжело она будет терпеть, потому что знала: если ждать, что должно полегчать, то не полегчает никогда.

«Я принимаю, что мне всегда может хотеться курить, я буду терпеть всегда», — а потом подумала, что уж когда-нибудь это точно пройдёт, судя по интернету мучения будут длиться несколько месяцев, но и потом могут не пройти, только это не повод снова браться за сигареты. Просто не курить. Не ждать подъема настроения и новых запахов, как обещают мотиваторы бросания, а просто не курить, потому что это лето она только мучилась, да и предыдущие года не назвать счастливыми.

Первый раз за долгое время Клара засыпала почти счастливой.

08.2043

Первый день новой жизни прошёл совсем незаметно, как в тумане, часы текли неестественно быстро, дома Клара находилась одна, возможно поэтому и не заметила, как так случилось, что стоило ей поест с утра, немного погрузить днём, как уже настал вечер и можно было ложиться спать. Разве что от того, что она сегодня ходила лишь на кухню и в туалет, то спать не хотелось, хотя не хотелось не только спать, а вообще ничего. Даже мысли будто бы оставили Кларину голову. Уже лёжа в постели, она чуть встревожилась о том, что матери дома так и нет, но потом решила, что она как обычно у кого-нибудь из подруг и придёт или поздно ночью, или вообще завтра утром, успокоившись продолжила дальше водить глазами по фото и текстам в социальных сетях, особо не концентрируясь и не вникая в смысл написанного. Проваливаясь в сон Клара подумала о том, что терпеть без сигарет было довольно-таки легко, даже эта затуманенная голова не так страшна и довольно терпима.

Так выпало, что у Клары случилось сразу три выходных подряд, график составляют на месяц вперёд, поэтому она решила, что бросить именно в этот период будет проще, чем выйти на работу сразу же после такого судьбоносного решения. Второй день уже оказался не так лёгок: после пробуждения разболелась голова, а позавтракав она ощутила острое желание выкурить сигарету, такое же как чувствовала всегда ранее, и всегда сдавалась почти мгновенно, хотя целый день или даже два, иногда могла вытерпеть, но всё это держалось лишь на самообмане, внутри-то Клара знала, что нужно только лишь найти повод. Например, ссора с матерью подойдёт или малое количество денег на карте и то, и другое нетрудно было найти. На этот раз Клара быстро придушила желание, потому что решила не ждать когда полегчает, а терпеть хоть всю жизнь, но тут, так кстати, и в лёгких стало как-то просторно, и кашель вроде бы утихомирился и перестал истязать горло. «Одну сигарету в принципе можно», — вспыхнуло в мозгу, но Клара тут же затрясла головой так будто эти мысли могут вылететь через уши. К её собственному удивлению подействовало, желание растворилось.

Но зависимость не собиралась сдаваться так легко, к обеду сердце стало биться сильнее, а внутри, казалось саму душу наполняет что-то тяжелое, что заставляет бояться и тревожиться, а мысли о том, что надо только лишь покурить «и всё пройдёт, и будет хорошо, как раньше» становились всё назойливее, и не понятно отказ от вредной привычки или эти самые мысли стали причиной головокружения, из-за которого казалось, что мозги внутри

головы вращаются вокруг своей оси, а всё окружающее кажется не совсем реальным. Мать, действительно пришедшая с утра будто, чувствовала, что с дочерью что-то происходит и не приставала со своими расспросами, разве что разок предложила поесть, Клара по привычке отказалась.

К вечеру всё только усилилось, особенно головные боли, к которым добавились пессимистические настроения, они, захватив внутренний голос, твердили ей, что в жизни у неё больше не будет радости, что у неё не будет друзей, потому что больше им нечего с ней общаться, а даже если её куда-то и позовут, то она не сможет там пить и курить, а поэтому обречена на пожизненную зависть к тем, кто живёт полноценной жизнью, она же будет нищей и несчастной, а болеет она всё равно не из-за спиртного и сигарет, ведь все пьют и со всеми всё нормально, болеет она из-за дождя под который попала тогда пару месяцев назад. А между потоков мыслей наглый визг:

«Возьми у мамы сигарету, иди на улицу и всё станет хорошо», который в разных вариациях стал в голове повторяться без конца, лишь только болезненный кашель время от времени глушил эту волну, давая Кларе доли секунд, чтобы опомниться, и сказать уже самой себе, что выкурив сигарету, она захочет пива, выпив пива она захочет к подругам, с ними она может напиться и всё повторится заново. Если вчера засыпать было тяжело от того, что в организме было слишком много энергии, то сегодня сил не было совсем, не давали заснуть навязчивые мысли, боровшиеся друг с другом за то, кто будет владеть сознанием того тела, в котором шла их война. Только спустя часов пять лежания с закрытыми глазами, в середине ночи Клара вырубилась, напоследок подумав, что завтра будет только сложнее, но она будет терпеть, потому что это нормально, да и в интернете пишут, что могут мучиться и месяц, и год, а раз она пережила один день, то переживёт и второй.

Утром открыв глаза, спустя несколько мгновений, только осознав себя, Клара сразу же внутренне напряглась, словно мысленно приняла бойцовскую стойку, ожидая очередной атаки своей зависимости в виде депрессивного настроения и навязчивых мыслей, но почти ничего не произошло. Кто-то там внутри робко пропищал, что после еды неплохо было бы курнуть и на этом всё. Клара спокойно поела, спокойно уселась за компьютер, чтобы почитать что-нибудь интересное и умное, потому что надо бы пользоваться таким светлым настроением, правда ум вместе с мозгом всё ещё «вертелся» в голове, по крайней мере так убедительно казалось, но это лучше, чем вчерашнее отчаяние и уверенность в бессмысленности жизни. Вроде всё немного поутихло, но Клара сознательно оставляла внутреннее напряжение, чтобы быть готовой бороться последующие сутки.

Будильник, чтобы встать на работу, был установлен на более раннее время, так проще спокойно всё сделать, а не как обычно. Проснувшись Клара с трудом оторвала себя от раскладного дивана, решила заправить постель тут же, лишь отбросила мысли, которые твердили, что это действие лишнее, ведь вечером всё равно расстилать. Спокойно поела и отправилась на остановку, где оказалось, что ждать автобуса и не курить довольно-таки скучно, а скука — это отличный повод зависимости о себе напомнить, но вспоминая позавчерашние муки, Кларе уже было жалко перечёркивать те страдания, поэтому отделаться от навязчивых идей не оказалось трудным.

Зато трудности поджидали на самой работе, где сегодня помимо заведующего находилась ещё и Алёна, был бы только Иван, то всё прошло бы явно проще, потому что он не курит и не особо любит отпускать на перекуры раздражаясь или вздыхая каждый раз как в первый. Часов в одиннадцать Алёна сходила на перекур сама, посчитав, что раз Клара

занялась копошением в товаре, то её можно не отвлекать, так как она и не отвлечется, а вот когда стукнуло два часа завязался диалог:

— Ну что, пошли Клара, — подлетела с искренней улыбкой к ней напарница.

— Не, я не пойду, — так же улыбаясь вежливо ответила Клара.

— Чего это? Я нас уже отпросила у этого, — Алёна кивнула головой куда-то в бок.

— Пытаюсь бросить, я говорила, — скромная улыбка не сходила с Клариных уст.

— Ой, да ладно, тебе, пошли один раз сходишь, ничего страшного.

— Я уже четвёртый день терплю, не надо.

— Видишь, так что разок можно и терпи дальше, — теперь Алёнина улыбка преобразилась в ухмылку.

— Я не пойду короче, — ответила Клара глазами выискивая чем же заняться.

— Как хочешь, — сквозь смехок выпалила Алёна и ушла куда собиралась.

Клара несколько мгновений поборолась с чувством вины, но решив, что всё-таки собственное здоровье важнее, чем обида коллеги принялась за порядок внутри стола, который снова был первоначальном хаосе, но сейчас это Клару не злит, а только радуется, что есть чем заняться.

Второй рабочий день проходил помимо всегда присутствующего с понедельника по пятницу Ивана, с Олей, она не курила, поэтому соблазнять на плохие поступки Клару никто не пытался, чему та была рада и немного удивлена, но не сказать, что с положительной точки зрения, ведь в глубине души рассчитывала, что все заметят её борьбу, поддержат, похвалят. Вот только никто в упор не видит, что она перестала ходить на перекуры, возможно конечно все решили, что она не ходит только временно, пока её пробирает болезненный кашель, от которого высокая девушка время от времени сгибается пополам, прячась где-то в закутках стеллажей.

Если вчера Клара уходила пораньше, то сегодня уже она закрывала магазин, потому что работала до десяти. Выйдя на улицу сразу попала в толпу курящих работников гипермаркета из других магазинов, кого-то она знала, с ними кивком головы и еле заметным поднятием уголков губ поздоровалась, с большинством знакома не была. На секунду она почувствовала зависть к этим людям, ведь ей больше так нельзя, но стоило дойти до остановки как все плохие мысли растворились так же легко, как растворялся дым, который та толпа выдыхала из своих лёгких.

Клара села в автобус, он был будто из прошлого века, какой-то слишком старый, шумный и выцветший, внутри у каждого пассажира при себе страшная маска. «Что-то рано», — подумала она, прикинув, что сама пила ещё совсем недавно и наоборот все должны быть красивыми, не прошло по большому счёту и недели с последней пьянки. Не сильно углубляясь в раздумья, она пошла на одностоящее сиденье в самом начале автобуса. С этого места можно никого не видеть и смотреть в лобовое стекло. Когда садилась, мельком глянула в водительское зеркало, из него в ответ посмотрел озлобленный звериный взгляд, всё лицо в отражение не помещалось, но было очевидно, что оно тоже изуродовано, как и у каждого пассажира этого транспортного средства. «Это всё иллюзия» — пытаясь обуздать свою тревогу и страх напомнила себе Клара и поехала свои двадцать минут до дома.

Сойдя на остановке, она обратила внимание, что свет фонарей настолько тусклый и неестественно белый, что цвета растений и реклам на билбордах словно исчезли, всё напоминало фильм из середины двадцатого века. Опять захотелось залезть в карман, достать оттуда пачку и выдохнуть дым в прохладный воздух, но получилось удержаться. Подойдя к

дому Клара глянула в окно своей квартиры, как делала уже тысячи раз, в нём неяркими вспышками мелькал телевизор, это не вызвало никаких эмоций. Дверь была закрыта на замок, так что после того как она вошла внутрь вернула, всё как было, для этого заперла квартиру.

Из комнаты родителей на пол коридора лился слабый серый свет. Клара зачем-то стояла в дверном проёме, а не шла к себе в комнату как обычно. Оба родителя не обращали на неё никакого внимания и были полностью увлечены телевизором, их диван стоял не у самой стены, а зачем-то был немного отодвинут, где-то на метр, это пространство заполнила чернота, которой там быть не должно, так как на улице хоть и в пол силы, но горит фонарь, от него иногда даже шторами закрываются. Кларе, к её недоумению, захотелось посидеть вместе с родителями, она обошла мать глядя на её и рассматривая новый вариант уродства на её лице, села между родителями на диван и глянула на отца, который был со своим лицом, но смотрел на неё совершенно равнодушно, Клара чуть улыбнулась ему в ответ, но сказать что-либо была не в силах.

По телевизору показывали новости, но как сегодня вечером всё — были чёрно-белыми, или казались они такими только лишь Кларе, склонялась девушка ко второму варианту. После тирады ведущей, в которую не получилось вслушаться, потому что не получилось уловить смысл её слов, начался сюжет.

А в сюжете зима, но видимо температура плюсовая, между проплешинами грязного снега виднеется чёрная почва. Журналист шёл по кладбищу, Клара глянула за окно убедившись, что на деревьях ещё полно листвы и вернула своё внимание к телевизору. Молодой мужчина в, мягко говоря, немодной одежде проходил между могил рассказывая, что наркоторговцы уже не брезгуют ничем и в последнее время стали делать свои тёмные дела прямо здесь, потому что такие места находятся в отдалении от города не очень людные, да и с координатами можно не мучиться, в сообщении о закладке надо лишь написать фамилию и имя вместо сложных и не очень точных координат, и наркоман поймёт, что искать нужно именно там. Далее смысл вновь стал ускользать от Клары, хотя журналист говорил напористо, при этом в кадр попал могильный памятник какой-то женщины, на экране телевизора он всё увеличивался и увеличивался до тех пор, пока в изображение не стало помещаться лишь имя с датой жизни и смерти, а также лицо выгравированные на чёрном камне, и чем больше черноты было в телевизоре, тем больше её становилось в комнате. Кларе уже хотелось оторваться, но она не могла. Взгляд женщины умершей около сорока лет назад приковал её к дивану, и не давал даже посмотреть куда-то ещё кроме своих глаз, не то что уйти. Лицо с могильного камня будто дёрнулось, а губы растянулись в улыбке, в прямом смысле до ушей. Клара убеждала себя, что ей кажется, но скованная страхом смотрела, смотрела на то как со второй попытки глаза у могильного изображения забегали из стороны в сторону, а рот стал приоткрываться, челюсти делали подобные круговым движения, во рту болтался чёрный блестящий язык. Клара осознала, что ей что-то говорят, но слышать и слушать она этого совсем не хотела, она попыталась встать, однако руки, упёртые в диван были тяжелыми и будто чужими, так же и ноги не слушались её. Голос женщины был всё отчётливее и всё сильнее Клара слышала своё дыхание, потому что только это сейчас и получалось делать, портрет женщины расположился по центру экрана повторяя голосом больше похожим на какой-то духовой инструмент на низких нотах: «нельзя ...», «нельзя ...», тональность голоса перетекала в более высокую.

Сердце в груди у Клары готово было разорваться, она хотела кричать, но не могла,

только мычала, не думая о боли в горле. Голос окончательно стал надорванным высоким криком, повторявшим одно и то же слово: «НЕЛЬЗЯ» — высветилось на черно-белом экране, одновременно с этим пронзив виски Клары острой болью, после чего всё погасло, изображение стало просто чёрным, а Клара смогла вертеть шеей. В слабом свете комнаты повернулась к маме, но вместо её лица, к ней обращались всё та же женщина из телевизора, разве, что вместо рта и глаз были чёрные дыры, тогда машинально Клара повернулась к отцу, но и его лицо замена «она», кажется даже мычать уже было невозможно потому что горло окончательно село, но вдруг рот открылся и Клара заорала, но стало только хуже из неё рвался, мужской голос, и как бы громко не был её рёв, она слышала обращение того, что сидело на месте отца:

— Верни-и-ись, — протяжно орало «это», придавая чёрной дыре вместо рта форму улыбки, развёрнутой вниз.

Ледяной температуры рукой с длинными пальцами он взял её за шею, но не душил, только словно давал почувствовать холод, исходящий от него, придавил к дивану, на ноге же Клара почувствовала второе касание это была «мать», её рука скользила от ляжки к животу, пуговица на джинсах ловко расстегнулась, а мокрые, шершавые и холодные пальцы устремились в трусы. Клара, не понимая, что происходит и что она вообще делает, изо всех сил просто дёрнулась, испытав при этом чудовищную боль в каждой точке своего тела, что-то похожее на удар локтем об угол, но только везде и сразу. После вспышки боли она обнаружила себя уже стоящей на полу. «Надо выходить», — было первой её мыслью, но двери не оказалось на месте, а окно стало каким-то маленьким, через него даже голова не пролезет, зато два женских лица с чернотой вместо глаз и ртов возвышались над Кларой, а потом стали приближаться к ней протягивая руки заполняя воздух незнакомой до этого момента вонью, подобный запах Клара слышала от червей в банке, когда дед брал её на рыбалку. Она всё сильнее вжималась в стену, то что было отцом стало пытаться рвать на ней одежду, а «мать» упала на пол и схватила Клару за ноги резко куда-то потянув. Испуг, удар головой. Всё закончилось.

Клара стала слышать свой собственный крик от чего и пришла в сознание. Взгляд метался по комнате, часы показывают половину первого ночи, свет горит и цвета у всего нормальные, отец побледневший смотрит с расстояния нескольких метров на дочь, мать не менее растеряна, но будто инстинктивно спряталась за своего мужа, а Клара орёт криками продолжительностью в несколько секунд и смотрит на них. Постепенно приобретая дыхание и осознавая себя, интенсивность криков уменьшается и становятся они всё тише и тише, совсем скоро Клара просто сильно дышит, а потом без сил упирается о стену, точнее две, так как зажала себя в углу и медленно всем телом стекает по ним, не сводя глаз с родителей.

— Клара? — спросил отец.

Она молчала и только смотрела на него.

— Всё закончилось? — опять осторожно спросил отец.

Она кивнула.

— Мы не знали, что делать, сейчас будет врач, он частный, хорошо?

— Да, — хрипло сказала Клара став сильно дышать уже только носом.

Врач прибыл довольно скоро, он увёл Клару в её комнату и плотно закрыл за собой дверь, долго опрашивал о том, что случилось, при этом осматривал жилище девушки, от чего ей было не очень приятно, хотя конкретно сегодня даже было убрано, а не как в последнее время.

— А проблемы с алкоголем у вас были? — после ничего не значащих вопросов спросил доктор, сообщивший, что он психиатр.

— Да, думаю так сказать можно. — Клара отвечала без энтузиазма, потому что вообще не чувствовала в себе сил.

— Резко бросили дня три назад?

— Больше недели примерно уже прошло, курить бросила где-то неделю назад, — сказала она неточно, хотя помнила и дату и даже время последней сигареты.

— Ясно, и такое бывает, конечно утверждать не буду, но похоже на то, что называется в народе «поймала белку». Заболеваний психических нет?

— Нет, — ответила Клара, — отец говорит, что у деда была шизофрения, — добавила она позже, чуть ли не против своей воли.

— Понятно, но вы в это, видимо, не верите?

— Ничего такого не замечала.

— А дедушка ваш живой?

— Умер когда мне было девять лет.

— Да, ребёнком это трудно заметить, но знаете, дело это наследственное и опасное, вам лучше наблюдаться.

— А на работе это как-нибудь отразится?

— Если не лечиться — можно вообще никак в итоге не работать, — пожал плечами врач.

— Я подумаю, посмотрю за собой, у меня говорите была белая горячка?

— Думаю, что да.

— Родителям сообщите?

— Ну вы же уже не ребёнок, так что такого права у меня нет.

— Хорошо, спасибо тогда.

— До свидания, я оставлю вам визитки, обращайтесь пока не стало слишком поздно и то, что вы видели сегодня может стать вашей жизнью, может это была однократная вспышка, но если дело в шизофрении, то такое будет чаще и чаще, пока не поглотит ваше сознание полностью.

Клара вздохнула и только покивала в ответ, врач улыбнулся и вышел из её комнаты. Она внутренне немного напрягалась рассчитывая, что сейчас к ней с вопросами зайдут родители, но они или всё слышали, или всё поняли и решили сегодня не трогать дочь, дав ей спокойно заснуть. «Хорошо, что завтра выходной», — подумала Клара и провалилась в крепкий сон настолько, что с утра не услышала даже будильник. А когда вышла из своей комнаты, то увидела будто ещё не отошедшую от испуга мать:

— Как ты себя чувствуешь? — спросила вежливо она.

— Да в общем-то нормально.

— Может в больницу какую-то обратимся?

— Да какую больницу? — вспыхнула Клара сама не понимая от чего.

— Обычную, — тут же заорала мать. — Мне что ждать пока ты тут, — она имела ввиду сойдёшь с ума, но заменила его одним матерным словом, — совсем уже?

Клара ничего не отвечая сделала шаг назад и захлопнула дверь в свою комнату. Захотелось покурить, потому что сердце опять заколотилось от коктейля внутри состоящего из бушующей злобы в смеси с обидой. «Я не буду» — сказала она сама себе, а следом подумала, что неплохо бы поскорее выйти на работу, а не сидеть тут дома, там хоть и есть

Алёна с которой не очень комфортно, но вот такого точно нет.

09.2043

Утро обильно проливалось в Кларино окно солнечный свет, который хоть и сиял во всей яркости, но уже давал не очень много тепла. Девушка сидела на краю кровати внутри себя не в силах решить: ей лень вставать или просто нет сил после вчерашнего, да и сразу же вспомнилось о родителях, которым почему-то не хотелось показываться на глаза, но сообразила, что она так сидит уже далеко не одну минуту, а звуков извне почти никаких, то видимо и дома никого нет. Когда Клара всё же собралась и отправилась на кухню, чтобы и самой поесть, и что-нибудь приготовить на завтра, то внезапно осознала, что чувствует полноценное умиротворение. «Это может только казаться», — подумала она, тут же одёрнув себя от расслабления, которое могло случиться слишком рано, хотя такое всегда наступает после того как выплачешься или прокричишься, правда это умиротворение легко спутать с опустошением, и скорее именно оно и царило в душе Клары, так как та радовалась в первую очередь тому, что ничего не испытывает. Правда на душе хоть и было пусто, но точно не в меланхолическом смысле, после прошлой ночи всё казалось таким лёгким, простым, достаточно всего лишь не видеть тех галлюцинаций. В душе начинала шуметь далёкая как одинокая машина на пустой ночной трассе радость, потому что Кларе подумалось, что она как-то автоматически утром занялась тем, чем обычно занимается поздно вечером перед работой, откладывая рутинные дела в течение всех выходных на потом, на последний момент. А что-то заранее последний раз она делала в младшей школе. «Так как-то легче и приятнее», — мелькнуло в голове. Через менее чем десять минут макароны и три сосиски были готовы — обед для завтрашнего рабочего дня, а сегодня завтрак состоял из чая с тремя ложками сахара и трёх бутербродов, щедро укрытых маслом и колбасой.

Сегодняшний день напоминал сон. Всё казалось немного ненастоящим, на улице светило солнце, на некоторых деревьях пожелтело по несколько листьев, которые видимо из последних сил колыхались на фоне голубого безоблачного неба, но всё равно даже видя такое Кларе будто не хватало красок, будто она смотрела очень старое кино с не совсем точной цветопередачей. Не то чтобы это её как-то беспокоило, скорее даже в некоторой степени нравилось. Так как идти никуда не хотелось, то этот день она провела дома, вечером, когда пришла со своей работы мама она её не беспокоила, разве что тем, что внутренне дочь немного напряглась при звуке открывания замка в ожидании очередных выяснений отношений. Только засыпая Клара подумала, что даже её кашель куда-то запропастился, но, чтобы не сглазить, решила не радоваться и вообще об этом не думать, да и время довольно-таки позднее, а завтра снова на смену в магазин.

Два дня необходимо было отработать с Алёной, которая теперь тоже заболела и целый день кашляла, каждый раз исправно запшикивая горло чем-то мятым, запах этого средства можно было услышать с нескольких метров, правда, как недавно саму Клару, Алёну не останавливали неполадки со здоровьем от того, чтобы курить хотя бы поменьше, и она исправно бегала на все разрешённые перерывы. Две смены пролетели без чего-либо нового, Иван по-прежнему не замечал никаких изменений в Кларином поведении, да и вообще он как-то всё больше занят в бумагах и товаре.

— Он, короче, вроде хочет уходить, — сообщила как-то Кларе напарница, — а заведующей Оля будет, я вообще говорила с подругой, она сказала, что на моём месте написала бы заявление.

— Так ты же говорила, что не хотела бы становиться заведующей, график такой не любишь, — не поняла Алёниного недовольства Клара.

— Ну и что? Он мне даже не предложил, ну пусть сам тут всё ставит, — матом женщина объединила две части предложения, — буду я ещё за такие деньги тут.

— Это да, — с наигранным вздохом сказала Клара, потому что не сильно хотела продолжать разговор.

А не хотелось беседовать по такому поводу лишь потому, что и сама уже изрядно боролась со своей ленью, ведь особо не получалось с энтузиазмом выполнять свою работу за «эти деньги», но лениться было как-то не честно что ли, словно она тогда обманывала бы Ивана. Поэтому, когда лень начинала побеждать Клара открывала приложение по поиску работы и начинала просматривать вакансии, в львиной доле из них зарплату обещали больше на треть как минимум, поэтому она отвела себе срок до конца года, а потом она уходит, раз она уходит в январе или в феврале уж точно, то можно и поработать. «Что тут осталось, несколько месяцев», — говорила она себе.

Тягучими были не только рабочие дни, но и выходные тоже. Из-за того, что Алина и Диана работали пятидневки по восемь часов, а Клара посменно, то виделись они теперь крайне редко и выходные у третьей подруги проходили одинаково скучно, состояв из коротких прогулок, потому что без курения запала на долгую ходьбу хватало ненадолго. Иногда всё же желание подышать вспыхивает, но теперь без особых проблем тушится. Возможно без всяких сериалов или других видео в интернете его не возникало бы вовсе.

Так без особых событий всё тянулось до середины сентября, до тех пор, пока однажды утром, перед рабочим днём Клара, зайдя в ванную шархнула от собственного отражения, но отнюдь не от того, что увидела очередной вариант страшной маски, наоборот она увидела именно что своё лицо, ведь когда она пила, она могла лицезреть только красотку, которой не являлась, лишь иногда, на мгновения ей являлся урод. Спустя примерно сутки «урод» поселялся в зеркале примерно на месяц, каждый раз постепенно растворяясь день за днём, но видимо на этот раз что-то пошло не так.

Опёршись на раковину, на молодую девушку из отражения смотрела серьёзная женщина, лет на десять старше Клары, лицо которой было несколько круглее чем то, к чему она привыкла в своих воспоминаниях. Из-под майки так же торчала непривычно большая грудь, а руки будто бы слишком налились жидкостью, потрогала себя за живот, он, как и руки, будто опирался на умывальник, был непривычно мягким, даже казался чужим. Уже оторвавшись от зеркала она разглядывала свои ноги удивительным образом увеличившиеся в объеме, особенно ляжки, которые теперь плотно прилегали друг к другу. Отложив пока чистку зубов, она пошла к родителям в комнату, потому что там были весы, став на них Клара с равнодушием смотрела на цифры.

86,94.

«Чай сегодня пью без сахара», — грустно приказала себе девушка.

Всю жизнь Клара говорила всем, что весит где-то шестьдесят пять килограмм, так она и думала аж до этого момента, потом только осознала, что, наверное, набрала килограммы не вчера и ходит так довольно-таки давно, может поэтому и Иван стал какой-то слишком уж отчуждённый и всё, что он говорит ей в последние месяцы это: «Здрасьте», а иногда и просто кивает даже полностью, не поворачивая головы, не удосуживаясь взглянуть на неё. Так было и сегодня, когда Клара пришла на работу, переодевшись и войдя в магазин за несколько минут до начала рабочего дня она дежурно бодро поздоровалась с начальником,

он ответил не сразу, будучи погруженным в какие-то бумаги, но хоть с маленьким опозданием, а сказал себе под нос:

— Здравствуй, — Иван оторвал взгляд, от бумажек и непонятно чему обрадовался, — Клара.

— Что такое? — так же в ответ улыбаясь спросила она.

— Да не, ничего, Оля там говорила, что ты бросила курить получается? — не переставал улыбаться Иван, глядя на подчинённую снизу вверх.

— Вчера уже месяц как не курила.

— Ну это и видно, выглядишь уже сильно получше. — Иван вернулся к своим бумажкам.

— Ага, только раскабанела, — зачем-то сказала Клара и неожиданно для себя как-то пристыдилась.

— Да это вообще не важно, — улыбочивое лицо заведующего перетекало из радостного в обычное, но никакой агрессии или раздражительности в нём не просматривалось.

Казалось бы, что ничего такого мотивирующего или каких-то хвалебных од в свой адрес Клара не слышала, однако, то что её бросание кто-то отметил окрылило её на целый день, и даже на следующий хватило, а потом наступили выходные.

Как обычно, не зная куда себя деть от скуки и пересмотрев всё, что ей могло быть интересно, практически от безысходности она включала видео тех блогеров, что смотрела несколько лет назад и ей даже искренне нравилось, что они снимали: путешествия, дорогой отдых, дорогой алкоголь, намёки на употребление наркотиков, брендовые вещи, когда сумка — это полугодовой заработок Клары. Сейчас просмотр такого не вызывал совершенно никаких эмоций, скорее даже наоборот. На одном из видео блогерша рассказывала, что у неё была мечта сыграть свадьбу в Нью-Йорке, в рождество, потому что всё будет окружено «эстетикой старого фильма «Один Дома», я просто влюблена в этот город». Клара смотрела и видела фальшь, только не могла определиться в чём конкретно, в блаженном лице, которое изо всех сил изображает удовольствие, или в том, что кто-то её пытается убедить, что, живя в России всю жизнь чувствовал себя частью американского города. Города, который видел только на картинках, а теперь ходит по самым банальным туристическим местам и корчит из себя местного. «Только майки этой не хватает, ай лов ню-йорк», — пролетело у неё в голове. Клара протащила ползунок проигрывателя до конца строчки, которая показывает степень просмотренности, чтобы видео не рекомендовалось ей вновь, а потом и вовсе удалила его из истории просмотров. Тяжело вздохнула, потому что как-то и разозлилась, и будто выдохлась внутри, ещё не отдавая себе отчёт в том, что злит её не блогерша, а то что она сама была такой же жертвой иллюзий.

Выкуривая каждую сигарету, она представляла себя в каком-то музыкальном клипе, примерно тоже самое чувствовала и опустошая стаканы. Каждый раз с утра, когда голову разрывало похмелье она даже немного радовалась, что, хотя бы так принадлежит к миру крутых людей из крутых клипов и крутых фильмов с сериалами, ведь не раз бывало, что она смотрела сериал, название которого уже вылетело из головы, там человек, который якобы писатель, постоянно пил, менял сигареты во рту и женщин. «Вот это круто» — вертелось в голове у восемнадцатилетней Клары. В интернете появляется фильм с музыкантами, которые нравятся Кларе, например, о их закулисной жизни, самое большое наслаждение она получала от того, что в кадре постоянно стоит сигаретный дым, а музыканты до концертов, после, да и нередко во время, опустошают бутылки с дорогим виски, пивом, блюют на

сцене, а потом разъезжают на дорогущих машинах, в перерывах между крушением дорогих отелей. Глядя на счастье этих людей, она пыталась присоединиться к этому счастью единственным доступным ей способом, а именно с помощью сигарет, алкоголя и напускного равнодушия к своей судьбе, так она чувствовала призрачное счастье, как ей тогда казалось, просто-напросто путая его с эйфорией искусственно вызванной спиртом и никотином, или, как правило, их смесью.

Однако ни сейчас, ни тем более тогда она не могла понять, что раз она ищет счастья в копировании чужого поведения опять и опять, и становится всё несчастней, то возможно, поведение подобных людей копировать не стоит. Зато сейчас она себе в очередной раз повторила: «В детстве я была счастливее всего, а тогда я не пила и не курила».

После того как Клара изменила образ жизни, то неизбежно стало возвращаться то, что раньше преследовало её всегда, когда она переставала пить на более-менее длительный промежуток времени, а именно искаженные и ужасающие иллюзии, которые уродовали лица людей на самый различный манер. Такое её уже давно не пугало и почти стало фоном как городской шум или слабый ветерок. Однако если раньше она хоть и видела подобное постоянно, то это был один человек в толпе, а второго надо было поискать, теперь же в поле зрения всегда находились несколько масок, а каждый следующий день их будто становилось чуть больше. Чтобы не испытывать страха и не падать духом Клара пользовалась своей любимой техникой по убеждению себя в том, что ей всегда всё только кажется. Да и врач вот недавно подтверждал, что возможно это развивается шизофрения. «Если станет совсем страшно — пойду лечиться», — сказала она сама себе в очередное утро в автобусе, едущем до работы.

Масок неумолимо становилось всё больше, а их уродства были всё более изощренными, если раньше кожа меняла цвет на какой-нибудь бордовый, фиолетовый или что-нибудь из зелёной и коричневой гаммы, истончались зубы, краснели белки глаз, то теперь к этому добавились запахи, занимавшие не один метр вокруг того, кто их источал. Напоминали они смесь водочных паров, дерьма, гниения плоти, так ещё и на лицах стало появляться что-то подобное на плесень, в уголках глаз и губ, на лысинах мужчин, да и женщин тоже, потому что их волосы сильно редели. Поручни в транспорте вечно были замызганы следами крови и гноя, сочащегося из ранок и трофических язв, а ногти неизменно уничтожены грибком. Холода ещё не наступили, а Клара уже ездила в перчатках и совершенно не понимала, как кто-то берётся за это голыми руками, но потом напоминала себе, что «этого» не существует нигде кроме её воображения. Однако хоть всё было не по-настоящему, настроение портилось очень даже взаправду.

Однажды Иван заметил то ли растерянность, то ли грусть своей сотрудницы и спросил:

— Клара, у тебя как со здоровьем? А то ты какая-то кислая.

— Да нормально вроде, — не особо желая говорить ответила та.

— Ну смотри, если что, то я тебя отпущу.

— Так я же сегодня до конца.

— Это ничего страшного, — махнул Иван рукой, — скоро уже зарплата, не грусти. — улыбнулся он.

— Да что эта зарплата, только дали, а её уже не хватает, жалко конечно, что мы не родились в нормальной стране, таких проблем бы не было.

Иван издал какой-то странный звук, что-то среднее между кашляньем и хрюканьем.

— Не бывает нормальных стран, а там, где ты думаешь нормально, продавцы живут так

же, как и мы, хоть и денег у них больше. Относительно. — Доброе выражение лица не покидало заведующего.

— Ага, — поняв, что разговор идёт куда-то не туда Клара попыталась его закончить, но как-то неумело, — страшный запад загнивает и портит наш воздух, если бы не они — жили бы мы уже, не тужили.

— Ну сами молодцы конечно, да, но я и не о том, что есть какой-то абстрактный запад. Есть капиталюги, которые во всех странах мучают кого могут, в том числе и в своей, это если без подробностей.

— Зачем? — Клара хоть и не специально, но довольно-таки саркастично смотрела на своего начальника, думая, что он несёт какую-то чушь.

— Затем, чтобы нормально жить, а такие как ты жрали в коморке без окон и акции выискивали, а то без акций не хватит денег до следующей зарплаты. Ну это уже побочный эффект конечно.

Клара пожала плечами.

— «Капитал» даже я не понимаю, честно, но вот, например, «Здоровое Общество», ты почитай, — посоветовал ей Иван, — ты ж умная, ты должна такое знать.

— Обязательно, — ответила Клара и вернулась к работе, чтобы хотя бы так перестать поддерживать это стариковское брюзжание.

Но вечером всё же скачала посоветованную книжку на телефон, до тех пор, пока от усталости не начали слипаться глаза было даже интересно.

Правда на следующее утро всё улетучилось из головы. Ещё и вздремнулось в автобусе, чем сбило все настройки Клариного организма на сегодняшний день. Она опять ходила с грустным видом, чем спровоцировала Ивана снова заговорить с ней.

— Мы конечно с тобой не друзья, но можешь рассказать, что у тебя происходит?

— Да всё нормально, — стала отмахиваться Клара, — это я так.

— Тебя может тянет выпить или курнуть? — спокойно спросил Иван.

— А откуда вы знаете, что я не пила вчера, например?

— Видно по тебе, — всё так же невозмутимо отвечал он.

— В каком смысле видно? — уже немного заволновалась Клара.

— В таком, что лицо другое.

— Что вы имеете ввиду?

— Что рожа у тебя очень страшная становится и даже мерзкая и проходит это не сразу. — Ответил Иван так, что будто и сам пожалел, что начал.

Клара стояла, потеряв дар речи от того, что кто-то это видит тоже, однако потом одёрнула себя и сказала, что она просто всё неправильно трактует, да и видя, что Иван застеснялся, тоже решила не продолжать разговор.

— Я не имел ввиду, что ты страшная, если что, это у меня есть некоторая непереносимость пьяных просто.

— Из-за чего? — из вежливости спросила Клара.

— Не могу тебе так точно сказать, и кстати, Клара, можешь со мной говорить на «ты», раньше-то особо не приходилось много общаться, поэтому я не находил повода тебе предложить такое.

— Хорошо, только мне непривычно немного, — ответила она, а внутри как будто наступила весна, от чего именно Клара ещё не могла осознать.

— Ничего страшного, — чуть ли не любимая фраза начальника.

И они ещё беседовали время от времени в течение всего дня.

На эти выходные Клара уходила с необъяснимым воодушевлением. Лишь парой фраз перекинулась с Иваном, а уже казалось так, что у неё чуть ли не новый друг появился, который и абсолютно не пьёт, и практически ненавидит тех, кто любит приложиться к бутылке, потому что то, как он на неё смотрел пару месяцев назад ещё очень даже свежо в памяти. Даже ещё более помрачневший мир и ещё большее количество страшных масок не смогли сегодня уменьшить это поднятие духа. Теперь Клара ждала, когда закончатся выходные, чтобы поговорить с начальником о чём-нибудь. Ненависти к пьяным она конечно не испытывает, но похоже это первый человек, который видел смысл с ней общаться без спиртного.

«Зачем я верила во всякую фигню, придумывала какую-то чушь о том, как хочу жить, если похоже, что так никогда и не хотела» — думала она, глядя в окно автобуса, через которое из-за включенного в салоне света мало что было увидеть.

«Совсем перестало хотеться» — подумала Клара о курении. «Будто это не я тогда была».

11.2043

— Ну что, Клара, — заговорил с ней как-то по среди рабочего дня Иван, — совсем скоро я уйду, с первого декабря у вас тут будет хозяйничать Оля.

Клара с таким вариантом событий уже была знакома, хоть и только в виде слухов, но все же немного удивилась и сразу же спросила:

— А куда пойдёте-то?

— Я не знаю, как нормально описать, чтобы одним словом, ну в общем организаторская работа в какой-то степени, я же тоже заканчивал юрфак, и там такая работа, консультативная в какой-то мере, — Клара уже начинала улыбаться, глядя на него от этих речей вокруг да около, — ну не важно в общем.

— Так вы может меня заберёте с собой? Раз там нужно юридическое образование.

— Может и заберу, — вполне серьёзно ответил заведующий, — сам только посмотрю, что там да как.

— Кстати, — внезапно вспомнив начала Клара, — Алёна же дольше работает, почему не она заведующая? Она же может быть не очень довольна.

— Я знаю, но кто на что учился, — Иван пожал плечами, — точнее, кто как работал.

— Это да, — Клара театрально вздохнула, — в общем ещё две недели и вы — всё?

— Типа того.

Начальник ушёл по своим делам, а Клара осталась стоять на коленях пододвигая товар из закров стеллажей поближе к покупателям, скрупулёзно поправляя каждый крем, чтобы они обязательно стояли в идеальную линию.

Прошло три месяца с тех пор как она бросила свои вредные привычки, за этот период от какой-то тяги окончательно не осталось и следа, разве что по ночам она иногда просыпается с отчаянием в сердце от снов, в которых она сорвалась, и не что свалилась в прошлое, а докатилась до наркотиков, бывало даже, что некоторое время после того как проснётся не понимала, что всё происходило не на самом деле и ходила расстроенная лишь постепенно осознавая нереальность того, что «было» ночью. А теперь ещё и тот разговор с Иваном всплывал в памяти, что она становится очень страшной, после того как напьётся, возможно он имел ввиду что-то обтекаемое, ведь очевидно никто не красивеет от спиртного. Но вдруг

он видит тоже самое? Хотя это конечно очень сильно вряд ли. Лишь раз в жизни она сталкивалась с чем-то подобным, когда родители оставили её у кого-то из знакомых, там был мальчик, который тоже вроде видел страшные лица, или он имел ввиду какой-то фильм — сейчас уже и не вспомнить, или она вообще придумала этого мальчика, а потом ещё обманула бабушку и деда всеми эти рассказы, в общем лучше не обращать внимания на эти его слова и не фантазировать лишнего.

Однако просто отвлечься от таких размышлений было не так уж и легко, потому что при каждом новом выходе на улицу Клара могла видеть всё больше обладателей страшных масок, точнее уже было почти невозможно заметить человека без алкогольной отметины. Так же в глаза явно бросалось обилие мусора и прогрессирующая неопрятность всех окружающих. Даже мать Клары, которая раньше приличный кусок своего времени отводила внешности, теперь носила какую-то дешёвую куртку кислотного цвета с грязными затёртостями на груди, волосы она красить перестала в последние месяцы из-за чего на сантиметр-полтора уже отросли седые корни, а сама шевелюра заметно поредела.

Особенно Клара взволновалась, когда в эту армию живых мертвецов стали вливаться подростки, если ко взглядам полным отвращения и презрения, а у некоторых и ненависти от людей старше себя или примерно своего возраста она уже привыкла, то видеть такое на лице почти детском было особенно тяжело, да и что скрывать, страшно, потому что казалось, что ей стоит лишь неправильно вздохнуть и на неё нападёт эта разношёрстная стая школьников.

Вот так дорога до работы становилась каждый раз испытанием, а там теперь ещё и вечно недовольная изуродованная своим образом жизни Алёна от которой сбежать нельзя, с которой иногда приходилось быть по восемь, а то и по двенадцать часов, следовательно, и вести разговоры или как минимум что-то отвечать. Как-то Клара не могла найти свою кружку на обеде, и пошла спросить у напарницы не видела ли она где-нибудь её посуду.

— У меня в шкафике стоит, — раздраженно ответила Алёна.

Клара как обычно, не желая сразу же ругаться мгновенно задушила своё негодование, и вежливо спросила:

— Он открыт? — на лице её была лёгкая улыбка, — я заберу тогда?

— Да, — Алёна ругнулась, — сейчас отдам, господи, ты ничего другого взять не можешь? Какая-то, — тут напарница дала оценку Кларе, где назвала её сумасшедшей с помощью матерных выражений.

— Чего ты орёшь? — резко посерьёзнула Клара.

— Потому что ты, — «надоела» имела Алёна ввиду.

— Ничего, что это моя вещь и ты без проса взяла, скорее всего не помыла даже нормально, как обычно ты делаешь.

— Я чай пью, нормально я мою после него, что мне ещё мыть, как?

— Как, как? Нормально! — Клара развернулась и ушла, взяв пластиковый стакан из кулера.

— Ты курица длинная успокойся, — опять Алёна прибавила мат, — а то я тебя успокою.

Клара резко остановилась, и сама не поняла, как произнесла:

— Если ты не можешь прожить два дня чтобы не нажраться, это не я виновата, от тебя воняет, у тебя мерзкое, страшное рыло, ты жирная тупорылая сука, тупорылое быдло, которое везде лезет, иди лечись пока не поздно, пока не сдохла такой вот блевотиной, — она хотела сказать что-то ещё, но от злости мысли как выскочили из головы, наверное,

испугались своей хозяйки.

Алёна уставилась на Клару, а потом не теряя ошалевшего вида вернулась к работе будто бы ничего не было, Клара же всё-таки ушла по пути в кладовку-столовую пытаясь затушить пожар внезапно вспыхнувшей ярости.

Пока Клара ела, в комнатухе, заставленной от пола до потолка средствами гигиены, стиральными порошками, пивом и много чем ещё появилась её коллега, которая, не глядя на Клару прошла к своему шкафу, точнее шкафчику, он представлял из себя тонкостенный железный сейф сантиметров тридцать в ширину и сто восемьдесят в высоту, таких здесь было четыре, открыла его и достала Кларину кружку.

— Хочешь я помою? — спросила Алёна весьма вежливо.

— Я сама, — ответила Клара, испытывая неловкость, не понимая от чего.

— Хорошо, извини, это правда некрасиво, я в последнее время что-то без сил, а моя кружка такая корявая уже, ужас, а твоя всегда нормальная и шкафчик всегда открыт.

— Да ничего, — продолжала смущаться Клара, внутри ругая себя за это.

— Я действительно не могу и два дня прожить чтобы не нажраться, не знаю, что это такое, прихожу вечером и у меня просто разрывается голова, если я не выпью хотя бы чуть-чуть. А ты как, не бухаешь?

— Да уже три месяца и нормально.

— Не представляю даже как это ты так.

— Тяжелее всего было сначала, — расчувствовалась Клара, — у меня даже белка была, — сказала она и пожалела, поэтому сразу переключилась на другое, — а курить, наверное, вообще месяц где-то хотелось, а снится бывает и сейчас. Но я ещё не пожалела ни разу, что бросила, а у меня-то зависимость была приличная, я думаю ты несколько дней перетерпеть вполне в силах, а потом легче будет.

— Да, надо, — вздохнула Алёна и ушла.

До конца дня она была приторно вежливой и разговоры у двух девушек строились так будто они бесконечно друг друга уважают, возможно они конечно и не презирали одна другую, но такое общение тоже не отражало реального положения в их отношениях. Клара почувствовала облегчение когда рабочий день закончился. Правда завтра состоялся разговор с Иваном, эту смену они работали вдвоём, только Клара как обычно до десяти вечера.

— Клара, ну ты ж знаешь, что у нас тут звук записывается? — спросил заведующий. — Вчера просто система среагировала на маты, я послушал, можешь мне объяснить почему ты Алёне сказала именно то, что сказала?

— Что именно?

— Про то что у неё страшное рыло?

— Ну, — Кларе стало неловко, — я сильно разозлилась, если коротко.

— Просто такие нападки на внешность от тебя слышать весьма странно, ты обычно над покупателями не подтрунивала как тут бывает, даже Оля бывало говорила, что я гном, но не ты.

— А вы это специально что ли слушаете?

— Ну иногда Алёна ругнётся, тогда я обязан слушать и даже камеры смотреть, не было ли это при покупателях, вот так задумаешься, засидишься, а потом и про себя что-нибудь услышишь.

— Мне Алёна говорила, что микрофоны не работают, — с недоверием сказала Клара.

— А что я ей должен был сказать? — улыбнулся и пожал плечами Иван.

— Вы кстати про мою внешность не так давно сказали не особо лучше.

— Так уж мне виделось, что поделаешь.

— А что виделось? — сердце Клары начало работать чуть быстрее.

Иван серьёзно посмотрел на неё, взвешивая стоит ли ему описывать всю тогдашнюю картину, что он видел на протяжении уже более чем года.

— Смотря когда, — начал он, — если касаться последних времён, то я видел растрескавшиеся опухшие губы и такое же распухшее бордовое лицо, желтые заплывшие белки глаз, ну а потом ты стала исправляться.

Клара в ответ только молча смотрела на своего начальника.

— Что такое? — продолжил Иван, — знакомо? Ты же тоже всё это видишь, в частности видела и на Алёне.

— Я думала это у меня что-то с головой просто, — вышла Клара из небытия.

— Почему ты так решила вдруг, может с тобой-то всё и нормально?

— Я скорее поверю, что вы тоже, — она покрутила пальцем у виска.

Он куда-то пошёл, совсем скоро стало очевидно, что к выходу из магазина, не глядя на Клару сказал ей идти с ним. Стоя, так сказать, на пороге, подчинённая на голову выше своего босса, они смотрели на людей.

— Вон там стоит мужик, — он указал ладонью куда смотреть, — возле туалета, кого-то ждёт, у него куртка синяя с оранжевым, видишь?

— Да.

— Голова плешивая, с носа будто что-то вытекает, а руки как будто покрыты грибком, глаза отсюда не вижу, но кажется какие-то бесцветные, и кожа в освещении не понятно какая, я бы сказал, что ближе к серому.

Вместо ответа Клара просто уставилась на начальника, потому что всё описанное им видела сейчас и она. До этого момента будучи полностью уверенной, что кроме неё никто ничего не замечает, что аж какого-то мальчика она придумала в детстве от одиночества, теперь перед ней стоял мужчина немногим старше её, точно не придуманный.

— Меня вообще удивляет как с такими особенностями ты так упорно продолжала заниматься этим самоуничтожением.

— Я думала, что так и надо жить, потому что это так круто и весело.

— Человек сам ничего никогда не может подумать, в башку ему всё подселается откуда-то.

— Да, я и сама что-то подобное думала, почти уверена, что всё дела в клипах, фильмах, где люди пьют, колются и чуть ли не из-за этого круто живут. А вы что, никогда не пили, не курили?

— Никогда, но тоже не сказать, что это моя заслуга, я ещё с детства всё это стал ненавидеть.

— Из-за родителей?

— В том числе.

— А вы знаете ещё кого-нибудь, кто всё это видел бы, кроме меня?

— Да, такие знакомые у меня есть, теперь очевидно, что и тебя туда можно притянуть, не хотела бы ты узнать ещё пару людей?

— Я не против, у меня и раньше-то не особенно много друзей было, сейчас как бросила пить, так оставшиеся подруги постепенно исчезли, точнее они будут, если я их собирать буду.

— А так собираются без тебя? — видимо пошутил Иван.

— Может быть, — равнодушно ответила, пожав плечами Клара.

— Ладно, тогда как-нибудь возьму тебя с собой, но мы там не поболтать собираемся, там знаешь, спорт, всякое такое.

— Ну блин, — Клара задумалась, — я вообще не спортсменка.

— А очень на неё похожа по твоей антропометрии, сейчас правда немного подзапустила себя, да?

— Ага, лет десять назад. Но можно ещё спрощу? Как вы поняли, что я тоже что-то там вижу?

— Потому что ты особенно уродливая, ну по пьяни, и потому что, ты мучаешься всё время, вот Алёна целый день себя чувствует ничего, а ты буквально присмерти ходишь.

Возможно они так и говорили бы дальше, но Клару позвал кто-то из покупателей и хоть внутри она немного и испытывала раздражение, все же не дала волю этим чувствам, напомнив себе, что она на работе и никто из людей не должен думать удобно ли ей сейчас тратить на них время.

Зато чем дальше был этот разговор, тем больше Клара испытывала какое-то волнение, смешанное с эйфорией, особенно когда Иван ушёл, она уже чуть ли не улыбку стала сдерживать от непонятной радости. Был тут ещё человек, которого Клара никогда не видела в изуродованном состоянии, как раз следующих двух сменах с ней.

— Оля, а ты что, совсем не пьёшь? — спросила как-то Клара весьма неуклюже.

— Не то чтобы совсем, но да, редко, не особенно деньги на это есть, да и мне не нравится, а главное плоховато становится.

— В каком смысле?

— Ну голова как-то трещит сразу, давление повышается, вот я и не борщу с этим делом.

— А пьяные рожи тебя не раздражают?

— Да нет в общем-то.

— Да уж блин, жалко я так не могла когда-то, я тогда плохо выглядела очень, да?

— Когда ещё пила и курила? Ну конечно не блистала красотой, но и ничего такого.

Из этого стало очевидно, что ещё бывают люди, которые могут и не испытывать никакой зависимости, не видеть никаких страшных масок, как только Клара это поняла, то съехала на тему денег, честно признавшись в том, что не понимает, как Оля может жить на их зарплату, сама-то Клара, с родителями, а ей всё равно еле хватает, это при том, что она себе ничего не покупает особо.

— Ну я ж с мужем он, слава Богу, побольше меня зарабатывает, но тоже знаешь, не жируем, скидки, акции, так и выживаем, иногда в интернете чего-то заберём, если кто-то отдаёт, стол вот малому когда-то так и взяли.

— Да, интересно во сколько мы вообще обходимся магазину, — задалась риторическим вопросом Клара.

— Примерно в два процента, — спокойно сообщила Оля.

У Клары вырвался нервный смешок, а что-нибудь делать желание пропало совсем, хотя и так в последнее время ей было всё труднее заставлять себя работать, хождение за продуктами с калькулятором, чтобы не выйти за отведённую себе сумму, очень демотивировало. Она искренне надеялась, что когда бросит курить, то какие-то деньги высвободятся, но в стране случился экономический кризис, цены посотенно подросли процентов на двадцать-тридцать по сравнению с началом года, а зарплата не спешила за

ценами, да ещё и премии пропали. Пропали они не от того, что конкретный магазин под руководством Ивана плохо стал работать, а потому что как только план выполнялся на следующий месяц он становился больше, пока не дошёл до недостижимых значений, теперь вот можно разве что пожурить начальника точки, мол план никогда не выполняется.

Придя с работы Клара провела очередной вечер в приложении с вакансиями, но снова ничего не нашла такого, про что, уйди она туда, нельзя было бы сказать, что она не променяла шило на мыло.

12.2043

Первый день зимы прибыл в родной город Клары с полной программой, ещё ночью начав всё укрывать белым одеялом снега и остужать воздух до отрицательной температуры. С сегодняшнего дня в магазине больше не работает её начальник Иван, она даже немного радовалась, что он уходит в смену Алёны, а то как-то волнительно и стеснительно с ним прощаться, что-то говорить. С другой стороны, жаль, потому что последние рабочие смены с ним выдались спокойными, словно они давние друзья, Клара даже спросила начальника о его социальных сетях, на что он пролистал экран своего телефона из стороны в сторону продемонстрировав отсутствие подобных приложений. «Ничего, я до подросткового возраста тоже себе ничего принципиально не ставила», пошутила Клара. «Ну да», — усмехнувшись ответил ей тогда Иван.

Что сейчас радовало Клару, так это выхваченные ещё летом зимние ботинки, по большой скидке, и теперь ходить на работу было совсем не холодно, жаль только швы на куртке разошлись, она тоже была куплена летом, самая дешёвая какую только получилось отыскать. Ходить в «секонды» не хотелось на каком-то глубинном уровне, хотя там запросто можно было найти вещь куда качественнее, и, если совсем уж повезёт, дешевле, но Клара готова была что угодно штопать, чем купить кем-то ношеную одежду. К тому же в дешёвых вещах имелся ещё один плюс: именно на них можно было списывать полные отвращения, ненависти или насмешливости взгляды и выражения лиц прохожих, теперь уже каждый из которых обладал страшной маской.

«Страшная маска», — подумала про себя Клара, — «Я так говорю об этом с самого детства, ничего новенького не придумала, ну и ладно, реально же страшно».

Она уже практически не обращала внимания на ляпание дверей перед своим лицом, различную словесную грубость и толчки везде где только можно, в транспорте, на тротуаре, или даже в очереди где все, казалось бы, на общих правах, а всё равно кто-нибудь мог нагло встать перед ней. Спрашивать о чём-то подобных людей она не видела смысла, во-первых, а во-вторых немного побаивалась. Начались и очередные приступы агрессии родителей, которые вышли на новый уровень ненависти к собственному ребёнку, но его Клара прошла с куда большей лёгкостью чем раньше: уже не плакала, почти не злилась и не желала смерти ни себе, ни им, а просто как-то равнодушно грустила.

Так скудно на события и на деньги проходил последний месяц года, даже несмотря на то, что на работе аж сменился непосредственный начальник, сама суть работы никак не менялась, только график стал более размеренный, в нём Клара и Алёна работали чётко два через два дня, а если смена выпадала на выходной день, то проводили его в гордом одиночестве все четырнадцать часов работы магазина.

Всё могло вполне так и продолжаться, пока в один из вечеров под конец декабря, без предупредительных звонков под подъезд Клары на новой машине не приехала Алина.

Несколько месяцев они не виделись и даже в интернете не было отправлено ни одной скобки, а тут сразу так. Когда зазвонил телефон, и Клара увидела имя, то сама не поняла, чего немного разволновалась, от переживаний нехотя подняла трубку:

— Ну что ты там? — вместо приветствия произнесла Алина.

— Ничего, дома сижу, — ответила Клара голосом повыше и от того, казавшимся глупее.

— Так выходи, я приехала.

— Куда? — не сразу поняла Клара.

— В другую страну, — предложение Алина окончила с помощью мата, а потом резко продолжила, — стою уже около тебя, спускайся короче и возьми сиги.

— Я ж не курю уже давно, — Клара по привычке виновато улыбнулась в трубку.

— Ой, — снова вылетел мат, — точно, ну возьми у матери.

— Она сейчас дома, так что не буду, потерпишь, я сейчас выйду, — и положила трубку.

Накинув куртку на майку, в которой только ходила по дому, не завязывая шнурки на ботинках Клара спустилась вниз и села в машину. Время сегодняшнего дня уже выходило и поэтому всё возле подъезда обступила тьма, почему-то сегодня не работал фонарь, до сих пор исправно «дежуривший» и расталкивающий тьму вокруг себя каждую ночь. Алину Клара увидела только когда открыла дверь автомобиля и в салоне загорелся свет. На неё смотрела совсем не та девушка, которую она помнила, глаз просто не видно, там какая-то чернота, тоже самое во рту, зубы вроде есть, что-то там мелькает в бездонной дыре, а вроде и нет, на голове тут и там проплешины, кожа излишне сухая и чуть висит как у старухи, хотя им обеим по двадцать два года, длинные чёрные ногти блестят и не очень приятно для слуха стучат по рулю.

— Всё нормально? — спросила Алина на удивление никак не искаженным голосом.

— Ну да, — соврала Клара, — а что такое?

— Ты так вылупилась, — никак не закончила свою реплику подруга.

— Давно не видела просто.

Они отъехали к ближайшему магазину, где Алина купила себе сигарет и сейчас стояли около машины беседуя о всяком, точнее большую часть времени говорила не Клара, а только чередовала свои улыбки с киваниями, думая о том, чтобы поскорее оказаться дома. Вдруг, недорассказав очередную историю про очередных крутых знакомых, Алина словно что-то вспомнив, сказала:

— А, так я чего приехала, — она указывала на Клару пальцем, словно поучала, но это просто привычка, — у меня знакомые открывают ресторан, а ты же когда-то работала?

— Да, но я уже наработалась официанткой.

— А там такое и не надо, на официанток, они красивых набирают.

«Ну класс», — сказала внутри себя, немного обидевшись, Клара.

— Там короче нужно, — говорила Алина, — что-то типа завхоза, уборки организовывать после смен, чтобы было всё для мытья посуды там, форму работягам в чистоте содержать и так далее, не хочешь?

— Ну если график пять дней, то очень даже хочу, — ответила Клара ни на что не надеясь, так как знала, что её подруга может просто болтать.

— Да, пять дней, только денег очень много сразу не заплатят.

— А тут я, — засмеялась Клара, — очень много зарабатываю конечно же.

— Тогда запиши номерок и позвони поскорее, я сказала, что им как ты и надо, а то ты ж у нас аккуратистка, мне кажется справишься.

— Блин, — обрадовалась Клара, — обязательно позвоню, если не деньги, так хоть жить нормально можно, а то здесь приходишь в одиннадцать домой, ешь до часа ночи, я уже вон, — она похлопала себя по животу.

— Да, спортик тебе не помешает, — осмотрев подругу снизу доверху заключила Алина с искаженным лицом, но всё ещё сохранившая свою привлекательную для абсолютного большинства мужского пола фигуру.

Клара в очередной раз почувствовала укол обиды, но также чуть ли не автоматически пропустила его мимо себя, не дав этому чувству впитаться в сердце.

Когда Алина после третьей сигареты заявила, что ей уже стало плохо и «надо бы поехать домой», там у неё «как раз есть хороший вискарик», они и отправились по своим жилищам. Чувства у Клары после этой встречи были довольно смешанные, от чего-то она чувствовала усталость и какое-то опустошение, но зато была небольшая радость, ведь возможно будет другая работа.

На следующий же день она позвонила по номеру, взятому у Алины, там с ней довольно вежливо беседовали, а когда Клара спустя время сказала, от кого она, то тон стал совсем уж дружелюбным, и этим тоном ей объяснили, что открытие будет даже не в следующем месяце, а только когда-то весной, да и времени с ней встретиться лично сейчас нет, но через две-три недели всё можно будет. Стоило положить трубку как Клара почувствовала невероятное облегчение на душе и тут же запретила себе радоваться, чтобы вдруг не спугнуть эту возможность. Сразу же сообщила Оле, что возможно уйдёт весной, та вздохнула, но сказала: «А что делать?», и в общем-то дала Кларе добро увольняться когда будет нужно. Так они отработали январь, на последней неделе которого позвонил владелец ещё не открытого заведения и пригласил Клару на интервью в какой-нибудь будний день в ближайшее время, договорились на четвёртое февраля, как раз выходной у неё.

Само собеседование, как подумала потенциальная работница, будет проходить в уже почти завершённом зале ресторана, он был далеко не первым по счёту в этом помещении, и вот очередной бизнесмен решил попытать счастья. Добраться до потенциальной работы Клара могла за двадцать минут пешком. Пока шла, то думала, что не бывала здесь уже несколько лет, хотя это так близко к её дому, но то универ, то работа вечно располагались так, что она свои маршруты прокладывала в противоположную сторону.

Как ей и объясняли, она вошла в зал, где ещё копошились работники, расставляя мебель, поднялась во второй этаж, повернула на право «к окну», и открыла довольно пошарпанную дверь, но видимо чужаки здесь ходят не часто и менять её не целесообразно. За дверью располагался просторный кабинет с множеством столов занятых из которых было всего лишь два, за одним привычно ненавистно разглядывая Клару сидела женщина в страшной маске, за другим сидел мужчина лет пятидесяти с нормальным лицом. «Он как Оля», — подумала про себя Клара, посчитав, что изуродованное лицо своей сотрудницы мужчина не видит.

После различных этикетных моментов и непосредственных обязанностей Клары, которые как оказалось состоят в том, что по сути она будет здесь прачкой, уборщицей, и оператором посудомоек, ну и ещё «всякое», разговор зашёл о деньгах, Клара бесхитростно и честно назвала сумму, которую зарабатывает сейчас, на что мужчина предложил ей столько же.

— Зато работать по восемь часов и пять дней, обед всегда час, — сказал он словно знал куда давить.

Клара тогда и не подумала, что он очень даже мог знать, будучи предупреждённым Алиной где у её подруги слабые точки. Такое предложение по финансам Клару, мягко говоря не обрадовало, но внутренне она была готова ко всему, мужчина, заметив задумчивость на её лице добавил.

— Это же только на первое время, потом пойдут прибыли и будет больше.

— Хорошо, — ответила Клара, — я ещё не уволилась, на это нужно какое-то время.

— Ну за месяц справишься? — как-то незаметно он перешёл на «ты».

— Думаю — да, — не обращая внимания на это сближение сказала Клара.

— Хорошо, тогда будем ориентироваться, что первый рабочий день у тебя — первое марта, приходи сюда же с документами, — он смотрел на Клару, а потом сказал, — ладно, мне там ещё поработать надо.

— Да, понятно, первого марта, до свидания.

— Пока, приходи, — ответил он вежливо и пошёл садиться туда, где был, когда Клара к ним в кабинет вошла.

Только добравшись до дома Клара отловила в себе состояние счастья, возможно это лучший день за весь год, даже двигаться не хотелось, чтобы вдруг не сбить это состояние, но всё же стоять в коридоре нельзя, потому что так можно спровоцировать мать на разные вопросы, которые в итоге приведут к ссоре, поэтому она разделась и пошла к себе. «Месяц поработать там осталось, а потом пятидневка и почти никаких злобных людей», стоило включить компьютер, сесть на не очень удобный, но зато очень привычный стул, в котором «одним местом» уже была протёрта ткань обивки и поролон торчал как плоть из раны. Опять зазвонил телефон, только номер был неизвестный. Клара не отвечала в таких случаях, на этот раз поступила так же, но после перерыва в несколько секунд звонок раздался повторно, немного посмотрев в экран, тяжело вздохнув Клара подняла трубку.

— Да, — произнесла деловито она, вдруг там испугаются и перестанут.

— Здравствуй, Клара, — сказал знакомый, но ещё не узнанный голос.

— Здравствуйте.

— Ты меня похоже не узнала, тут еле-еле два месяца прошло, а уже забыла, — на том конце кто-то усмехнулся.

— А, — протянула, улыбаясь Клара, — Иван, это вы, точно.

— Может теперь богатый буду? — шутливо спросил он.

— Было бы неплохо, наверное, — всё так улыбалась в трубку Клара, — а чего звоните?

— По делу, — голос ещё не переставал быть преимущественно радостным, — надо было конечно заранее, но я что-то не сообразил и уже стою возле твоего дома, ты сможешь выйти? Если нет, то в другой раз.

— Блин, — Клара думала о том, как ей лень, — а по телефону нельзя? Ладно, — подумала, о том, что «он же ехал», — сейчас спущусь.

— Да, выходи если можно, — Иван проигнорировал вопрос про телефон.

— Всё, пару минут подождите.

Выскочить бесследно у Клары не вышло.

— Куда уже? — с явной претензией спросила мать.

— Надо на пару минут.

— Нормально не можешь сказать? — было видно, что она уже закипает.

— Какая тебе разница? — а вот Клара закипела уже.

— Раз спрашиваю значит есть разница! — заорала как обычно резко мать, — что ты

возомнила о себе?

Ничего не отвечая, Клара вышла из подъезда, у неё было несколько лестничных пролётов, чтобы успокоить в себе гнев, который разожгли словно сухую траву, с помощью единственной искры. Когда она подходила к Ивану, то внутри неё действовал яд впрыснутый недавно в самую душу, но всё же с улыбкой и делая вид, что всё хорошо она поздоровалась.

— Да, здравствуй, Клара, — опять сказал Иван, — по телефону я не хотел, поэтому так.

И он напомнил ей о их на разговоре на работе, который состоялся не так давно, где он сказал, что знает ещё несколько людей, которые тоже совсем не пьют и даже не курят и можно Клару подтянуть к ним, раз она уже столько времени остаётся в нормальном состоянии.

— Только есть одна загвоздка.

— Какая? — спросила Клара.

— Если ты придёшь, то уже нельзя будет уйти, ну тебе конечно никто ничего не сделает, но лучше оставаться с нами.

— Лучше я тогда совсем не пойду, а то будто криминал какой-то.

— Нет, криминала никакого, просто у нас закрытое сообщество так сказать, прийти можно только если тебя приведут и никому ничего не говорить про нашу «тусу», чтобы кто не надо туда не совался.

— Кто не надо — это алкаши? Так они вряд ли, и так не пойдут туда, где есть такие как мы, в последнее время мне уже страшно по улице ходить, каждый изуродованный.

— Да, я тоже вижу, это новенькое что-то и кажется, что теперь все каждый день пьют, ну я так вижу по своим знакомым.

— А вы знаете, чего Оля, например, ничего такого не видит?

— Так, ещё раз напоминаю: Клара, мы уже не на работе, да я и там не настаивал никогда, можешь уже со мной не на «вы». А про Олю, ну да, есть вот какое-то количество таких как мы, у которых имеются вот эти иллюзии, а есть такие как Оля у кого нет, их кстати не тянет и пить, не действует алкоголь вот так, зависимости не происходит.

— А вам, что, никогда не хотелось?

— Тебе, — поправил её Иван, — Что я там должен хотеть, быть как они? Я насмотрелся на это за своё детство, — после небольшой паузы он добавил, — меня вообще удивляет как ты так упорно пила.

— Потому что хотела себя чувствовать круто. Хорошо, что, хотя бы болеть начала тогда.

— И что, круто себя чувствовала?

— Только когда непосредственно пьёшь, хотя под конец уже даже этого не было, а так да, несколько минут явно не стоят мучений потом.

— Ладно, ты в общем не хочешь к нам, по крайней мере пока?

— Блин, — опять сказала Клара, — я просто не понимаю о чём вы, поэтому мне немного страшно.

— Как тебе сказать, чтобы суть передать и не передать, мы там типа спортом занимаемся, упражняем мозги, чтобы в итоге повлиять на наше общество, наверное, звучит слишком пафосно.

— А насколько я могу захотеть больше не приходить туда?

— Пока никто ещё не просился выйти, у нас даже есть одна участница как ты, и тоже кстати под два метра.

— А мне можно подумать и сообщить вам на этот номер?

— Можно, только не пиши так в открытую, я тебе вообще напишу сам, а ты уже там скажешь да или нет, но вопрос будет абсолютно не по теме.

— Да, давайте так, — всё ещё не могла начать говорить на «ты» Клара.

— Когда думаешь будешь знать?

— Завтра утром.

— Это во сколько?

— Встану в девять утра, если вообще конечно засну сегодня.

— Хорошо, я тогда пошёл, — он протянул ей руку так, как обычно прощаются мужчины.

Кларе от этого почему-то стало приятно, и она с радостью пожала её. Иван развернулся и ушёл.

Утром, в 9:01, ей пришло сообщение:

«Завтра работаешь?»

«Да» — ответила она, немного посомневавшись о том ли спрашивает её Иван, но всё же ответила твёрдо, так как накануне, после того как поднялась к себе долго думать не пришлось, она только представила, что может стать частью чего-то куда можно не каждому войти, где точно исключены страшные маски и даже возможно, что каждый видит их. Замечталась она и утром, но сильно уйти в свои мысли не успела так как раздался звонок, в котором Иван сообщил, что шестого марта он приедет к ней в гости вечером и они пойдут гулять, поспрашивал о новой работе, потому что Оля сказала ему о скором Кларином увольнении. Договорились, что примерно в восемь вечера он будет у неё.

Этот день кажется был радостнее предыдущего, не важно даже, что завтра на работу, как раз она напишет заявление на увольнение. Это конечно же и было сделано, оставалось доработать меньше месяца, до двадцать восьмого февраля, глянув в календарь Клара осознала, что будет воскресенье и ей там находиться одной, но это в общем-то ничего, ведь во вторник уже будет новая работа.

03.2044

Мать без особо восторга отнеслась к тому, что Клара уволилась с работы, на которой по её разумению хорошо платили, только каждый раз рассказывая подругам, мама почему-то называла сумму примерно на треть больше, чем реально получала её дочь, видимо настолько хотелось в это верить, что даже Клару однажды она пыталась убедить, что зарплата у той сильно больше. Точно так же, без особых переживаний, Клара смотрела на тихие истерики матери в течение последней февральской недели, тем временем наступила весна, первое марта выпало на вторник, когда у Клары и намечался первый рабочий день на новом месте.

Для весеннего дня было достаточно холодно, потому что мороз можно было почувствовать в собственном носу, а глаза немного слипались при моргании, такое бывает при температуре около двадцати пяти градусов ниже нуля, зато солнце заливало пустые улицы ярким золотым светом. Путь составлял не более двадцати минут, но Клара спешила, потому что не особенно хотела замерзнуть, да и её куртка явно была рассчитана на погоду потеплее. Вот уже и здание с рестораном показалось на горизонте, ещё немного и она уже внутри, скинув капюшон, который скрывал изрядно покрасневшие щеки она пошла на второй этаж, туда, где ранее проходило собеседование. Постучавшись в дверь, нажала на ручку, но оказалось, что ещё никого нет, Клара покорно стала ждать в коридоре, спустя минут десять появилась женщина, та же, что и в первый раз была в кабинете.

— Здравствуйте, — первой сказала Клара, хотя с детства помнит, что здороваются тот,

кто позже приходит в помещение.

— Здравствуйте, — небрежно и даже не глядя на неё ответила женщина. — Сейчас Владимир придёт, подождите здесь. — Во второй части голос её резко повежлевел.

— Хорошо, посижу если можно, — ответила Клара со своей привычной виноватой улыбкой, которой начинала раздражать уже даже саму себя.

Они вошли в офис, женщина ушла делать себе кофе в противоположный кабинет нигде не закрывая дверей, поэтому Клара внимательно рассматривала её, первое, что отметила, так это почти сошедшую с лица страшную маску, значит уже давно не пила, недели три как минимум, рост средний, на голову ниже Клары, довольно-таки большая грудь сияла в большом вырезе свитера, тёмные корни отросли на крашенных в рыжий цвет волосах, едва достающих до плеч. Женщина возвращалась на своё, видимо, рабочее место с кружкой над которой поднимался пар и всё так же ни одного взгляда не бросив на Клару. Она в свою очередь уже начала немного потеть и чувствовать как горит лицо после мороза. Уже половина десятого, а начальника всё нет, но прошло ещё пятнадцать минут, и он появился в дверях, со времён собеседования будто не изменился, когда он снял куртку Кларе показалось, что даже одежда на нём та же самая, а что ещё более комично — он так же не замечал свою новую сотрудницу.

Полный мужчина, с седыми короткостриженными, похоже под одну насадку волосами, открыл свой ноутбук, а потом внимательно обвёл глазами кабинет и только сейчас заметил за столом в нескольких метрах от себя постороннего человека.

— О! — воскликнул он, — ты уже пришла.

— Так вроде нужно было к девяти, — словно оправдывалась Клара.

— Да, всё правильно, это я, — он не закончил и махнул рукой.

— Ладно, пойдём к тебе, только оставь документы Милане, — он сделал паузу, — Васильевне, она тебя пока оформит, ты всё взяла?

— Да, трудовая, паспорт, диплом.

— Ну диплом не обязательно, — внесла замечание уже знакомым недовольным тоном Милана Васильевна.

— А мне говорили вроде бы, — пожав плечами, словно желая выглядеть глупее чем она есть, сказала Клара.

— Ладно, ничего страшного, — сказала женщина, легонько хлопая ладонью по столу, видимо указывая куда класть документы.

Они с новым начальником, пошли вниз.

— Ну ты очевидно заметила, что мы открываемся в десять, но, как и договаривались у тебя рабочий день с девяти до шести.

— Да, понятно, — отвечала Клара.

— Я просто сам уже устал всё заказывать сюда, ездить куда-то там, прав у тебя нет, я правильно помню?

— Да.

— А планируешь?

— Может быть, — ответила Клара, зная, что точно не собирается этим заниматься, во-первых, нет денег, во-вторых ей как-то страшно представлять себя на месте водителя.

— Правильно, а то тут иногда машина бывает нужна, пока ещё я поезжу.

Они двигались по пока ещё пустому залу, подошли к барной стойке и оказалось, что часть её открывается как какая-то калитка в деревянном заборе, свернули направо и там

скрывалась дверь ведущая как раз таки в Кларин «кабинет», представший сейчас перед ней во всей красе: сверху белым светом всё заливали светодиодные трубки, одна из которых слабенько мигала, но заметить это можно было только если на неё смотреть, стены окрашены светло-зелёным пастельным цветом, пару стеллажей с папками, наверное оставшимися от прошлых арендаторов, древний, уже чуть покосившийся стол, а над ним окно размерами примерно пол метра в длину и тридцать сантиметров в высоту, самый обычный офисный стул и старый линолеум на полу, а главное вездесущая пыль заботливо накрывшая всё собой.

— Ё-моё, — сказал мужчина и хлопнул себя по животу, — компьютер дома забыл, хотя сегодня и не надо он тебе.

— Я кстати не сказать, чтобы на сто процентов понимаю, что мне вообще делать.

— Смотри, дело какое, тебе будут давать списки, ты по ним заказываешь продукты, специи там, посуду, моющие средства, всякую утварь, если где-то что-то сломалась, можешь сама чинить, можешь мастера вызвать, я вообще думал мы с тобой об этом беседовали.

— Ну слишком в общих чертах.

— А теперь понятнее?

— Примерно да, мне будут давать списки, я заказываю, слежу за состоянием всего.

— А ещё поглядывай иногда, чтобы ничего не делали из просрочки, как раз ты приходишь на час раньше открытия и никому не будешь мешать.

— Можно это куда-то записать? — Клара стала оглядываться в поисках бумажки и ручки.

— Да что там записывать, так запомнишь, вообще первое время я тебе буду помогать, сегодня в принципе ничего делать не придётся, хочешь пошли у нас посидишь, а хочешь отпустим тебя, этот день кстати считается уже за рабочий.

— А будет у вас какая-нибудь метёлка или щётка, я приберусь здесь.

— Ну, — мужчина поджал губы и покивал головой, — тоже правильно, пойдём дам тебе.

Они вернулись на второй этаж, где Клара получила всё для уборки, причём, когда они выходили в зале уже копошился персонал, ведь совсем скоро ресторан начинал свою работу.

— Чуть не забыл, — сказала начальник Владимир, — там же помнишь дверь, — он порывлся по карманам, потом пошёл к куртке и стал хлопать везде по ней, — вот ключи от неё, ты можешь не через зал ходить в туалет, а там второй выход.

— Да, хорошо, — сообразив, что «можешь», это значит «желательно».

Несколько часов ушло на уборку, а потом сдав щётку с совком на второй этаж Клара отправилась домой, куда и попала где-то около трёх часов дня.

— Что уже всё? — спросила выбежавшая в коридор мать.

— Ну на первый день да, — ответила Клара весело и вежливо, потому что заметила не глядя, только по голосу, что мать сегодня ещё не пила.

— Так что это за работа такая? — теперь она говорила с явным недовольством, — в два часа дома, это что каждый день так будет?

— Да, каждый день, — начинала злиться Клара.

— Господи, — мать вскинула руки, а потом бросила словно их покинули силы, — тебе уже слово нельзя сказать, чего ты психованная такая?

На это Клара ничего не отвечала, а просто отправилась к себе в комнату выслушивая в спину, что её мать «так разговаривать со своей мамой» до сих пор себе не позволяет, на что

Клара в уме заметила, что она вообще с ней никак не разговаривает, хотя они живут в одном городе, но общаются исключительно телефону, да и то, мягко говоря, происходит не часто, последний раз она видела свою бабушку по маминой линии в шестнадцать лет на каком-то празднике, где поприсутствовала чисто символически не более часа. Мать тем не менее не успокаивалась, и уже влетела в комнату дочери.

— Сука ты, ненавидишь меня, — мать ударила сидящую за компьютером дочь в спину, — что я тебе сделала, сука ты конченная, — удары посыпались один за одним, но Клара сидела не реагируя, словно превратилась в каменную статую.

Наколотившись, мать вылетела. Клара, выпуская вздохи один за одним чувствовала болезненное жжение на спине, так же как и щёки тоже что-то жгло, но не от ударов.

Третьего марта уже был настоящий рабочий день, который к радости своей матери Клара трудилась до конца, в этот раз начальник не забыл компьютер, на котором нужно было не только делать заказы продуктов и всякой разной утвари, но и управлять камерами, включать их, когда приходишь и ставить таймер, когда выключить при уходе, ведь заведение работает до одиннадцати, а Клара до шести. В принципе ничего сложного, а тут ещё и пообещали, что «такая» зарплата у Клары будет не всегда, так что домой она сегодня возвращалась в хорошем настроении, сегодня его даже мать решила не портить и она, хоть и напилась к вечеру, никаких претензий к дочери не имела. К концу недели Клара чуть ли не гармонию какую-то обрела, потому что стала высыпаться, больше не приходилось есть на ночь, потому дома она была уже половине седьмого, дни каждый раз становились длиннее и светлее. А ещё неизбежно наступало шестое марта, когда должен появиться Иван.

Вот и вся первая неделя уже была отработала, в восемь часов должен прийти начальник с прежнего места работы, правда, как он придёт он совсем не объяснял, в домофон что ли позвонит, почему бы, в принципе, и нет. Без пятнадцати восемь, случайно глядя в окно Клара заметила знакомую фигуру, в том, кто это такой у неё сомнений не было, поэтому она пошла одеваться, услышав шорканье одежды в коридоре появилась мать, Кларе одной секунды хватило для того чтобы понять — трезвая, хотя в последнее время это было мало лучше пьяной, ведь мать в этом состоянии чуть ли не всегда была раздражительной и злой.

— Куда ты собираешься? — спросила она Клару.

— Да так, — сама особо не понимая куда идёт сообщила та. — Я скорее всего не долго.

— А нормально ответить можно?

— Ну, потому что долго объяснять, — вежливо ответила Клара и тяжело вздохнула.

— А я никуда и не спешу.

— А я спешу, — Клара повернулась, чтобы пойти обуться, и даже не заметила, как мать рванула к дверям, повернула ключ в верхнем замке и вытащив его положила к себе в карман.

— Куда ты идёшь? — чётко выговаривая каждое слово снова спросила мать.

Клара же в свою очередь просто смотрела на неё, не в силах ничего произнести от обиды, злости и собственной непредусмотрительности, правда раньше и таких фокусов не было. Уже не особо отдавая себе отчёт в том, что она делает, она пошла отбирать у матери ключи, думая о том, что ещё чуть-чуть и опоздает, не успев к оговоренному времени, однако мать не дрогнула и сначала просто отталкивала дочь, а потом ударила по лицу, что не сильно помогло против Клары, которая была чуть выше и точно сильнее физически. Тогда дочь получила от матери плевков в лицо. Пока Клара рукавом стирала нечто мерзкое, почти вызвавшее у неё рвоту, мать убежала в комнату, в которой заперлась и очень громко включила телевизор, Клара же побежала в свою комнату посмотреть ждёт ли её там Иван, а

он всё так же невозмутимо ходил туда-сюда, тогда она стала звонить на известный ей номер, чтобы сообщить о таких форс-мажорных обстоятельствах, однако Иван или игнорировал звонки, или вообще не брал с собой телефон. Она стояла у окна не зная, что делать, подумала открыть и крикнуть ему, но это может услышать мать, а ей теперь вдвойне не хотелось, чтобы она узнала что-то о её делах.

Клара надеялась, что Иван хотя бы начнёт поглядывать на её окно, а потом подумала, что он скорее всего сейчас очень злится, прямо как при опозданиях в магазине и ждёт только потому что договорился, а уйдёт через час или пол часа максимум. Часы сообщали, что уже половина девятого, сердце Клары колотилось, в девять часов ей хотелось, чтобы Иван уже ушёл, но он ждал, а спустя ещё пол часа случилось настоящее чудо — Клара услышала, как дверь открывается, с другой стороны. «Отец», — мелькнуло у неё в голове, она побежала в коридор, на этот раз первым делом обувшись, и уже в обуви схватила свою куртку, стоило отцу открыть дверь как его дочь ничего не объясняя выбежала в подъезд и полетела вниз, он кажется и понять ничего не успел, потому ничего и не спрашивал. В прыжке Клара пересекала лестничные пролёты, но за это время успела представить, как именно сейчас Иван уходит, и сделав о ней выводы, больше ей уже таких предложений предоставлять не будет, но открыв металлическую дверь под характерный писк замка увидела своего доброго знакомого, который раздалбливал носком ботинка лёд и тем самым вычистил перед собой немалую площадку.

— Я не специально, — запыхиваясь начала Клара, — у меня забрали ключ от двери.

— Кто забрал? — очень спокойно начал Иван, чем немного сбил Клару с толку, она почему-то ждала какой-то истерики.

— Там у меня дома, можно я не буду объяснять, а то я не знаю, как это понятно сказать.

— Если не знаешь, то с начала и по порядку.

— Мать почему-то не хотела меня пускать.

— Понятно, Клара, а телефон у тебя с собой есть?

— Блин, — она похлопала себя по карманам и уже почти ломанулась обратно, — дома, наверное.

— Стой, — строго сказала Иван, — он и не нужен, вообще надо было тебе сказать, что ничего электронного мы с собой не берём, ни телефоны, ни часы, ничего.

— А часов у меня и так нет.

— Тогда пойдём, я обещал, что будем к девяти, а уже скоро десять.

— Вы уверены, что нас там ещё будут ждать?

— Там все будут до первых автобусов, до пяти утра. В Дубовское, точнее даже немного дальше.

— Ого, но вы кажется собираетесь не в ту сторону, — неуверенно подметила Клара.

— Я собираюсь туда пройти, не попав ни в одну камеру, если ты знаешь пути без камер лучше — можешь меня провести.

— Не знаю, — ответила Клара, — пойдёмте.

— И ещё, не вы, а ты, мы уже не в магазине.

— Может всё-таки на транспорте?

— Клара тут всего лишь шесть километров, это не более часа ходьбы, или ты на работе устала?

— Я пока там вообще не устаю, после магазина всё сильно легче.

— Ну это хорошо, — ответил Иван.

— Я думала вы будете злиться.

— Ну я обкакался с телефоном, с тем, что не сказал тебе сразу не брать его. А ты с тем, чтобы вовремя прийти, так что один-один, ничего страшного, только заведи себе вторые ключи, личные.

— Я как-то хотела, а потом подумала, что у нас запасной всегда там можно в двери найти, да и я, когда прихожу, всегда кто-то дома есть, так и забила.

— А получилось вот как. Не волнуешься?

— Если только не понимаю ничего, а так кажется нормально. А можете... можешь сказать почему оттуда на транспорте можно, а вперёд нельзя?

— Да можно было бы и туда на транспорте, в пригородных база оплат больше суток не хранится, но вот покажу тебе хотя бы твой район, где можешь ходить, а никто об этом и не узнает.

— К чему вся эта секретность? Не пить у нас вроде законом не запрещено, — спросила Клара.

— А зачем лишний раз палиться, так сказать, так никто не знает, что мы там и кто.

— Понятно, — сказала Клара, хотя поняла она лишь то, что ей на вопрос так и не ответили.

Тем временем мужчина и девушка уже давно покинули Кларин район, теперь шли в местах для неё знакомых, но всё же больше чужих, потому что сюда ходить раньше ей не было никакой нужды, где-то вдаль краснело тонкой полоской небо, а черной полосой потолще стоял лес, Иван сообщил, что ещё пол часа или сорок минут и они будут на месте.

Пока они добирались Клара рассмотрела на своём бывшем начальнике одежду от брендов, названий которых ей ещё не встречались, но почему-то она понимала, что всё это стоит не дешево, хотя сколько именно, даже и предположить не могла, просто чувствовала. Даже обувь выглядела абсолютно новой, будто купленной только сегодня, не выдержав она спросила Ивана об этом. Он без заминок ответил, что не такое уж всё и новое, просто стоит денег, он, мол уже когда-то накупался дешевого, а потом этих вещей хватает всего лишь на несколько раз, так и эти разы какое-то мучение и унижение только испытываешь. Вот в последнее время он покупает вещи от настоящих производителей, а так как эти шмотки чуть ли не спортивные, то они не такие уж и дорогие, особенно если ждать скидок, которые всегда происходят.

Часть пути проходила вдоль городской кольцевой дороги, но и она осталась позади, теперь Иван и Клара двигались по краю деревни Дубовское.

— Нам туда, — Иван указал на здание до которого оставалось несколько сотен метров.

Одиноко, под самым лесом и в отдалении от деревни стояло продолговатое строение, даже в свете луны можно было рассмотреть, что оконные проёмы заложены кирпичом, а кривые металлические ворота, цвет которых сейчас не получалось определить казались наглухо закрытыми, лишь на самом верху кровли, в отверстиях где когда-то было остекление, как-то неявственно и еле заметно мерцал оранжевый свет, настолько слабо, что издали Клара подумала, будто это только кажется, да и откуда там какое-то освещение.

03.2044 (2)

Клара и Иван двигались вдоль стен того самого здания, которое виднелось вдаль ещё несколько минут назад, бывший Кларин начальник уверенным шагом шёл первым по потрескавшейся бетонной отмостке, бывшая подчинённая старалась не отставать и

выбросить из головы мысли о мёрзнущих и мокрых из-за влажной травы и дырявой обуви ногах. Клара предполагала, что они будут заходить через огромные ворота, но вход оказался с другой стороны, когда они добрались до металлической двери, Иван, ничего не объясняя как-то очень медленно и равномерно потянул за вспотевшую от ночного перепада температуры ручку двери, наверное, не хотел наделать шума, зашёл сам и ладонью позвал Клару за собой. Они оказались внутри, пока Клара осматривалась, дверь за ней очень тихо закрылась. Иван неспешно куда-то пошёл, а Клара не могла сдвинуться с места всерьёз задумавшись над тем не спит ли она, потому что первое, что бросилось ей в глаза это стол, пространство вокруг которого заливают почти красным светом несколько свечей, сколько именно, отсюда не видно. За столом сидят трое человек, всё это на расстоянии метров в пятьдесят от неё, хотя снаружи казалось, что во всём этом здании не наберётся такой длины. Не уступала в шокировании Клариною восприятия и высота помещения, потому что до потолка было около полутора десятка метров, навскидку конечно же. Пока Клара не понимала, как такое возможно, Иван уже преодолел половину пути до стола, только сейчас заметив, что за ним никто не идёт, обернулся и качнул головой, как бы призывая её следовать за собой. Клара как очнувшись пошла быстрым шагом, а когда нагнала своего путеводителя по этому странному месту, то не поняла: то ли свечи давали такой эффект, то ли у Клары просто помутнилось сознание, только немного иначе, но Иван вроде бы и сохранил все свои черты, однако точно был сейчас каким-то другим человеком, лицо стало неестественно симметричным, неестественно красивым, расслабленным, взгляд гипнотизировал своей глубиной, он молчал, она молчала тоже, зато чем ближе они подходили к столу, тем отчётливее становилась речь сидящих за ним. Когда двое «новичков» подошли, то на них никто не обращал внимания, так же и Иван не спешил усаживаться, словно давая Кларе рассмотреть каждого, да и каждый, казалось, что был не против.

Первым взгляд упал на человека, который больше напоминал какую-то картинку, поэтому безупречностью внешности сейчас Клару даже немного пугал, ровный нос, скулы обтянуты равномерного цвета кожей, голубизна глаз виднеется даже в темноте, голос низкий, а рост высокий, даже своими длинными светлыми волосами напоминал как нарочно сделанного антипода Ивана. По другую сторону стола, наискосок от того мужчины, сидела девушка, Клара сразу подумала о том, что это какая-то исправленная версия неё самой, по двум косам, начинающимся от самого лба и уходящим куда-то в пустоту, казалось, что длина волос не уступает Клариною, подбородок острый, глаза большие и кажется каких-то светлых оттенков, ногти на длинных пальцах покрашены либо в бесцветный лак, либо в какой-то телесный оттенок. По правую руку от неё расположился человек, явно мужского пола, темноволосый и почему-то даже сейчас Кларе показалось, что ростом он точно не выше Ивана, возможно даже немного поменьше, узкие плечи, маленькие ладони, зато большие тёмные глаза, которые сейчас впивались в молодого человека сидящего строго напротив.

Тем временем размышление Клары прервал звук стула, хоть и не громко, но всё же проскользившего по неестественно чистому для наружности этого здания, полу — это усаживался Иван. Клара сделала тоже самое, стул такой же как всех: старый, не очень крепкий, металлические ножки, покрытые веснушками ржавчины, переходили в спинку обтянутую кожзамом, как собственно и сиденье.

— Пока нам в любом случае придётся разделяться, — говорил блондин, — потому что у всех разная степень подготовки, а когда все подтянутся на более-менее один уровень, тогда будем соображать на пятерых.

— А нам так уж важна физическая подготовка? — задал ему вопрос «маленький» парень напротив, — мы же не ходим лупить бомжей пьяных всё-таки, тем более, что всё, что у нас есть в планах как-то не особо нуждается в хорошей физике.

— Физика — это больше для мозгов, для того, чтобы мышление структурировалось что ли, — влился в беседу Иван, будто с самого начала сидел здесь, — тут тело сделать выносливым дело второе, есть будешь лучше, спать лучше, чтобы улучшить показатели, а от этого и соображать лучше.

— Здесь все уверены, что мы сможем подтянуться к одному уровню? — спросил и оглядел всех, в том числе и Клару, парень небольшого роста.

— Через несколько месяцев — запросто, — пожала плечами девушка, — вспомни сколько времени мне понадобилось, я пришла осенью, а к лету был уже другой вес, другие показатели.

— И другие умения, — Иван поднял палец вверх как бы особо подмечая, что он сказал.

— Так, за последнее время, а то мы не часто видимся и всё немного съезжает, у кого-нибудь были проблемы с охраной? — блондин, как поняла Клара, был кем-то вроде лидера.

Все помотали головами, кроме Клары, она не особенно понимала о чём вообще речь.

— Было бы странно, — снова сказал Иван, — мы пока ещё и вреда особенного не приносим, потому что приклеить объявления, или даже обесточить одну несчастную точку продаж на день, — он сделал паузу, — ну это даже на самих алкашей можно списать, что они спёрли провода.

— Вы кстати замечали, — маленький парень начал, сразу после Ивана, — что всё немного изменилось, каждый вечер в магазинах очереди, но каждое утро все работают.

— Да, — чуть эмоциональней остальных вскрикнула девушка, и тут же осеклась, — как будто они пьют, и получают какое-то освобождение на следующие часов двенадцать, ну конечно немного кайфуют, а с утра типа нормальные люди, я по отчиму заметила, раньше он просыпался и шёл за бутылкой, теперь просыпается, весь день или валяется, или где-то ходит, а вечером железно идёт за водкой.

— И бухих детей становится только больше, — добавил предполагаемый лидер, — подростков в смысле.

«А ещё они становятся всё агрессивнее», — подумала Клара, но вслух что-либо произносить постеснялась. Так и сидела несколько следующих часов, переводя взгляд с одного человека на другого, реагируя на их слова только у себя в голове, будучи полностью уверенной в том, что в этом собрании она какой-то лишний элемент, гадкий утёнок, который если что-то и может сказать, то только очередную глупость. Данное чувство смешивалось с тем, что ей не хотелось, чтобы эта ночь когда-либо заканчивалась, потому что разговор перетекал из одной темы к другой, но каждая была для неё не чуждой. Фамилии философов и их концепции уже хоть порядком и позабылись, но были ей знакомы, зато экономика и политика интересовали её и по сей день, только говорить об этом было не с кем, когда она пыталась с Алиной, то та ей всячески показывала, что Клара глуповата для таких тем, да и вообще «от этого только настроение портится», — говорила она. С Дианой в этом плане было проще, но они всегда были как-то дальше друг от друга.

Свечи таяли, отдавая свет и тепло уже почти со дна блюдца, Клара отметила про себя, что хоть ноги и мокрые ей не холодно, а сил откуда-то бесконечно много, точнее это даже не силы, а просто уверенность в том, что в жизни есть смысл и всё будет хорошо, она понимала, что без конца это всё продолжаться не может и словно прочитав её мысли светловолосый,

как она уже почти уверилась «лидер», легонько хлопнул по старому, но крепкому столу, на котором уже потрескались и лак, и шпон.

— Ладно, — сказал он, — значит будем планировать машину, это вроде бы самое простое из того, что мы придумали, а до этого подтягивать физику, а с помощью неё, как сказал Иван, подтягивать мозги.

— Как раз летом это проще, — опять взял слово Иван, — если погода подходящая, то не будет ни следов, ни проблем с техникой, которые могут возникнуть зимой.

— Я так понимаю нам нужно будет две машины, — сказала девушка, волосы её действительно были очень длинными, а цвет чуть темнее чем у Клары.

— Зачем две? — не понял Иван, — если одна нужна чтобы перегородить дорогу, то водитель вызовет охрану и у нас особенно не будет времени чтобы сделать хоть что-то.

— А мы как в кино, будем открывать прицеп на ходу? — улыбнулась девушка.

— Нет, — в ответ улыбнулся Иван, — подождём пока он сам остановится где-нибудь, но конечно надо будет нормально подежурить возле завода, на дорогах, чтобы знать где и во сколько движутся машины, нам желательно всё делать ночью или на рассвете.

— Это понятное дело, — согласилась теперь улучшенная версия Клары.

— Подвожу итог, — заговорил блондин, — физическая форма, летом машина, встречаемся через неделю, если кому-то нужно время, то может приходиться через месяц, либо больше не приходиться вообще, — он смотрел на кого угодно, кроме Клары, — но у нас ещё такого не бывало, чтобы кто-то не пришёл, а так, следующий раз — очевидно когда, потому что он всегда в одно и тоже время.

— А почему мы не боимся, что сюда притащат охрану? — словно вместо Клары спросила девушка.

— Потому что здесь не бывает случайных людей, это первое, а второе — от охраны-то мы скроемся, а от нас, приведшему охрану, очень вряд ли получится скрыться.

— А мы что-то кому-то можем сделать? — спросил невысокий парень.

— Пока не приходилось, — с улыбкой ответил блондин.

— Всё, уже точно пора собираться, — решил поторопить всех Иван, — я уже порядочно подмёрз.

— Я беру ночь и подбрасываю в небо, — блондин сделал жест руками, словно подкинул что-то вверх.

Клара машинально задрала голову, чтобы посмотреть не полетело ли действительно что-то в небо и к своему удивлению сверху увидела серые рассветные облака, одновременно удивившись и хмыкнув носом, чем первый раз выдала как звучит её голос, а когда опустила взгляд, то смогла всех рассмотреть, можно сказать, при свете дня, многие уже стояли, кто-то разминался, как маленький парень, который действительно оказался очень невысок, чуть ли не на голову пониже Ивана, с которым они и внешне были похожи, разве что маленький был посимпатичней. Девушка действительно почти одного роста с Klarой и с блондином, и её, и его фигуры были подтянутыми.

— Ты знаешь как без меня уехать? — спросил Klarу Иван.

— Да, я помню, где остановка.

— А помнишь как ходить не под камерами?

— Это тоже, — покивала Клара, чувствуя одновременно валящую с ног усталость и чуть ли не один из самых больших приливов сил одновременно. Так бывает, когда усталость физическая, а силы эмоциональные, — там вроде бы ничего сложно.

— Тогда расходимся здесь, — Иван протянул ей руку.

Она её пожалала, чуть помедлив, потому что в очередной раз замешкалась сама не зная от чего.

Ещё здание, которое Клара в голове уже начала называть коровником, сейчас «скукожилось» до обычных размеров, спроси её когда это случилось, она бы искренне не смогла ответить, да и было ли оно когда-то больше чем сейчас, тоже тот ещё вопрос.

Хоть внутри заброшенного коровника воздух и оставался свежим, оказавшись снаружи Клара инстинктивно вдохнула полной грудью, она выходила из здания последней и периферийным зрением видела, как четверо человек расходятся в разные стороны так, словно оказались здесь случайно, никто ни о чём не говорит, тем более не перекрикивается, заметила, что девушка движется, по крайней мере пока, в ту же сторону, что и собирается Клара. Она и пошла за ней.

Действительно они оказались на одной остановке, девушка вела здесь себя так, словно Клара ей никогда ранее не встречалась, посмотрела расписание, потом на часы, которые блеснули металлом на руке. «Нельзя же» — подумала про них Клара, потом пояснив себе, что они вполне могут быть механическими. Хоть у Клары никаких часов и не было она тоже подошла посмотреть во сколько будет автобус, с надеждой глянула на девушку, та же не обращала на неё никакого внимания, некоторое время постояв вообще отошла куда-то за остановку. Клара сидела на скамейке, потому что ноги устали, скорее от бессонной ночи, чем от ходьбы и пыталась себя убедить, что не замерзает. Девушка вернулась и села с ней рядом.

— Наверное ты понимаешь не всё, — начала она, — но раз уж нам выпало ехать вместе, а вокруг совсем нет народу немного тебе поясню.

Клара кивнула, в карманах сжимая кулаки, чтобы пальцам стало чуть теплее.

— Если вдруг увидишь кого-то из нас в городе, не подавай виду, мы знаем друг друга только в трёх местах: на совместных тренировках, на планировании, как сегодня и на практике, она будет летом, некоторое о ней ты слышала.

— Да, — первое полноценное произнесённое Кларой слово.

— Меня зовут Аня, но когда мы вместе, то говорим только полными именами, ты уже знаешь Ивана, остальные тебе скажут свои имена, когда посчитают нужным, или такое конечно может случайно произойти, например, этот высокий, ты, наверное, запомнила, позовёт кого-нибудь. — словно вспомнив она добавила, — ты, кстати, как тебя зовут тоже скажешь когда захочешь.

— А почему мне разрешили приходить через неделю или через месяц?

— Ну, форма у тебя явно хромает, надо, наверное, тебе хотя бы что-то в питании изменить, как у тебя со спортом не знаю конечно, но вот хотя бы почувствовать, что это такое.

— Понятно, — равнодушно ответила Клара.

— Если денег нет на зал, или на экипировку для бега, то кое-что можно и дома делать, — решила подбодрить, что ли, Клару девушка.

Та в свою очередь подумала, что это замечание про деньги связано с тем, во что она одета и обута, она хоть в свете дня и видела всех считанные минуты, но уже тогда могла рассмотреть, что названия брендов на одеждах незнакомые, но выглядят они как-то качественно, или как минимум не застиранные и не дырявые как у неё самой, да и сезону соответствуют.

— Если что, то не переживай, мы тебя не бросим точно, если ты не сделаешь физику для тебя найдётся чем заняться и без этого, конечно всё обтекаемо, но мы ничего не сообщаем без необходимости, особенно новым людям.

— Это я уже заметила, — улыбнулась Клара.

Аня улыбнулась ей в ответ слегка пожав плечами.

— Автобус будет уже через шесть минут, там есть водитель и камеры, там мы друг друга уже не знаем.

— Хорошо, что ты мне сказала, потому что я уже задубеваю.

— Да и мне не жарко, — ответила Аня.

До самого автобуса они больше ни о чём не разговаривали, когда транспорт прибыл сели одна от одной подальше, так и добрались до города. Когда Клара выходила, то краем глаза заметила, что Аня едет дальше. Пока шла домой, то думала, когда же ей прийти в следующий раз, через месяц или всё таки через неделю, прямо сейчас решила об этом не думать, потому что в душе спокойствие и радость после этой ночи вымещало самое сильное чувство в жизни Клары — фоновую грусть, которая звучала всё сильнее при подходе к дому, потому что если вдруг мать уже не спит, то она налетит или с расспросами, или с криками, однако заходя в квартиру обнаружила незапертую на замки дверь, которую тихонько открыла, а затем закрыла за собой, так же почти беззвучно разделась и разулась, хотя понимала, что это не обязательно, по запаху было очевидно, что мать вечером пила, а значит от небольшого шума она явно не проснётся.

Войдя в свою комнату первым делом взяла в руки телефон, на котором увидела более двадцати звонков от матери и более десяти от отца, смахнула оба оповещения о неотвеченных вызовах и включила компьютер, спать уже решила не ложиться, да и неплохо бы обдумать всё произошедшее сегодня ночью. Так хочется спросить у Ивана, что это было, но кажется на тот номер, что у неё есть лучше ему больше никогда не писать, ведь они не знают друг друга вне тренировок, планирования и практики, понять бы ещё точно, что всё это значит.

Восстановление

04.2044

В понедельник, находясь на работе и бегая куда-то по делам, Клара заметила напольные весы на кухне, заходить к людям и мешать чётко налаженным процессам она постеснялась, поэтому просто решила завтра прийти пораньше, пока никого не будет, что и сделала. Когда она встала на бесцветный стеклянный квадрат с четырьмя металлическими кольцами в каждом углу, предсказуемо цифры стали скакать от нереально высоких значений до нереально низких, но всё же после этой короткой неопределённости вердикт был вынесен и обсуждению не подлежат: семьдесят девять килограмм. Клара только хмыкнула носом, ещё даже внутри себя не решив, ей от этого больше смешно или грустно. Зато обдумывания того стоит ли бегать сейчас, или, когда станет немного теплее уже отпали. Клара как-то не сомневалась, что в субботу снова явится на встречу и она точно понимала, что хочет соответствовать своим новым друзьям. Пока возвращалась в свой кабинет, уже как раз подумала над тем, где будет совершена первая пробежка, правда единственные кроссовки, что есть не в очень хорошем состоянии — их подошва уже начала отделяться от верхней части, но, «наверное, попробовать можно и в таких» — успокоила отговорки Клара и пошла исполнять трудовые обязанности.

Вечером, даже пришлось себя сдерживать, чтобы не заняться спортом прямо сегодня, потому что Клара заметила ещё по первой неделе, что после двенадцатичасового графика, восьмичасовой куда легче, хотя физически она пашет больше, так как помимо того, что надо всё заказать, надо ещё и много чего таскать, следить за количеством и постоянно его пополнять, даже уже поругаться успела с одним из поваров, но к вечеру всё равно была полна энергии. Приходя домой в половине седьмого с удивлением обнаруживала, что у неё ещё много часов свободного времени, а не как раньше, когда приходишь к одиннадцати и уже чувствуешь вину за то, что начинаешь есть на ночь глядя, потом помыться и прочие мелочи, ложишься спать ближе к двум часом ночи. Сейчас на контрасте казалось, что ещё целый день впереди.

Клара даже вышла на улицу, если не побежать, так хотя бы просто походить. На остановке обнаружила, что почти все автобусы отменили, кроме тех, что битком набиты в любое время суток, да и им порезали частоту прохождения этой остановки. Стоящая тут же небольшая урна заполнена с избытком, рядом валялось несколько пластиковых пивных бутылок и пару пачек сигарет, стёкла, которые были вмонтированы на этой остановке изначально — давно разбили, пару месяцев назад их заменили на металлические листы, но и они уже успели обзавестись вмятинами от ударов, лишь киоск, который реализовывал проездные билеты, а заодно спиртное, табак и прочие вещи для взрослых, сиял каким-то неестественным оптимизмом. Клара, сама не понимая зачем, подошла к нему поближе, вытянув шею заглянула за витрину, там продавщица, женщина с неопределяемым возрастом, как и у всех на ком страшные маски, сидела что-то листая в телефоне, но словно за мгновение почувствовала Кларин взгляд и посмотрела на неё в ответ, чем заставила девушку смутиться и отправиться в другую сторону.

Ночное небо уже вышло на своё дежурство, на его фоне обнаружилось, что множество

фонарей просто стоят как столбы, светят лишь только некоторые из них, но вот, что немало машин ездит с выключенными фарами немного пугало Клару, «может по новым правилам включать не нужно» — попыталась она себе как-то объяснить эту акцию. Следующей мыслью подумала, что надо бы двигать домой, а то на улицах всё больше появляется «замаскированных», многие из которых совсем не дружелюбно смотрят на неё, возможно это шизофренческий приступ, но лучше его пережить дома, тут и вспомнился Иван, и что можно больше не оправдывать всё шизофренией. Не успев углубиться в свои размышления и воспоминания Клара почувствовала, как кто-то грубо и абсолютно не случайно вцепился ей в руку чуть выше локтя, машинально она повернулась посмотреть, что это вообще такое.

— Девушка, — обладатель распухшей как утопленника рожи, с зубами будто заточенными напильником и направленными в разные стороны, пытался продемонстрировать улыбку, — вы тут не соскучились?

Клара молча попыталась вырвать руку, но не получилось, а неожиданный знакомый сжал свои пальцы ещё сильнее.

— Ну чего ты, — воздух вокруг был испорчен вонью, главным акцентом в которой был спирт, — надо чтобы некрасивых тоже кто-то, — он постучал свободной ладонью по пальцам другой изображая жест с очевидным смыслом и попробовал потащить Клару куда-то.

Вокруг было отнюдь не безлюдно. Люди проходили туда-сюда, у каждого на лице разная степень уродства, но кажется никого не беспокоил растерянный и полный страха взгляд Клары, наоборот им как будто даже нравилось, то, что происходит с ней. Окончательно поняв, что помощи ниоткуда не будет, Клара ещё раз попробовала вырвать свою руку уже не подключая голову, а скорее доверившись инстинктам и на этот раз получилось освободиться и даже обидчик, не устояв на ногах, рухнул в лужу, не глубокую, но всё равно приятного мало даже для такого существа. Существо тут же начало материться как только умело, а Клара пытаясь не врезаться ни в кого, на внезапно ставшем предательски-узком тротуаре побежала домой, далеко не сразу сообразив, что она проживает немного в другом направлении.

Лишь оказавшись в нескольких метрах от своего подъезда, она остановилась. «Вот и пробежалась» — поиронизировала Клара у себя в голове, а потом даже посмеялась с того, что сразу не поняла, кого то существо имело ввиду под «некрасивым», она то решила, что это он про себя, а скорее всего про неё.

Тем не менее пробежка состоялась на следующий день и в пятницу, и в оба этих дня Клара ничего приятного в подобном занятии не нашла: она хотела пробежать три километра, или бежать хотя бы тридцать минут, отмерила на компьютере расстояние, взяла с собой телефон, чтобы смотреть время и побежала. Однако очень быстро заболело в боку, Клара глянула на телефон, она бежит всего лишь четыре минуты, а расстояние вряд ли превышает пол километра, тогда она решила сократить на первый раз общее время до десяти минут, но сдалась уже на восьми и с болью уже в двух боках, обливаясь потом и пытаясь надышаться прохладным воздухом пошла домой.

Об этом опыте она и доложила на очередном собрании, дождавшись, когда светловолосый высокий парень спросит её, а начав отвечать, услышала смешок Ани, из-за чего машинально посмотрела на неё:

— Да у меня с бегом тоже самое было, — ответила та, — да и три километра это слишком, хотя кажется, что да, там пятнадцать минут и готово, но это уже приличный

уровень, пять «мин.» на километр.

— Так, а по сколько тогда, — спросила Клара, — потому что я посмотрела видео, там говорили, что если бегать меньше сорока минут — это вообще без толку.

— Это скорее такие видео без толку, — вмешался Иван и посмотрел на Аню, как бы приглашая её продолжить.

— Начни просто с одного «км», если даже столько много, то — пятьсот метров, потом добавляй по сотке, вообще главное ощущения и постоянно наращивать нагрузку хотя бы по чуть-чуть, ну и питание тоже важно.

— На обеде я убрала чай с сахаром, просто пью горячую воду, вечером тоже никакого сахара, правда не всегда выходит.

— Не страшно, — говорила Аня, Кларе уже казалось, что они здесь только вдвоём, — но лучше конечно, если сладкое и есть, то только с утра, оно в течение дня хотя бы сгорит, а вечером — превратится в сало на пузе, — она немного улыбнулась. — Кстати если колени болят, то неделю отдохни. И ещё! Какие у тебя кроссовки?

— Из «БигБута», — ответила Клара, чем опять вызвала улыбку на лице Ани, — прошлым летом купила, а они уже разваливаются, — пожалала плечами она.

— В таких ноги всегда будут болеть, лучше купи хоть самые дешёвые, но специально для бега и в какой-нибудь спортивной сети.

— Это уже только после зарплаты, — ответила Клара, зная, что даже «самые» дешёвые из спортивного магазина для неё являются дорогими.

— А как у тебя сейчас финансовое положение? — опять вмешался в разговор Иван, — я думаю все заметили, что мы пришли вместе в прошлый раз, и все поняли, что мы, очевидно знакомы, и я знаю, что когда мы работали вместе, то шиковать у тебя, да и у меня, особенно не получалось.

— У меня и сейчас не получается, — как-то виновато или стесняясь ответила Клара.

— Ну что тогда, — Иван обвёл взглядом всех, — у кого-нибудь есть с собой бумага? — но пальцы сложил так, как обычно показывают имея ввиду деньги.

Все зашевелились, захлопали по карманам, светловолосый парень вместе с невысоким даже положили какие-то купюры на стол.

— А сколько сейчас стоят нормальные кроссовки? — спросил Иван Аню.

— Иван, она знает, как меня зовут, я сообщила в прошлый раз. Мы ждали транспорт на одной остановке, никого не было, поэтому я пояснила некоторые моменты, — Иван кивнул, — а кроссовки, ну средние такие шестьсот где-то, самые дешёвые двести, но это совсем уже лишь бы что.

— Тогда в следующий раз принесём по сотке? — Спросил всех Иван, на что светловолосый кивнул, а невысокий пожал плечами.

Что касалось Клары, то с начала она даже немного опешила, потому что это примерно половина её заработной платы, за месяц, а тут ей чуть ли не купят такую обувь, «но это всего лишь четыреста», — подумала Клара, сложив ещё не полученные деньги, и тут же отругала и устыдила себя за неблагодарность, а когда вышла из шокового состояния решила всех отблагодарить назвав им своё имя сразу. Ничего лучше придумать не получилось, только так она могла выразить бесконечное доверие, которое сейчас искренне чувствовала:

— Аня моё имя знает, — начала Клара, сразу же подумав, что она ляпнула что-то некстати, — скажу всем сразу: меня зовут Клара.

— Хорошо, — с улыбкой ответил светловолосый, — но мы тут обращаемся только по

полному имени, я — Дмитрий, — он посмотрел на парня напротив.

— А меня зовут Роман, — он смотрел на Клару выглядывая из-за Ани.

— Спасибо, — сказала Клара то ли всем, то ли ему одному.

— Если ты про ботинки, — решил ответить за всех Иван, — то это ерунда, для нас каждый такой человек сильно ценнее денег. А теперь, наверное, давайте вернёмся к нашему плану с машиной. Думаю, мы можем немного сделать Кларе экскурс в прошлое.

И Клара узнала от каждого понемногу, за следующие несколько часов для чего они тут собираются, оказалось, что Иван и Дмитрий вместе учились в школе, были даже одноклассниками, только второй любил в подростковом возрасте подпить напитков, в отличие от Ивана, но ближе к концу универа всё бросил и восстановил контакты со старым знакомым, ведь те, что были друзьями в последние годы «оказались» при трезвом взгляде совсем другими людьми. Уже и не вспомнить, кто всё придумал, но с начала стали прокалывать шины у машин на прицепе которых красовались логотипы всякой алкогольной продукции, потом разбивали стёкла у алкогольных ларьков. Позже Ивану в голову пришла светлая мысль: можно ещё и подзаработать на всём этом деле, и они вдвоём с Дмитрием стали срезать провода, которые часто бросали от ближайшего столба до ларька, магазинчика или чего-то подобного, так и точку продаж обесточивали и обзаводились «какими-то копейками», как выразился Иван, но главное было как-нибудь навредить продавцам пьянящей продукции.

— Пока в очередном магазине мы чуть не попались, — начал Иван и глянул на Диму.

— Да, я вылез на крышу, Иван внизу, как тут дверь ларька открывается, хотя глубокая ночь, если говорить очень сильно мягко — то мы сильно испугались, Иван там внизу, я сижу и прислушиваюсь.

— А я осторожно выглядываю за стенку и вместо того, чтобы увидеть какого-нибудь уroda или уродку вижу её, — Иван ладонью указал на Аню, — ну думаю: «вообще класс», сейчас-то меня в камеры не видно, но если вылезу как-нибудь её вырубить или типа того, то всё, попался. Слышу, что она идёт ко мне.

Дима от чего-то выпустил смешок.

— А только потом до меня доходит, что она же нормальная, — продолжил Иван, — не пьёт значит, или в худшем случае не получает зависимость, но это очень редко, я вообще только несколько человек таких знаю.

— Как и я сообразила, судя по их лицам, что это не просто какие-то синяки, а люди, о которых нас, кстати, предупреждали, говорили сразу же вызывать ментов, ну, а мне что оставалось, я прямо так и вызвала. Только показала Ивану телефон с номером, он всё понял и драпанул в темноту, а потом с крыши спрыгнул и кто-то второй.

— Да, — перехватил Дима, — в этот день остались без добычи, зато добыли Анну.

— А как тут появился Роман? — спросила Клара, словно переживала, что про него забудут.

— Я просто живу здесь рядом, — ответил он, — и конкретно в этом коровнике я иногда просто ошиваюсь, я тоже, знаешь, не то чтобы обрадовался, когда услышал, как здесь открываются двери, не придумал ничего лучше, чем спрятаться за колонну, вот эти все трое шпионов за несколько часов не заметили, что я здесь есть. Городские, — он пожал плечами, — думали, наверное, что здесь какая-то глухомань и людей не живёт.

— Зато теперь каждый раз осматриваем здание, — отметил положительный момент Иван.

— А я стоял и слушал, что же здесь у них обсуждается, — продолжил Рома, — сразу скажу, что ничего такого важного.

— Можно и так сказать, — рассказ продолжил Дима, — мы тогда не особенно и знали, что делать, просто как-то хотелось спрятаться от всех, а про то, чтобы ограбить целый грузовик с водкой или чем придётся, подорвать завод, говорили тогда только в шутку.

— Да уж, — после того как Дима закончил, заговорил Иван, — а теперь, Клара, мы серьёзно собираемся выцепливать грузовики и каким-то образом уничтожать их грузы.

— И как пять человек может угнать хотя бы один грузовик? — спросила Клара.

— Я же не сказал угнать, я говорю уничтожить содержимое, а это можно всякими разными способами.

Далее Кларе кратко описали ещё совсем неготовый план действий, всё, что было определено, так это, что операция будет производиться в мае, всё остальное она узнает по ходу дела, если конечно будет приходиться сюда по субботам.

Домой она шла с двоякими чувствами: с одной стороны, она ненавидела этих пьяных разлагающихся существ, которым на всё плевать, агрессивные, похотливые, тупые, как к ним ещё можно относиться? Хотя возможно ненавистью, как активным чувством, Клара маскировала свою боязнь. Однако понимала, что эти люди такие не по своей природе, поэтому так или иначе, она была совсем не против как-нибудь навредить и промышленности и тому, кто получает с неё прибыль. С другой стороны, было страшно и одновременно всё казалось каким-то мелким, потому что эти машины, наверное, двигаются сотнями по всей стране подумаешь, только лишь одну уничтожить, или точнее содержимое, хотя Роман сказал, что больше сейчас смысл в том, чтобы показать «кому надо», что завелись люди, которым такой мир не сильно по нраву, и сверкнуть как-то для тех, кто не «заливается» как все, что они не одни.

05.2044

Практически вся весна прошла в занятиях спортом, для Клары они заключались в беге, к концу мая она увеличила свою дистанцию до четырёх километров, с удивлением для себя обнаружив, что без особых проблем может добавлять по пятьсот метров в неделю, так же большую, чем она рассчитывала, роль сыграли кроссовки, спонсированные организацией. После первой пробежки в них с усмешкой отметила, что последний раз какие-то качественные вещи у неё были в далёком детстве, потом родители перестали их покупать, а когда она уже должна была обеспечивать сама себя, то ничего подобного не могла позволить и даже не думала в этом направлении, когда нужно было что-то приобрести первое что она выбирала при сортировке — цена, а потом пункт «Начать с низкой», не опускаясь дальше пары первых позиций.

По субботам же происходило планирование операции. Клара естественно не пропускала ни одной ночи, в которые к концу апреля заметила, что у Димы здесь ведущая роль, а второй человек за ним — явно Иван, он много чего придумывал, но чуть ли не всё отсеивалось предполагаемым лидером организации, хотя если бы спросили Кларино мнение, то она бы сказала, что планы её бывшего начальника ей нравятся больше. Сам акт нападения на машину все называли «занятие», и это самое занятие планировалось на двадцать девятое мая. Когда они уже будут в процессе — это будет «практика».

— Я думаю, раз нас пятеро, то мы можем разойтись по пяти выездам из города, точки на карте найдём, и заявившись туда около двенадцати ночи будем поджидать машины, во

сколько они едут, есть ли сопровождение, — предлагал тогда примерно за месяц до занятия Иван.

— Так машины же могут быть пустыми, — справедливо заметил Рома.

— Может быть, конечно, — согласился Иван, — но очень вряд ли, чего они будут гнать машину куда-то, если здесь как минимум три завода, конечно в областняках они тоже есть, но там и тачки свои. В общем я почти уверен, что из города машина может выезжать только гружёной.

— Здесь неплохо, — подвёл итог Дима, — а как думаете дальше?

— Дальше думаю, что пару раз поменяемся местами, раз время пока ещё позволяет, — говорил Иван уверенно, видимо всё уже много раз обдумал, — изучим местность в несколько глаз, так сказать, потом за неделю до соберёмся здесь и выберем где будем ловить машину.

— Насколько это опасно с точки зрения полиции? — спросила Клара не на шутку волнуясь.

— Полностью опасно, — с улыбкой ответил Роман, — мы конечно никого убивать не будем, а может быть вообще ничего не случится, потому автопилот остановить не получится, а вот человека можно без особенных сложностей.

— Тут хотелось бы поподробней, — попросила Аня.

— Как Иван уже говорил, — начал было Дима, — нас там будет пятеро, если за рулём будет человек, то достаточно будет выбить лобовое стекло, и мы точно его остановим, откроем прицеп, немного бензину и всё, всё что внутри сгорит, — он почти грустно улыбнулся.

— Ну не камнями же мы будем выбивать на трассе стекло, я не такая меткая, — Аня, видимо, хотела более точного плана действий.

— Конечно неплохо было бы иметь оружие, — ещё не успела сойти с лица предполагаемого лидера улыбка, — но вряд ли оно у нас появится, ну и в крайнем случае будем останавливать камнями.

— А ещё, — переборов стеснение вмешалась Клара, — я не слышала, чтобы что-то говорил о том, как мы будем уходить, потому что я ни с какими окраинами города, а тем более за кольцевой особо не знакома, а где там камеры стоят я и подавно не знаю.

— Молодец, что сказала, — похвалил её Иван, — про отход будет яснее, когда мы определимся с местом.

— А такое будет провернуто только раз? — опять неудобными вопросами задавалась Аня.

— Вот если прям сейчас сказать, то как минимум дважды мы это сможем сделать, главное первый быстро после второго, потому что вряд ли такой наглости кто-то будет ждать, а вот на третий полиция уже точно будет готова, — сообщил Дима.

— Ещё, — Иван вспомнил что-то важное, — балаклавы покупать будет возможно опасно, конечно шанс, что нас отследят по ним не большой, но чем-то закрыть лица нужно будет обязательно, так что приобретите что-нибудь, можно платки какие-нибудь, главное лицо закрыть полностью, потому что мы точно попадём на камеры, которые в машинах.

— Как нам не выдавать наше количество, тоже подумаем потом, ещё почти месяц, так что в следующую пятницу расходимся по своим локациям, — подвёл итог встречи Дима, но ещё не заканчивал её.

Дальше они обсудили, что возможно лучше встретиться в воскресенье, так как в

пятницу и так будет бессонная ночь, и сразу после неё идти на собрание не очень безопасно как минимум из-за рассеянности, которая точно будет вызвана недосыпом. Дмитрий сообщил, что к следующей неделе принесёт всем механические наручные часы, потому что движение машин ведь надо как-то отметить, а ничего электронного с собой носить нельзя. Потом Иван на старом столе разложил бумажную карту, даже Клара заметила, что та потеряла свою актуальность, ведь вместо новых жилых районов и всяких коммерческих зон там ещё полно парков, но основным всё равно было то, что кольцевые дороги, большая и малая, на карте есть, а именно это всех интересует. Правда Клару, возможно, интересовало чуть меньше остальных, потому что участвовать в подобном ей было откровенно страшно. Но ещё страшнее было признаться в этом остальным, мол ничем подобным ей заниматься не хочется, правда, когда она приходит домой и видит пьяных мать с отцом, то какое-то деструктивное желание просыпается вновь, только одно дело мысли о чём-то отдалённом, а другое реальное планирование того, что они тут обсуждали. Было решено, что в первый раз все пойдут наиболее близко к своим домам. Кларе выпало место не совсем около кольцевой, потому что там, то заправки, то крупные посёлки, то ещё что-нибудь, но тут она сама заметила, что возле садового товарищества «Вишня», есть остановка, точнее аккурат на повороте к этим дачам, стоящим укрытыми небольшим лесом.

— Интересно, действуют ли они, — чесал голову Иван, — вдруг давно заброшено?

Что-то сообразив он воскликнул:

— Слушайте, — Иван переводил взгляд с одной девушки на другую, — Клара, ты как-нибудь это узнаешь в интернете, потом я подойду к твоим окнам уже в понедельник, ты просто, когда выйдешь и заметишь меня, то: если дачи не заброшены очень долго на меня смотри, если заброшены — глянь и идти домой. Просто если они заброшены, то будет странно тебе выходить там. А вот есть остановка и поближе, — заметил он синий квадратик на карте.

— Но лучше выйти на первой, потому что здесь лес рядом, я смогу без проблем сидеть незамеченной, да и поеду я скорее всего на последнем автобусе, поэтому и ходить там никто не должен.

— Ну видишь, как ты сама соображаешь, — всё продолжал чему-то радоваться Иван.

Дачи оказались действующими до сих пор, но была другая загвоздка: ведь они давным-давно превратились в настоящий населённый пункт, правда без магазинов, школ и прочей инфраструктуры, но жили здесь постоянно, сады и огороды при этом никто не держал. Такие данные немного ухудшали позицию для слежки которая досталась Кларе, но зато остальные факторы в виде последнего автобуса проходящего мимо СТ «Вишня» и небольшого леска были всё так же актуальны судя по спутниковым снимкам, очень кстати обновлённым в этом году.

Как бы Кларе не хотелось, чтобы что-то сделалось и ехать было не надо, этот день всё равно настал, она было попыталась себя успокоить тем, что хоть музыку в дороге послушает, но в следующий миг вспомнила, что ничего электронного с собой брать нельзя. «Ладно», — вздохнула она, пытаясь дыханием выровнять какое-то птичье биение сердца, раздражаясь от своего волнения, только разозлясь на саму себя, что не может справиться с эмоциями, всё же успокоилась. Облачившись в тёмные одежды, потому что подумала, что ночью это самые незаметные цвета, особенно когда предстоит сидеть в лесу, она вышла на автобус, который должен быть проходить через её остановку в 22:44. В половину одиннадцатого она уже была в положенном месте, глянула на подаренные Димой часы, они стрелками сообщили ей, что

она точно не опоздала. Зато спустя время выяснилось, что опаздывает уже автобус, Клара заволновалась, что не попадёт куда надо и подведёт организацию, но в 23:05 такой долгожданный транспорт прибыл.

Ехали около часа, автобус всё время был почти пустой, кажется даже, что после Клары никто не заходил. И вот уже спустя примерно час перед ней в сумерках, во всё никак не опускающейся на землю ночи, над металлической, крашеной то ли в тёмно-синий, то ли в тёмно-зелёный цвет остановкой, появилась надпись на такой же ржавой табличке, с кое-где отклеившимися буквами «С Т В И Ш Н Я». Водитель будто помнил, что ей там выходить и остановился, Клара, поняв, что она задерживает автобус спохватилась и чуть не упала, выходя из транспорта, напоследок сказав водителю «спасибо», в ответ он глянул на неё искаженным недавним употреблением алкоголя лицом и закрыл двери.

Вокруг не было ни одного фонаря, куда-то в глубь леса, ширина которого была метров пятьсот судя по карте, уходила дорога из утоптанного песка, но даже в конце её виднелась только темнота. Кларе стало немного жутковато. Она стояла и смотрела на лес, в который должна войти, а делать этого совсем не хотелось, в голову уже лезли фантазии о волках и медведях, которые только лично её и ждут, но успокоив себя тем, что возле трассы вряд ли будут водиться такие звери всё-таки пошла прятаться. Ни телефона, ни фонарика, а ночь уже поглотила пространство вокруг Клары и найти себе место поудобней казалось невыполнимой задачей. Пока она бродила проехал какой-то грузовик, Клара обернулась, но ничего не заметила, даже цвет машины. «Хорошо, что их грузовики белые, с красным логотипом», — подумала она про себя отметив, что без этих признаков вряд ли узнала бы «алкогольную» машину. Наконец-то место нашлось, рядом правда была какая-то тропка, но очень вряд ли по ней кто-то будет ходить, зато её здесь не видно совсем, если конечно не вглядываться, а ей дорогу видно нормально. Клара уселась прямо на землю и заметила, что сейчас нет ни одного звука, даже кажется ветер застыл, а температура комфортная и приятная настолько, что как-то не верится, «Так вроде перед дождём бывает» — мелькнуло у неё в голове. Но дождя сейчас не хотелось, поэтому эти мысли она отогнала, так и сидела до часа ночи, пока вдруг её не потревожил слабый поток воздуха, нарушивший обволакивающее тепло, а вслед за ним, подул уже очень серьёзный ветер, похоже это он притянул с собой раскат грома ударивший где-то сверху. «Ну класс», — сказала себе Клара явно с иронией. Совсем скоро на неё упало пару капель, а машин, ни то что нужной, а хотя бы каких-то здесь с момента её приезда не было, не считая тот грузовик. К двум ночи уже лил мощный ливень, Клара спасалась под деревом, здесь казалось дождь доставал не так сильно, однако надо было лишь подождать, уже через час она почувствовала, что вся одежда полностью промокла. После трёх часов зарождался рассвет, в четыре стало совсем светло и пасмурно. Клара стоя под сосной совсем замёрзла, проскакивала мысль совместить своё желание сходить в туалет с тем чтобы немного согреться. «Нет, вообще уже что ли», — сказала она сама себе. Машины хоть и проезжали за это время, всего лишь три раза, но ни одной нужной, так как все были легковыми, в пять утра проехался первый автобус, правда он был из города, то есть ещё не добрался до нужной деревни и через сорок минут ехал обратно. Ещё через двадцать, где-то в 6:03 проехала та долгожданная машина, белая кабина, белый прицеп на котором изображена красная, наверное, хищная птица, зажавшая в лапах бутылку, изображающая то ли её добычу или это намёк может, что потребители такой продукции такие же хищники, а может она несёт её, чтобы поделиться своим счастьем со страждущими.

Клара подумала о том, что во сколько можно уходить ей никто не сообщал и вообще это

никак не обсуждалось, но учитывая, что каждая секунда ей давалась с трудом, то уедет она на первом же возможном транспорте. С этой целью она с помощью тропинки вышла на просёлочную дорогу, которая вечером заканчивалась тьмой, предварительно оглядевшись, пошла к остановке, перебежала дорогу, потому что количество машин понемногу росло, и ещё около полутора часов прождала своего автобуса, в этом ожидании, аж до половины восьмого не встретила ни одной «важной машины». Около девяти попала, домой, сразу же переделась, подумала о том, что это чувство настолько приятное, когда из мокрой одежды попадаешь в сухую, что ради него можно и помокнуть. Спала Клара до самого вечера, потом поела и спала опять, собрание-то во воскресенье, в восемь утра, значит в шесть нужно будет встать.

Когда они встретились со всеми, то выяснилось, что с погодой не повезло только Кларе, Рома сказал, что, наверное, видел эту тучу, порадовался ещё, что он прошла мимо него. Иван прервал эти очень интересные разговоры тем, что неплохо бы приступить к основному, то есть к тому, что они там все выяснили. Клара первой сообщила, что первую машину, около двенадцати она упустила, поэтому точно не может сказать то это или не то, а вторая проходила «чуть раньше, чем в 6:05», больше ничего не было аж пока она не уехала около восьми утра.

— Кстати где-то с пол шестого там уже много машин, не то чтобы прямо поток с пробками, но тишину уже не услышишь.

Рассказали поочерёдно и остальные, оказалось, что лишь в западном направлении грузовики ездят ночью, да и то однократно, а так у всех они были примерно в первые минуты после наступления шести утра, на следующей неделе было решено поменяться местами. Ближе всего Кларе было переместиться с своего северного направления на северо-восточное направление Ромы, а ему соответственно чуть южнее, на место Анны и так далее, получилось, что она уже заняла место Ивана, а Дима место Клары, после этого ещё одна неделя оставалась в запасе, чтобы продумать отход.

В итоге решили, что самое удобное место находится на юго-восточном направлении, с одной стороны пустырь с молодым борщевиком, с другой стороны лес удалённый от населённых пунктов. Прибыть на место нужно было всем в разное время, и обязательно ещё ночью, потому что потом уже поздно, последней разрешили прибыть Кларе, как новенькой, да и ехать ей неудобнее всех. Так или иначе к часу ночи организация собралась. Углубившись в лес болтали о важном деле, Клара все ещё в глубине души надеялась, что как-то обойдётся, может быть машина сегодня не проедет, но хода этим мыслям не давала, потому что вся её жизнь ей теперь казалась какой-то мелкой по сравнению с этими занятиями. Роман даже предложил повалить дерево прямо на дорогу, но Иван тут же напомнил, что так можно собрать кучу абсолютно ненужных машин, Дима в это время куда-то делся и вернулся уже с оранжевой канистрой, в которой очевидно был бензин. Клара жаловалась, что не может ничего найти, чтобы спрятать лицо, поэтому Аня взяла ей старую шапку в которой были сделаны отверстия для глаз. Иван ещё раз напомнил всем, что разговаривать нельзя, все детали уже обсуждены, как и роли, говорить будет кто-то один, и то если понадобится.

Рассвет уже подкрадывался со всех сторон, через пару часов будет машина, и действительно, где-то вдалеке звук шин уже начал нарушать идеальную тишину, все уже и так понимали, что это тот самый грузовик, ведь каждый научился отличать нужное гудение колёс за предыдущие ночи. Дима предложил попытаться пробить колёса и очень

упорствовал на этом варианте, но Иван был абсолютно убеждён, что в таких машинах в шинах специальный герметик, который сразу закрывает отверстия, а колёса подкачаются с помощью насоса, установленного прямо на них, точнее на дисках. Поэтому, когда на прямой дороге в сотне метров показалась белая кабина, сердце не только у Клары, но и у всех стало выпрыгивать из груди, у каждого по разной причине. Казалось, что этот незначительный отрезок тянется вечно, вряд ли водитель успел понять, что вообще происходит как из обочины возникло три тела, два низкорослых и одно высокое, а через пару секунд ему в стекло влетело три булыжника, украсив лобовое мелкой сеткой сквозь которую ничего не видно, тревожная кнопка была тут же нажата — полиция будет не более чем через десять минут, сначала растерявшийся мужчина нажал на газ, чем сконфузил всех начинающих то ли бандитов, то ли мстителей, но ещё метров через сто остановился, заблокировав двери.

По крайней мере Иван и Дима отлично понимали, что полиция уже вызвана и у них не так уж много времени, со всех ног они побежали к машине, вслед за ними с другой стороны вскочили и девушки, у одной из них, Ани, в руках канистра. Судя по тому, что машина начала издавать звуки пытающегося запуститься двигателя, водитель увидел их в боковые зеркала, однако машина всё стояла и стояла, при этом трое людей уже практически настигли её, в последний момент Дима ухватился за ручку двери, она к его счастью была заперта, это и помогло ему удержаться, ведь если бы дверь открылась, он возможно отлетел бы под колёса, так как машина именно в это миг резко двинулась вперёд. Рома же подхватил Канистру у Ани и теперь формировал тройку уже с девушками. С начала действия прошло минуты две.

Припасённым молотком, специально для разбивания стёкол, Дмитрий всё-таки получил возможность пообщаться с водителем.

— Тормози, всё равно скоро приедут менты, — он явно нервничал, говорил громко и зло, — тебе мы ничего не сделаем, тормози или я тебя вырублю, — он добавил нужный лексикон, чтобы твёрдость намерений была яснее.

С другой стороны всё это время висит Иван. Хоть машина вряд ли ехала больше тридцати километров в час, занятие всё равно это не назовёшь безопасным. Водитель всё же решает остановиться.

— Открывай прицеп, — прорычал Дима.

— Всё же повесят на меня, — взмолился водитель, это так не сочеталось с уродством от недавнего опьянения на его лице.

— Ничего они не повесят, звук же пишется?

— Да, наверное, — говорил, искренне не зная, водитель.

— Ну камеры спереди и сзади точно работают, — сказал Иван, усевшись на пассажирское сиденье, так как вместе с дверьми прицепа разблокировались и двери кабины. — Выходите, наверное, мы вас свяжем, тут ещё минут пять каких и приедет полиция, хотя не надо, просто дайте мне ключи.

Иван протянул руку, в это время Дима уже сбежал назад, к Роману и девушками, которые успешно разлили всю канистру и даже успели её поджечь, стояли снаружи и следили за слабым пламенем.

— А если мы закроем двери, то оно не потухнет? — спросила Клара, у которой в последние минуты куда-то пропал инстинкт самосохранения, который ещё недавно убеждал её сбежать.

— Надеюсь, что нет, — отвечал Роман, — это же бензин, да и там воздуха должно

хватить, водка начнёт лопаться, ещё поддаст жару.

В это время Иван с водителем о чём-то непринуждённо беседовали у другого конца машины.

— А изнутри можно всё пооткрывать? — спрашивал Иван мужчину, который вёл этот грузовик.

— Только если рядом есть ключ, а так будет заблокировано, это от угона.

— Понятно, — Иван повернулся в сторону прицепа и крикнул, — там закрыто всё?

— Да, — раздался крик мужским голосом в ответ.

— Ну всё, тогда ставим всё на замок, — всё так же вежливо говорил он водителю, — ладно, связать вас не успеваем, нам уже пора.

Иван побежал в сторону голого поля со всех ног, чем изрядно ошарашил водителя, ключ он оставил у себя, чтобы быстро никто ничего не мог открыть. Дима боковым зрением заметив, что один из них уже скрывается, сказал: «Ну всё», и ломанулся куда-то в сторону откуда должна прибыть полиция, Роман тоже отправился в своём направлении, а две девушки уходили с места преступления вместе, так как одна из них не очень хорошо ориентировалась в районе, где никогда в жизни не была, по крайней мере точно не помнила об этом.

Клара поражалась тому, как легко бежать, откуда у неё столько сил после бессонной ночи, ей почти нравилось всё происходящее, она даже засмеялась, чем вызвала непонимающий взгляд Ани, однако много времени не понадобилось, чтобы сообразить, что это у новенькой нервное, а может быть действительно какая-то эйфория, она сама когда-то чувствовала тоже самое. Девушки быстро, пробежали метров пятьсот через поле и начался большой лес, в котором прямая тропа вела до деревни, импровизированные балаклавы были сняты ещё в лесу, а на опушке ждал рюкзак с другой одеждой, ещё пол часа сумасшедшего бега, и они на месте. Клара пару раз упала, но ничего себе не повредила. Еле дыша они меняли наряды и через пару минут шли по деревне. На камеры в этом населённом пункте попали уже совсем другие люди, далеко не те, что были сняты на камеры грузовика. Откуда они здесь взялись вряд ли кто-то будет задавать себе вопрос, да и очень вряд ли захочет увязать эти два факта, очень уж много камер придётся отсмотреть, чтобы выявить какую-то закономерность.

09.2044

После того как был подорван грузовик в течение первых нескольких дней у Клары разыгрались параноидальные мысли о том, что их обязательно найдут и схватят, первые пару суток даже заснуть не удавалось, не ясно от чего больше: барабанищего сердца или навязчивых фантазий. Но в очередную встречу со своими подельниками она сильно удивилась тому, что никто и словом не обмолвился о произошедшем неделю назад, только договорились, что теперь нужен небольшой перерывчик, где-то с месяц, может быть больше и таким же образом будет подорвана следующая машина, только обязательно в другом месте, Иван попросил всех посмотреть, когда они будут дома, на каком выезде из города отделения полиции дальше всего, а Роман добавил, что неплохо бы и прилегающие деревни осмотреть, потому что там тоже есть кому дежурить. Зато теперь известно, что на подобную операцию нужно не более пятнадцати минут и вообще хорошо это Иван придумал с ключом, забрать его, чтобы нельзя было попасть в машину и открыть прицеп изнутри. Клара может чуть ли не впервые выступила не с вопросом, а с предложением касаясь «практики»:

— Надо только какой-то другой способ остановки придумать, потому что теперь всех водителей сто процентов предупредят, — она задумалась, — да хоть не останавливаться, уж с разбитым стеклом десять минут, пока приедут менты каждый сможет потерпеть, да и я конечно понимаю, но возможно после вызова нас будут встречать по всем населённым пунктам вокруг. Какие проблемы всё окружить в довольно небольшом радиусе? Мы-то пешком.

Иван посмотрел на неё и сделал выражение лица, как понадеялась Клара, которое означало «неплохо, неплохо», сказал, что лично он прямо сейчас не может ей ответить, потому что не особо продумывал вообще следующую практику. Все стали предлагать свои варианты, но вопросы были поставлены так, что многое отметалось, часто даже самой Кларой, она всегда находила затык при котором их бы схватили. Сейчас она не задумывалась откуда у неё так развилось стратегическое мышление, но скорее всего, за него можно поблагодарить свою недельную паранойю, именно она ей каждую ночь показывала фильмы, в которых их всех непременно задерживали, бросали в тюрьмы, а потом сразу представлялось как мать начинает говорить, что она всегда знала, «что так и будет». Возможно это пугало даже больше тюрьмы, точнее делало неприятным, ведь с каждым днём в Кларе презрение к матери замещалось каким-то спокойным равнодушием, а время от времени даже сочувствием. Сочувствием от того, что Клара подумала, что сама только из-за стечения обстоятельств, болезней, не пополнила собой армию «нормальных» людей.

Про этих самых нормальных людей заговорила к чему-то Аня, она, как оказалось, до сих пор работает продавцом в небольшом алкогольном магазине, и заметила, что если раньше «пациенты» могли приходить к ней по несколько раз в день за маленькими бутылками, то теперь ходят строго раз в сутки, тоже самое касается и тех, кого она видела пореже, клиентура стабилизировалась и она уже почти каждого узнаёт в лицо. Такое ощущение, что водка, а теперь покупают только её, стала обладать каким-то таймером удовольствия, людям хватает примерно на сутки, а потом надо идти за новой дозой и так каждый раз.

— А нет такого, чтобы всем нужно было больше и больше? — удивился Роман.

— Да не сказала бы, — ответила ему Аня, пожав плечами.

— Если это реально какой-то изменённый состав, — предполагал Иван, — то они могут концентрацию чего-то там просто увеличивать в каждой новой партии, и так может всегда хватать одной бутылки.

— Ну кстати да, — согласился с рациональной мыслью Дима, — а ещё они каждый день только злее, Клара не знает, а вы все знаете, что я работаю в банке, так ко мне теперь каждый день цепляются и я вообще не понимаю претензии, а мой начальник тоже на своей волне, ну вместе с этими, сказал, что ещё одна жалоба и я пойду работать в обменник. Это при том, что я программист.

— Так как на тебя тогда могут пожаловаться? — не поняла Клара, да и не только она.

— Приходят, вежливо общаются с консультантом, что куда-то делись их деньги, консультанты связываются с техподдержкой, с техподдержки приложения отправляют, всегда, — это словно он выделил, — только меня «разбираться», как они говорят, с проблемой человека, ну, а дальше уже дело техники, пару раз, например, деньги исчезали, потому что их списывала микрокредитная организация, а виноват был я, потому что я «вру», никаких кредитов никто не брал.

— И как всё разрешается? — искренне было интересно Кларе.

— Всё тоже самое вместо меня говорит кто-то, сама понимаешь с какой физиономией,

и всё, конфликт улажен, мне выговор или лишение премии и на этом всё.

— Да меня на работе тоже не очень любят, — решила поделиться на этот раз Клара, — я тоже всегда во всём виновата, я могу всё заказать, всё подтвердить документами, но всё равно будут намёки, что я что-то украла, что клиенты не приходят, потому что я устроила бардак в своей коморке, я прихожу на работу первой, но бардак на работе, потому что я «опаздываю», ну и перечислять можно бесконечно. Мой начальник на месте не очень часто, но и он постоянно говорит, что мне страшно повезло у них работать, они мне сильно переплачивают, хотя у меня самая низкая зарплата, — Клара подумала, что её понесло, — ай, ладно короче, — она виновато улыбнулась.

— Может приходи ко мне на работу, скорее всего тебя спросят какой район предпочитаешь, вот скажешь моё отделение, — предложила ей Аня, — ты как-то сказала, что кроссовки это полторы твоих зарплаты, да?

— Примерно.

— Значит перейдя ко мне будешь получать в три раза больше чем сейчас.

Глаза Клары раскрылись на самую большую ширину.

— А работать можем по восемь часов, если придёшь, сейчас я одна, меня только на выходные подменяют, а так я сижу с десяти до десяти, хотя магазин вроде как с семи должен работать.

— Блин, а где он находится? Чтобы я успевала доезжать, а то у нас там транспорт сильно поубирали.

— На Колодезной, это за городом, если что.

— А, я знаю в принципе, — кивала головой Клара, — смогу добираться пешком за часок.

— Ну всё, зайдёшь на сайт, заполнишь форму, скорее всего тебе позвонят, может ты когда-нибудь уже работала продавцом.

— Да, — она с улыбкой глянула на Ивана, как-то позабыв о том, что так делать нельзя, — даже за кассой стояла иногда.

— Пф, — Аня махнула рукой, — тогда точно возьмут, сегодня на остановке будем вместе сидеть, если никого не будет, то я тебе скажу какой номер моего магазина, чтобы ты попросилась, да и он один на той улице, если забудешь посмотришь в интернете.

— Ну точно можно будет по восемь часов? Потому что по двенадцать я уже всё, — Клара сложила руки крестом.

— На сто процентов не скажу, — Аня посмотрела куда-то в угол и вверх, — но скорее всего.

Разговор продолжился своим чередом, даже достигся некоторый консенсус относительно следующего подрыва машины: будет куплен старый автомобиль, в котором никогда не было никаких GPS-систем, он будет оставлен в отдалении от выбранного места, чтобы водитель грузовика его не увидел, и не мог описать кого перехватывать, а поедут они не по домам, а в какой-нибудь другой город, а там уже все разбредутся на разных поездах или автобусах.

Всю неделю до очередного преступления стояла отличная погода, такая должна была сохраниться и на сегодняшнюю ночь, однако к рассвету поднялся ветер, а небо, которое всю ночь простояло чистым начало затягиваться серыми пятнами облаков. Место для нового подрыва оказалось тем, где Клара дежурила впервые, после неё здесь побывали ещё три человека и каждый установил, что по воскресеньям здесь машины проезжают в шесть утра, и

на этот раз все готовились к этому же времени, часы показывали 6:03, вдалеке слышался характерный гул. Клара и Аня сидели по одну сторону дороги, а трое мужчин с противоположной, между обочинами лежал еле заметный и не очень толстый, диаметром не более полсантиметра металлический трос. Звук работы двигателя становился всё ближе, да и сама машина уже была видна, ещё максимум минута и она пронесётся на большой скорости мимо пятерки бандитов, однако именно в этот миг какая-то невидимая сила натянула стальной канат, он резко взметнулся в воздух, сделал несколько змеиных движений из-за того, что его то напрягали, то ослабляли, не понятно кто, по крайней мере для водителя, который это сейчас видел. На этом приключения только начинались: трос отчётливо полетел вправо, а вслед за ним молодая сосна, ствол которой почти можно охватить двумя большими мужскими ладонями. Дерево конечно же было подпилено заранее, в предыдущие заезды сначала Романа, потом Ивана. Как только ствол с хрустом отломался, то Кларе он чуть не ударил по носу, а водитель резко затормозил, с этого момента всё пошло по старой схеме, разве что мужчина со следами уродства на этот раз попался какой-то не расторопный: двери не заблокировал, полицию не вызвал, Иван ему даже вежливо подсказал нажать на специальную кнопку, чтобы сюда как можно скорее прибыли блюстители порядка.

Роман решил не останавливаться только на прицепе и пробил бензобак чем-то острым, будто какой-то заточенной отвёрткой, топливо тонкой струйкой потекло на асфальт, как только возникла небольшая лужица Рома поджог её с помощью спичек и стал догонять уже прилично ушедших с места преступления соучастников. Через лес пятёрка обогнула находящиеся рядом дачи и добралась до заготовленного древнего минивена, что стоял на обочине просёлочной дороги, подходившей к дачам с другой стороны. Ключи были только у Димы, он в общем-то и купил эту машину за наличку по объявлению в интернете, откуда у него даже такие деньги никто не спрашивал, хотя за подобную рухлядь много выложить скорее всего не пришлось. Роман прямо на бегу попросил открыть ему багажник, что и было сделано Аней, он будто всю жизнь к этому готовился, в один прыжок упаковался туда, далее Аня и Клара сели на задние сиденья, условно конечно, фактически они сидели на полу, там же расположился и Иван, а Дима повёл машину к следующему бескамерному пустырю где сможет всех выпустить, да и сам убежит, на этой машине ему очевидно возвращаться в город нельзя, потому что пока о том, что она у него есть знают только его друзья и продавец. Ехали несколько часов и молча, спустя этот промежуток времени Диме показалось, что лучше им уже ничего не встретится, и все бросились в рассыпную из машины.

Как оказалось, они удалились от своих домов более чем на сто километров, кто-то на первой попавшейся остановке ждал автобуса целые сутки, кто-то, например, Клара, уехали из чужих мест в одиннадцать часов дня, одежда, чтобы сменить свой внешний вид была и на этот раз, поэтому сейчас Клара ехала, испытывая необъяснимую смесь из чувств опасности и безопасности одновременно. Домой добралась ближе к вечеру, мать с отцом решили на неё напасть прямо с порога, что она стала совсем худой, у неё «теперь нет жопы и сисек», никто на ней не поженится, а ей уже пора внуков, возраст у Клары всё-таки. На этот раз всё пропустилось мимо ушей, спалось почему-то после этого раза подозрительно хорошо.

Следующие встречи проходили в основном в спорах Ивана и Димы о том, как именно продолжать вести дела, Иван настаивал на том, что нужно делать что-то яркое раз в год, но при этом масштабное, а Дима говорил, что лучше бить по мелким целям вроде машин, небольших магазинов, их тоже поджечь даже легче, только из-за того, что почти всё находится в городе, то от камер крайне тяжело скрываться, тебя почти всегда можно

отследить от и до, а иногда невозможно, но даже это лучше, чем то, что предлагает Иван. А Иван ближайшими целями избрал самый большой логистический центр, на котором находится постоянно не один десяток машин перевозящих спиртное, и это только те, что заметны, с логотипом алкогольной корпорации, а потом может быть и сам завод как-нибудь подорвать. Дима же возражал на это, уже немного даже меняя тон на не очень вежливый, что и на логистическом центре будет полно охраны, если даже вырваться с территории, то вот здесь оцепить периметр будет не сложно, а взрывать завод — это вообще чушь, потому что просто облить всё бензином — мало, ничего только лишь от этого не взорвётся. Иван сказал, что спешить некуда, ведь «всё равно практикой нам заниматься всю жизнь, продумывать это можно несколько лет».

— Только возможно ищут нас прямо уже сейчас, — заметила Аня косвенно заняв сторону Димы, — на несколько лет нам планировать не очень много смысла.

На что Иван вздохнул и сказал, что да, завод — это слишком, пока, дерзкая затея, но продолжил давить насчёт логистического центра и в итоге все согласились, хотя Дима согласился скорее от того, что устал спорить, чем действительно поверил Ивану. Далее особо участия в дискуссии не принимал, нельзя было сказать обиделся ли он или просто ушёл в себя обдумывая что-то, но в основном говорили и спорили все оставшиеся ночи только четверо, он же с видом между недовольным и равнодушным со всем соглашался.

Это была одна из последних тёплых сентябрьских ночей, логистический центр и примыкающая к нему стоянка были полностью освещены, если не брать в учёт заднюю часть строения, здесь не установили ни одного фонаря и даже камер было не особенно видно, потому что сразу за забором было какое-то давно заброшенное производство, может быть оставленная птицефабрика, а за ней лес, видимо владельцами данной территории было решено, что если здесь кто-то и пролезет, то пока дойдёт до машин всё равно попадётся в поле зрения какой-нибудь из камер. Возможно так и было бы, соблюдай охрана и водители все правила, например, не парковали здесь прицепы без машин, которые всё равно пустые, видимо по этой логике их здесь и оставили. Однако теперь они послужили отличным прикрытием для проникших на охраняемый объект пятерых людей, потому что камеры на здании не могли их засечь за множеством прицепов, а камеры на заборе были направлены за территорию, вот так преступники и просочились к интересующим их грузовикам. Те стояли в самом начале стоянки, на самом освещенном месте, рядом дорога, ещё ближе небольшая будка, в которой помимо сторожа помещается похоже только один его стул и в таких условиях он должен сидеть всю ночь, так ещё и нажимать каждые пятнадцать минут кнопку, которая свидетельствовала бы о том, что он не спит.

Возможно во множестве квадратных километров только эти шестеро и находились, при этом пятеро из них уже проткнули баки более чем десяти машинам, пока готовились даже научились отличать машину на электричестве от бензиновой: у той что на бензине есть выхлопная труба, удобно расположенная рядом с баком, проще идентифицировать «жертву». Наверное, когда Роману просто захотелось наделать в машине дырок в прошлый раз, он даже не догадывался какую идею подкинул Ивану, который время от времени сейчас пересекался с Кларой, она в свою очередь не могла определить ей кажется, что глаза бывшего начальника, а сейчас только их и видно, самые счастливые за всё время их знакомства, или это реально так, он вроде даже похихикивал от радости.

Так или иначе, по асфальту вниз, кстати крайне удобно, текли ручейки бензина, сколько машин в итоге было пробито бандиты уже сбились со счёта, обувь и одежда у всех изрядно

вымочилась, что создавало опасность. Когда они встречали друг друга, то сообщали, что пора уходить, поэтому менее чем через две минуты все собрались у заранее оговоренного места, не все конечно с первого раз попали, так как очень проблематично определить между одинаковых машин где именно ты находишься, но в общем-то справились. Поднести спичку на это раз опять доверили Роману, так как именно он был изобретателем такого способа, он в свою очередь сначала осмотрелся, чтобы никто вдруг не стоял в луже, и он сам в том числе. Спички будто отсырели от бензина, и никак не зажигались, иронично. Только Кларе было не до ироний, во время практики она волновалась как первый раз и боялась, что их вот-вот схватят, поэтому достала из кармана пластиковую зажигалку, которую захватила на всякий случай и подожгла струйку, та хоть и текла неспешно вниз, никак не была против того, что огонь отправился вверх между прицепами, вызвав, вдруг, яркую вспышку, видимо воспламенились скопившиеся пары. Никто решил не рассматривать, что будет дальше, а ломанулись назад, хотя ломанулись не то слово, хоть и нервно, но уходили тем же путём, что и попали сюда, как обычно переоделись, а одежду, которая была на них сожгли в лесу, каждый в своём месте, им послужило уже кем-то ранее устроенное кострище.

На следующий раз, Клара, включив телевизор на кухне, чтобы что-нибудь бубнило пока она ест, в новостях увидела, что их деянию предали всенародную огласку, однако из содержания сюжета делался вывод, что случилось вообще не понятно что, всё загорелось само и было быстро потушено, пострадали только машины и только завода «Родниковый», который выпускает одноимённую водку, и конечно же не её одну.

«Значит Иван всё правильно рассчитал», — подумала Клара, а потом в голову пришла мысль о том, что возможно им специально не показывают, как уже вышли на их след, хотя если так, то почему Ивана с Димой никто не ловит уже много лет, да и их самих за четыре месяца вроде никто никак не смог отследить. Но решила не волноваться почём зря, а заполнить форму на сайте, о котором говорила Аня, потому что на этой работе ей хоть и более-менее спокойно, но денег для выживания не хватает, а это она платит только треть цены за квартиру, отдаёт за себя, хотя вряд ли пользуется и третью электричества и воды, а также покупает себе еду, по привычке только акционную, да и на данный момент, если покупать другую, то денег не хватит до следующей зарплаты, а тут вроде сразу в три раза больше.

02.2045

Каждый последующий день всё ослаблял Кларино беспокойство по поводу поимки их организации, да и из обсуждений примерно к декабрю всё сместилось к различным абстрактным вещам, никак не связанным с чем-то криминальным. Как раз в декабре Клара устроилась на новую работу, даже несколько смен провела одновременно с Аней, пересекаясь с ней на несколько часов, как когда-то в магазине бытовой химии с другими напарницами. О том, что она всё сделала правильно подумала в середине месяца, когда пришла зарплата за полторы недели, и за этот срок денег было столько же, сколько на предыдущем месте за месяц. Из минусов можно отметить то, что контингент попадался ещё более неприветливый, чем был в ресторане, но там она почти ни с кем не взаимодействовала, зато здесь, всё как и описывала Аня: ближе к вечеру начинается самый напряжённый период, пик происходит с пяти до семи, а к 20:00 плавно спадает и снова пусто. Однажды смены выпали очень странно, что Клара и её коллега работали вместе до самого закрытия ровно в полночь. Транспорт в это время не ходил, поэтому Аня предложила

пойти к ней домой, ведь она живёт совсем близко, «да и вдвоём всяко безопасней», — что действительно довольно весомый аргумент. Хотя девушек окружающие мужчины и видели примерно так же как девушки их: изуродованными, грязными, вообще мало напоминающими людей, желания с ними пообщаться это не убавляло, но только не для знакомств, а для грабежа или просто спуска накопившейся агрессии.

— Ты заметила, — начала по дороге до дома коллеги Клара, — что некоторые как будто стесняются покупать, или не хотят типа?

— Ну да, стали появляться какие-то грустные время от времени, а я уже думала, что новая водочка без побочных эффектов, но что-то видать есть.

— Можешь, кстати, рассказать, как так вышло, что ты не пьёшь?

— Домой ко мне придём, — улыбнулась Аня, — сама всё поймёшь.

— Потому что родители — алкаши?

— А у кого-то они что ли не алкаши? Давно ты вообще видела людей, у которых нет проблем с этим делом? — будто разочарованно проговорила Аня, — а так да, отец бил мать, я вообще уже весь градиент синяков знаю, потому что такое чувство, что как только у неё проходило лицо, она получала снова.

— А ты же когда-то говорила отчим? — вспомнила Клара.

— Ну может он конечно мне и родной, — грустно-весёлый тон был при Ане, — просто как-то в детстве он орал, что бы мать забирала свою ублюдину, ну это меня, и уходила, мягко говоря, ты, наверное, спросишь, чего она с ним оставалась? Этого не знаю. Раньше она говорила, что из-за меня, хотя для меня было бы точно лучше не жить с ним, да и сейчас вот мы могли бы снять с ней вдвоём комнату, чтобы с ним не пересекаться, а она сидит там.

— Она у тебя что ли не пьёт?

— Пьёт, но у неё не возникает зависимости, она не становится уродом.

— Я всю жизнь называла это страшными масками, — поделилась Клара, — в детстве подумала, что это маски.

— Насколько в детстве?

— Мне кажется в детском саду.

— Ого, — Аня даже чуть замедлила шаг, — у меня примерно с одиннадцати лет началось, и то я чуть не померла со страху, когда в первый раз увидела отца таким.

— Мне кажется, я просто не верила, что это всё на самом деле. Ну кстати мне, например, такое раннее знакомство с уродами вообще не помешало бухать лет с пятнадцати и бросила я только вот летом в позапрошлом году.

— Значит Иван тебе почему-то поверил, думаю не страшно, что я про других людей это сообщу, но только Дмитрий бывало, что пил, и то без каких-либо проблем.

— А я, — Клара засмеялась, — очень даже с проблемами. Ну всеми вытекающими со здоровьем и так далее, в общем хорошего явно ничего, а у вас есть какое-то объяснение почему мы это видим? Я думала, что это как-то с рождения, а ещё честнее: что-то с головой.

— Роман как-то сказал, что мы, наверное, имеем ДНК какой-то народности, которая не переносит ничего алкогольного, Иван говорил, что это что-то эволюционное и со временем будет у всех людей.

У Клары сверкнуло в голове будто молнией.

— Блин, — она хлопнула в ладоши, — в детстве мне дед что-то такое говорил, что была какая-то народность, к которой он вроде бы принадлежал и они тоже видели уродов в пьяных людях, только мне тогда было лет шесть или семь, я вообще ничего особо не поняла.

— А твой дед откуда мог это знать? — удивилась Аня.

— Вроде бы он тоже мог это всё видеть, я точно знаю, что он не пил, с отцом вроде бы у них были проблемы на этой почве, хотя у отца тоже зависимости нет кажется, да и вообще отец сказал, что дед был шизофреником и я такая же.

— Ну какой-то распространённый вариант шизы, как я посмотрю, — казалось, что Аня даже немного разозлилась, выдохнула, — ну вот мы уже и пришли.

Девушки поднялись на десятый этаж двенадцатиэтажного дома, если верить кнопкам в лифте, некоторые из них помяты, некоторые вообще вырваны.

Квартира оказалась трёхкомнатной, налево комната Ани, чуть правее небольшая комнатка с открытой дверью, из которой в неосвещённый коридор льётся тусклый оранжевый свет и лучше бы сейчас он вообще не горел, потому что единственная дверь на распашку являла глазам девушек следующую картину: большая кровать заправлена давно требующими стирки простынями, одеяло скомкано и большей частью на полу, на кровати в странной раскоряченной позе на животе и с голой задницей лежит мужчина, с лазерной точностью отодвинувшийся от внушительных размеров желтого пятна на простынях.

— Обсикался папа, — закрывая дверь произнесла Аня, одновременно открыв проход в свою комнату.

— Да уж, такого даже у меня не бывает, — с юмором и сочувствием заметила Клара.

Аня ответ только пожала плечами и предложила сразу ложиться спать, сама сказала, что разместится на полу, а Клара может ложиться в её кровать, односпальную, кажется даже не рассчитанную на взрослого человека. Аня рвалась поменять постельное бельё специально для своей гостьи, но гостья не дала, ведь даже так с удивлением для себя, быстро заснула и всю ночь хорошо проспала. С утра без гигиенических процедур побежала к себе домой, добраться тут можно было и без транспорта, примерно за час. Настроение почему-то было хорошим, даже столкновение матерью Ани, видимо пришедшей домой глубокой ночью и с утра одарившей Клару взглядом полным отвращения никак его не испортило.

Дни сменялись, Клара подкопила даже немного денег, что довольно-таки успокаивающе на неё действовало. Очередной новый год встретила одна и дома, но в этот раз не было даже и налёта грусти, потому что она понимала, что теперь у неё есть настоящие друзья, о которых правда почти ничего не знает, а также финансовая безопасность. Накоплений хватило бы на средненький мобильный телефон, но и это намного лучше того, что было раньше, когда от зарплаты до зарплаты никогда не хватало. Со своими друзьями за весь январь удалось встретиться один раз, точнее коллегиально решили, что до конца месяца особо нет смысла приходить на занятия. Зато уже на первой же февральской встрече Клара хоть и пришла вовремя, но к началу жаркого спора опоздала.

— Не знаю, это не особенно похоже на правду, — говорил Иван Диме, совершенно не смотря на него, — может так было у вас в семье, практически все люди живут не так.

— Так кто в этом виноват? Ты там посмотрелся своих блогеров и теперь просто повторяешь! — парировал Дима.

— Каких блогеров? Как будто и так не видно, что сам капитализм порождает именно такую ситуацию как сейчас, не знаю, как тебе, а мне заметно, что они уже вышли на новый уровень, бухают теперь все, все абсолютно счастливы пока не заснут, потом целый день они условно адекватные, а к вечеру просыпается страшная жажда и они бегут за новой бутылкой.

— В нормальных странах не так.

— В каких нормальных странах? Уже давным-давно нет нормальных стран, — было

видно, что Иван начинает злиться, — да и до всех этих кризисов уже тоже всё шло не туда, даже Советский Союз.

— Не знаю кто тебе что в уши напел, ты был хотя бы где-то в нормальных странах?

— Как будто там надо быть, чтобы понять, что всё примерно тоже самое, динамика там явно не в положительную сторону.

— В смысле? В Польше вон одни из лучших компьютерных игр теперь делают.

— Это не показатель, — покачал головой Иван.

— Да уж, — Дима глубоко вздохнул, — разочаровал ты меня.

По Ивану было видно, что он даже немного растерялся от такого заявления, и будто бы испугавшись данного факта решил сдаться и чтобы не разочаровывать своего соратника ещё больше, замолчал, но ненадолго.

— Это всё вытекло из того, что я сказал, типа неплохо бы иметь зарплатную зависимость, когда каждое следующее звено получает не более чем на тридцать процентов больше предыдущего? У тебя загорелось одно место, что оказывается работникам надо платить нормально, а не как можно меньше?

— Это правила рынка, никто не обязан тебе платить больше, чем стоит твой труд.

— Так может по этой логике все и живут в нищете, а потом не выдерживая давления, что с одной стороны их долбят тем, чтобы они потребляли больше, а со второй нигде ни черта не платят, они и начинают бухать, не думал?

— Они нищие потому что бухают, а не наоборот, пить все начинают в школе, а кто-то не начинает, например, а учиться, ты вот учился, чтобы теперь каких-то денег хотеть? А то, что спиртное стало вызывать зависимость намного сильнее — я и не отрицаю.

— То есть те, кто не учился теперь обязаны жить в дерьме? И не важно, что не у всех были на это деньги, у тебя родители не пьют насколько я знаю, тебя водили по репетиторам с шестого класса, тебе оплачивали универ, у кого-то таких возможностей не было и близко, всё? Им сидеть в грязи и не высовываться?

— Ещё поноешь?

На что Иван только вздохнул, но его решила поддержать Аня.

— Это кстати правда не совсем логично, потому что, думаю, люди любой профессии должны жить достойно, хотя бы нормальная еда и одежда должны быть им доступны без проблем, а говорить, что не учился — вот и живи бомжом, ну... как-то не честно, делать уроки с репетитором и под пьяные визги или, когда твоя мамаша трахается за стенкой, а я знаю тех, у кого и с ними в одной комнате, знаешь, то ещё удовольствие.

— Вообще мы начинали, — вступил в разговор Роман, — с того, что не могли решить в какую сторону двигаться: похищать акционеров заводов или подрывать заводы.

— Ну, — сказал Иван.

— Ты не подвякивай, — резко выпалил Дима, судя по всему в адрес Ивана, хоть вроде и не смотрел ни на кого, но голова была чуть повёрнута в сторону и сейчас сидевшего рядом бывшего одноклассника.

Иван совсем уж растерялся и никак не ответил. Клара, пожалуй, никогда его таким не видела, она была почему-то уверена, что этого человека невозможно зацепить, особенно так легко, такая сконфуженность бывшего начальника вызвала у неё в душе какую-то неловкость, в некоторой степени даже жалость к нему. Дима тем временем продолжил:

— Думаю мы должны заняться похищением людей, и я не понимаю почему некоторые, кто себя тут видимо к коммунистам относит, так отвергает мою идею, мы ж будем воровать

буржуев, которых ты так ненавидишь кстати.

— Если что — это моя идея, как и почти все остальные, — вернулся в реальность Иван, — даже заводы подрывать ещё рано, у нас нет хотя бы каких-нибудь гранат, бензином мы явно ничего не подорвём, да и после того как перелезем забор, нас скрутит ЧОП, а потом передаст ментам, которые очень быстро сложат два плюс два, ведь скорее всего каждый водитель говорил про пять человек, про троих длинных и двоих низких.

— Ну и?

— Ну и где ты собрался похищать акционеров, допустим мы найдём информацию где конкретно их дом в городе, выследим, ещё что-то, ладно, но районы напичканы камерами, полиция подъезжает не более чем за пять минут, что ты сделаешь за это время? А главное смысл, если мы всех владельцев словим в один день и утопим в речке, завтра же на их место вступят другие.

— Не вступят, они будут бояться, — уверенно отвечал Дима.

— И перестанут производить водку и всё остальное? — тут уже усомнилась в плане Клара.

— Не перестанут, но мы поселим в них страх. — Дима стоял на своём.

— И что дальше? — Иван уже не скрывал своих чувств, — при нашей жизни вообще вряд ли что-то изменится, да и точно не мы хоть что-то изменим, поэтому нужно им вредить как можно дольше, как когда-то Роман говорил, чтобы подобные нам люди могли видеть, что они не одни.

— Ну так что ты здесь вообще делаешь тогда, если ты ничего не хочешь менять? — опять упрекал Дмитрий Ивана.

Клара про себя отметила, что Иван вообще не об этом сказал, а Дима тем временем непонятно зачем, вернувшись к уже вроде оставленной теме стал доказывать почему капитализм лучше коммунизма, хотя Иван себя таковым вроде никогда и не называл. Посреди спича, который Клара уже даже устала слушать Иван глянул на неё, подняв брови и грустно улыбнувшись покрутил пальцем у виска. Клара машинально улыбалась ему в ответ и медленно растворила данное выражение на своём лице. Потому что теперь она не могла отвести от него глаз, по груди будто разлился горячий металл, а сердце, казалось, чуть ли не с болью щекоталось об рёбра, ведь почти тридцатилетний мужчина смотревший сейчас на неё как бы резко, на мгновение стал ребёнком, а у Клары раскатом грома в голове, ударив по вискам произнеслось: «Абышев».

— Иван, — сразу же обратилась она к нему, тоже весьма не понимавшему почему Клара как будто парализовалась на несколько неестественно длинных мгновений, — у тебя фамилия начинается на А?

— А, — бывший начальник задумался, чуть сдвинув чёрные брови разглядывал Клару, — что?

На Клару уставился и Дима, который в общем-то одним только этим подтвердил Кларину догадку.

— Мне кажется я тебя вспомнила, если ничего не придумала, то когда-то в детстве родители оставляли меня на ночь у Абышевых, это их друзья, были, там был мальчик на лет пять старше меня, он мне рассказал про уродов, я тогда под впечатлением осталась, это ты, Абышев?

— Я — да, — улыбался Иван, улыбались и Роман с Аней, так же сидящие напротив, — только я тебя ещё в магазине узнал, ну ещё посомневался, пока имя не увидел.

— Так, а чего ты молчал? — Клара явно говорила с претензией.

— А что нужно было говорить? — искренне не понял Иван, — я почему-то думал, что ты меня вообще не помнишь, ну ты и не помнила, как мы выяснили, а про своё состояние тогда сама всё знаешь.

— Так, — прервал разговор Роман, — что-то мы за месяц как правила позабывали, личная жизнь тут не обсуждается, а споры ведутся аргументами, а не манипуляциями.

— Вот я и не слышал опровержения моих аргументов, — сообщил Дима.

— Значит составишь план, как и что конкретно делать. Раз дальше пока решения нет, то посмотрим твои соображения и будем действовать по-твоему.

— Ладно, до встречи через неделю, — Дмитрий резко встал и пошёл к выходу, хотя на дворе была ночь и до первого транспорта ещё явно далеко.

03.2045

Субботнее утро, у Клары выходной день, специально поднявшись пораньше, чтобы приготовить себе поесть в одиночестве, стараясь не нарушить тишину она включила маленький телевизор, который чёрной прямоугольной дырой висел в углу кухни. А там её как будто бы и поджидали.

«Целая ячейка террористических группировок действует на территории республики, можно считать звеньями одной цепи события, которые происходят в разных масштабах уже несколько лет».

Если сначала Клара как-то не обратила внимания, то на «звеньях одной цепи» полностью переключилась на телевизор, забыв о разложенных продуктах, а там рассказ дополняли всё новые подробности:

«В некоторых маленьких городках страны повальная смертность связана с тем, что часть людей была каким-то образом просто отравлена, следствие обязательно выявит проблему и виновников, так же немаловажным остаётся тот факт, что в результате атаки на один из логистических центров были уничтожены запасы ингредиентов некоторых лекарств, медицинской техники...», теперь она уже не сомневалась, что речь идёт об организации в которой состоит Клара, но там говорили о каких-то группировках, мол их много, руки тряслись, аппетит пропал, хорошо, что вечером будет собрание и там всё должно проясниться.

Так как Клара весь день подгоняла время, чтобы поскорее наступил вечер, минуты текли аномально медленно, мать приставала с расспросами о том, куда ходит её дочь по ночам в последнее время, Клара же на это только огрызалась, но в этот раз почувствовала какой-то укол стыда впервые за долгое время. Похоже всё из-за того, что мать сегодня трезвая, да и сама интонация не содержала никакой агрессии или наглости, выглядело так, будто маме действительно интересно. Вместо того, чтобы начать очередную ссору с дочерью получив для этого прекрасный повод в виде того, что дочь как всегда орёт, мать просто закрыла дверь в комнату подозрительно скромно и тихо.

Позже когда Клара ходила в неизвестно какой раз на кухню, чтобы открыть или закрыть холодильник, посмотреть в окно или ещё зачем-нибудь, взгляд сам собой зацепился за мать и картина была абсолютно нетипичной: весь возраст, который у матери прятался за страшной маской сейчас будто за день обрушился на неё, худая женщина, с тусклыми седыми волосами сидела на диване в три четверти оборота развернувшись к телевизору и обеими руками держась за живот покачивалась, на обезображенном лице легко читались

боль и беспокойство.

— У тебя болит что-то? — спросила её Клара без лишних церемоний и даже не входя в комнату, словно стоит не за открытой дверью, а за каким-то забором, даже шею вытянула так, будто ей что-то мешает видеть мать.

— Да это так, по женской части, — махнула мама рукой, — ты сегодня куда-нибудь собираешься?

— Не знаю пока, — хотя Клара знала, но сейчас задумалась над тем, что не может определиться: мать забыла свой такой же вопрос, звучащий пару часов назад или так хочет добиться ответа, — а где папа сегодня?

— В магазин поехал, представляешь нигде нормальных продуктов уже купить не можем.

— Я вчера заходила, вроде бы всё было.

— У вас в магазине?

— Да и у нас тоже.

Мать снова устремилась к телевизору, еле слышно простонав, скорее всего из-за болей в животе. Клара сразу раскусила, что под нормальными продуктами мать имеет ввиду спиртное. Опять немного расстроилась и решила сходить куда-нибудь чтобы скоротать время до двадцати ноль-ноль, когда ей нужно будет выходить на «занятие». Ходить в знакомом районе уже порядком поднадоело, поэтому пешком она отправилась в Весенний район. Там живут только богатые, правильнее сказать сказочно богатые, так как цены на землю такие, что вряд ли подобную сумму можно взять в банке в кредит. Вот только обнаружилось, что сегодня попасть туда можно по единственной улице, да и в том лишь случае, если ты курьер или житель, потому что практически по всем въездам в район идут какие-то работы: то асфальт перекладывают, то вообще перестраивают дорогу, то трубы меняют. В общем, где бы не пыталась Клара просочиться — везде находилось препятствие.

Зато в районы для простых смертных вход был всегда свободен, потому что от такой проблемы как ремонт дорог или чего-либо ещё, они были полностью избавлены. Пока она бродила здесь время от времени, поглядывая на телефон и каждый раз не удовлетворяясь тем, что показывают часы, заметила, что стоит не мало очередей в алкомаркеты, хотя буквально вчера всё было как обычно. Вчера она спокойно отработала, очереди конечно скапливались, но только чуть больше среднего. Зайдя в торговый центр Клара пошла проверить наличие продуктов, тоже вроде бы всего хватало, кроме спиртных напитков, там полки были абсолютно пустыми. А что ещё бросилось в глаза, так это то, что на неё смотрели не с отвращением как обычно, а будто прося помощи. Мужчины и женщины, если не стеснялись взглянуть ей в глаза, то всегда одаривали её жалостливым выражением лица, но не к ней, а будто к себе, словно заболевшие звери они чувствовали какую-то боль, но не могли сказать ни то что ей, а хотя бы себе. По пути домой, когда уже идеи о том, куда можно сходить исчерпались, Клара наткнулась на картину, которую видела только в фильмах: во дворе, обнятом с четырёх сторон многоэтажными панельными домами, проходили похороны, закрытие гробы были выставлены так, будто кто-то вымерял где центр у этой импровизированной площади, а рядом суетятся люди, многие плачут, но не громко, без всхлипываний, просто утирая никак не заканчивающиеся слёзы. На лице каждого алкогольная печать, в движениях тела будто фонит боль, сгорбленные, так же как и её мать, держащиеся за животы, за свои сердца или растирающие виски. На миг Клара подумала, что спит, но всё равно поспешила домой, да и времени до собрания оставалось уже не так и

много.

К вечеру улицы были заполнены ещё сильнее, страдания будто оставили многих сменив их вместо привычной пьяной «доброты» агрессией, но не к Кларе, её перестали вообще замечать. Изуродованные тела рыскали и всматривались в других таких же изуродованных. «Наверное они ищут тех, у кого есть водка», — подумала Клара и поспешила к друзьям, потому что слишком странные события происходят в течение всего дня.

— У тебя в районе тоже это происходит? — спросила Клара Ивана, который пришёл через несколько минут после неё, став вторым человеком в брошенном коровнике.

— Да, сейчас все придут и будем думать.

Совсем скоро появились ещё трое и началось обсуждение. В результате него пришли к выводу, что из-за взорванной стоянки они, похоже, утилизировали огромное количество готовой продукции, просто из-за запасов до этого времени не сильно ощущалась такая просадка в товаре. Аня как раз высказала довод в пользу этого: к ним уже несколько месяцев не приезжает машина. Она-то это связывала с тем, что может производители хотят создать дефицит и таким образом поднять цены. Иван сейчас сидел и кажется, справлялся со своей улыбкой, ведь на весах спора, который разразился здесь на прошлой неделе он набирал всё больше веса.

— Получается, что лучше уничтожить логистические центры, лучше всего конечно заводы, — поправил Иван сам себя, — но это почти невозможно, а вот ещё раз что-нибудь поджечь очень даже ничего.

— Скорее всего теперь каждую стоянку будут охранять так, что мы и на километр не подберёмся, — разбавлял радость Ивана Рома.

— Каждую они охранять точно не смогут.

— Вы слышали или видели новости, что в области люди умирают и это тоже вешают на нас? — перевела тему Клара.

— В каком смысле? — Аня новости явно не смотрела.

— Говорят, что подрывы и смерти людей — это звенья одной цепи, я сегодня с утра смотрела это всё по телику, что мол группировки террористов весной подорвали большую стоянку, а там составляющие лекарств были, медицинская техника и так далее.

— Такого там точно не было, — серьёзно сказал Иван, — мы все сами видели чьи машины мы поджигали.

— А там были только от водочного завода? — с надеждой спросила Клара.

— На сколько я помню — да, — Рома говорил не очень уверенно.

— Только вот сейчас они так не собирают машины в одном месте, — заговорил Дима, — а охотиться за каждым отдельным грузовиком особо нет смысла.

— Это у нас в городе, а в областях точно всё делают по-старому, — опять вступал с ним в спор Иван.

— И что, как поедem в области?

— Каждый отправится в пять городов, предварительно выяснив где самые крупные логистические центры, поедет на денёк на автобусе посмотреть точно ли именно там алкогольная стоянка, что там насчёт охраны и так далее, а дальше как обычно, выберем куда легче пролезть и сделаем всё как всегда, — отвечал Иван, видимо уже не один день раздумывая над своим планом.

— Отлично, — свои слова Дима подтвердил жестом «класс», — но через сколько они преодолеют эту нехватку, я думаю завтра или послезавтра, точно не больше недели, да,

может мы им делаем больно в плане прибыли, но скорее всего не очень сильно, так что я всё ещё говорю, что надо искать способы похищать руководство заводов, а ещё лучше акционеров.

— Я кстати сегодня хотела сходить в Весенний, так не нашла как туда попасть, все дороги перекрыли из-за ремонта, — сказала Клара и осознала, что вряд ли кто-то понял к чему она, — просто руководство или акционеры, если живут у нас в городе, то в Весеннем, а если где-то загородом, то там точно посёлки будут закрыты.

— Ха, — усмехнулся Рома, — от нас уже как пару лет отменили общественный транспорт, который шёл туда, в Весенний, напрямую, да что я вам рассказываю, сами знаете, что теперь ездить можно только на сквозных автобусах из регионов и то до вокзала и всё.

— Да уж, а я там живу недалеко, — поняла иронию Клара, — и только сейчас заметила, что туда не попадёшь, потому что ясно, что там никаких ремонтов нет, просто двадцать процентов города стали закрытыми от всяких быдлов, — она сделала паузу, — вроде меня.

— А живёт в Весеннем по населению процента два города, — соглашался с ней Иван, — а занимают места примерно на двадцать, если не больше. В общем, Дмитрий, я предлагаю так: сейчас каждый решит, чем хочет заниматься, стоянками или похищениями и на этом основании и разделимся, лично я буду делать уже знакомую и эффективную работу, а ты Клара?

— Я? — её застали врасплох, — не знаю, а когда можно сказать?

— Желательно сейчас, но это ж пока не точно, ничего не утвердилось, но куда ты склоняешься больше?

Она пожалала плечами, глубоко вздохнула и сказала:

— Наверное к логистическим больше, я не знаю, как можно сейчас похитить человека, а особенно без адресов, имён и так далее.

Роман тоже сказал, что больше видит толку в плане Ивана, а вот Аня неожиданно отправилась в «команду» к Диме, аргументировав это тем, что способы найти можно, к примеру, устроиться на завод, там есть шанс заглянуть в какую-то документацию. Иван с этим никак не спорил. Если не считать всяких бытовых разговоров на отвлечённые темы, то занятие можно считать оконченным. Иван предложил двум своим временно «подчинённым» неделю изучать карту, а через семь дней будет ясно куда они отправятся. Дима и Аня же погрузились в обсуждение её идей с устройством на завод.

В своём районе Клара оказалась незадолго до рассвета, но если бы не чёрное небо над ней, она бы с трудом поверила, что сейчас не час пик, и это не центр города, разве что народ не суетился, а кто валялся на земле, корчась от болей, кто сидел на остановке, кто-то наблевал себе под ноги и на ноги, кто-то истекал потом, но при этом лицо было мертвецки-бледным, некоторые ломали двери закрытых ещё как минимум четыре часа алкогольных магазинов, дрались, но как правило бил один, а второй смиренно получал удары. Не хотелось даже допускать мысль, что часть валяющихся в лужах людей, на кустах будто их туда повесили как ёлочные игрушки, могут быть мертвы. Однако тяжело было так не подумать, глядя на человека, стоящего на коленях или сидящего на корточках с головой, запрокинутой назад так, будто ему переломали шею и целых костей там больше нет. Старательно избегая смотреть на подобные картины Клара добежала до дома. Там мать корчилась от боли, теперь уже совершенно не стесняясь стонать, а на кухне сидел и курил давным-давно бросивший это отец, он как раз-таки был того типажа кто бледнел и при этом потел, оба родителя словно стыдились сейчас Клара.

Она же не ложась спать, так как вид родителей лишил её всякой усталости и словно молнией поразил её разрядом беспокойства, стала искать куда можно отправиться, понимая, что Рома если не сейчас, то очень скоро будет заниматься тем же самым. К середине дня она была почти уверена в том, где находятся именно алкогольные стоянки, но что уж поделать, встреча только через неделю, и как эту неделю прожить Клара сейчас старалась не думать. Как и старалась не думать о том, что после стольких пожеланий смерти своей матери, теперь, когда это совсем близко, всё куда-то делось и она ничего кроме сострадания не чувствует. «Почти что бесит, что я даже специально не захочу позлорадствовать», — думала она. К вечеру от усталости свалилась спать, да и завтра на работу.

Понедельник представлялся очень страшным днём. Клара думала, что сегодня на неё будут кидаться недовольные покупатели, но ещё до открытия приехала машина и даже с грузчиками, а не как обычно, когда она или Аня таскают пластиковые ящики с бутылками, так что к восьми утра полки снова были полны, а лица клиентов, которые скопились сильно больше обычного расплывались в экстазе от одного лишь взгляда на полные полки их любимой продукции.

Через неделю нельзя было сказать, что всего лишь несколько дней назад происходил какой-то апокалипсис, дома всё тоже встало на привычные рельсы: отец повеселел, у мамы резко поправилось здоровье, а всё от того, что дома появились спасительные вино и водка, разве что пить все стали немного больше и дома, и по продажам это можно было легко проследить. В общем всё вошло в привычное русло, так же, можно сказать, привычными стали подрывы логистических центров, опять сентябрь, только вот в этом году на воздух взлетело аж две стоянки в разных концах страны. Иван порывался устроить тоже самое и в столице, но здесь действительно больше машины не концентрировали, размещая их по разным стоянкам. Зато теперь можно было прогнозировать, что в феврале или марте для многих наступят сложные времена и уже не на недельку, а явно подольше, так как областные логистические центры не уступали столичным в объемах хранения. В октябре было подорвано ещё одно место где стояли машины, однако теперь отважную троицу чуть не схватили. Хотя сама стоянка никем и не охранялась, но окружать район полиция была готова сильно заранее, всё что спасло Рому, Ивана и Клару — поезд груженный углём, очень кстати ждавший перецепки на вокзале, который в свою очередь был удобно расположен недалеко от логистического центра. Весь лес был окружен, вокзал наполнен полицией, проверялись электрички и пустые вагоны, не хватило только дрона, чтобы пролететь над поездами и с высоты увидеть три тела замерших на чёрном угле.

После этого случая Иван решил успокоиться и заняться чем-то другим, к тому же у Димы были некоторые успехи с узнаванием адресов и имён. К новому году он точно знал, где живёт директор завода, на котором он теперь работает в техподдержке бухгалтерии, но ему хотелось бы узнать адрес главного технолога и вообще инженеров, Иван на этот раз не спорил, всегда внимательно слушая, особо ничего не уточняя.

На новогоднюю ночь Аня пригласила Клару к себе, на что та с радостью согласилась. Тридцать первого декабря сидела в комнате с родителями и дожидаясь двенадцати часов, чтобы отправиться к подруге. Мать, до этого очень уговаривавшая Клару побыть с ними «хотя бы чуть-чуть» будучи уже в развеселённом состоянии, завязала разговор с дочерью:

— А ты куда намылилась? — спрашивала она как бы с юмором.

— Да так, — так же весело пожав плечами ответила Клара.

— К Алине пойдёшь? — заплетающимся языком искажая некоторые звуки спросила

мама.

— Не, в другое место.

— В какое? Сказать тяжело или что, маме своей? — уже начинались нотки агрессии, хотя улыбка ещё была на лице. Но Кларе хватило.

— Какая тебе разница, я не пью и даже не курю, чтобы за меня волноваться и всегда прихожу домой.

— Как какая мне разница, я должна знать где ты, вдруг что-то случится?

— Когда я была ребёнком вы уходили на целые ночи и всем было наплевать, что со мной случится, а тогда я была намного беззащитней чем сейчас, — хладнокровно проговорила факт Клара.

— Ты у нас самая обиженная, — теперь улыбка исчезла, — самая бедная, самая несчастная, — говорила мать явно имея ввиду другое.

В разговор вмешался отец:

— Что вы там говорите? — он действительно слушал не очень, так как увлёкся телевизором, — А? Что вы говорите, Клара?

— Да ничего такого, — она старалась подавить в себе гнев, чтобы и настроение не испортилось, и не развивать эту тему дальше.

Посидев немного с родителями, так и не признавшись куда она, отправилась к Ане, та на середине пути встретила её, и они пошли к ней домой, а спустя несколько часов, в четыре утра, Клара пошла обратно к себе. Насколько было совсем недавно тепло, настолько же похолодало сейчас, даже голова заболела от пронизывающего холодного ветра, хотя на двадцать пятом году жизни она сдалась и начала носить шапки на постоянной основе.

Всё же как бы не был силен ветер, он не мог выбить из Клары мысли о том, что Дима, по Аниным рассказам узнаёт всё больше и больше, до акционеров они доберутся вряд ли, но вот о руководстве завода, на котором он теперь работает он уже знает практически всё. А думала Клара об этом, потому что видимо похищений людей будет никак не избежать, а это уже совсем другой риск, да и не то чтобы со стоянками всё было гладко, но тут живые люди.

06.2045

«Бегать как-то уже надоело», — думала про себя Клара, — «Ещё и погодка этой весной каждый раз именно в понедельник среду и пятницу с дождями или ещё чем-то».

Всё чаще в голове крутились идеи о том, чтобы пойти в тренажёрный зал, но мешало два обстоятельства: те залы, в которые она хотела бы пойти по эстетическим соображениям — все как один находились в Весеннем районе, а от деятельности остальных в большинстве случаев остались только сайты. Вторая загвоздка — даже если бы она как-то и могла просочиться в Весенний, у которого все въезды теперь «ремонтируются», то цена на месячный абонемент составляла примерно пятую часть зарплаты Клары, а у неё деньги теперь хоть и водились, с такой суммой расставаться было жалко. Но она как-то чувствовала, что не стоит бросать поиски и вообще эту идею, в один день вышла на улицу, чтобы купить себе продуктов на неделю, в магазин отправилась, который находился подальше. Домой решила возвращаться тоже не привычным путём, а пройти сквозь двор своей школы, тем более открытые калитки к этому явно приглашали. На улице уже смеркалось, и иди там Клара на пол часа позже, вряд ли бы заметила розовую бумажку, которая скорее всего выцвела из красной, на ней стандартнейшим шрифтом было написано «ТРЕНАЖЕРНЫЙ ЗАЛ» и время работы с 18:00 до 21:00. Можно было заметить, что дверь закрыта совсем не

плотно, Клара подумала, что в худшем случае просто ничего не будет, а в лучшем она найдёт себе новый вид спорта для поддержания физической оболочки. До конца открыв скрипучую дверь, с внешней стороны обитую крашеным в коричневый, как и школьная стена, листом жести, перед собой увидела ступени уходящие вниз, в непроглядную тьму. Неуклюже достав из кармана телефон, Клара подсветила себе путь и начала спуск, пройдя метров пять, примерно на половине пути, она стала слабо слышать музыку, от чего одновременно и обрадовалась, потому что зал видимо работает, и расстроилась, потому что уже сомневалась в том, хочет ли она, чтобы он работал. Под свои раздумья прошла все ступени и оказалась ещё перед одной дверью, тоже обитой металлом, на этот раз без окраски. Клара потянула за расхлябанную пластиковую ручку, и только чуть приоткрыв эти неказистые ворота, обрушила на себя поток музыки и тёплого воздуха. Она словно не ожидала, что эта дверь откроется, поэтому замешкалась, даже проскочила мысль закрыть всё обратно и просто пойти домой, однако подумав о том, что если там были люди, то они обязательно выйдут узнать «кто там щемится», всё же вошла внутрь, где на неё уже были готовы смотреть менее десятка человек.

На возвышении, небольшом бетонном пролёте из трёх ступеней стояла она. Зимние ботинки, в них заправлены спортивные штаны, длинная, почти до колена синтепоновая куртка, в руках набитый всякой провизией большой пакет, на голове капюшон, а по груди расползся шоколадного цвета хвост из волос, чтобы он не спутывался где-то там за спиной в «колтуны». «А где изуродованные?», — первым делом подумала Клара, потому что все, кто уставился на неё явно не хранили на себе следов зависимости, да и они скорее всего думали про неё точно так же. Поток Клариных раздумий прервал мужчина стоявший ближе всего к ней, невысокий, особенно если смотреть на него вот так, сверху, возрастом примерно за сорок, он спросил её:

— Вы что-то ищете, девушка?

— Ну, — Клара замешкалась, — да, ищу зал.

— Так это вот он, — мужчина развёл руками, как бы представляя ей просторы, открывшиеся перед ней, — хотите записаться?

— Если это можно, а сколько стоит?

— Нисколько, мы тут по знакомству, ну только время видели, если будете успевать ходить, то приходите, а ещё во вторник и четверг мы не работаем.

— А мне так даже лучше, тогда начну ходить со следующей недели.

— Давайте, приходите, меня если что зовут Егор, ну а братву нашу со временем тоже узнаете, — улыбнулся он, протягивая руку.

— Клара, — она протянула руку в ответ вниз. В голове возникла картина, что он висит на скале, а она хватает его ладонь, чтобы удержать от падения.

Под конец диалога ранее смотревшие на них мужчины потеряли всякий интерес и разошлись по снарядам и тренажерам, двое как боксировали до её прихода, так и продолжали делать это до сих пор, только трудно было понять они серьёзно или просто дурачатся.

Клара вышла из этого подвала, закрыла тихонько за собой дверь, постаралась поплотнее, потом вторую, оставила так же с небольшой щелкой, прям как было до её прихода. На улице за это время совсем стемнело, а школьный двор освещал только свет из нескольких окон, в которых он по какой-то случайности горел, ведь уроки давно закончились. Не считая приставшего алкаша, на которого Клара не обратила внимания и

прошла мимо так, словно его и не было. За этот день больше ничего примечательного не произошло.

В последующую встречу с организацией она поведала всем о своём открытии, Иван заинтересовался тем, что это за люди такие, которые не были помечены зависимостью, да и ещё скорее всего тоже собраны в какую-то группировку, его рассуждения вслух перебила Аня, спросив может ли она туда ходить с Кларой, потому что в школе она занималась единоборствами, потом это стало слишком дорого. «Ну и вы сами видели какая я была, когда к вам сюда попала, а бегать зимой не так удобно, потому что улицы не освещают, можно ноги переломать», — сказала она. Иван на это возразил, что лучше бы им по своей воле не появляться в одном месте вдвоём, работа ладно, так сложились обстоятельства, но ходить куда-то вместе уже подозрительно. «Так может мы сдружились на работе» — постаралась помочь подруге Клара. Иван сказал, что понимает это, но всё равно по возможности лучше воздержаться, если только Клара чуть изучит контингент, то Ане можно будет туда прийти, если это не опасно.

— Что там надо изучать? — вмешался в разговор Дима, — это обычные менты, не ходи туда больше.

Клара, как бы в поисках защиты, а может просто из интереса глянула на Ивана, но он молчал.

— Мы все видели ментов, они хоть как-то иначе, без уродств, но тоже помечаются спиртом, вы же сами понимаете о чём я, про их поведение и взгляды, — возразила Клара.

— Смотря какие, — хладнокровно заметил Дима.

— Я тоже так думаю, — решил поддержать Клару Рома, — может это организация такая же как наша, мало ли, в любом случае, пока у Клары никто не выпытывает о её личной жизни, то мне лично не понятно, почему туда нельзя ходить.

— Ну если уж пойти до конца, — заговорил Иван, — то им особо не нужно будет о ней спрашивать, если лицо где-то там на камеры попадёт, даже на камеры школы, то её легко найдут и итак всё о ней узнают.

Тут Клара вспомнила о словах, мужчины, который говорил, что он занимается в этом зале по знакомству. «По знакомству с руководством школы, наверное», — подумала она.

— Это если они менты, но нам что-то не встречалось пока таких, не правда ли? — продолжал настаивать Рома, — я так понимаю, что у нас как минимум трое за то, чтобы разрешить Кларе ходить туда, и один против, так что, как говорится, принято большинством голосов.

— А я тут когда-то объявлял демократию? — спросил его Дима, вызвав этим на себя больше непонимающий взгляд Ивана, чем как-то сконфузил или осадил Рому.

— А тут только ты что-то объявляешь? — задал встречный вопрос Роман.

— По крайней мере организовываю большинство планов, дел, спонсирую это и так далее, ну и, если ты забыл, я создал эту организацию...и Иван.

— Так мы можем идти, наверное, тогда справишься сам? — Роман явно издевательски запнулся, — с Иваном.

— Успокойтесь, — вмешался уже Иван, — пусть Клара идёт, но на следующей неделе мы должны знать всё, что происходило в том зале, если ты ничего не узнаешь про этих людей, больше не появляйся там, как минимум, в следующий раз пойдём вдвоём на собрание, если будет какая-то слежка сюда мы точно не явимся.

Примерно на этом и сошлись, а дальше пошло обсуждение ближайших дел. Дима уже

владел несколькими адресами руководства завода, но видимо израсходовав весь запас сил на споры чуть ранее, не сильно сопротивлялся тому, что Иван, во-первых, отбрасывал адрес за адресом, так как эти люди, как минимум, не имеют значения: если они исчезнут, то завтра наймут новых, а во-вторых пытался вообще отбросить идею о похищениях. К тому же поиски террористов судя по новостям в СМИ сошли на нет, их снова вытеснили события из жизни звёзд, беременных малолеток, сексуальные перверсии опустившихся людей и прочее, чем всегда забито информационное поле. Разве что, в этом году вмешались ещё и спектакли по имитации политической жизни в виде выборов президента в конце лета. Дима с Иваном и тут успели поругаться, первый говорил, что голосовать нужно идти хотя бы за кого-то, чтобы власти как минимум знали, что их ненавидят люди, тем более в этом году есть нормальный кандидат, который «говорит умные вещи», на что Иван только вздыхал, в лучшем случае чуть ли не стесняясь, пытался сказать, что от перемены лиц ничего не изменится и всё, что сейчас происходит это только естественный ход развития капитализма, даже вот эта массовая зависимость людей, особенно в таком виде, вообще идеальна для «капиталюг», — как он называл неопределённый круг людей, потому что все вечером нажираются, с утра теперь не испытывают никаких последствий, но к вечеру всегда приходят за новой дозой, они тупеют, приобретают проблемы со здоровьем и даже мрут аккурат к пенсии. Поэтому и президентом будет тот, кто обеспечит такое вот положение дел, а не кто-то там, кто умные вещи говорит.

— Так что, ничего не делать? — Дима спрашивал явно саркастически.

— Делай, — пожал плечами Иван в конце концов.

Так собрание и закончилось.

К концу мая Дима завладел данными о месте жительства одного из акционеров завода, он явно был младшим из партнёров, зато, как оказалось, основной пакет удерживают два брата и сестра, вот в прицел Дмитрия самый младший брат из семейства Козельцевых и попал. Сергей Козельцев имел недвижимость в деревне Вербовое примерно в пятнадцати километрах от города, Дима даже в одиночку съездил туда и всё осмотрел: охраны никакой нигде не было, хотя все дома один шикарней другого, вроде как акционер живёт там на постоянной основе, потому что несколько раз у Дмитрия получалось засечь как он приезжает домой. Он бы кажется так и рассказывал, но опять его перебил Иван:

— Допустим мы его похитили, я всё равно не понимаю, что мы дальше будем с ним делать?

— Главное обратно отпускать не будем, — после паузы и говорящего взгляда ответил Дима, — я уже сказал сто раз, что как минимум напрягутся все остальные капиталюги, как ты их называешь, хотя ты такой коммунист как я посмотрю, стоит тронуть кого я предлагаю — на защиту выскакиваешь ты один.

Слова эти подтвердились тем, что все остальные промолчали.

— Сколько там от города? Десять-двадцать километров, я точно не знаю, от ближайшего отделения на окраине этот путь займёт тоже минут десять, особенно на рассвете, когда мы и будем скорее всего практиковаться, куда ты его денешь за десять минут?

— Рядом есть много заброшенных сельскохозяйственных комплексов, там зерносушилки, постройки какие-то, там места чтобы его запрятать море, на первое время, потом перепрячем.

— И будем ездить кормить каждый день, или как это будет? Держать его придётся

точно не один день.

— Нет, дадим жрачки ему на месяц, через месяц привезём ещё.

— А в туалет?

— Будет видно, но мне честно говоря наплевать как он будет справляться.

— Отличный план, надёжный как швейцарские часы, — Иван даже голос попытался изобразить похожий.

— Слушай, если у тебя есть какие-то дела можешь идти домой, чего ты бычишь? — явно потерял нить конструктивного разговора Дима, — я уже несколько месяцев всё подготавливаю, ничего взорвать мы не сможем, так и будем сюда ходить поговорить? — последнее слово, правда, было матерным.

— Тогда жду от тебя уже действий, а то только разговоры.

В начале лета был представлен окончательный план, в нём вроде бы всё выглядело гладко, по крайней мере по мнению Клары, Иван же с той последней ссоры в основном помалкивал, а если и говорил, то точно не с Димой, но относился к его рассказам, как минимум внешне, со всем вниманием. Практика была назначена как обычно на пятницу, в середине месяца, Клара сразу же подумала о том, что придётся пропустить зал, в который ей все-таки разрешили ходить, хотя Дима до последнего был против. Больше всего её, и видимо Романа, беспокоило отсутствие плана отхода, на свои возражения они получили в ответ готовность Дмитрия к тому, что всё можно будет закончить в любой момент, если они не справятся за десять минут, вот даже будут стоять перед Козельцевым, а время вышло — то они берут и уезжают.

Вечером шестнадцатого июня Клара села на автобус, следующий в один из областных центров, расплатилась наличными и даже считала остановки, чтобы точно не пропустить свою, хотя отлично знала после какого населённого пункта ей выходить. Прибыла на место. Практика должна будет начаться в три часа ночи, сейчас около одиннадцати, пройдя всю деревню Вербовое, она подошла к леску, который отделял этот населённый пункт от другого, в общем-то такой же деревушки, только дома там были из дерева и как правило в один этаж, жилая площадь которых целиком могла сравниться, например, с одной лишь кухней в домах жителей Вербового.

Четверо людей уже ожидали её, видимо будучи уверенными, что сейчас за ними никто не смотрит, ещё не надели балаклавы. Дом Козельцева невероятно удобно располагался возле леса, когда-то он скорее всего неплохо переплатил за возможность иметь участок именно здесь. Дима рассказал, что машина их брошена недалеко, достал из кармана карту, нарисованную ручкой на обычном тетрадном листе и показал, так сказать наглядно, где расположен автомобиль и куда именно повезут жертву после похищения, добавил, что шесть человек туда явно не поместятся, потому что тачка совсем маленькая, а из того, что можно было взять за наличные лучше ничего не было.

Тут и время подошло, когда пора идти. Дима напоследок сказал, что каждую пятницу до этого дня, Козельцев всегда приезжал домой, приезжает он часа в три дня, поэтому стопроцентно сказать нельзя есть ли сегодня дома акционер, но судя по предыдущим неделям он должен быть точно.

Они начали.

Сердце у Клары не то чтобы колотилось как обычно от страха, а словно камнем старалось придавить её к земле, с каждой секундой от тревоги набирая всё больше веса. Ночь в это время года не закрепляется полноценно и даже самый тёмный момент суток даёт

человеку видеть, хоть и слабенько, что происходит вокруг. Пробираясь сквозь лес, производя как ей казалось, непозволительно много шума одними своими шагами, Клара всё время вертела головой в поисках слежки. Она почти что желала увидеть кого-нибудь, потому что каждый следующий шаг давался всё труднее, и в конце концов, когда она зачем-то она оглянулась, то заметила какое-то шевеление, остановилась, чтобы посмотреть внимательнее, ведь человеческая фигура показалась довольно отчётливо, но взглядевшись списала всё на деревья и ветки, мол это она в них разглядела такую форму.

Уже виднелся забор, перед ним новенькая асфальтовая дорога не более чем в полторы полосы. Последние указания Димы, что они перепрыгивают забор, далее в доме есть запасной ход, там простая стеклянная дверь, лучше всего будет попробовать выбить замок, потому что стёкла скорее всего даже от выстрела могут защитить. Если не получается выбить дверь с пары ударов — значит все уходят так же как пришли.

Дима первым пошёл к забору, за ним Иван, Клара же замыкала эту змейку, перелазить должны были все одновременно, чтобы если что и убегать одновременно, но на долю секунды Клара задержалась, опять по приказу неизвестно какой силы оглянувшись и на этот раз ни на какие ветки она не могла списать то, что вызвало у неё мурашки пробежавшие от низа спины и накрутившие спиралей на щеках. В метрах двадцати точно стоял человек, такая же черная балаклава как у них закрывала лицо, черная форма, в руках автомат, который как ей показалось нацелен прямо на неё. Сама не понимая, что она делает она сказала: «Дима». Однако он тоже был поражен сюрпризом, который ждал его за глухим кирпичным забором, в виде человек пяти только с этой стороны, а так бойцы были расставлены по всему периметру двора, кажется он и голову полностью высунуть не успел и даже разглядеть полицейских, как раздалась автоматная очередь. Самым первым в лес ломанулся Иван, напоследок бросив своим друзьям слово «зигзагами», стрелять стал и тот, которого видела Клара, но каким-то образом по ней ничего не попало, страх будто выжигал всё внутри, ужасно захотелось в туалет, но это желание было тут же подавлено, как и все остальные чувства, всё внимание переключилось только на бег и чтобы делать это максимально быстро и одновременно не поломать ноги. Не забывать сохранять концентрацию помогали раздающиеся время от времени выстрелы. Лишь Анин крик, неразборчивый, который ничего конкретного не сказал, скорее это было что-то звериное, отчаянное, резанул по сердцу, но мысли о том, что её подругу поймали, Клара решила сейчас гнать от себя подальше.

Лесок был не более ста метров в ширину, которые Клара уже преодолела к своему удивлению самой первой, впереди было поле поросшее дикими травами, которые ещё не взошли в полную силу, а дальше деревушка в одну улицу с коричнево-черными деревянными домами и шиферными крышами поросшими пятнами мха, думать было некогда она побежала вперёд, сколько метров до деревни, двести, триста, сто, она определить не могла, всё казалось бесконечно далеко, как и силы в ногах казались сейчас бесконечными тоже, единожды она обернулась назад, увидела целящегося полицейского, и сразу подумала, что это не просто «менты», а спецназ вероятнее всего, но человек опять не попал в неё.

«Может хотят поймать живыми», — пробежало в голове. Но и расстояние между ней и уже несколькими спецназовцами всё сокращалось, да и поселение уже вот, на расстоянии вытянутой руки. Она перепрыгнула слегка покосившийся забор и пробежала сквозь двор, перепугавши коротколапую собаку, которая не сразу сообразила, что вообще-то должна облаять чужака, но пока до неё дошло, Клара уже выскочила во внутреннюю часть деревни, ей словно подсказывало что-то побежать вперёд, что она и сделала, добежав до крайнего

дома, она поняла, что на стоящем перед ней пустыре нет никаких шансов скрыться, поэтому влетела во двор слева от себя, бесцеремонно пробежав по упавшей на землю явно не вчера калитке.

Перед домом была пристройка из дерева со старой двухстворчатой дверью, к Клариной радости открытой, оказавшись в тесном тамбуре, по ощущениям размером в один квадратный метр, она потянула за вторую дверь, обитую грязным, рваным, с торчащим утеплителем дерматином, вряд ли это была натуральная кожа. Вторая дверь открылась тоже. Заходя внутрь она совершенно не понимала, что будет делать дальше, но и возвращаться назад было нельзя, она находилась в полной уверенности, что всё что сейчас остаётся у неё за спиной — лишь зияющая бездна, идти ей можно только вперёд. Что она и сделала, войдя внутрь дома.

06.2045 (2)

Нищенское убранство этого жилища, не совсем ясно обитаемого ли, бросалось в глаза, а взгляд Клары в эти мгновения метался куда угодно в поисках путей к спасению. Лишь несколько секунд понадобилось ей, чтобы заметить ребёнка, сидящего на полу, поджавшего под себя ноги, вокруг него разбросаны игрушки, какие-то целые, много переломанных. Волосы отросшие, но не настолько, чтобы точно сказать, что это девочка, на ногах голубые колготки, то ли с облаками, то ли с утятами, одеты плохо, часть где должна располагаться стопа таскается по полу сама по себе, зелёный свитер выглядит так же замызганно. Оторвало Клару от этого зрелища лишь осознание того, что где-то слева горит лампочка, а непонятно откуда доносятся звуки, которые говорят о том, что для этого ребёнка сейчас возможно делают брата или сестру. Даже за эти несколько секунд, что были слышны стоны, прозвучало несколько матерных слов, содержание которых сводилось к тому, что женщине очень нравится процесс. Но всё же это было где на втором плане, потому что первый занял ещё один ребёнок: слева, там, где и горел слабый свет, видимо на кухне, так как на стенах висела кухонная утварь сидела девочка, на вид лет двенадцати-тринадцати, длинные белые волосы собраны в хвост, розовая кофта с высоким горлом порядочно вымазана разнообразными пятнами, перед ней на столе лежит тетрадь, какая-то книга опёрта на положенную вертикально бутылку водки, пустую конечно же, взгляд голубых глаз девочки полон непонимания, но точно не испуга:

— Спрячь меня, — сказала Клара вежливо, но удивилась своей прямолинейности.

Дальше они сработали так, будто были знакомы всю жизнь. Девочка подорвалась с места, затем взяв ребёнка подмышку, он, кстати, был не так уж и сильно меньше неё, попутно сказала ему: «Так, Лёха», ногой отбросила его скудные скарбы из игрушек, а потом с ним же в руках, отбросила ковровин, неопределимого из-за грязи цвета. Клара сообразила, что её приглашают спрятаться в погребе, за пару шагов оказалась возле крышки, подняла её и прыгнула внутрь, правда глубина оказалась не более чем ей по пояс, но делать нечего, она села, а девочка захлопнула «люк» за ней, из-за этого Клара получила по голове, не больно, но и приятного мало.

Буквально сразу же она услышала тяжелые шаги, а потом глухой удар, заплакал ребёнок, видимо мать этих детей оторвалась от своего увлекательного занятия и пошла разобраться с шумом, и дверью ударила дочку, а та уже выронила младшего брата.

— Что ты тут ползаешь, скотина, подслушиваешь? — послышался какой-то шлепок, видимо девочку ударили ладонью, — это взрослые дела, я тебя вообще выкину отсюда,

пойдёшь сосать на трассу, поняла, у меня есть личная жизнь, поняла, конченная? — снова шлепок.

Возможно диалог продолжался бы, но его прервали какие-то дополнительные стуки, хорошо, что уже не по человеку, а, наверное, во входные двери этого дома, женщина заорала:

— Время видели? Кто?

— Здравствуйте, полиция, откройте пожалуйста дом для проверки.

— Ты, сука, вызвала мусоров? — спросила она довольно громко, за теми хиленькими дверьми всё точно можно было слышать, женщина этого правда и не стеснялась, — вас мусорил сюда никто не вызывал!

Разговоров больше не последовало, судя по звукам, желающие войти выбили дверь и вошли внутрь, это был точно не один человек, а по визгам взрослым голосом, стало очевидно, что «мусорилы» не оценили дерзости. Человека три пробежало в нескольких сантиметрах от того, кого они ищут. Теперь уже мужской голос произнёс: «На каком основании?», основание ему предоставили по голове или по пузу, вряд ли бы он закричал от предоставленных ему документов.

— Ладно, пошли, тут их нет.

— А куда тогда она делась?

— Откуда я знаю, и может это вообще мужик.

— С такой жопой?

В ответ раздался смех, не особо радостный, скорее дежурный, и люди стали покидать дом, теперь уже второй раз буквально пройдя по Кларе. В высоту погреб был маленький, не сильно больше и в длину, она сидела на корточках боясь пошевелиться, а из-за этого издав какой-нибудь звук, времени прошло всего ничего, а тело уже начинало затекать. Входные двери закрылись, но тут до Клары стало доходить, что пока эта мадам дома, выйти она отсюда не сможет, смирилась со своим положением она довольно быстро, немного изменив расположение в пространстве, стараясь не издать ни звука она легла на бок, в позе эмбриона и стала ждать. Можно было слышать всё, что происходило там сверху, а происходила обычная жизнь алкашей: так сильно любившие друг друга на рассвете потом не менее сильно ругались, даже дрались, только не понятно было кто кого бил, девочку посылали по знакомым, у кого-то взять в долг, потом сбегать купить водки, маленький ребёнок или не вызывал интереса, или изредка мать обращалась к нему с неестественно приторной нежностью. За целый день Клара ни разу не услышала, чтобы мать предложила своим детям поесть, или просто справилась о их делах, на этом фоне подумала о своей жизни, что частенько она считала, что хуже неё вряд ли кто-то живёт, а если и живёт, то это где-то далеко, почти не реально, ведь ещё в школе она заметила, что пьяной её мать видели все знакомые, что заходили к ней домой, а мать будто бы специально всем старалась показать своё состояние, а она у других заставляла в подобном состоянии только отцов и то не часто. Но Клара никогда не была голодной, и в общем как минимум всем необходимым точно была обеспечена. «Правда здесь тоже, смотря как глянуть, возможно она вырвется отсюда после девятого класса и не будет проживать в иллюзиях», — подумалось Кларе. Но сравнивая эту хабалку и свою мать, она испытала стыд, что в моменты злости, даже можно сказать ненависти, желала ей смерти, правда желала смерти она и себе, может не в открытую, но существовать ей частенько не хотелось, когда дома в её сторону проявлялась какая-то несправедливость.

Отвлёкшись от своих мыслей, она вдруг осознала, что страшно замёрзла, а своё затёкшее

тело почти не чувствует, однако вряд ли ночь была близка, чтобы можно было отсюда выбраться, ещё через несколько часов, она просто тряслась, однако мыслей о том, чтобы вылезти даже не возникало, кажется ни что и не могло порушить эту уверенность в том, что надо ждать, когда крышку поднимет кто-нибудь снаружи. То ли от усталости, то ли это какие-то инстинкты, но Клара стала засыпать, поначалу она сопротивлялась, но всё же этот соблазн её одолел.

Ей казалось, что она только закрыла глаза, как тут же её разбудили. Единственной слабой лампочки, которая сейчас тускло светила в коридоре хватило, чтобы заставить Клару зажмуриться обратно.

— Не бойтесь, сегодня все уже спят, — сказала девочка чуть ли не извиняющимся тоном, — можете вылезти.

— Да, хорошо, — всё ещё жмурясь Клара стала ощупывать пространство, а через несколько секунд наткнулась только на маленькую холодную ладонь, которая крепко сжала несколько её пальцев и потянула, — сейчас, сейчас, — оправдывалась Клара за свою неуклюжесть, усилием воли глаза всё же открыла, теперь было не больно.

— Все спят, — девочка говорила тихо, — но ещё не ходите никуда, это же вас искали менты?

— Чего это ты так решила? — спросила Клара её, и тут же испытала стыд, потому что перед ней очевидно был ребёнок, только по возрасту, а повидавший в жизни уже, возможно, побольше неё.

— Потому что они пришли сразу после вас, — спокойно ответила девочка.

— Давай сначала так: как тебя зовут, а потом я тебе расскажу, — предложила сделку Клара, сидя до сих в погребке, словно он уже полюбился ей.

— Катя.

— А меня Клара, ну да, это они за мной приходили, но я не бандитка если что, это можно сказать, недоразумение.

— Почему тогда они вас искали? — Катя почему-то улыбалась.

— Потому что мы немного наделали дел с моими друзьями, а откуда ты знаешь, что полиция где-то здесь дежурит?

— Видела её сегодня целый день пока была на улице.

— А ты чего вообще не спала, когда я к вам сюда попала? — Клара решила заболтать новую знакомую.

— Делала математику.

— Так сейчас же лето, — искренне не поняла Клара.

— А я не понимаю, в школе мне библиотекарша разрешила книжку не сдавать, я попросила себе, пройду всё заново.

— Это ты сама так захотела или дома заставили?

— Сама.

— А в какой школе учишься?

— Тридцать шестая.

— Это какой район?

— Новая Роща.

— Ясно, далековато от меня, ты оттуда переводиться не будешь? — девочка покачала головой из стороны в сторону, — тогда осенью приду к тебе, получишь пару баксов так сказать, за помощь. И главное: математику, точно не переставай.

— Ага, — сказала девочка, не поверив ни одному слову, — вы будете сейчас уходить?

— Так там же полиция?

— Тогда оставайтесь здесь, залезайте обратно, а то Толя пойдёт в туалет, я бы вам конечно дала что-нибудь с собой поесть, но ничего не осталось.

— А ты что ела сегодня?

— Ничего, завтра к бабе схожу, с Лёхой.

— А чего вы постоянно у бабы не живёте тогда?

— Она не хочет.

Диалог прервало шуршание где-то в комнатах, Катя тут же жестами показала, что самое время снова прятаться, закрыла крышку, накинула сверху ткань, но похоже никто никуда не пошёл, вскоре ушла и она сама, спать домой, сегодня у них видимо тихо. Клара же, полежав ещё немного поняла, что от холода и общего неудобства скоро она никуда не пойдёт по причине того, что ходить будет её душа по тому свету, поэтому как могла тихо открыла себя саму и вылезла наружу.

Доски на полу предательски громко скрипели, хотя это скорее всего иллюзия, когда твоё внимание и концентрация обострены максимально, любой раздражитель воспринимается многократно сильнее. Так же тихо вышла из дома, она бы очень хотела оставить своей спасительнице все деньги, что у неё с собой есть, но не смогла быстро сообразить где их оставить именно для неё, а думать дольше времени не было. Оказавшись на улице Клара втянула полную грудь свежего воздуха, который этой ночью был тёплым и недвижимым, приятно обволакивал её тело, подойдя к забору она посмотрела в дальний конец деревни: никого не видела, посмотрела в другую сторону, там по крайней мере за холмами заброшенных полей тоже чисто. Пошарилась по карманам и поняла, что балаклава осталась в погребе, но возвращаться за ней не решилась. Да и уж если её схватят, то вряд ли этот головной убор выступит главным доказательством, а Кате будет память о такой странной гостье и, можно сказать, символ.

Натянув по сильнее капюшон, она пошла, напрягая глаза изо всех сил, чтобы заметить машину характерной полицейской раскраски, прошла просёлочную дорогу через поля, впереди была трасса, тоже вроде бы всё чисто, идти вдоль неё страшно опасно, поэтому двинулась пешком дальше по полю в сторону города. Рассвет проявлял себя всё сильнее, уже порядком доставший озноб стал ослабляться под первыми лучами солнца. Спустя несколько часов пути Клара была около города, ещё столько же и оказалась бы дома, вот только издали заметила патруль, который стоял на въезде, думать было нечего, и она пошла до следующей возможной точки через которую можно проникнуть внутрь кольцевой опоясывающей столицу, однако и там — машина. Дойдя до ещё одного поворота Клара решила не пытаться счастья и просто ждать где-то здесь, в лесу, пока полиция уедет, открыв ей путь.

Прождать пришлось до следующего утра, Кларе уже казалось, что, если вдруг они останутся стоять и после восхода солнца она просто пойдёт и сдастся, тем более по сути она ничего не сделала, на забор вообще вылезли только Дима и Иван, да и что такого, может это просто ограбление. Хотя по такой подготовке полиции, было очевидно, что они знают для чего эта пятёрка прибыла в деревню Вербово.

Дома Клара оказалась около восьми утра, во вторник, пропустила первый день работы, глянула машинально на телефон, множество пропущенных от матери, отца и с работы, прямо в одежде упала спать, потому что силы, как только она выключила экран телефона мгновенно вышли из неё, но заснуть не получилось.

Тихонько открылась дверь в её комнату:

— Клара, — довольно вежливо сказала мать, — где ты пропадала?

— Можно я посплю и потом? — твёрдо произнесла Клара, намекая, что это не просьба.

— А можно я буду знать где находится мой ребёнок? — заорала тут же мать, — почему я должна, папа должен переживать, что ты шляешься где-то?

— Где я шляюсь? — теперь уже заорала Клара, выпуская из себя всё, что накопилось за последние дни, — ты шляешься в десять раз больше и ничего, выйди отсюда.

Мать стала плакать, под возгласы, что дочь её ненавидит, тут же подключился и отец со словами о том, что можно и сказать, куда уходишь, а то все ж тут очень волнуются за неё, у Клары на это вырвался нервный смешок, который видимо сподвигнул мать к новому потоку гнева:

— Ты живёшь тут на всём готовом, сука неблагодарная, жрёшь моё, обстиранная вся, и ненавидишь мать, что я тебе сделала, тварь ты, — задав эти риторические вопросы сделала пару шагов в сторону дочери, чтобы ударить её, но отец поймал мать за руку и удержал.

Клара же от злости почувствовав новый приток сил подорвалась с кровати, телефон в карман, трусы и портфель, пару штанов, пару кофт, и пройдя сквозь родителей так словно их тут не было, не слушая отца, который вроде бы пытался погасить очередной конфликт между женщинами, обула кроссовки, в которых провела предыдущие несколько суток и вышла из родного дома с твёрдым намерением больше никогда туда не возвращаться. Сбежала по ступеням вниз, словно опаздывала куда-то, потом засела в ближайшем парке, чтобы найти себе хостел, хотя бы на первую ночь, а дальше она уже подумает основательно, о том, что ей делать.

Но эти мысли перебил звонок, звонили с работы, спрашивали где она была вчера, почему не пришла сегодня, не знает ли где Анна. Клара наврала про то, что очень сильно заболела, вчера была в больнице, надеясь, что ей поверят и что завтра она точно выйдет, на другом конце сообщили лишь, что у неё в это месяце не будет премии, а также вычтут эти два дня из зарплаты. Такое новоиспеченную бездомную не беспокоило совсем.

Вскоре она действительно сняла себе индивидуальный номер в хостеле, переплатив, зато знала, что выспится, сегодня тяжелое сердце не мешало ей заснуть, скорее наоборот придавливало к кровати. Проснулась рано, в четыре утра и пошла в душ, после которого, даже показалось, что стало легче, а выйдя на работу, так и вообще даже иногда казалось, что всё как обычно, до того момента как вместо Ани в 17:00 на работе появился другой человек. Незнакомый Кларе парень, с лицом, изуродованным тем же чем и у всех. Через час ей уходить, по средам после работы она шла в зал, как ходила последние три месяца, но он был закрыт, тут уже у Клары стал снова набирать обороты сердечным ритм, а в голове множиться параноидальные идеи, о том, что действительно все посетители этого зала были из полиции, через неё выследили организацию, пока их не было на месте по коровнику расставили жучки и всё узнали. Всех арестовали из-за неё.

Зал был закрыт и в пятницу, Клара плохо спала до этого, а в ночь на субботу она заснуть не смогла вообще то ли из-за колотящегося сердца, то ли от постоянных споров внутри своей головы, где она то была виновата во всём, то пыталась рационально объяснить себе, что это бред, мало ли там просто какие-то работы, или на лето школа сложила в подвале какой-нибудь инвентарь, пока идёт ремонт в классах например. Одно хорошо, что совсем скоро собрание. На него Клара отправилась как обычно, тропами, которыми за ней не уследишь, словно бы наложила сама на себя наказание, прошла весь путь пешком, без транспорта. Вот

он заброшенный коровник, стоит, как и стоял до этого, однако ноги будто вязли в чём-то по дороге к нему, голова гудела и шумела, всё просило Клару повернуть назад, но она заглушила все свои чувства и предчувствия, в этом она была мастером.

Внутри лицом к дверям, ровно по середине строения, на стуле сидел Иван Абышев, как король, ожидающий доклада послов или полководцев, он так же каменным взглядом смотрел на Клару, приближающуюся к нему, как говорят в таких случаях, как побитая псина, словно в чём-то она была виновата. Когда оставалось метров десять Иван сам заговорил:

— Ну что, накачалась?

Клара стыдливо подняла глаза и продолжительно посмотрела на него.

— Это не обязательно из-за меня.

— Конечно нет, это из-за меня.

— Где все? — спросила Клара, понадеявшись, что всё это жестокая шутка.

— Иди отсюда и больше никогда не приходи.

— Ваня, — он замерла с закрытым ртом, глядя на Ивана, зачем-то показывающего прямо на неё указательным пальцем.

— Вышла вон. — Спокойно повторил просьбу он.

Клара не совсем понимая, что она делает пошла к выходу, к горлу поступала рвота от обиды и страха. Она так не хотела быть виноватой, но никак, даже себе не может найти оправдание. Понуриив голову поплелась к остановке, так бы, наверное, и шла, если бы машинально не подняла глаза посмотреть на автомобили, которые приближались к ней. На фоне заката прямо на неё неслось три полицейских машины с мигалками, она даже решила, что её сейчас собьют и была согласна с этим, но экипажи просто пронесли мимо. Клара повернулась, чтобы посмотреть куда они, а они следовали ровненько к их бывшей базе, подперев оба выхода, слуги порядка высыпали из машин и окружили здание. Никакой стрельбы, просто через небольшой промежуток времени Ивана вывели, придерживая за руки, перед самой машиной отпустили, видимо он сказал, что сядет туда добровольно. Дверь за ним захлопнулась.

Не в силах смотреть на это больше, Клара отвернулась, словно за её спиной сейчас всё исчезнет, поплелась к себе в хостел, в голове слушая лишь белый шум, потому что любая мысль сейчас, казалось, будет болезненной. Через пару минут машины обогнали её, сразу она даже боялась смотреть в их сторону, но потом всё же повернулась, чтобы встретиться взглядами с Иваном, хоть таким образом ещё раз попытаться сказать ему, что она не хотела. Затонированные стёкла пассажирских дверей не могли дать ей сделать этого. Хорошо, что в голову к ней не приходили мысли о том, почему же не арестовали и её, ведь в результате она догадалась бы, что для Абышева это только лишнее доказательство её предательства, вряд ли бы девушка выдержала осознание такого.

Случайно Клара взглянула на красное закатное небо, по которому летали маленькие птицы, «ласточки, наверное,» — подумала она, и замерла на какое-то время в созерцании пока не стемнело, а потом побрела к себе.

Одна?

01.2046

С того самого дня ареста группы, Клара словно погружалась в какое-то небытие. Из-за того, что отвалилось дело, которое как из ниоткуда возникло в её жизни и вдохнуло в неё совершенно иной смысл, можно сказать, вообще объясняло ей зачем она живёт, стало отваливаться и всё остальное: спорт прекратился практически сразу, здесь Клара могла оправдаться тем, что зал закрылся, а другой найти ей тяжело, но ведь остаётся ещё бег, про него теперь не хотелось даже думать. Снова стал набираться вес, это каждый вечер заставляло, как когда-то раньше с сигаретами, опять и опять есть «последний раз» что-нибудь сладкое на ночь, набивать живот до боли. Время от времени в голове вспыхивала идея пойти и себе купить выпивки, ведь тогда в общем-то было неплохо, а главное очень легко, всё проблемы и волнения таяли и куда-то пропадали, а уж если напиться нельзя, то можно покурить и в дыму припрятать «страдания» от самой себя.

Потом получалось дать себе оплеуху и выбросить подобные мысли из головы, потому что проще сразу было лечь и помереть, чем снова скатываться в то, из чего с такими трудностями выбиралась, однако намерения отравить себя какими-нибудь токсинами возвращались вновь и вновь, вместе с ними пробивались мысли и о том, что это просто бессмысленная программа самоуничтожения, которая живёт в Кларе благодаря низкой самооценке и тому, что в неё вкладывали семья и общество. Тут ещё и пирамида Маслоу случайно попала на глаза, но очень кстати: с помощью неё получилось определить, что из пяти уровней, Клара барахтается с большим трудом между первым и вторым, и то можно сказать, относительно недавно она создала себе возможность удовлетворять физиологические потребности, а вот с безопасностью и чувством защищённости уже проблемы. Этим самым она более-менее отвалила себя от того, чтобы рационализировать свой срыв, ведь честно призналась, что смысл жизни пропал, хотя ещё надо подумать был ли он, так как не так уж и долго она проходила на «занятия».

В таких умственных метаниях прошло лето, подходила к концу и осень, каждый последующий день не отличался от предыдущего, так неделя за неделей, разве, что Алина за месяц до нового года вбросила немного красок своим звонком:

— Алё, — подняла трубку Клара без особого желания разговаривать, сама не понимая почему.

— Слышишь, здорова, — начала Алина и уже в этих словах легко было уловить претензию, — а ты что, из ресторана ушла?

— Давно уже, — в похожем ключе ответила ей подруга.

— А мне чего не сказала?

Последовало молчание чуть больше нужного, Клара пыталась себе ответить на вопрос почему она вообще должна была это кому-то сообщать, но решила переадресовать его на «другой конец провода».

— А должна была что ли?

— Я, вообще-то, договаривалась и ты меня выставляешь в не очень хорошем свете.

— Поэтому мне надо было до конца жизни сидеть там за две копейки? Там и насчёт

зарплаты изначально было одно, а когда я устроилась стало другое, — оправдания от Клары не заставили себя ждать.

— Ладно, — Алина сообщила с матами, что в общем-то не важно почему уволилась Клара, — придёшь ко мне на новый год?

— Не, я хочу дома побыть.

— Что ты там делать будешь, ко мне придёт человек десять, нормально будет, нажрёмся, я так скучаю по этим временам.

— Ну это ж не ко мне, — добродушно и даже с улыбкой ответила Клара, — тем более я уже давно решила дома оставаться.

— Ой, — Алина опять соединила слова матом, — возьми реши обратно, ты собираешься всю жизнь не бухать? Что ты тогда делать будешь вообще? Сидеть как тридцатилетняя бабка?

— Ну да, — подтвердила нормально Клара, хотя внутри уже начинала раздражаться.

— Ладно, короче, если что звони, давай.

Трубка была положена и своё «давай», Клара произнесла уже в быстрые гудки. После этого посмотрела на телефон, секунд около десяти, скорее меньше, вошла в соцсети, в инстаграме отписалась от Алины, в «телеге» заблокировала и даже не забыла удалить номер из записной книжки, а потом и его добавить в бан. На душе как-то сразу полегчало, словно какой-то тяжелый груз упал с её плеч. Подобной эйфории хватило на пару дней, потом настроение вернулось на накатанные рельсы, однако желания чего-нибудь выпить, прикупить пачку сигарет исчезло, словно отмылось замызганное окно и снова стало хорошо видно, из-за чего Клара вообще бросала.

Новый год прошёл, его она провела действительно в новом доме, как и планировала, да и не то чтобы был какой-то выбор, а уже второго января начались события, которые вдохнули разнообразия в её будни. Понедельник ещё был выходным, так как выпал на первое число, а вот второго, в восемь утра Клара уже была на рабочем месте, где ещё до открытия её поджидала кучка изуродованных, не понятно, как ещё держащихся на ногах людей, однако говорили они с ней так, словно это она источала всякие запахи, имела неестественный цвет кожи в ужасном состоянии, как будто это она на них смотрела пожелтевшими и помутневшими глазами, как ради шутки приделанными от какой-то рыбы, будто она говорила теряя половину звуков из-за редких гнилых зубов. Подобные картины уже давно её не впечатляли. Зато впечатлила новость, прочитанная в телефоне в свободную минуту, о том что была подорвана одна из немногих оставшихся государственных больниц, обвиняется в этом та же самая группа, что подрывала логистические центры и совершала прочие преступления против общества в предыдущие годы. Можно было бы махнуть рукой, но Клара отчего-то встревожилась, примерно, как и в первое время, особенно когда ей интересовалась полиция, которая искала пропавшую Аню, больше всех расспрашивали именно Клару, кто-то сообщил органам, что они были близкими подругами, подобное Клара, конечно же, отрицала, да и она в общем-то, искренне не знала где искать свою, теперь уже бывшую, соратницу, разве что по ночам просыпалась от её крика, который ей снился по меньшей мере раз в неделю, как и вся эта погоня.

Никак уgomонить тревожность не давало и то, что дальше каждые следующие несколько дней появлялись новости о том, что подорвано, иногда уже даже отравлено, то или иное общественно важное здание, служба и тому подобное, даже редкий в последние годы городской транспорт и тот страдал от неизвестных террористов, на след которых всё явнее и

явнее выходила полиция.

Посреди ночи Клару разбудило сообщение в телеграмме. Она взяла телефон не понимая, кто ей мог написать в такое время и увидела, что это была новость каким-то образом пришедшая со звуковым уведомлением, хотя во всех подписках уведомления отключались сразу, как только Клара подписывалась. Новость сообщала:

«Органам безопасности удалось ликвидировать группу террористов...», дальше шёл всякий неинтересный официоз. «При помощи членов левых партий правительства они получали интересующие их данные...депутаты задержаны...группа состояла из пяти человек, каждый находится под следствием, руководитель группы Коваленко Дмитрий, Байрамян Роман, Тищенко Анна, Абыров Иван, Чистякова Карина». Особенно сердце встрепенулось у Клары на последних двух именах, потому что никакой Иван был пойман не Абыров, и про Чашину Клару они значит тоже всё знают, но по какой-то причине пока не трогают её. В ту ночь заснуть уже не получилось, а днём гудели и люди, и СМИ, кажется не обсуждалось ничего кроме ликвидации вреднейших общественных преступников, которые кидались на больницы, автобусные парки с древними автобусами, алкогольные заводы и так далее, разве что до атомных станций не успели добраться благодаря службам правопорядка.

Если раньше Клара жила как в тумане, то теперь этот туман сгустился так, что его можно было ощущать кожей, однако и это не было концом, оказалось, что на четвёртое февраля будет назначена трансляция вынесения приговора преступникам и так же исполнение меры пресечения, транслироваться всё будет в том числе и на самой большой площади в городе, площади свободы. Там очень кстати есть несколько экранов установленных несколько лет назад, их использовали на праздники, иногда для трансляции всяких спортивных событий.

Как бы не хотелось, а этот день становился всё ближе и конечно же неизбежно настал. Воскресенье, 13:00, Клара на площади, перед ней плотная толпа изуродованных людей, которые ещё несколько часов будут находиться под воздействием вчерашней дозы радости, кто-то шепчется, кто-то громко говорит, нередко случаи, когда кто-нибудь пытается пробиться поближе к огромным экранам. А на них уже появилась судья, женщина лет около пятидесяти, к удивлению Клары без отметин уродства. Около часа описывались все преступления, на некоторых Клара присутствовала лично, прокурор запросил высшую меру — смертную казнь, адвокат пытался сбить до пожизненного, но как-то не особенно охотно, а как же волновалась толпа, когда смертная казнь была под угрозой срыва, они жаждали смертей, потому что это могло внести кроваво-красной краски в их серую жизнь.

Требование народа было удовлетворено, оказалось, что преступники уже содержались в специальной комнате, а не в зале суда как это обычно бывает, по всей видимости крепко скованные по рукам и ногам на специальных стульях они ожидали своей участи. Видеокамера в этом помещении была расположена сверху, охватывала всех пятерых, имена которых уже раскрыли, но никогда не показывали лиц, увидеть их нельзя было и теперь, так как голова каждого скрыта под тканевым мешком, без прорезей для глаз или рта. Клара посчитала это какой-то насмешкой над своими друзьями, какими теперь она их и подавно считала. В помещение вошли пятеро сотрудников полиции, каждый стал за «своим террористом», лица полицейских тоже были спрятаны, как и у бандитов, разве что у первых отверстия для глаз оставались, потом появились пятеро врачей, они стали рядом с полицейскими, последним в кадре показался человек в возрасте, так же без следов зависимости, который глубоким низким голосом зачитал обвиняемым их приговор, если

убрать всю воду, в конце концов он означал смертную казнь.

Неизвестные врачи, да и вообще врачи ли это были, личность которых никогда никем не будет установлена, так как их лица так же спрятаны за медицинскими масками чуть ли не синхронно встали перед пятью людьми, ввели инъекции, чем заставили подёргаться некоторых, больше всех сопротивлялся Дима, Клара посчитала, что это он, так как сидел в центре и казался выше остальных, ещё по росту можно было узнать Аню, а вот где была «она», Клара не могла понять, так как трое оставшихся казались примерно одного, совсем не высокого роста.

Всё действие было завершено. Когда тело последнего террориста перестало сопротивляться два огромных экрана погасли, но погасли не просто, а противным звуком, таким как бывал раньше на колонках, такое даже Клара ещё в детстве застала, когда звонит телефон они начинают издавать какие-то неземные сигналы, тоже самое произошло и сейчас. Люди кривились и затыкали уши, кто-то напротив вертел головой в поисках источника звука, хотя очевидно, что это было, а громкость всё нарастала и нарастала, как и частота этих помех становилась всё выше, пока всё не закончилось, неожиданно для всех, даже для Клары, сильнейшим взрывом с одного края площади. Там, где начиналось скопление людей, из здания полетели осколки стен, столп огня вбок, а потом в небо, и толпа, которая пытается убежать сразу во все стороны. Не зная куда деться Клара с неожиданной ловкостью взобралась на памятник, и так смогла спастись от того, чтобы быть смытой в этой людской волне. Второй взрыв чуть ли не сильнее первого не заставил себя ждать, никто уже не смотрел на ограждения, все бежали через дороги с обеих сторон площади без страха быть задавленным машиной.

Много часов понадобилось, чтобы всё в этом районе города более-менее устаканилось, Клара так и сидела на памятнике боясь спуститься на землю, хотя кроме десятков человек затоптанных здесь не было никого, даже полиции почему-то нигде не видно. Незаметно на город напозла ночь, отсюда до снятого не так уж дорого Клариново общежития было около часа ходьбы. Транспорт и так приезжал теперь раза три в сутки в её район, а сегодня его явно не будет, поэтому она без раздумий пошла пешком, хотя при всём желании и не могла бы предаться раздумьям, потому что кроме серого шума в голове ничего не стояло. Не знала и не хотела она знать сколько сейчас времени, пришла к себе глубокой ночью. Завтра на работу, но заснуть не получилось.

Весь следующий месяц, вставать с кровати было всё сложнее, что вылилось в постоянные опоздания на работу, на хамство клиентов она отвечала ещё большим хамством, порядок в магазине отошёл на второй план, что в итоге привело к тому, что по телефону ей сообщили: контракт, который заканчивается в конце марта, если она не исправится, с ней продлён не будет. Не то чтобы Клару как-то это удивило или расстроило, потому что следующие шаги в жизни обдуманы и принято твёрдое решение их придерживаться. Когда после долгих пасмурных дней на улице наконец-то установилась солнечная погода Клара отправилась в лес, он находился не особенно далеко от города, пешком от её общежития можно добраться за несколько часов.

Двадцать первого марта, проснувшись как обычно в шесть утра, она поела бутербродов с купленным вареньем, у которого из общего с вареньем были только консистенция и сахар, запив всё крепким чаем отправилась вместо работы в лес, без долгих выборов, обдумываний и так далее. Туда её словно потянуло сердце.

Покинула город, на этот раз абсолютно не обращая внимания на камеры, беззаботно

пересекла кольцевую дорогу, переходя её так, словно там не ездит машин, хотя только какое-то чудо ей помогло не быть размазанной по асфальту. Несколько полей на которых ещё не было ничего кроме голой земли, которая сегодня подтаяла от тепла и с полным гостеприимством принимала в себя Кларину обувь, каждый раз нехотя выпуская ботинки из своих объятий, деревушки, просёлочные дороги, и вот она пришла куда так стремилась, за спиной что-то подобное промзоне, впереди ещё одно давным-давно заброшенное в сельскохозяйственном плане поле, а за ним желанных растянувшийся на весь горизонт лес.

Клара хоть и одела свою самую дорогую одежду, ту в которой ходила на «занятия», сейчас совершенно не жалела, нисколько не расстроилась от того, что один раз даже упала в грязь. Лес встретил её зарослями молодых берез, через которые невозможно было пробиться, это если не очень хотеть, а Клара была полна решимости, поэтому преодолела такое препятствие и оказалась в тёмном хвойном лесу. Тут же, в нескольких метрах обнаружилась тропинка, по которой она и двинулась вперёд и минут через пятнадцать оказалась на полянке, что образовалась, очевидно, в результате деятельности человека, потому что ровные спилы на пнях не могут взяться откуда-нибудь ещё. Природа уже брала своё и полянка была покрыта порослью то ли берёз, то ли тополей, которые сейчас больше напоминали кусты чем деревья и все почему-то уложены на землю, как бывает происходит с зерновыми культурами на полях летом. «Лучше быть и не может», — подумала Клара, вышла на центр этой поляны и улеглась на ветки, которые, как она в шутку подумала, приготовили специально для неё.

По небу плыли разнообразные облака, кожу обдувал прохладный, но приятный ветер, немного повозившись, чтобы лечь поудобней Клара всё своё внимание обратила к небу, словно мечтала в нём раствориться, хотя была бы не против раствориться и среди ветвей, почвы или чего-либо ещё. Руки она сложила на груди, дыхание выровнялось, а из глаз непонятно от чего потекли слёзы. «Конъюнктивит может быть», — подумала снова она, но за этим последовало: «Какая разница», и мысли испарились. Клара пролежала так час, второй, становилось только удобней, да ещё и солнце светило прямо на неё чем подогревало тело и добавляло комфорта. Никуда отсюда уходить Клара не собиралась, со всей твёрдостью было решено остаться здесь навсегда, как когда-то она решила бросить пить и курить, так же и сейчас решила до самого конца лежать здесь как бы не стало холодно, может скучно, голодно, вряд ли что-то могло поколебать её решение.

03.2046

С собой не было ни телефона, ни часов, сколько Клара здесь пробыла она теперь не могла ответить даже приблизительно, хотя по ходу солнца казалось, что полдень остался где-то позади, «часа три-четыре сейчас», — прикинула она и услышала с самого утра чуть ли не первые звуки за всё время, что находится здесь, если исключить шёпот ветра и листьев, кричала стайка ворон. Ещё немного и птицы появились в поле её зрения, с каждым разом пролетая всё ближе к ней, кроме лёгкой улыбки больше никакой реакции от Клары не следовало, только подумалось, птицы приняли её за очень сытный обед. Спустя некоторое количество минут одна ворона уселась прямо Кларе на грудь. Нагло ходя по ней, иногда попрыгивая, она шагала туда-сюда, пока в конце не остановилась на рёбрах девушки, почти с человеческим интересом заглядывая ей в глаза то одним, то вторым чёрным глазом. Пока ворона думала над чем-то своим, у Клары созрел план поюморить и затаив дыхание, чем видимо совсем уж ослабила бдительность вороны, а затем дождавшись, когда птица в

очередной раз глянет ей прямо в глаза резко гавкнула, как собака, только однократно. Ворона взметнула в воздух и возмущаясь как будто выкрикнула слово «дура» на свою обидчицу, взмыла вверх немного что-то поговорила на своём языке там и чёрная стайка улетела искать добычи в другом месте, а Клара только смеялась, звонко и долго, аж опять заплакала, но на этот раз уже перемешивая искренность смеха и горечь своих слёз, которым рациональных, чётких причин сейчас не находилось.

На какой-то промежуток времени Кларе удалось даже заснуть, что она и не заметила, как градиент небесного цвета со слабо-розового перетёк в глубокий красный цвет, а затем, хоть и не спала всё же не уследила, как небо стало тёмно-синим. После захода солнца температуры стали брать своё и Кларе становилось до противного холодно, однако, как бы тело не тряслось, из него не получалось вытрясти идею о том, что нельзя уходить отсюда. Ещё позже, когда реально время перевалило за полночь, Клара ухватилась за молодые деревца, на которых лежала, так, будто её кто-то хотел отсюда унести, но это скорее было что-то рефлекторное, чтобы самой себе не дать сделать подобного. Чтобы побороть желание сдаться она пыталась заставить себя спать, но конечно же сделать это было невозможно, да ещё и огромная луна как на зло светила прямо в лицо. «Она не светит, а только отражает» — напомнила себе Клара, и уставилась на спутник Земли, словно соревнуясь с ним в том, кто кого переглядит, чем почти ввела себя в какой-то транс, даже стала чувствовать, что засыпает, но по непонятной даже для самой себя причине начала сопротивляться этому, глаза слипались, а она их усилием воли разлепляла, пока в одну из таких попыток борьбы не заметила, как луна подобно чьему-то глазу моргнула, словно часть неба стала веком и проскользило по луне туда и обратно. Клара стала всматриваться сильнее и больше ничего подобного не заметила, но слежение за луной не ослабляла, а пока всё внимание уходило на неё, то совсем рядом материализовалось, будто сложенное из звёзд второе око, что Клара не заметить не могла.

Мурашки пробежали от шеи к ушам, не сказать, что она испытывала какой-то сковывающий страх, хотя немного боязно и было, но сковало её на месте что-то другое. А тем временем небесное пространство искривлялось, за высокими чёрными елями, которые окружали Клару равномерно со всех сторон. На небосводе возникло подобие лица, уши, которые точно не были похожи на те, что у людей, но пока не определимо чьи, а рядом с ними стали «произрастать» рога, всё это складывалась из неба и звёзд, а одним глазом, как уже говорилось была луна. Лицо стало подниматься из-за деревьев, но как-то не смело или, правильнее, не нагло, поглядывая на Клару с интересом, скорее боясь спугнуть её. Не пришлось долго ждать перед тем как она смогла рассмотреть бычью голову, почему она была уверена, что голова именно бычья, она себе ответить не могла, просто знала и всё. А голова в эти мгновения стала плавно перетекать в какую-то другую форму, как выяснилось чуть позже, в голову собаки или волка, трудно было понять по искривлению небес и расположению звёзд. То, что казалось собакой, посмотрело наверх и в момент, который невозможно отследить уже птицей взмывало к более высоким звёздам, сделав круг метнулось вниз, во время полёта, перед самым Клариным телом переделавшись в прекрасное женское лицо. «Она», ведь это явно была женщина, нависла над оцепеневшей девушкой, волосы «её» упали по сторонам от Клары и больше напоминали два потока воды, Клара же ничего вообще сейчас не думала, не могла, да и не хотела, глаза этой женщины не имели радужек, были так же сотворены из неба и звёзд, ещё звезды будто вместо веснушек поблёскивали на щеках и на кончике носа, луна светила во лбу, но очень мягко не заставляя

Клару жмуриться, разве что мурашки бегали теперь уже не только от шеи к ушам, а по всей спине. Так же неуловимо женское лицо перетекло в дедка, который сел сбоку от Клары, состоящего, как и все предыдущие образы, из неба и звёзд. Он был одет в плащ или пальто, на голове кепка, которую он почти сразу снял и положил на колени, волосы росли только по бокам, а сверху была лысина, лицо его острое, с длинным носом, но выражение абсолютно не агрессивное, Клара смотрела на него без страха. Даже осмелилась задать вопрос.

— Я уже сошла с ума? — спросила она, подражая его полной спокойствия и доброты улыбке.

— Нет, этого с тобой точно не случилось. — Ответил он, при этом рот его не шевелился, а голос не имел красок, словно внутренний голос человека сейчас звучал снаружи.

— А что я тогда вижу? — Клара обратила внимание, что ноги дедка проходили сквозь молодые поваленные ветром деревца без каких-либо помех, однако ветки на которых он сидел немного прогибались, то есть он был одновременно и бесплотным, и вполне телесным.

— Таких слов ни в одном языке ещё нет, чтобы описать кто я, даже слово «я» ко мне не относится, это так, для твоего удобства.

— Вы инопланетянин или Бог? — спросила Клара и почувствовала себя такой глупой, что даже жар зажёг щеки, «хорошо, что ночь и не видно», — подумала она.

— Я являюсь всем, в том числе и тобой, не над миром и не из другого мира, я и есть все миры и всё, что есть в мирах.

Клара уставилась на безбородого старичка и долго не могла ничего произнести.

— Думаю, что я всё-таки уснула, — сказала она после паузы.

— Тем более можешь не бояться тогда, раз это всего лишь сон.

— Ладно, почему вы решили появиться мне?

— Потому что ты просила, «просите и дано будет вам».

— Я такого не помню, — сказала Клара, чувствуя какую-то вину, словно обманула доверчивого дедушку, зря оторвала его от дел, — и даже не знаю, что мне сейчас с этим делать, что вы пришли.

— Ты лежала здесь в течение дня, зачем было ещё это бдение, как не затем, чтобы кто-то спас тебя. Может быть тебя нашли бы спасатели, но насколько я знаю, ты бы не хотела встречаться с различными органами, особенно если придётся засветиться в полиции.

— Вы так странно разговариваете, — заметила дерзко Клара, потеряв остатки страха и скованности перед «пожилым мужчиной», абсолютно не внушающим страха.

— А как мне говорить? Фразами из года который вы называете нулевым?

«И правда», — сказала сама себе Клара и опять задала вопрос:

— А вы приходите ко всем, кто просит?

— К тем, кому это нужно, только в основном не так как к тебе. Кто-то может одновременно просить, но сам не верит, да и не хочет, чтобы я появился, кто-то просит, и я даю им, то чего они хотят, одно лишь условие: твоя просьба должна касаться только тебя.

— Я не совсем понимаю.

— Если кто-то попросит увеличить зарплату, вряд ли я побегу перекраивать мир, а кто просит сил, чтобы получить новые умения — скорее всего получит их, надо ещё увидеть его намерения, зачем ему что-то иметь и становиться богатым.

— Почему вы всех просто не сделаете богатыми? — опять чувствуя обжигающий стыд

спросила Клара.

— Не все этого хотят, да и почти все из тех, кто хотел бы разбогатеть просто из людей превратятся в бактерий и деньги им нужны только для этого, чтобы превратиться в бактерию.

— Я, честно, пока не видела, чтобы кто-то из людей стал бактерией.

— Получая деньги они не делают ничего кроме того, что испытывают приливы наслаждения разными способами, просто из-за того, что бактерия простая ей надо лишь свет, еда и размножение. А чем начинает заниматься множество людей, получив деньги? Не тем же ли самым? Они даже думать практически перестают, доводя свою жизнь до автоматизма в этих трёх действиях, а потом не понимают почему изнывают от грусти.

— Почему вы им даёте так делать, даёте и заработать деньги, а потом так жить?

— Потому что у всех свободная воля и каждый сам имеет право жить как захочет.

— Получается мы шли против воли людей, когда взрывали стоянки, пытались похитить человека, вы за это нас наказали?

— Нет, это всё ваши земные дела, вас наказали без моей помощи, потому что ни вы, ни они не просили меня о помощи.

— А если бы попросили «они» вы бы помогли?

— О чём была бы просьба? Помочь поймать тех, кто мешает продавать отраву, принимая которую люди каждый раз умирают на несколько часов? Как ты думаешь, помог бы?

— Наверное нет, а почему вы говорите, что люди умирают на несколько часов, как я заметила, они себя живыми чувствуют разве что только в это время.

— Ты себя тоже как-то чувствовала, крутой, взрослой, сильной и умной, когда выдыхала дым от сигареты и с наслаждением смотрела на этот столбик, так ли это было? Так и эти несчастные люди, они утрачивают своё сознание и впадают в короткую смерть, не в сон, а в смерть, это потеря сознания с которой ты можешь ходить и что-то делать, но твоё-то сознание как раз в это время не существует, ведь где оно? Ты мертвец каждый раз, когда пьян.

— Почему вы тогда дали нас поймать, ведь мы не занимались плохим делом?

— Вы сами дали себя поймать.

— Получается, что вы не вмешиваетесь в жизнь людей, но зачем вы тогда существуете? — Клара позволила даже себе немного разозлиться, позабыв о том, с кем она разговаривает.

— Потому что я не машина по обслуживанию людей, хотя у вас есть и такие конфессии, кто сводит всё к этому, я являюсь всем и являюсь каждым, для меня ничего не плохое и не хорошее, если исчезнут не только люди, а вообще всё и останется только пустота, то пустотой буду я.

— Ну вы же создали людей, раз уж вы есть, какой тогда смысл был в том, чтобы создавать нас?

— Я создал законы, в данном случае физики, химии и другие, а из законов возникли люди, мне не нужно было кого-то специально делать, точнее сказать и законы мне создавать было не нужно, потому что я есть закон, ты бы знала это если бы повнимательнее попробовала почитать одну книгу.

— Вы, наверное, про Библию? — почему-то со вздохом спросила Клара.

— Да, там почти всё написано правильно.

— Я кстати не читала, но когда-то на Ютубе слушала. А что там не правильного?

— Ничего неверного там нет, только иногда трактовки неверные.

— Про какие именно вы говорите?

— Про упрощение меня, но я не сложен, я абсолютен, ты даже сейчас не можешь избавиться от того, что ты говоришь с Богом, а ты говоришь со всем, я не личность, это человеческое понятие, я — всё, я существую во всём и ни в чём, я говорю с тобой, но ты ведь ничего сейчас не слышишь ушами, ты видишь меня, но ведь меня нет здесь, потому что я есть везде.

— Я не понимаю, — искренне призналась Клара.

— Конечно, ведь пока нет способа описать это человеческим языком, я уже кстати говорил.

— Вы может знаете тогда, зачем я позвала вас? — спросила Клара, без какой-то издёвки, а потому что уже согласилась с тем, что была в глубине души не против спасения, но скорее от того, что не знала, что ей дальше делать в жизни, а тот, кто пришёл бы её спасти смог бы дать подсказку.

— Нет того, чего я не знаю. Ты с самого детства потеряла смысл жить, до подросткового возраста заполняла себя картинками и образами мечтая вернуться в годы, когда «этого» не было, пьянок, злости, однако они были всегда, просто примерно до школы ты не замечала этого. Ты и сейчас никакого смысла жить не обрела, только какой-то призрачный мираж «борьбы с алкашами», но ты же в полной уверенности, что это сизифов труд. Ты больше через всех алкашей мстишь своей матери, ты ведь думаешь, что всё из-за неё, что без её алкоголизма ты бы добилась большего, не работала бы продавщицей.

Клара испытывала приступ словно разъедающего сердце стыда.

— А это не так? — спросила она тем не менее с какой-то обидой.

— А ты уверена, что если бы ты была нормальной, имела деньги, должность, всё что ты «хотела» бы, то не пополнила собой армию алкашей? Алина которую ты не любишь теперь, её родители пили «нормально», не много, по сравнению с твоей матерью, ты уверена, что не стала бы сейчас такой как Алина? Я знаю, что ты и без меня это понимаешь, твоя мать отдала свою жизнь, чтобы ты такой не стала, не сознательно, с болями для тебя, которые не пройдут никогда, и не вздумай сообразить, что я выгораживаю её, защищаю, совсем нет. Я говорю тебе заметить это.

— Почему вы просто не сделаете мир таким, чтобы не было алкашей, наркоманов, убийц, всех эти людей?

— Потому что вас в этом мире не будет, будут мои игрушки, которые будут делать только то, что я хочу, воля у каждого свободна и я ни одного не заставил напиться или уколоться, всё что есть в мире — всё результат действий людей, я лишь могу помочь страждущим, тем, кому это действительно надо.

— То есть мне, действительно это надо?

— Чтобы самой это понять, скажи, чего ты хочешь.

— Чтобы всё это закончилось, чтобы мир стал нормальным.

— Он уже нормальный, ведь нормальное — это то, что больше всего распространено.

— Хорошо, я хочу, чтобы алкаши бросили пить.

— Пить — это их воля.

— Понятно, — Клара опять чуть раздражалась, — я хочу иметь силы, сделать так, чтобы алкашей стало как можно меньше.

— Силы у тебя есть.

— Всегда были?

— Возможно, но теперь точно есть.

— Как это можно понять?

— А как бы ты хотела понять, думала, что в руках заискрятся молнии, а из спины вырастут крылья?

— Ну не знаю, там...

— Мне кажется тебе ещё не удавалось поговорить с кем-то вроде меня, и ты не знаешь, как приходят к человеку силы, чтобы говорить, что они приходят не так как сейчас.

— Да, — вздыхая от собственной глупости согласилась Клара. — А вы всегда придёте, когда я попрошу?

— Больше ты меня не будешь просить.

Клара хотела сказать: «Откуда вы знаете», — но вовремя осеклась.

— Можно, ещё узнать, что я не понимаю, я чуть-чуть знаю из Библии, что Иисус, Бог и Святой Дух — это всё одно, но как тогда Иисус ходил по земле и говорил про своего отца, ведь это он и есть свой отец, кого он звал на кресте тогда, и почему он висел столько дней, а не меньше или больше.

— У Иисуса был не только образ человека, как все говорят, но и тело, он был на кресте столько дней, сколько выдержала его плоть, отец — это скорее для удобства, я явлюсь всем.

— Но в Библии всё является правдой?

— Теми языками, что есть, этого не объяснить, там нет лжи, но не всё является правдой, особенно трактовки и понимание.

— Но христианство самая правильная вера?

Показалось, что Он усмехнулся.

— Вот как раз про это там и написано, что для меня нет ни эллина, ни иудея, я не делю на христиан и мусульман, или ещё на кого-либо, потому что и меня-то нет, в том виде как там написано, напомню тебе, я не Бог в виде сущности, в виде какого-то человека, который за всем следит, я — всё.

— А что тогда значит по образу и подобию?

— Значит, что всё в мире по моему образу и подобию, потому что я и явлюсь всем и ничем. Альфа и Омега.

— Почему тогда никто этого не понимает?

— Многие понимают, даже ты в какой-то степени понимала, понимают меня смиренные и кроткие, а «кроткие унаследуют землю». Только не нужно похабно это понимать, как принятие зла, и называть добром всё подряд. Ты на всю жизнь запомнишь тех двух детей, твоя кротость в том, чтобы, не смотря на трудности помочь им получить другую жизнь, чтобы не бросить своё дело, кротость была в том, что, бросив пить и курить, согласившись на любые муки, хоть на всю жизнь, ты смирилась с ужасом, но не поддавалась страстям. Ты и сюда пришла смириться ужасом, и с этим смирением продолжить своё занятие.

— Но ведь я уже бросила.

— Ты только что просила у меня силы.

— Да, что-то я уже..., — а после паузы Клара продолжила, — но ведь вы знаете, что я не верю в то, что у меня получится что-то.

— Ты не видишь рациональных причин и способов, но, что не веришь, так не сказать.

— Я не хочу вас раздражать, но этот вопрос так часто употребляют в спорах. Почему маленькие дети умирают в мучениях, от болезней там?

— Потому что вы их мучаете и не лечите.

Клара не смогла оспорить это. А дедок тем временем погладил её бесплотной рукой по голове, убрав волосы со лба, поджал свои губы, вздохнул и очень медленно моргнув стал вытягиваться вверх, в определенный момент стало понятно, что он превратился в огромное дерево уходя ветвями чуть ли не куда-то в космос, тем временем ветви стали обращаться в огромные крылья, а ствол дерева, как оказалось стал хвостом птицы, которая величественно летала вокруг лежбища Клары. Сон одолевал её, перед тем как совсем выключиться Клара увидела, что небо разгладилось будто в нём ничего никогда и не шевелилось, тело ощущало тепло и удобство, как это обычно бывает по утрам в кровати, только ещё и не утро и кровати никакой здесь не было.

Проснувшись она только следующим вечером, как она поняла, что это не рассвет, она не знала, но после недолгих сомнений прикинула, что сейчас около часов пяти часов дня. Всё тело ломило, а вчерашний сон или что это было, ещё не заполз в голову, вот когда она вышла из лесу на поле с промёрзшей землей и взглянула на место, где заночевала картинки по чуть-чуть стали всплывать в памяти. В отличие от вчерашнего дня по схваченной морозом грязи идти было куда удобнее, странно конечно, что такой перепад температур, но он только на пользу, на том, что вчера ей там приснилось Клара решила не концентрироваться, но с чувством какой-то уверенности и желанием продолжать хотя бы в одиночку она сейчас, можно сказать, наслаждалась.

Изуродованный человек по дороге, который не смотрел на неё как на личного врага, вежливая вахтерша на входе, отдавшая не заказанную Кларой посылку, всё было странным. Отражение, которое она увидела в зеркале заставило разволноваться, потому что Клара увидела себя такой, какой не видела после самого большого запоя, более мерзкой внешности она припомнить не могла, от чего сильно расстроилась, но письмо, которое содержалось в посылке отданной вахтершей оттянуло часть внимания на себя.

03-11.2046

По окнам стекали капли дождя, но тучи вежливо не закрывали лунный диск, который освещал комнату Клары достаточно для того, чтобы хоть и с большим напряжением глаз, но прочитать письмо, лежавшее в коробке по размерам напоминающей такие, в которых продают мобильные телефоны. Изначально она вообще хотела отложить чтение до утра, ей хотелось как-то подготовиться что ли, чтобы узнать, что там написано, но увидев, что текст не такой и длинный, да и глаза уже зацепились за строчки она решила полностью изучить его содержимое:

«Здравствуйте, Карина Александровна.

Нам известно, что вы покинули сообщество, в котором могли заниматься своим хобби, поэтому хотим пригласить вас в новое. Нет гарантий, что вы вообще получите это письмо, но если всё же прочтете его, то приходите в Октябрьский парк третьего числа любого месяца, так будет надёжнее всего, если вы получите данное сообщение позже предполагаемой нами даты.»

Клара сама себе не могла объяснить логически, что письмо было адресовано именно ей, а не какой-то Карине Александровне, но чувствовала это. Ближайшее третье число будет уже только в апреле, осталось меньше пары недель до тревожащей, но с какой-то радостью, даты.

Однако радость — это громко сказано, скорее она чувствовала в себе совершенно новое чувство, если раньше была смесь страха с интересом, то теперь ощущался какой-то долг и полная серьёзность происходящего, вот они как раз-таки заглушали все остальные чувства. Да и вокруг события происходили всё страннее: всё чаще стали случаться акты агрессии алкашей на точки продаж, забастовка на одном из алкогольных заводов, ни о чём из подобного не сообщали по правительственным СМИ, однако через частные каналы информация не просачивалась, а скорее била бурным потоком с избытком текстов и видео. Всё чаще за эти пару недель Кларе стала названивать мать, но первое время дочь трубку не брала, а потом вообще отправила её номер в чёрный список, после этого звонки стали поступать с номера отца, его Клара пока просто игнорировала, но чувствовала, что долго так не продлится.

В ночь на первое апреля произошло вообще что-то странное. Клара вернулась из магазина с пакетом продуктов, потому что как-то засиделась перед новостями и упустила, что ничего себе не готовила на завтрак и на обед в понедельник, а в воскресенье это сделать будет проблематично, так как на кухне будет толкаться весь этаж общежития, поэтому она предпочитала делать всё заранее, как правило, поздно вечером в субботу. Сегодня получилось поздно ночью. На двух конфорках кипели две кастрюли, в одной макароны, во второй овсянка, под бульканье воды Клара слышала, что где-то в коридоре открылись двери, шаги приближались к кухне, сейчас она надеялась, что человек просто пройдёт мимо, потому что ни с кем говорить и так не хотелось, а по выходным так и подавно, потому что состояние у всех соответствующее, но к Кларину сожалению человек вошёл именно сюда, так ещё и направлялся именно к ней:

— Здорова, — начала изуродованная употреблением девушка, но по одному лишь слову Клара сообразила, что собеседница полностью трезвая, — не спится?

— Да не, — ответила нехотя Клара, — просто сделаю еды на неделю, пока тут свободно.

— Понятно, я тебя спросить хотела, почему ты стала не такая стрёмная?

— Не знаю, — бросила Клара и повернулась к кастрюлям.

— Я заметила, что те, кто не бухают, становятся какими-то уродами. Вроде всё с ними нормально, но раздражают, — тут она применила матерное слово для описания степени раздражения, — ты не забухала случайно?

— Не поверишь, ты мне видишься точно так же.

— Не обижайся, просто я хотела спросить, ты когда-нибудь пила вообще, я просто третий день уже терплю, не первый раз, но теперь когда прибухну, то никакого облегчения нет.

— Пила, — ответила она на первый вопрос, — терпи дальше, можешь и год протерпеть, тут у каждого по-своему, — поделилась опытом Клара.

— А ты сколько терпела?

— Дня три было очень тяжело, просто тяжело неделю, а потом месяца три слабая тяга, но мне повезло, обычно это всё подольше происходит, тем более если у тебя побольше опыт, — и потом ещё зачем-то добавила, — и да, я не забухала, не знаю, что со мной.

— И не начинай, а то будешь как я, сейчас как будто вообще много кого перестало торкать, у многих крыша едет, я вот пытаюсь бросить, недели две назад последний раз напилась, а с тех пор вроде пьёшь и ничего не происходит, как воду.

— Что, вот прямо как будто воду пьёшь?

— Не так, у нас на работе охранник старый, он говорит, что будто бы всё спиртное стало как раньше, пьянеешь, с утра похмелье, нет такого, что выпил и всё разукрасилось и нормально себя чувствуешь.

— Так если ты понимала, что это всё только из-за водки и что чтобы ожить, тебе нужно выпить, чего раньше не бросала?

— А как? Если после работы не зайти и не прикупить себе ноль-двадцать-пять на вечер, то и не уснёшь, разболятся все органы, настроение станет дерьмовое.

— Так уж прям заболит, что надо будет продолжать?

— Можешь сама попробовать, если кратко, то да, так уж заболит.

— А что люди на ларьки кидаются, у меня на работе вроде ещё нормально, но тут у нас в районе вечно что-то происходит, уже я сбилась считать сколько разнесли ларьков.

— Да, моего мужика менты вчера забрали, а я просила его не ходить, там знаешь, всё вперемешку, одни разносят для того, чтобы не было места, где продают, вторые типа как от обиды, как тебе сказать ещё.

— А твой мужик из какой категории?

— Из той, которая обижается.

— То есть он хочет продолжать, а ты нет?

— Ты клонишь к тому, чтобы я его кинула?

— Мне какая разница, — Клара вспомнила молодого человека, о котором шла речь, высокий, сутулый с телом больше напоминающем скелет обтянутый кожей, на пальцах на кистях татуировки размытые до такой степени, что не разглядеть того, что там было когда-то изображено, — просто спросила.

— Ясно короче, ладно, говоришь ещё мне терпеть?

— Конечно, тоже, наверное, станешь уродкой как я, ну хоть болеть ничего не будет.

— Не хотелось бы, — улыбнулась девушка, показав при этом гнилые зубы, а от глаз мгновенно расплзлись глубоки морщины, хотя лет ей было даже меньше чем Кларе. — пойду короче, спасибо тебе.

— За что? — не поняла Клара.

— Что поболтала.

Клара выключила плиту, стала раскладывать свою пайку по контейнерам, овсянку перемешала с разными фруктами, на каждый день свои, макароны получили в дополнение к себе на вторник сосиски, а на четверг жареную варёную колбасу и пошла с пятью контейнерами в свою комнатку, где стоял маленький холодильник, раза в два меньше обычного, но даже такой объём был избыточным для Клары.

В воскресенье же случился очередной звонок с номера отца, на этот раз Клара всё же сняла трубку и с первого же мгновения полился поток обвинений от матери, дочь дала ей выговориться и не отвечая ничего положила трубку, сразу же после полезла в меню, чтобы отправить в бан и этот номер, но пока искала, пришло смс. Клара даже сразу не поняла, что это такое и где посмотреть это сообщение, так как уведомление машинально спихнула в бок, чтобы оно не мозолило глаза, а потом вспомнила, что это древний сервис, для тех, у кого по каким-то причинам нет мессенджеров. Через пару мгновений зашла в нужное приложение и увидела текст, не стыкующийся с разговором состоявшимся минуту назад: «Клара, извини пожалуйста, перезвони». В ответ на это только тяжело вздохнулось, но секунды шли, тут ещё в голове всплыл сон из леса, в котором ей сообщили, что если бы мать была «нормальной», то и Клара была бы «нормальной», то есть пополнила бы ряды тех, кого пару недель как

перестало «торкать». Ещё несколько мгновений и спустя пару гудков мать и дочка начали общаться в другом тоне.

— Психанула я, не обижайся, хорошо, Клара?

— Я спокойна.

— Клара, ты же бросала пить?

— Ну да, — ответила она и подумала, чего это всем так стало вдруг интересно.

— Как у тебя получилось?

— Берёшь, терпишь и не ждёшь, когда это закончится. Всё что надо сделать — смириться с тем, что не закончится никогда.

— Понятно, спасибо, Клара, как у тебя дела?

— Нормально.

— А где ты сейчас, у мальчика какого-то живёшь?

— Какая разница?

— Ну как, я же должна знать, ты же моя дочка.

— Ага.

— Ладно, пока тогда, приходи домой.

— В ближайшее время — вряд ли.

— Хорошо, Клара, пока тогда.

— Да, давай.

И сама положила трубку, чтобы не давать матери наполнять голос всё более драматичными нотками, хотя тяжесть вины всё равно легла на Кларину душу, мол она была слишком груба с мамой, усилием воли отогнала от себя эти мысли, ведь и мама не то чтобы общалась без попыток манипулировать как раз-таки этой виной и своей обидой.

Вот и настало третье апреля, отработав день, не заходя домой Клара отправилась в оговоренный ранее парк, в письме не было указано, где конкретно ей ждать встречи с автором письма, поэтому она уселась на случайной скамейке. Уже минут через пять она увидела курьера, который доставлял еду, судя по сумке, висевшей у него за спиной. Вертя головой по всем сторонам он явно кого-то искал, Клара почему-то была уверена, что её, но вида никак не подавала. А курьер, судя по тому, что, то появлялся в поле зрения, то исчезал уже навернул пару кругов по парку, Клара даже захотела схитрить и спросить его, что он ищет, но после недолгих раздумий всё же осталась сидеть на месте, и не зря, потому что через ещё минут через десять уже и она попала в поле зрения курьера. Он твёрдо направился к ней.

— Здравствуйте, — голос немного искажался из-за медицинской маски на его лице, — Карина?

— Да, — сама не понимая зачем ответила Клара.

— Вот ваш пакет, у вас была предоплата?

— Да, — очень неуверенно ответила она, на что курьер только улыбнулся, по крайней мере так показалось по его глазам.

— Хорошо, вот тогда, — он поставил белый пакет с завязанными на узел ручками на скамейку рядом с Кларой и быстро ушёл.

Клара же схватила свою доставку, которую она опять не заказывала и отправилась домой.

В пакете было несколько пенопластовых контейнеров, в одном лежало письмо, в другом две пластиковые маленькие запечатанные пластиковые колбы без этикеток, а снизу ещё

один пакет, только бумажный, его Клара ещё не раскрывала, так как в первую очередь занялась письмом:

«Здравствуйте Карина Александровна.

Вот вы и получили вторую доставку и первое задание. Подход будет немного иной, чем был в вашем предыдущем кружке. Вы можете отказаться от выполнения данного задания, но и мы больше не будем беспокоить вас предложениями. Никогда. Конечно вероятность, того что вы откажетесь мала, но она есть, напомним вам тогда, у вас есть некоторые трудности, с которыми, оставшись совсем одна, вы можете не справиться, поэтому лучше держаться какой-нибудь организации. Но, думаю, вы в подобных объяснениях не нуждаетесь, они были так, на всякий случай.

Приступим к тому, зачем вообще всё это было затеяно. Наверняка вы разобрали пакеты с содержимым, надеюсь на вашу осторожность, которая заставит вас не попробовать жидкость из бутылок на вкус, это сильное снотворное испарений которого достаточно, чтобы человек очень крепко уснул. Где мы его взяли, пока не важно, со временем вы будете знать всё.

В бумажном пакете будет лежать форма одной из клининговых компаний нашего города, а на дне пакета напечатан адрес, по которому вам нужно будет явиться двадцать первого апреля и представиться сотрудником очевидно какой организации (она указана непосредственно на форме). Там вы сделаете полный комплекс уборки, инвентарь мы вам тоже предоставим, ходить никуда не придётся, он будет доставлен к вашему дому. Уборка должна быть сделана профессионально, мы знаем, что в этой области вы не профессионал, но всё же имеете опыт поддержания чистоты, например, на торговом объекте.

Во время уборки, небольшими слоями размажьте содержимое бутылок в разных комнатах, на разных предметах мебели. Зачем? Очевидно мы добиваемся того, чтобы жители квартиры уснули, они действительно уснут и не более, не переживайте, это не яд или что-то в этом духе. Так же не переживайте насчёт проникновения в квартиру, хозяйка квартиры заказывает уборку каждую неделю, просто вместо обычной уборщицы придёте вы, у нас есть возможность сделать так.

Итак, 21 апреля, 13:00, адрес на дне пакета, письмо должно быть уничтожено сразу же после прочтения, вместе с пакетом.»

— Вот так хобби у меня, — сказала сама себе Клара и пошла в туалет, чтобы сжечь письмо и пакет. Это было наиболее подходящее место на всём этаже, так как там постоянно то курили, то что-нибудь жгли, якобы от запаха, который остаётся после посещения туалета по его непосредственной функции.

Остальные вещи были доставлены снова на проходную общежития, всякие тряпки, складная швабра, бытовая химия, всё было сложено в старом рюкзаке, уже внутри которого и была спрятана брендовая сумка клинингового агентства, вахтерша даже поинтересовалась чего это Клара стала столько заказывать, та, не придумав ничего лучше, сказала, что пробует заняться бизнесом, продавать что-нибудь в интернете, например, всякую химию для уборки.

Неизбежно настало и 21 апреля, в ночь перед заданием заснуть не получалось совсем, однако бодрости это не убавило, Клара вышла из дому уже переодетой, хорошо, что сейчас весна и можно спрятать форму под курткой, в рюкзаке за спиной лежала сменная обувь, розовые шлёпанцы, самые дешёвые, которые Кларе только удалось найти когда-то, но тем не менее служившие уже ей далеко не первый год, они были незаменимы в походе от общей душевой до собственной комнаты, теперь вот помогут выполнить задание, цели которого ей

не открывались, но не понятно на каком основании, она всё же считала, что служит делу своей предыдущей организации.

Квартира располагалась в Весеннем районе, пути к нему были в состоянии ремонта уже который месяц подряд, не подавая виду, будто делает это каждый день Клара собралась проскочить мимо проходной, не показывая никаких документов и ни с кем не разговаривая, но всё же попытка провалилась практически сразу:

— Девушка, а куда вы? — спросил мужчина даже, вставший со своего места в небольшой будке, он предстал перед ней в форме строителя.

— Эм, — думала Клара, что же ей сказать, — убираться, — она расстегнула куртку и показала эмблему клининговой конторы.

— А пропуск вам не дали что ли?

— Я просто первый день работаю, не знаю, что мне нужно.

— Стойте, — строго приказал он, Кларе ничего больше и не оставалось.

Сквозь грязное стекло вагончика, который служил пунктом пропуска в элитный район, она видела, как мужчина звонил куда-то, кивает головой, кладёт трубку и пропадает в прямоугольнике из грязного стекла, затем уже всем телом появляется в дверном проёме:

— Проходите, — сказал он, — в следующий раз, чтобы был пропуск от фирмы, просто так пускать не буду, повезло тебе, что все ваши ни разу не ходили без документов.

— Спасибо, — покорно ответила Клара и пошла в нужные ей апартаменты по адресу улица Цветочная, дом 8, квартира 11.

Дверь открыла женщина, не сильно старше самой «уборщицы», возраст скорее всего был чуть за тридцать, кожа на щеках немного обвисла, покрыта порами, губы будто опустели внутри и имеют неприятный на вид блеск, взгляд сразу наполнен каким-то презрением, тем не менее полным вежливости голосом Клара поздоровалась.

— Здравствуйте, — без каких-либо красок ответила женщина и отошла, чтобы дать уборщице войти.

Клара сразу же принялась за уборку со всем усердием, даже немного улучшив способ нанесения снотворного, не особенно заботясь о том, чтобы растереть его в невидимых местах, просто брызгала на одну из тряпок пульверизатором и вытирала различные поверхности, запах был какой-то около-спиртовой, поэтому и поверхности оттирались весьма неплохо. Когда были убраны две комнаты из четырёх дома появился какой-то мужчина, он переступил через Клару во время того, как она ползала на коленях оттирая белое пятно на полу, после такого она почувствовала себя неживой статуэткой. Не забывала уборщица наносить небольшим слоем снотворное, как и было приказано, на заднюю поверхность мебели, спустя более чем пять часов уборка была завершена, о чём Клара тут же сообщила хозяевам.

— Сколько? — спросила женщина.

— Как обычно, — как обычно вежливо ответила Клара, улыбнувшись в медицинскую маску.

— Картой.

— Ой, — уборщица не ну шутку растерялась, — мне сегодня не дали терминал.

— Ну так прими через телефон.

— Я первый день, у меня ещё нет приложения, не успела, — виновато отвечала Клара.

— Так что мне сделать?

— Можно наличными, — больше спросила, чем ответила она хозяйке.

— Бумаги нет, господи, что за сервис, Максим, у тебя нет наличных? — мужчина, которого было не видно, видимо ответил отрицательно, — у нас нет денег, делайте, что хотите, ставьте приложение.

— Там нужен паспорт, у меня с собой нет, ладно, считайте, что это акция, сегодня бесплатно, — разыгрывала роль очень расстроившейся работницы Клара, — спасибо, до свидания.

— До свидания, — ответила женщина, подождав, пока Клара тихонько закроет за собой дверь и менее чем через секунду уже провернула за ней замок.

Подумать о том, что было Клара не успела, так как уже в автобусе, только лишь упав на сиденье за считанные секунды уснула крепчайшим сном и судя по тому, что проснулась на скамейке рядом с диспетчерской станцией глубокой ночью, сделала вывод, что из транспорта её вынес какой-то добрый водитель и оставил здесь. Телефона у неё с собой не было, да и денег особенно тоже, но и те копейки остались при ней.

Взяв сумку полную бытовой химии и прочей утвари для уборки, она поплелась в круглосуточный магазин, так как в общежитие после десяти вечера было не попасть, а судя по небу, рассвет в ближайшие часы не предполагался, соответственно не откроются двери общежития аж до шести. Так и было, в магазине выяснилось, что сейчас четыре утра, около полутора часов Клара бесцельно бродила по пустым отделам магазина, а в пол шестого отправилась домой.

На следующий день валяясь на хлипкой односпальной кровати, Клара читала новости, и ей попала одна из-за которой перехватило дыхание и затряслись руки, а несколько строчек она перечитывала раз за разом, надеясь, что буквы магическим образом сложатся в другие слова:

«В своей квартире убит технолог ЛВЗ, однократным выстрелом в голову, следствие ищет причастных и просит сообщать по телефонам имеющуюся информацию».

Сон в эту ночь не посещал Клару, да и следующие несколько дней прошли как в тумане, а в пятницу курьер пришёл к ней на работу и передал уже ставший привычным завязанный пакет.

— Где вы получаете эти пакеты? — без каких-либо предисловий спросила молодого человека Клара.

— На кухне, — пожал плечами тот и быстро вышел из магазина.

Рабочее место Клары располагалось прямо под камерами, поэтому содержимое она раскрыла уже дома, в одном пластиковом лотке лежали деньги наличными около трёх Клариных месячных зарплат, во втором, как обычно, письмо.

«Здравствуйте, Карина Александровна.

Вы отлично справились со своим заданием, разве что ваше лицо, хоть и в маске, а попало в поле зрения нескольких камер, но за это можете не волноваться, информация уже удалена, хотя и без этого вас никто не нашёл бы. Так же вы наверняка обнаружили небольшую благодарность за то, что поспособствовали нашему делу.

Вы, наверное, не понимаете, что происходит, но у вашей прошлой организации и нынешней, ведь теперь вы точно в ней состоите, цели абсолютно совпадают. Мы тоже работаем над тем, чтобы нарушить снабжение народа дурманящими веществами, правда это всего лишь один из пунктов.

В ближайшие месяцы вашим заданием будет восстановление физической формы, потому что, не хотелось бы вас обижать, но в этом плане заметна явная деградация.

Основной упор советую сделать вам на скорость бега, выносливость и умение бегать по неровной поверхности, вроде камней, битого бетона. Найти соответствующие площадки, полагаю, труда не составит, чтобы не было проблем с покупкой экипировки, можете использовать ваш бонус в виде полученных денег.»

И Клара действительно занялась восстановлением своей формы с ответственностью, которую не чувствовала никогда ранее, разве, что на сердце давило осознание того, что она уже поучаствовала в одном убийстве, а теперь её скорее всего готовят для следующего. Видимо придётся убежать, долго и по сложным путям, но и отказаться уже не могла, не из-за шантажа, который был в одном из писем, где ей обещали, что, оставшись в одиночестве она обретёт проблемы, просто теперь она уже не могла как-то иначе, тем более сама лично Клара никого не убивала и даже не знала, что готовится убийство. А может быть эти вещи вообще никак не связаны, ведь явных доказательств этому нет никаких. К октябрю она уже пробежала двадцать километров примерно за два часа, так же без проблем бегала по всякому бетонному лому или камням. Ни с кем посоревноваться возможности не было конечно, но её голеностопы и связки теперь явно приучены к такому бегу больше, чем у людей в среднем. Так же снизился и вес, который теперь составлял даже менее шестидесяти пяти килограмм, хотя за этим параметром Клара особенно не следила, и не сгоняла его до таких значений. «Он сам», — говорила она себе.

А ближе к концу месяца она получила очередное письмо с заданием, на этот раз всё выглядело куда сложнее, чем в предыдущий. Хорошо, что, хотя бы инструкции были расписаны довольно-таки подробно, но даже так в уме пока не укладывалось как она сможет проверить всё, что здесь предлагается. Она не понимала, как сделать то, о чём её просят, но всё же уже знала, что будет пытаться, хотя очевидно теперь есть высочайший риск для её жизни. Практически гарантированный провал, в отличие от предыдущих операций. Такого ещё не было за всё время этого, как его называли в письмах, «хобби».

2046 ИА

В частном секторе на окраине города стоит дом, старый, деревянный, шиферная крыша кое-где залатана листами жести. Забор у дома глухой, снизу подгнившие доски, а рядом узенький тротуар, сразу за ним двухполосная дорога и остановка транспорта, который по счастливой случайности ещё не перестал ходить здесь.

Строение разделено на четыре комнаты, имеет общую кухню, в одной из комнат живут хозяева, две другие снимают приезжие, которые прибывают в столицу работать вахтовым методом, месяц через месяц, стоит им отбыть обратно к себе в область, как покои занимают следующие гости нашего города. В самой маленькой комнате, окно которой выходит во внутренний двор, когда-то давно служивший огородом, о чём теперь напоминает лишь каркас парника и железные прутья, воткнутые в землю, на них каким-то чудом годами удерживаются сильно выцветшие упаковки от семян.

Просыпается молодой мужчина, машинально бросает взгляд на окно, оно, как и вчера, серое, по стёклам стекает вода от ночного дождя. Мужчина всегда просыпается первым, хотя до работы ему добираться не более минут сорока, а если транспорт прибудет быстро, то и того меньше, но, чтобы побыть в тишине и не толкаться со всеми на общей микроскопической кухне, будильник его выставлен всегда с большим запасом.

Справившись за несколько секунд с ленью, которая словно за плечи придавливала мужчину к постели, он подорвался со своего лежбища. Первым делом оделся в форму, она

очень кстати высохла после вчерашней стирки. Завтрак сегодняшней состоял из чая, в него по утрам молодой человек забрасывал минимум по две ложки сахара, хлеба, который был не свежим, но мялся под ножом словно только из печи, да и масло из-за этого размазывалось по нему тяжело, сверху было по несколько тонких кусков колбасы. Утро для него являлось единственным временем, когда он ест что-то сладкое. Поел, сделал гигиенические процедуры, на работе нужно появиться ровно в девять утра, а сейчас еле за семь, ещё час свободного времени, потом нужно будет выходить и ждать автобус, едущий прямо к отделению полиции в центре города.

Делать сегодня на работе было особенно нечего, да и уже давно хотелось уволиться, особенно после последнего случая, когда мужчина договорился со своим коллегой по имени Артём, тот занимается примерно тем же, что и он сам: собирает и ведёт группу людей, потенциально способных нести опасность для государства, тем что по каким-то причинам хотят навредить нашему обществу. Полицейские специального отделения всячески должны были пресекать их деятельность, с чём Артём справлялся отлично, так как группа в которой он находился, самое большее что делала, так это расклеивала листовки и рисовала граффити с наивными призывами. Так вот уговор двух служащих закона состоял в том, чтобы в лучшем случае припугнуть группу мужчины, чтобы они сбавили обороты, однако Артём явно перевыполнил просьбу, потому что после «припугивания» группа сократилась до одного человека.

Мысли о том, что у него же недавно был день рождения, мужчине сбил один из полицейских, который вышел из кабинета их общего начальника и заметив взгляд нужного коллеги на себе лишь мотнул головой в сторону начальника двери. Молодой человек понял, что его вызывают туда следующим. Менее минуты и он уже сидел там, правда пока было пусто, начальник, по всей видимости находился за следующей дверью, где, как вызванный полицейский знал, стоит чайник и всякая нужная на обеде утварь.

Минуты три прошло до того, как в кабинете появился ещё один человек, как раз вышедший из той самой комнатки. В одной руке кружка, над которой поднимается еле заметный пар, во второй айкос, только лишь поставив кружку на стол он сделал затяжку с характерным звуком, видимо слишком сильную, выпуская дым он закашлял и сквозь кашель спросил:

— Ну что, как дела?

— Нормально вроде, — пожал плечами мужчина.

Он положил айкос на стол, кружка осталась там же, подошёл к мужчине сзади, положил руки ему на плечи, тот смотрел перед собой, начальник же стал делать ему массаж, от чего мышцы молодого человека непроизвольно напряглись.

— Не нервничай, Ванёк, сиди спокойно, расслабься, — зачем-то перебирал он синонимы, потом убрал одну руку, видимо доставал ей телефон, который сейчас положил перед мужчиной, — сейчас подожди.

— Можете так рассказать, — сказал Ванёк.

— Да тихо ты, — попросил офицер полиции, — вот смотри, узнаёшь?

На экране смартфона сменялись кадры, снятые камерами, развешанными в различных точках города, на них девушка, которая первый раз попала в объектив недалеко от весеннего района, потом засвечивается на проходной и последний раз перед входом в квартиру.

— Сам не расскажешь, что там дома произошло? — предложил мужчине начальник.

— Вообще без понятия, — солгал тот.

— Четыре трупа там произошло, даже детей маленьких пришили, это квартира технолога нашего ликёроводочного. Очень мне напоминает кое-чей стиль.

— Вся моя группа была уничтожена ещё в прошлом году, не надо на меня намекать, — почти возмутился Ванёк.

— Вся да не вся, тёлка одна осталась, Чащина, так вроде?

— И что? Никаких новостей с прошлого года, я с ней тем более не общался, кажется она уже и сама забухала, могу раздобыть вам её фотки.

— Ну давай, буду ждать, а то знаешь, Иван, мы всех проверили, это больше не могут быть чьи-то кроме твоих.

— Каких моих? Которых поубивали? Хотя мы договаривались на совершенно другое.

— Успокойся, это же твоя работа, чего ты зудишь? — попробовал приструнить Ивана начальник.

Тот в ответ промолчал.

— Короче, Ваня, жду фотку Чащиной, кстати скоро, наверное, тебе денег немного добавим, хоть ты и не заслужил, а так, позови мне сюда Артёма после себя, а то тоже этот фуфел там чудит что-то. Знаешь, что он начудил?

— Не особо.

— Так это, — начальник засмеялся, однако резко прервал сам себя, — ладно, сами поговорите если захотите, вы ж с ним вроде бы кореша?

На это Иван ответил максимально уклончиво, не подтверждая и не опровергая соображения начальника.

Вскоре он покинул кабинет и передал Артёму, что его вызывают следующим, а тот то ли случайно, то ли специально закрыл дверь так, что она отщёлкнулась обратно отставив маленькую брешь, через которую Иван проходя мимо по своим делам услышал фразу произнесённую начальником: «Поглядывай за ним», — задерживаться и дослушать, чтобы понять контекст возможности не было, но эти три слова Иван приписал на свой счёт, он и раньше не особенно доверял Артёму давая ему лишь обрывки ненужной информации, с этого момента решил же на всякий случай во всём ему врать, если когда и придётся теперь отвечать на его какие-то вопросы.

После работы, когда пришёл домой, Иван достал ноутбук, который принципиально никогда не подключался к интернету, чтобы написать письмо, делал он всё в резиновых перчатках, так на бумаге не оставалось никаких следов от пальцев, старый принтер покряхтел, но выполнил свою работу в совершенстве. Затем Иван залез в древний шкаф, сбережения он хранил на самом верху, приличная сумма, которой хватило бы на покупку не самой плохой машины сегодня подсухла, но нужно было отблагодарить девушку, которая выполнила часть своей работы. В то, что это именно она пристрелила технолога, да ещё и вместе с двумя маленькими детьми Иван не верил ни секунды, как минимум потому, что стрелять ей было не из чего. Да и некогда, когда служащий полиции Иван Абышев прибыл в нужную квартиру около полуночи, там уже все были мертвы, что естественно помешало ему провести опрос человека, теперь ставшего жертвой. Пробудив технолога, он собирался выяснить, что происходит с людьми сейчас, откуда множество бунтов алкашей, ведь они последние несколько лет становились всё покорней и предсказуемей. Благодаря службе в полиции он знал, что для них и прочих государственных служащих продаётся другое спиртное, оно тоже давало эффекты, которые Иван замечал, но такой алкоголь никого не

уродовал, разве что вызывал некоторые изменения в поведении, заключающиеся в том, что люди со страшной силой начинали верить в себя, свою правоту, мощь своего интеллекта и так далее, в общем чувствовали небывалый душевный подъём.

Понятно, что вынести компьютер из квартиры технолога было невозможно, его тут же отследили бы, зато вот скачать информацию не было никакой проблемы, так как к счастью ноутбук его оказался незапароленным. Несколько нервных минут ожидания и около двадцати гигабайт из папки работа перекочевали на флешку Ивана, теперь же он её вставил в свой компьютер и сердце его трепетало, так как он очень боялся, что там будут всего лишь фотографии с корпоративов и тому подобная чушь. Однако во множестве папок было и множество документов. За несколько часов до собрания с очередной группой просмотреть всё не получится, но можно будет передать содержимое флешки Анастасие Александровне, офицеру Государственной Службы Безопасности, или ГСБ, как все называют этот орган правопорядка. Да и очень кстати сегодня Иван встречается с курьерами, через которых очень удобно передавать письма под видом доставки.

Собрание состоялось, на нём Иван передал послание и деньги, для девушки убиравшейся в квартире технолога, а также будучи действительно подавленным сообщил всем, что собираться они на всякий случай не будут, то же самое ему предстояло сказать и остальным шести группам, в которые он приходил в другие дни недели. Лишь суббота уже около года теперь оставалась свободной. Радовало только, что Анастасия Александровна сегодня всё-таки пришла, потому что это было ничем никак не гарантировано.

— Чего ты решил распустить всех? — спросила она, когда они остались вдвоём, — это из-за технолога ЛВЗ?

— Да, меня сегодня вызывал босс, намекал, что это Клара. Вы не сможете отследить кто был в квартире после меня и, кто так быстро предоставил ему записи?

— Да уж, значит кто-то твою Клару пасёт очень сильно заранее, записи в полицейской базе я-то уничтожила, но у твоего начальника есть копии с ней, плоховато, но он хотя бы не сможет их просто теперь взять и вкачать обратно.

— Раз так, то у него, возможно, и записи со мной есть, хотя я ничего не сделал там кроме копирования информации с компа технолога, — со вздохом ответил Иван.

— А пока ты шёл сюда не видел слежки за собой?

— Нет, но слышал, как босс говорил Витюку за кем-то посматривать, думаю, что это за мной.

— Витюк, Витюк, — думала Анастасия, — не помню кто это.

— Тот, кто руководил операцией, когда задержали мою субботнюю группу.

— А, всё, как его полное имя, чтобы я долго не рылась, если их несколько.

— Витюк Артём Владимирович, — сообщил Иван, — так что если вдруг он следит за мной, то вы последите за ним.

— Да, что-то надо будет точно, вообще есть соображения кто это был?

— А ты что удаляла записи и не посмотрела?

— Было бы странно мне их смотреть и выдавать своё имя, особенно находясь в вашем архиве. Вообще всё это странно конечно, Клара приходит в квартиру, усыпляет всех, а аккуратненько за ней приезжает кто-то и убивает всех жителей квартиры, ты не мог никому больше сказать об этом?

— Нет, знали только ты, я и она, на этом точно всё. Ещё вот сегодня тут были брат с сестрой, они работают в доставке, но они бы не лазили в письма и саму посылку, я до этого

полгода следил за тем, чтобы никто не пас Клару.

— Пока выглядит всё так, что где-то ты просмотрел, либо наши курьеры нас сдали.

— Вы сможете тогда и за ними посмотреть?

— Думаю да, а ты добыл что-нибудь, когда был у него?

— Выкачал из ноута полностью всю информацию, там быстро не разберёшься где что важное, я ещё толком не успел посмотреть, — улыбнулся Иван, а Анастасия кивнула головой принимая карту памяти с информацией.

— Какие вообще дальше планы с Кларой?

— Никаких заданий, пусть восстанавливает себя, не знаю, что с ней случилось, но я как-то видел её мать давно, так вот сейчас они обе на одно лицо, словно Клара стала опять прикладываться к бутылке как когда-то, когда мы с ней в магазине работали. Хотя ни со старыми друзьями она не спуталась, да и запить не должна была, но что-то с ней не то, — Иван сделал паузу, — а так, есть одна идея, если получится, очень сильно поможешь, я подумал как-нибудь запитаться к их финансовой системе и вместо физического урона нанести финансовый.

— Не совсем понимаю.

— Она проникнет на завод, получит доступы ко всяким там счетам, а мы их опустошим, выведем куда-нибудь деньги, купим крипты, а потом, — Иван задумался, — да хоть разошлём на случайные кошельки.

— Звучит интересно конечно, но я вообще не представляю, как это сделать, — Анастасия улыбнулась, чем могла бы вогнать Ивана в краску, хорошо, что он давно научил себя не краснеть, когда смущался.

— В любом случае, пусть пока налаживает свои кондиции, — сказал Иван, пытаясь не выдать своё смущение, — если будут какие-то возможности, то найдёшь меня, но лучше давай встретимся не здесь, а в другом городе, — они выбрали нужный населённый пункт, — пока буду ехать уж точно увижу, что за мной следят, будем по такой схеме: до областного центра, потом до районного, потом до какой-нибудь деревушки, а лучше дач, и если останется какая-то рожа — то всё ясно.

— Ну меня-то не учи, — по-доброму попросила Анастасия Александровна.

Именно так её звали у Ивана в голове, она была лет на пять или шесть старше него, на несколько сантиметров выше, хотя и её рост не назвать большим, волосы длинные, русые, а глаза светло-серые, всегда как-то широко раскрыты, телосложение крепкое, от того видимо, что его состояние она тоже считала частью своих профессиональных обязанностей, плечи для женских казались широковатыми, но только лишь из-за тонкой талии, которая далеко не всегда пряталась под бесформенной одеждой. Иван обычно не склонный вообще раболепствовать перед женской красотой и чуть что думать только об этом, конкретно перед этой женщиной терялся и с большим трудом удерживал концентрацию на том, что она говорит, а не на чертах её лица. Однако хода таким мыслям не давал, себя он оценивал более чем скромно, в отличие от того как оценивал её, поэтому если и билось когда-то сердце сильнее от этой женщины, так только потому что Иван не уследил за ним.

Ближе к концу лета они встретились на берегу реки, которая протекала рядом с дачами, а они в свою очередь располагались в двух сотнях километров от домов Ивана и Анастасии, оказалось, что они оба обнаружили в документах разгадку о том, что именно уродует людей, Анастасия уродств не замечала кстати, хоть сама и не пила, получается, что и её спиртное не уродовало бы, ей повезло принадлежать к этому редкому типу людей.

Из различных докладов выяснилось: для полиции, госслужащих, жителей определённых районов продавалось спиртное почти в его первозданном виде, формула была немного изменена, но так как Иван не силён в химии это место он пропустил, зато для обычных людей оказалось, это было прямым текстом написано, что с 2020 года продаётся смесь на основе скорее не спирта, а опиатов и концентрацию последних нужно постоянно повышать, но последние полтора года заметен рост толерантности у людей, а повысить опиатную часть нельзя, потому что период распада веществ в организме увеличится и не будет составлять восемь часов, а сразу до суток. Иван о чём-то подобном давно подозревал, просто доказать никак не мог, теперь же всё прояснилось, так же Анастасия Александровна сообщила, что никакого нарушения закона нет, все формулы давным-давно одобрены правительством, да ещё и статистика преступлений сильно снижалась последние несколько лет, только вот в этом году резко пошёл вверх.

Касаемо Клары — всё будет готово к концу октября, началу ноября, какую-либо слежку за ней она не обнаружила, Иван сказал, что тоже, мол даже старался специально это кому-нибудь приписать, но ничего не выходило, за собой тоже ничего не видит, разве что Витюк намного чаще стал заседать у начальника, но это мало ли что.

Насчёт завода. Сама Анастасия с доверенными людьми смогут проникнуть на завод через подземелья, откуда будут, если что, страховать Клару, но это скорее номинально, не стоит рассчитывать, что Клара будет защищена и под прикрытием.

Попав домой, Иван, уселся писать очередное письмо Кларе в котором кратко излагал суть того, что ей предстоит сделать, как обычно давал возможность отказаться, чтобы снять с неё излишнее давление, передал его через своих курьеров в подходящий день, они кстати оказались совершенно чисты, несколько раз Иван передавал пустышки, а Анастасия следила через камеры на их работах, через своих людей, и ни с кем кроме Клары курьеры ни разу не выходили на контакт. Она даже телефоны их на всякий случай просмотрела, там тоже оказалось пусто насчёт связей с кем-то, да и судя по их графикам и зарплатами, сил на какие-то хитрые планы уже не особенно оставалось, а их возобновлённые собрания с Иваном скорее какая-то отдушина, которую не хотелось бы потерять.

Всё бы шло согласно плану, если бы в одно утро Ивана опять не выдернул к себе начальник.

— Как дела, Абышев? — начал как обычно руководитель Ивана.

— Как всегда, — ответил тот порядком раздражившись от того, что его зовут по фамилии как какого-то школьника.

— Это хорошо, я надолго размазывать тут не буду, но в общем из-за того, что твою эту тёлку оставили в живых теперь у меня проблемы, а то знаешь, нужные люди узнали, что она имеет отношение к технологу, а там не любят когда кого-то из их людей трогают. Ты сам и когда-то соображал, попросил же устранить твою группу, чтобы не вредить акционеру, как его, Козловскому, как его?

— Козельцеву. И о таком я точно не просил.

— А о чём ты просил? — начальник ехидно улыбался. — Короче, ты или сам с ней разберёшься, или мы, но только ты знаешь, что это будет вряд ли для неё приятно. Из-за того, что я тебя ценю, я тебе вот, предоставляю возможность.

— Да кому она мешает, — вскипел Иван, — я же вам показывал её, она как все, не будет она никого убивать, где оружие она взяла, из чего убили?

— Не можем отследить ствол, — пожал плечами начальник, — короче, Иван, ты или

сам разберёшься, или я найду того, кто закроет вопрос, иди подумай до конца дня.

— Сам, — ответил Иван.

— Я тебя не тороплю, — теперь уже будто отговаривал руководитель своего подчиненного, — говорю: времени у тебя до конца дня подумать.

— Уже подумал. — Иван никаких эмоций не выражал.

— Всё тогда, иди работай, чтобы до конца месяца этой проблемы передо мной не стояло, всё ясно?

— До конца месяца всё сделаю.

— Уж постарайся.

Иван вышел из кабинета, Витюк не обращал на него никакого внимания, да и не вызвали его вслед за Иваном, что тем не менее никак не сбавило его бдительности. Целый день вертелись в голове Абышева планы о том, как оставить Клару в живых, однако раз за разом они отменялись, так как всплывала какая-нибудь деталь, которая мешала и в итоге этих бесконечных мысленных сценариев Клара всё равно оставалась убитой. Уже глубокой ночью, когда после очередного собрания Иван вспомнил один из разговоров с Анастасией Александровной, в котором крылось решение проблемы, душа его тем не менее наполнилась сейчас чем-то тягучим и чёрным, что отравляло и разъедало его изнутри. Только кажется, чтобы уберечь Клару от смерти иного выхода просто не было, ведь если она не погибнет от его рук, то погибнет от рук его коллег. Леденящее сердце решение уже начинало собираться во что-то конкретное в виде плана действий, который поначалу отвергался совестью Абышева, но с каждой следующей мыслью укреплялся в сознании. Иван ещё боролся, но в глубине души уже всё понимал.

Проникновение на завод должно было состояться примерно через две недели.

11.2046 ИА

В квартире начальника отдела по борьбе с терроризмом, полковника полиции Доленко Вячеслава Сергеевича уже несколько часов сидел один из его любимейших подчинённых, высокий, в чистой служебной и хорошей физической форме молодой мужчина. Русых, в рыжину волос на голове становилось всё меньше из-за залысин на лбу, но они предавали его образу какой-то безобидности, особенно в купе с его постоянно присутствующим юмором. Звали полицейского Артём Витюк. В отличие от вечно скрытного Абышева, который никогда не стремился сделать лишнего, непонятно зачем пришедшего работать в их отдел, нелюдимого, Витюк всегда был рад компании, особенно компании начальника, не отказывался выпить, тем более спиртное для полиции не давало таких эффектов как для гражданских, разве что настроение улучшалось.

— Я, конечно, хотел бы побольше вам рассказать, но я не рискую подходить очень близко, однозначно могу сказать, что каждый день кроме субботы он отвисает на разных концах города, я даже места уже знаю.

— Молодец, а что насчёт этой тёлки, ведётся какая-то работа, чтобы её не было? Потому что если он до декабря не разберётся, то сначала мы устраним эту девку, а потом его самого, а то мне за него выслушивать уже надоело, сколько можно его отмазывать, правильно?

— Ну что делать? — риторически спросил Артём, — да, надо так, мы всё-таки на службе здесь.

— Так, а насчёт девки?

— Он к ней не приближается, кажется общается с ней через курьеров по доставке еды. Если надо, то можем это прекратить, правда там так редко всё это, кажется в конце лета была последняя связь, ну в таком виде имеется ввиду.

— Не надо, пусть продолжают, вообще можешь подзабыть на Абышева, больше смотри за ней, потому что что-то они мутят, у тебя все люди надежные, которых ты подрядил?

— Да конечно, Абышеву никто ничего не сообщит: через одного — это бомжи всякие с его района, так себе источники конечно, то видел, то не видел, но по крайней мере можно более-менее следить кто к нему ходит.

— И кто ходит?

— Никто, — засмеялся и тут же осёкся Артём, подстраиваясь под реакцию начальника. — Он сам везде предпочитает бегать.

— Я тебя понял, — ответил Доленко, — продолжайте вести наблюдение, как говорится, всё, пока тогда на сегодня, Тёма, смотри за девкой, напомню тебе ещё раз.

— Да, хорошо, мы на сегодня всё?

— Да, пока.

— Спасибо, — не понятно зачем сказал Витюк, — до свидания.

На выходе из подъезда его заметил следивший уже за ним доверенный человек Анастасии Александровны, о чём сразу же доложил ей. Раньше им никогда не удавалось словить Витюка вот так, на личной связи с его начальником, всё время они видимо пересекались в отделе, когда Абышева там не было. Это конечно не прямейшая улика против Артёма, но всё-таки больше ни один человек не вызывал у Абышева стольких подозрений: столько странных косых взглядов, столько странных личных вопросов совершенно невпопад, хотя кажется, что Витюк мог кого угодно спросить, как у того человека дела в постели с женой или что-то подобное.

В середине ноября Иван Абышев написал последнее письмо для Клары, там была расписана дата, план, который они составляли вместе с Анастасией, возможности проникнуть на завод, через канализационную систему. Там, если опустить детали, Клара должна была попасть в серверную, где ей нужно будет установить программу, с помощью которой Анастасия Александровна могла бы перехватывать информацию, в том числе о финансовых операциях, чтобы в один прекрасный день направить деньги на необходимый себе счёт. Вместе с Абышевым они сочли, что это будет лучшим видом урона, который они бы могли нанести алкогольному заводу, или возможно целой индустрии. Да и если не питать иллюзий, то, пожалуй, это был бы единственный возможный способ. Клара не сапёр, чтобы установить бомбу, вряд ли бы она горела желанием заминироваться самой, а простой пожар был бы потушен штатной системой ликвидации огня в течение нескольких минут.

Если касаться самых смелых надежд Анастасии, то она планировала изъять заводские деньги из всех банков и пустить их по ветру, по крипто-ветру, чтобы уже никто и никогда не смог собрать эти осколки кода, в которых прячутся их капиталы. И всё для Анастасии Александровны складывалось хорошо, при каждой новой встрече с Абышевым она была всё веселее, зато Иван становился от раза к разу только мрачнее, особенно когда после последнего письма, курьера сбила машина и он скончался в больнице. Тогда уж Иван абсолютно изменился в своём поведении и требовал всё отменить, говорил, что сейчас не время. Конечно Анастасия понимала, что для него значит его курьер, в последний раз, когда вышел тот провал с потерей сразу троих людей, группой в которой состояла Клара, Иван только каким-то чудом не уволился с работы, да и чудом не уволили его, так как в течение

месяцев трёх он появлялся на службе от силы пару раз в неделю. В другие дни, как он сам признавался Анастасии, он не мог оторвать себя от кровати. Но сейчас нельзя было всё срывать, очень уж близко они подобралась к тому, чтобы реально что-то сделать с тем, что и она, и Абышев ненавидели больше всего — отравляющей не только тела людей, но и всю жизнь в целом промышленностью, которая существует только для того, чтобы легче было держать стадо под контролем и набивать свои карманы. Конечно и он, и она понимали, что не спиртное корень всех зол, но что-то сделать могли разве что именно здесь.

— Почему ты кого-нибудь из своих не отправишь на этот сраный завод, почему Клара? — бесился Абышев.

Он как раз узнал на собрании, от сестры курьера, которая была оператором в службе доставки, что тот в течение дня умер в больнице. После собрания, как обычно через пару часов прибыла и Анастасия Александровна.

— А если Клару словят, её же не будут на месте убивать, будут пытаться, как ты думаешь, если поймут человека из ГСБ, какие шансы, что ему поверят, типа это он всё сам?

— Ну так вот именно, а если словят Клару?

— Максимум у неё дома найдут письма, которые адресованы не ей, не понятно от кого.

— Так ей пожизненное выбирать или казнь? — со злобной иронией спросил Иван.

— Если мы всё нормально обустроим, то ничего ей не будет, тем более я тебе обещаю, что на заводе будут мои люди, а шансов, что там будут твои люди, полиция, не очень много.

— Если только Сашу, моего курьера, эти самые люди не замучили до смерти, а потом подвезли в нужную больницу.

— А ты видел записи с камер, как его сбивали?

— Да, но там не сказать никак, что это конкретно он, по телосложению кажется похож, но это кажется, а когда «кажется» меня особо не успокаивает.

— Да уж, что насчёт устранения Клары? Время до декабря точно?

— Думаю да, меня с тех пор никто не дёргал больше, скажи по камерам на заводе, всё нормально будет?

— Да, мне сказали, что сможем их выключить на время всех делов, только я не понимаю, что ты будешь делать с Кларой, вряд ли если к тридцатому числу ты не покажешь своему начальнику что-нибудь эдакое он отцепится от тебя.

— Не знаю я, — нервно ответил Иван, хотя всё уже знал, — если получится всё сделать, прячьте её где-нибудь, а я постараюсь потянуть время ещё, я так понимаю, если ты получишь пароли, то будешь выжидать момента, а не завтра же опустошишь им кассу?

— Да уж конечно, вряд ли я вообще и разберусь так быстро.

— А твои начальники тебя пока никак не смущают?

— Я тебя умоляю, я там самая тупая, — руками Анастасия показала кавычки, — и я очень стараюсь, чтобы никто не подумал вдруг, что я хоть что-то могу соображать. Так, хожу не знаю зачем на работу, потому что после академии отправили, да и всё.

Они разошлись, Анастасия хоть внешне никак не показывала, но всё же переживала за Абышева и была явно недовольна тем, что он точно что-то недоговаривает, но понятно, что ничего вытянуть из него манипуляциями или просто настырностью, а тем более прямыми вопросами не вышло бы. Он уже привык делиться только тем, чем считает нужным и следить за той информацией, что произносит вслух.

За день до проникновения на завод Абышев зачем-то взял машину в полицейском парке, без полицейских атрибутов, самую старую, чтобы всякой электроники было минимум, по

спутнику такую не отследишь, вообще она ещё чудом не списана. Работник дававший Ивану под роспись автомобиль уговаривал его взять «что-то более-менее адекватное, а не это ведро», но Иван хоть и отнекивался с улыбкой, всё же был непреклонен. Уже вечером следующего дня, за пару часов до прибытия Клары на завод он оставил машину на задворках промышленной зоны этого самого завода, там, где особо никто не ходит даже, не то, что ездит, сам же ушёл к Кларину общепитию, следить за ней издалека, следить за тем, чтобы никто не преследовал уже её, хотя знал, что она и сама справилась бы.

Жаль, что в нескольких сотнях метров от него за Klarой также следил Витюк, который не хуже самого Абышева знал, как остаться незаметным, помимо Витюка за Klarой следили расставленные то там, то здесь люди Артёма, антисоциальные элементы из которых в последние лет пять социум, в основном, и состоит.

Спокойная ночь. Кино прям какое-то, Клара думая об этом вдыхает поглубже необычно тёплый для этого времени года воздух, как будто лето опустилось на город специально для неё, чтобы она не замёрзла, выполняя такое важное задание, сама толком не зная для кого, подозревая лишь, что может это Дима выжил и теперь вдвойне осторожен. Клара иногда оглядывается, очень редко, на остановках, на скамейках у кустов сидят одинокие изуродованные люди, которые кажется её и не замечают.

Там, где точно нет камер, если верить тексту письма, она поднимает сливную решетку, вещь довольно тяжелая, но всё же посильная для девушки. Опускается под землю, решётку за собой стягивает и ставит на место, потрогала нагрудный карман, застёгнутую молнию, там лежит такая важная флешка с программой и пошла вперёд. Как её и предупреждал неизвестный: сначала туннель будет уходить вниз, такое положение будет сохраняться метров двести, всё это время она будет идти вдоль улицы, далее нужно будет повернуть налево и тогда туннель начнёт подниматься, так будет очевидно, что она движется к заводу.

Клара прошла этот путь. Как могла тихо вылезла, снова подняв и убрав на место за собой решетку из чугуна. Серверная находилась в подвале одного из множества зданий завода, проникнуть туда можно было через вентиляционную трубу, которая выходила аккуратно на уровень цокольного этажа. Клара далеко не сразу заметила и нужное ей здание, и тем более трубу. Начинала уже злиться и нервничать, постоянно бубнила себе команды вслух, так ей легче было соображать и не сбиваться с продуманного десятки раз алгоритма. Автор письма пообещал, что камеры работать не будут, охранник ночью только на проходной, он как правило спит, ведь весь заводской забор под напряжением, можно особо не волноваться, но Клара всё равно двигалась тёмными местами. Преодолевая страх, с нелепым шептанием себе под нос она взялась за решётку окна расположенного на нулевом этаже, чтобы добраться до вентиляционной трубы. Шаг, второй, вот она уже держится за трубу и думает, как же в неё залезть.

— Куда? — раздался железный голос за её спиной.

Клара не успела оглянуться, как поняла, что её кто-то схватил за шиворот и с силой, как ей показалось нечеловеческой, сдёрнул словно повисшую на шторах кошку, а затем швырнул на землю. Она больно ударилась об старые бетонные плиты, которые были уложены вдоль стены здания. Инстинктивно подорвалась на ноги, не смотря на боль в спине, в голове, казалось по затылку потекло что-то, «может кровь из раны на голове», — только успела подумать она перед тем как получить удар в голову, который совсем уж выбил её из равновесия, и она против своей воли упала на землю.

— Клара, беги, — услышала она знакомый мужской голос.

Но сосредоточиться на воспоминаниях помешал ещё один удар в лицо, на этой раз ногой, видеть она его не могла так как жмурилась от боли ещё с прошлого раза, но теперь лишь вспышка, звон и боль прошла, как и всё остальное.

Несколько выстрелов благодаря которым здоровенный боров замятво упал сверху прямо на потерявшую сознание Клару она уже не слышала, как и остальную перестрелку, продлившуюся около получаса, только лишь наступило затишье Анастасия подбежала к их агентке провалившей задание, без особого труда, хоть была пониже и поменьше Клары забросила её себе на плечи и понесла прочь с территории завода. Искать Абышева было некогда, поэтому они рванули путать следы.

Абышев же пошёл к взятой ранее машине на другую сторону завода, перелез через забор. Он сейчас не хотел ничего больше, чем просто уйти отсюда, слабо верил в свою затею, что так сможет сохранить жизнь Кларе, но и не сделать того, что уже собрался не мог. Он открыл багажник, смотрел на перепуганную со связанным ртом женщину, она не могла ничего сказать, лишь мычать, в глазах можно было заметить стоящие слёзы. Плакала она уже давно, никакого возмущения, лишь просьба о пощаде читалась в её мычании. Абышев был бы не против он жаждал пощадить её сейчас больше всего, но поднял пистолет, дышал тяжело, женщина зажмурилась, сотрясаясь от своего теперь уж беззвучного плача, но пистолет отправился обратно в кобуру.

— Клара точь-в-точь как её мать стала, — сказал он зачем-то себе под нос.

Он взял женщину, мать Клары и на руках нёс перед собой, как раз до того места где били Клару, до того как она потеряла сознание. Положил женщину на землю, сделал глубокий вдох, в голове будто каждая мысль исчезла, пространство вокруг почернело и затихло, лишь громкий выстрел раскатился по этой всеобъемлющей тьме и тишине. Так же, словно подчиняясь какому-то алгоритму Абышев положил полицейского внушительных размеров сверху на Кларину мать прям как тот лежал совсем недавно на её дочери. Сфотографировал всё на телефон и пошёл к своей машине.

Возле автомобиля его вырвало, на фоне этого и слёзы покатались и крик какой-то нечеловеческий словно сам собой вырывался изнутри, рвота накатывала снова и снова, вместе с приступами ненависти к самому себе, от которых он уже не знал, что сделать, как себя ударить, вырвал бы волосы, да они были короткими, не ухватиться. Постепенно чувство стало ослабевать. Иван сел за руль и поехал к себе домой.

На следующее утро сдал машину, обратил внимание на какого-то опухшего и сонного Витюка, который одарил его взглядом совсем уж обыденным и недолгим, через мгновение повернувшись к монитору, Иван без вызова и без стука вошёл в кабинет к начальнику.

— Можно? — спросил он больше символически потому что и так уже стоял в кабинете, из кармана доставая телефон.

Немного порывшись в нём открыл вчерашние фотографии и небрежно бросил телефон на стол Доленко. Тот взял его и полистал.

— Молодец, Ванёк, успел всё-таки, а то я уже волноваться начал.

— Сегодня есть какие-то задания для меня лично?

— Не особо, иди короче отдохни сегодня, наверное, будет тебе премия к этой зарплате и вообще повышение можешь ожидать.

— Вряд ли я до него доработаю.

— Ну ты не горячись, а сегодня давай, отдохни.

Абышев не спорил, просто ушёл домой, тем более сегодня вечером собрание, на

котором должна была быть и Анастасия, как раз он узнает, как там Клара, потеряла ли Анастасия людей, хотя это вряд ли, вроде бы это именно люди Анастасии окружали завод, на котором опять не понятно как, но уже ждали полицейские.

После Ивана в кабинет вошёл Артём Витюк.

— Прикинь, — сходу тому сообщил их с Абышевым начальник, — фотки мне на телефоне показал, там реально одно лицо, но говоришь он какую-то другую бабу прямо там и пристрелил?

— Ну вы ж сами видели, — сообщил Витюк, который всё снимал, вчера оставаясь над схваткой.

— Тёма, ты вообще конечно красава, что, когда заметил эту суку в районе завода, сразу же начал вызывать наших, жалко, что сумели уйти, уроды.

— Да ясное дело, — скромничал Артём, — что было ещё делать, жалко конечно, что бабу эту нельзя было рассмотреть, которая тащила Абышева любимую.

— Так у меня к тебе дело не менее важное, ты же говорил, что знаешь где проходят все собрания Абышева?

— Да, все здания знаю точно.

— Молодец, значит сделай так, чтобы этих собраний больше не было и Абышева посвятить в это.

— В каком смысле?

— В прямом — чтобы их всех больше на свете не было, но сделай как-нибудь красиво, а Ваньку нашему или фотки пришли или подожди пока он сам на эти собрания придёт и посмотрит на картину маслом.

— А как я сделаю так?

— Бери сколько хочешь, кого хочешь, делай засады, следи по одному, ты что думал, вчера наших парней сколько эти положили? А? Ты думал я так, погрузу и всё?

— Нет конечно, — ответил Артём, вид он имел слегка испуганный.

— Всё, приступай, сегодня же должны быть первые результаты.

— Но я думаю, что всё сегодняшнее сборище не смогу. Тем более Ваня туда чуть ли не первый приходит.

— Ну задержу его сегодня. Пойдёт?

— Да, — нехотя ответил Артём.

Вечером и правда Ивана задержал начальник, резко выдернувший его под конец рабочего дня из дома, хотя сам же предоставил ему отдых, тон начальника не терпел возражений, поэтому Иван попёрся. Его заставили, без преувеличений, переложить бумажки, подвигать мебель в кабине начальника вместе с ним самим и прочее. Сразу после Абышев летел со всех ног на собрание, не особенно уже даже заботясь о камерах и слежке, что-то тянуло его туда со страшной силой, что-то тревожное разъедало грудь изнутри, он всё списывал на вчерашнее и готовился морально к тому, что то, что он вчера сделал будет мучить его всю жизнь. Это хотя бы как-то рационализировало пожирающий страх и тоску.

Однако прибыв на место собрания страху и тревоге нашлись другие объяснения: пять трупов лежали на полу, всем сделан выстрел в голову, никаких записок или посланий от того, кто это совершил. Всё закружилось вокруг Ивана, но подумав о том, что сюда может прийти через пару часов Анастасия, он нашёл в себе силы не убежать. Она действительно была не в меньшем шоке, чем сам Абышев. Он ещё не знал, что для него этот сон ужасов наяву только начинается, ведь во все последующие дни он видел такой же сюжет.

Семь дней без сна, а если что и было, то лишь на короткие мгновения. Сердце выскакивает из груди, он даже совсем позабыл, что дома у Анастасии живёт Клара, они не придумали где её ещё спрятать. Может судьба пощадила его тем, что он пока не знал, как его коллега Витюк ещё в понедельник заснял Анастасию, а во вторник Доленко уже установил её личность со смехом и словами: «О-о-о, так это же наша киска, из ГСБ», — он обнял Артёма и чуть ли не расцеловал.

В понедельник Иван просидел на работе просто изображая рабочий процесс, в основном не вылезал из телефона и ждал конца рабочего дня, уже ночью, когда он в очередной раз не мог сомкнуть глаз к нему под самый дом подъехала машина, на телефон позвонил неизвестный номер. Иван, связав два события между собой подошёл к окну и заметил, что в машине кто-то тоже держит телефон перед собой, немного повглядывавшись он распознал профиль Анастасии, снял трубку, она сказала ему выходить, Иван наскоро оделся и через пару минут они уже ехали к Анастасии домой, там ждала Клара.

— Так это ты, — она как-то добродушно улыбалась Ивану, хоть и не сразу узнала этого осунувшегося, чем-то замученного человека, — это ты писал мне письма.

— Да, я, — по-доброму, но сухо ответил Иван.

За более чем неделю ссадины на лице Клары никуда не делись. Нос и глаза были распухшими, с налитыми синяками, только Кларины губы, наверное, совсем недавно, избавились от отёков. По Абышеву было видно, что по какой-то причине он не хочет говорить, но и уходить не спешит, как-то так и просидели они несколько часов. Клара была даже немного обескуражена: почему-то она рассчитывала, что Иван будет рад её видеть, а он чуть ли не стесняется смотреть на неё, каждое слово произносит так, будто сейчас выдаст какой-то страшный секрет. Но в мнительность не впадала и в попытки разгадать почему он такой, решив, что если он когда-нибудь захочет рассказать, то сделает это.

В декабре долго не рассветает, по часам уже наступило утро, а город собой накрывала ночь, большие хлопья снега падали на землю, до дома было довольно далеко отсюда, но Иван не ускорял шаг, он сейчас хотел идти и никогда не прийти в финальную точку, просто идти и смотреть как падает снег. Дома он всё же оказался. Через пару часов уже выходить на работу, поэтому Иван не ложился.

Ещё дней через десять он заметил слежку за собой, но его это не сильно заботило. К тому же всё чаще поднимаемые мятежи от простых людей видимо не сильно позволяли фокусироваться организаторам слежки на нём, однако дело было немного в иных причинах: начальник, который уже знал, что Клара проживает в квартире Анастасии ждал такого момента, когда Абышев останется в гордом одиночестве где-нибудь подальше от людей, у него как оказалось такая склонность есть, из-за неё он уходит на закрытый мусорный полигон и подолгу сидит на его вершине, теперь, когда собраний нет.

Действовать Доленко и Артём решили по схеме самого Ивана, взять курьера и передать всё что нужно Кларе, доказательства того, что это он сам сдал их группу, «кино» на котором он убивает её мать, о чём Клара до сих пор, даже спустя месяц не подозревает. Шанс подвернулся только аж в феврале, Анастасия стала работать куда больше, так как надо было выявлять зачинщиков забастовок на предприятиях, потому что руководство ГСБ не считало, что толпа этого быдла способна на что-то организованное и надо только найти того, кто всё это затеял, поэтому и дело дали соответствующему, не особо нужному работнику. Когда её в очередной раз не было дома в дверь позвонил курьер, в руках белый завязанный на узел пакет, Клара конечно же не открыла ему, но проследив, когда он ушёл сразу вышла в

коридор и стала изучать содержимое пакета: пистолет и смартфон. Она разблокировала его, на экране было какое-то видео, Клара нажала на треугольник чтобы воспроизвести, через пару минут он чуть было не вывалился из её трясущихся рук, однако видео оборвалось и на чёрном фоне началась звуковая дорожка, где Абышев просит помощи с вышедшим из под контроля отрядом, за которым он должен был следить исполняя свои полицейские обязанности. Взяв себя в руки и полистав телефон, она нашла ещё много чего, как Иван срывал операции, как именно он должен был аргументировать, что нужно делать одни вещи и не делать другие, и она вспоминала, что всё действительно было так. Но вот его разборка с матерью. Видео шло меньше минуты, каким же он хладнокровным казался, положил на землю и выстрелил, накрыл её телом полицейского, дальше видео оборвалось.

Клара уже не обращала внимания, что она стоит в одних носках на бетонном полу подъезда, как её изучение смартфона прервало сообщение. «Вы очень поможете нашему общему делу, если устраните данного человека, он действует против всех нас», далее пришло второе сообщение с координатами. В голове связалось почему он был такой жалкий, неужели Анастасия не понимает, что это за ублюдок, но как тряслись руки от злости, так же кажется тряслись и все мысли Клары, она схватила с пола пистолет, переделась в одежду хозяйки квартиры, размер у неё был чуть поменьше, но Клара решила, что сойдёт. Координаты указывали на давно заброшенную городскую свалку. «Ну туда, значит туда», — подумала она и отправилась к своей цели даже не закрывая дверь на замки, не оставляя никаких записок для Анастасии. Идти было не очень далеко, если выбраться на крышу дома, то мусорный полигон можно было увидеть оттуда.

Всё только начинается

02.2047

Внушительных размеров холм, поросший травой и небольшими деревцами, возвышался перед Кларой немного присыпанный, то там, то здесь снегом. Пустующая сторожка, кривой металлический забор, поеденный ржавчиной, не представляли собой сколько-нибудь трудного препятствия, песчаная дорога закручивалась спиралью к вершине рукотворной горы, которая получилась не иначе как из закрытого мусорного полигона. Где-то там должен быть Абышев.

Земля немного подмёрзла, идти по песку, который даже летом разъезжался бы под ногами, сейчас было весьма удобно, но даже при таких условиях Клара потратила минут сорок, чтобы подняться по этому искусственному серпантину, наворачивая круг за кругом в ней будто таяла злость и всё больше просыпался рассудок. Приходилось расшевеливать угли ярости в своей душе с помощью воспоминаний, думая про Аню и Романа, хотя последнего она знала и не очень хорошо, но вряд ли он тоже был человеком лёгкой судьбы, однако умер просто потому что Абышеву захотелось, потому что он посчитал, что группа залезла слишком далеко в своей борьбе. Под подобные раздумья она и оказалась на плоской вершине теперь уже поросшего кустами холма. Даже наделав много шума на финальных метрах своего пути она не заставила Абышева обернуться посмотреть кто там решил пожаловать в такое странное место и в довольно странное время. Он сидел на перекошенном деревянном ящике, будто поглядывая куда-то вверх. Пистолет в руке Клары лежал тяжким грузом, который она словно потеряла силы поднять, но всё же напрягшись всем своим нутром прицелилась, как ей казалось, но потом, сама не зная зачем окрикнула единственного, кроме неё, выжившего соратника:

— Иван, — самой стало гадко от собственного голоса, который был каким-то чужим сейчас.

Абышев обернулся, Клара стояла в метрах двадцати от него, сначала, как показалось, он глянул ей в глаза, после чего перевёл взгляд на трясущийся в двух руках пистолет, картина эта ему наскучила довольно быстро, он отвернулся обратно, куда-то к небу. А там перед ним из неба был соткан огромных размеров старик, волосы и бороду которого в северном направлении тянули ветра, еле просвечивающее через серые облака солнце служило ему одним глазом, второй был сделан из самого пространства. Ветер дул практически штормовой, но это для Абышева, для Клары не происходило ничего, Иван в её глазах просто сидел и смотрел куда-то. Она окрикнула его снова, тот кажется вздохнул, посмотрел себе под ноги и оперев руки о колени встал и пошёл к ней, чем ближе подходил мужчина к девушке, тем сильнее была дрожь в руках Клары, тем сильнее растерянность была видна в её глазах. Вот, Абышев уже в полуметре от неё, молчит, как и всё это время, собрав всю волю в один лишь указательный палец Клара нажала на курок.

И ничего не произошло, курок если и двинулся с места, так на какие-то микроскопические значения, она нажала ещё и ещё, почти радовалась, что ничего не происходит, в душе бурлило и полное нежелание приносить вред этому человеку и смесь обиды с ненавистью за то, что он возомнил себя хозяином чужих жизней, жизней, которые

для Клары не были таким уж пустым звуком. Спокойно смотря на потуги Клары Иван схватил пистолет за дуло, с силой вырвал его и её рук и снял с предохранителя, после чего вернул оружие обратно подойдя к девушке ещё ближе, так чтобы пуля могла пройти между глаз. Но снова не произошло ровным счётом ничего, курок нажимался, а выстрела как не было, так и нет, на что Иван только улыбнулся и тяжело вздохнул. Его усмешка словно опять подпитала ярость в Кларе, она перехватила пистолет, размахнулась и ударила своего самого главного врага, каким она его сейчас заставляла себя считать, рукояткой как раз между бровей, чуть повыше, чем рассекла кожу, а брызнувшая кровь попала ей в глаз и заставила зажмуриться. Клара инстинктивно отвернулась, протирая глаза, она и не заметила, как Абышев подошёл к ней в плотную и снова выдернул оружие из её рук, она думала запротестовать, посмотреть, что он будет делать, «наверное меня убивать» — пронеслось у неё в голове, однако всё что она услышала — так это удаляющиеся шаги. Когда уже получилось наконец-то проморгаться она крутила головой, но нигде не видела Ивана, даже и не заметила, как пространство вокруг стемнело, лишь по краям горизонта со всех сторон осталась алая полоска неба. Рванувшись назад к дороге, она не увидела никого, побежала ко второму краю холма — пусто, к его противоположной стороне — тоже самое, оставалось только ломануться вперёд, что Клара и сделала и не успев пробежать буквально нескольких шагов, как её остановил звук выстрела. Он был слышен как раз откуда-то спереди, мгновенно словно приступ резкой боли прокатился по всему телу, не понятно от чего, ведь стреляли точно не в неё, ну или попали не в неё. Клара прошла несколько метров и увидела тело Абышева, пуля была пущена им прямо себе в голову, в висок. От этой картины она обомлела, сразу даже отказывалась верить, что это правда, мгновенно ощутила какие-то укоры совести, мол он и сам мучился, а она пришла тут с полными обвинения глазами и мыслями.

Помимо странной, какой-то неестественной тьмы, которая была неравномерной, то чёрной, то немного выцветшей переходящей в серую, сильный ветер поднялся и для Клары, он и пошевелил огонёк, который вспыхнул из отверстия в виске Ивана, далее там, где у него совсем недавно билось сердце стала тлеть одежда, спустя несколько мгновений, с каким-то характерным хлопком огонь вспылал и там. Клара была словно загипнотизирована этим зрелищем, следующими загорелись ладони и меньше чем через минуту горело всё тело, от которого во все стороны огонь стал расползаться по земле. Недолго было ждать пока языки пламени начнут цеплять её ботинки, придя в себя она сообразила, что надо бежать отсюда, потому что не так уж много осталось до того момента, как загорится вообще всё. Со всех ног она бросилась к дороге, но пока бежала огонь захватил все пути к отступлению: дорога пылала так, словно была пропитана от поверхности к самому своему основанию бензином. В панике Клара развернулась, и теперь уж заметила, как старик, которого недавно наблюдал Абышев, который, как она считала приснился ей в лесу, возвышался над ней, молча протянув огромных размеров руку, по сравнению с которой Клара казалась какой-то букашкой, она взошла на ладонь. Огромные пальцы крепко, но мягко, будто одеяло, надёжно удерживали её, и она стала подниматься над землей своим жаром почти дотягивающейся до высоты, на которой она теперь находилась. В один момент всё же воздуха стало больше, а прохлада неба оказалась приятной как никогда.

Клара в руке старика, да и сам он, сейчас смотрели вниз, там холм превращался в комок бурлящей лавы, он не терял своей шарообразной формы. Немного времени прошло перед тем как и лава преобразовалась и всё казалось чистым огнём, тогда-то этот огненный шар, не сказать, чтобы правильной формы поднялся в небо, размеры его были огромными, словно

вся эта гора послужила материалом для его тела. Шар, или точнее, по форме он больше напоминал яйцо, в миг как цветок раскрылся, однако отойдя от шока Кларе стало очевидно, что это не цветок, а огромная птица из огня, которая с характерным шумом и треском сильного горения шевелит крыльями, немного повисев перед стариком и Кларой она метнулась прочь, в сторону города.

Считанные секунды понадобились птице, чтобы добраться примерно до середины населённого пункта, там, чуть повисев в небе она спикировала вниз, но перед самой землей резко взмыла вверх и это действие повторялось несколько раз.

— Что он делает? — спрашивала у самой себя в уме Клара про птицу, имея ввиду Абышева.

— Пугает, чтобы все люди успели разбежаться, — ответил ей голос без красок, опять словно звучащий одновременно у неё в голове и снаружи.

— Там завод, точно, водочный, — озарило Клару.

Пару пикирований и взлётов, и птица последний раз возвысившись бросилась вниз, в первые секунды вроде бы не произошло ничего, а потом в небо стали подниматься, то там, то здесь столпы огня.

— Это всё? Он растворится в этом пожаре? — теперь целенаправленно спросила Клара старика, — где он?

На этот раз он ей не отвечал, потому через несколько минут в небе парило облако из огня, которое незаметно опять трансформировалось в птицу, сильно поубавившуюся в размерах, она, немного покружив над местом, которое по всей видимости превратилось в угольки, среди которых вряд ли можно будет опознать стоявший там ещё несколько минут назад ликероводочный завод, полетела прочь от двух своих наблюдателей.

— Куда он? — спросила Клара искренне переживая.

— Куда захочет, — ответил спокойно старик.

Клара поплыла по небу, обернувшись назад заметила только пустырь с кругом выжженной земли почти идеальной формы. Куда её несла эта сила она не спрашивала, потому что спокойствие заполняло душу до последнего атома, что уж там, она почти заснула, но всё же не давала себе делать этого, пока не оказалась перед подъездом Анастасии, сама не понимая каким образом, она с неба попала на землю, будто только была сверху над двором и вот через миг перед ней уже открытая подъездная дверь.

Ещё же, как она была сейчас уверена, ей всю дорогу снились беспорядки, словно изуродованные люди поднимали, то там, то здесь бунты, штурмовали участки полиции, громили банки и в общем делали всё, что обычно описывают словом восстание. Что это был лишь сон заставляла думать и абсолютная тишина двора, в котором она сейчас стояла. Выйдя из своих мечтаний и ступора Клара побежала на этаж к Анастасии, дверь в квартиру была открыта, да и в единственную комнату тоже, на пол лился голубой свет монитора, пару секунд и на пороге комнаты уже материализовался силуэт Анастасии, хорошо, что Клара сейчас не видела её лица, потому что по голосу было очевидно та очень сильно зла.

— Где ты была? — без обиняков спросила Анастасия, — в голове вообще что-то есть?

Клара растерялась не от испуга, а потому что не знала, как начать рассказывать обо всём, что она видела.

— Я даже в твоей общаге побывала, забрала твою карточку и телефон, документы, где ещё было тебя искать?

— Я искала Абышева, мне прислали доказательства того, что это он убил мать, убил

всех людей, которые у меня единственными уже не то что друзьями были, да кто у меня кроме них вообще был-то.

— Господи, — вздохнула Анастасия, — я думала ты умнее, судя со слов Абышева, кстати.

Клара не поняла и уставилась на вторую женщину, но та вместо объяснений сообщила лишь, что им нужно бежать, перепрятывать Кларау в другое место, да и саму себя теперь тоже, ей помогли на работе последний раз, дав возможность скрыться. Анастасия буквально приказала прямо сейчас стереть все данные со своего телефона, отказаться от телефонного номера, которым Клара почти дорожила, так как он с ней пробыл с самого детства. Делать было нечего, пришлось повиноваться, потому что Анастасия периодически спрашивала удалила ли та всё, на что Клара отвечала лишь сколько процентов осталось до полного сброса.

— Отлично, вот паспорт, — Анастасия протянула пластиковую карточку Кларе, — пока будем ехать сделай себе новый номер.

— Так это же какого-то мужика, — не сразу поняла замысла Клара.

— Ну, — грубо ответила Анастасия, далее пояснив, — а тебя будут среди мужиков искать, Карина Александровна ты наша.

Устыдившись собственной непрозорливости Клара положила карточку в карман и несколько раз дернула молнию на нём, чтобы убедиться, что паспорт никуда не денется. Анастасия уже собралась, всё поместилось лишь в маленький зелёный рюкзак, кажется там и одежды-то не было, лишь всякие гигиенические принадлежности.

— Я ещё нашла наличные у тебя дома, — сказала Анастасия, — в машине лежат, заберёшь из бардачка.

Клара возражений не имела.

Небольшой серый хетчбек Анастасии завёлся без проблем, во дворе работало лишь пару фонарей, которые не сказать, чтобы справлялись с вышедшей в свою смену ночью, однако делу помогли фары, без особых проблем женщины выехали из двора, и двинулись прочь из города, Клара не спрашивала куда именно.

— А Абышева нашла? — спросила неожиданно Анастасия.

— Нашла, — ответила Клара уже чувствуя в себе нежелание отвечать на следующие вопросы.

— И что дальше?

— Нет больше Абышева, он превратился в огненную птицу и улетел.

— Что? — спросила с улыбкой Анастасия, перед этим прыснув вырвавшимся из гортани смешком, — может скажешь нормально.

— Ну вот я и говорю: он сидел на свалке, я пришла туда, потому что мне дали координаты, хотела его убить, стреляла, не получалось, он взял и сам застрелился, потом загорелся, а вместе с ним загорелась и вся свалка, потом этот комок огня поднялся в небо и стал птицей, птица рванулась в город и взорвала завод.

— Завод и правда взорвался, а вот твои эти рассказы, это больше похоже на последствия удара с ноги по голове.

— Ну а кто его взорвал тогда?

— Рабочие, — пожав плечами ответила Анастасия.

— Откуда у них столько взрывчатки?

— Ну организовались и купили, мои, кстати, бьют сейчас банковские отделения, ты ж

не в курсе, но в общем так как я на работе явно сотрудник не лучший, то меня отрядили как вот Абышева собирать и отслеживать потенциальные группы бунтарей, так меня на профсоюзы бросили. Только я конечно в «центр» докладывала, да не то, что надо, а люди в профсоюзах оказались хоть и изуродованы алкоголем, как Иван говорил, я-то этого не вижу, но всё-таки с мозгами, да и там были уже бросившие пить, кого не устроили ломки и мучения, когда у них в производстве что-то пошло не так.

— Я об этом кстати вообще ничего не знаю.

— В спиртные напитки добавляли опиаты, ну или не так, меняли там как-то формулу спирта, что она действовала вот опиатным образом и почти всегда строго двенадцать часов, ну к двенадцатому часу действие ослабевало постепенно, но у людей за пару лет появилась резистентность, и даже самая большая доза уже не давала никакого эффекта, даже облечения, а если ещё больше превысить содержание такого вот спирта, то человек выпадал из реальности уже не на двенадцать часов, а кто на сутки, кто и на трое мог.

— И как вы это узнали?

— С компа технолога, которого ты усыпляла.

— Его же убили, да?

— Да, точно не знаю, но думаю это начальник Абышева замешан, он же видать тебе и подкинул эти «доказательства», — одной рукой Анастасия показала кавычки, — потому что Иван никогда не хотел, чтобы вас убили, как он мне рассказывал Дима попёр слишком уж наглым образом не туда, куда следует, ну кто бы ему, Абышеву, одобрил похищение крупнейшего акционера?

Анастасия посмотрела мельком на Клару как бы ожидая ответа, та же смотрела себе на ботинки.

— Так вот его напарник и решил постараться, показать себя перед начальством и тебя бы тогда тоже пристрелили, если бы нашли. Потом Абышев говорил, что долго тебя отмазывал, чтобы не искали, мол ты одна ничего вообще не сделаешь и по личным склонностям скоро свалишься в депрессию и сопьёшься, в общем никакой угрозы от Чащиной Клары не исходит.

— В смысле тогда пристрелили? — зацепилась Клара за одно место, — а что тогда было на площади?

— А ты в эту постанову поверила? — Анастасия фыркнула, — сняли какую-то белиберду, все ваши были расстреляны в тот же день, я тебе клянусь и тебя скорее всего искали, куда ты делась даже Абышев не знает.

— Пряталась в погребе.

И Клара рассказала весь свой тот день, а потом ещё и следующий, в конце вспомнив о своём желании как-то отплатить той девочке, Кате, которая без преувеличений спасла ей жизнь не задавая вопросов, почувствовав прилив стыда она попросила Анастасию разыскать ребёнка и по возможности забрать у матери или хотя бы передать денег, а наличку она хоть сейчас даст обратно Анастасии.

— Посмотрим, — ответила на это Анастасия, — я сама не знаю буду ли в нашем городе когда-нибудь ещё.

— Так, а с подрывами больниц и прочего, по новостям говорили, что это наша группа.

— Ну так, а ты думала зачем вам парковки разрешали взрывать? Не казалось тебе это странным, особенно когда вы за короткий промежуток подорвали сразу несколько. Вот сначала парковки, а потом «вы» перешли на больницы, правда все до одной были

государственными, а те, что остались необычным образом связаны с нашим новым президентом. У Ивана каждый день было по группе такой как ваша, каждый день недели и ни с одной он такого не добился.

— Типа это они всё сами взрывали, чтобы не оставить людям выбора куда ходить?

— Типа да, — немного покривляла манеру речи Клары Анастасия, намекая, что так говорить — не её уровень, — там же не только больницы, и кинотеатры обрушались, и магазины, да всё что надо уничтожалось, что не связано с новой властью.

— Да уж, а я думала, что это мы такие скрытные и неуловимые.

— Ну всё сделано было реально хорошо, по крайней мере один-два раза вы бы смогли уйти незамеченными, да и множество выдумок Абышева я взяла себе в пользование, например, связь через курьеров. Похоже, что и у него на работе такой способ прижился, тебе ж курьер доставил доказательства?

— Но сам Иван, он как? Он мент и только следил за нами, чтобы мы не сделали лишнего?

— Если бы так, то вы бы тогда вообще ничего не сделали. Он собирался как можно дольше вредить инфраструктуре, прикрывать вас и собирать структуру большую и мощную, план на годы и десятилетия. Но допустил ошибку, что не убедил всех не принимать участия в том похищении, ну или я не знаю, почему он решил попросить у других припугнуть вас, но он искренне не рассчитывал, что испуг окажется смертельным, я его тогда еле уговорила продолжить работать.

— И зачем это вам? — спрашивала Клара женщину без дара видения уродов.

— Потому что сейчас вокруг не жизнь, а ад какой-то, а жить я, скорее всего, буду только лишь раз, мне хотелось бы провести всё оставшееся время не во всепоглощающем ужасе с живыми мертвецами, когда год от года они всё более нищие, всё более пустые, им только увеличивают дозу, лишь бы они продолжали спать. И дело не в одной водке, не только из-за неё они спят.

— Вы видите какие-нибудь свои успехи?

— Ну кое-какие коллективы я организовала. — Уклончиво сказала Анастасия, Клара чуть перевела тему.

— А что с его остальными группами?

— Устранили, — ответила без подробностей на один вопрос Анастасия.

— Ну ясно, — Клара решила не допрашивать её по этому поводу, — а я большую часть времени, вот с января думала, что это Дима каким-то образом выжил, хотя тогда в новостях, когда про группу говорили фамилии только мне и Абышеву изменили.

— Это он такие в рапорте написал, так и передали журналистам.

Анастасия первый раз за всё время сильно вгляделась в Клару и в заключении произнесла:

— Ты как помолодела что ли.

Та глянула на себя в боковое зеркало и действительно, волосы будто восстановились, и кожа разгладилась, ей снова было двадцать пять лет, а не пятьдесят два, на которые она ещё вчера выглядела.

— И правда, — подтвердила Клара, — не знаю, что это.

Хотя она знала, просто не хотела признаваться про «Бога», того кого видела в лесу, кто перенёс её по небу во двор Анастасии, для упрощения она в голове называла его так.

— Вот ещё, кстати, — вспомнила Клара, — я ходила в тренажерный зал, там тоже были

нормальные люди, а потом, после того, как перебили всю нашу группу он закрылся, ты не знаешь, что это или кто?

— Это — совпадение, ходили туда мои знакомые из ГСБ. Иван со мной уже в понедельник встретился, и мы всё выяснили, так бы он тебе туда первейший запретил ходить. А резко пропали они все оттуда потому что директор школы сдал подвал под склад.

— Понятно, — сказала Клара, вспоминая свои чувства в тот день, когда обнаружила закрытый зал, — а почему вы вообще столько со мной возитесь?

— Ну, а что? Бросать тебя мучиться? Ой-ёй-ёй, — сказала Анастасия сквозь выдох, — это кажется по нашу душу.

Ещё на довольно большом расстоянии ехала полицейская машина с включенными красными и синими сиренами на крыше, но пока без звука, хотя даже такой сигнал обязывал все машины, которые сейчас движутся по дороге остановиться у обочины. Учитывая, что кроме девушек и полицейских сейчас никого здесь не было, то все эти сигналы касались их лично. Только вот вместо остановки Анастасия нажала на газ.

— Скоро будет уже городок, там может легче будет увертеться от них.

И действительно, пару минут и они въехали в небольшой районный центр, однако проблема заключалась в том, что их тут ждали, но всё же нашлась прореха, через которую получилось проскочить, только вот не очень далеко.

— Деньги взяла из бардачка? — спросила быстро Анастасия, понимая, что сейчас она остановится, ведь узкая улочка перекрыта сразу двумя машинами.

— Да, — поспешно ответила Клара.

— Как только остановлюсь — беги во дворы, беги пока не найдёшь где укрыться, люки, вентиляции, гляди в оба, поняла?

Клара угукнула, и в тот же миг машина затормозила за метров сто до заблокированного места, так же в метрах ста был и догоняющий автомобиль полицейских.

— А ты? — бросила Клара уже выходя, теряя драгоценные секунды.

— Если повезут обратно в город, то всё будет нормально, давай уже, — добавила Анастасия с раздражением.

И Клара ломанулась во дворы, судя по выстрелам, которые стали раздаваться за ней, а потом, уже иногда и перед ней крошились кирпичи и шпукатурка на стенах, она поняла, что бежит не зря. Глаза бешено искали куда можно спрятаться, но всё было закрыто, пробежав один двор, перебежав маленькую двухполосную дорогу в неполюженном месте Клара оказалась во втором. Тут, словно какой-то оазис, вызвав эйфорию до мурашек перед ней стоял заброшенный дом, да ещё и не один, их было несколько подряд, оглянулась и пока за собой никого не увидела, побежала в первый же.

Знала бы Клара, что полицейских будет теперь не два, как тогда в деревне, а достаточно, чтобы обыскать каждый подъезд этих заброшенных строений. Забежав в одну из комнат она вся согнулась от сбитого дыхания, руки упёрла в колени и живо соображала, что делать дальше, но мысль до конца не довелась, кто-то ударил ей под зад, от чего она влетела в кирпичную стену, полностью потеряв ориентацию пространстве на какое-то время. Собравшись она смогла повернуться, и теперь посмотреть своим полным злобы взглядом на молодого человека, весьма щуплого, но с лицом решительным, он направлял на неё автомат, шансов выбраться не было, вздохнув Клара зачем-то посмотрела в окно, которое из себя представляло просто прямоугольную дыру в стене, в отличие от первого этажа, где окна забиты досками.

В здании напротив, на точно таком же оконном проёме сидела белая кошка. Перебирая задними лапами, она готовилась к прыжку, хотя расстояние между домами к этому явно не располагало, однако животное всё же отважилось, нарушая законы физики, кошка уже вытянула лапы и будто даже выпустила когти, чтобы схватиться за стену где лишь клочками уцелели обои. Клара наблюдала за кошкой, а за оконный проём схватились уже вполне человеческие пальцы, может только подлиннее обычных людских и покрытые белейшей шерстью. Далее, то что было пару мгновений назад кошкой подтянулось, показав своё лицо в оконном проёме, и оказалось молодой женщиной, может быть чуть старше самой Клары. Она залезла в помещение, белое платье в пол никак не сковывало её движений при этом. Клара перевела взгляд на полицейского, не совсем понимая почему он ничего не делает, а тот просто замер, будто его кто-то остановил как изображение в видео, он был полностью недвижим.

Женщина с абсолютно белыми волосами, которые были убраны за уши и красиво переливались, будто на них сейчас светило солнце, хотя была ночь, Клара помнила это, протянула ей руку.

— Пойдём, пойдём, — сказала она грустно.

— Это опять вы? — спросила Клара чтобы как-то объяснить себе происходящее, имея ввиду того, кого называла «Богом».

Вместо ответа женщина только лишь слегка улыбнулась, Клара постеснялась добиваться объяснений взяла её за руку и будто бы заснула, а проснулась возле какой-то избы, вокруг полно разных деревьев, некоторые из них цветут розовыми и белыми цветами. Клара сидит на пне, а рядом стоит всё тот же дедок, с которым она беседовала тогда в лесу.

— Пойдём, — сказал он как всегда добродушно, опять не открывая рта.

И они пошли, везде, кроме просёлочной дороги, стелился туман, где-то в неопределённом месте вставало рассветное солнце заливая всё свежим голубовато-розовым светом. Клара не знала куда они направляются, но и ничего спрашивать не хотела, внутри чувствуя уверенность, что они идут в правильное место. Где-то пробежал табун лошадей, выталкивая облака тумана на дорогу, время от времени в небе, которое сейчас было безоблачным пролетали птицы, стая собак, пробежавшая мимо них, сперва немного перепугала Клару, однако кроме того, что они пбили её хвостами, ничего больше не сделали и коллектив всех цветов и размеров побежал дальше по своим делам. Дедок шедший рядом с ней сам становился то волком, то тигром, то летел рядом или чуть впереди птицей. Наконец-то вдали завиднелся домик, один посреди огромного поля, и секунды не прошло, как Клара преодолела сотни метров, и стояла уже перед ним, зайти туда она почему-то стеснялась, решила лишь заглянуть внутрь через окно.

Там от картины, которая открылась ей у неё даже сердце сжалось. Помолодевшая мать и Кларин дед, которого она с девяти лет не видела, играли в шашки, смеялись с чего-то, рядом с ней стоял и тоже глядел сквозь стекло её спутник, опять в образе дедка в плаще и кепке, пальцы, которыми он схватился за низ оконной рамы прошли сквозь неё.

— Это рай? — спросила его Клара.

— Опять ты всё по-своему, ну такое вот место, рай, ад, кому как.

— А вы знаете почему я не хочу туда войти?

— Потому что мать твоя не сможет сейчас увидеть тебя без больших болей, она всю свою жизнь увидела, когда там на заводе осталась одна, когда все ушли оттуда и душа из неё тоже, и ужаснулась, стыдно в общем ей пока перед тобой, но раскаялась она на самом деле,

поэтому и здесь.

— В раю? — не унималась Клара.

— Ну если хочешь всё так упростить, то да, в раю

— А я, видать, тоже здесь теперь буду жить? Хотя я ни в чём не раскаивалась, не помню такого по крайней мере. И меня ж вроде не убили, вы вроде остановили время?

— Время и правда остановилось, в твоих глазах, но скорее за тем, чтобы ты не переживала эти последние секунды, хочешь быть здесь — будь, хочешь вернёшься, там время уже опять пошло вперёд, да и не становилось никогда оно на месте, просто ты так увидела.

И дедок исчез, а Клара отправилась бродить по бесконечным просторам этого неизвестного места, стоило только, чтобы поля ей наскучили, начинался лес, бывало встречались и города, она так не хотела, чтобы их жители с ней говорили, а её никто и не замечал, спать она решила в заброшенном доме, который опять очень кстати был расположен буквально за углом, стоило ей только лишь подумать. Заснула она кажется минут на десять, потому что, когда проснулась небо так и оставалось рассветным, а рядом сидела та же белая девушка.

— Ну что назад? — опять был этот голос, не имевший звука, но звучащий везде, — ты решила отправляться назад?

— Если это можно, — вздохнула Клара, ведь знала, это ещё до того, как пришла сюда, что не против оказаться в том, своём мире снова, сама чётко не понимая зачем.

Девушка положила тёплую ладонь ей на лицо, а когда убрала и Клара раскрыла свои глаза, то обнаружила себя ровно в том же самом месте, где вчера время остановилось. Стояло утро, возможно того же дня, телефон у неё где-то был, но он выключен, в глаза сразу бросились стены, все в чёрной саже, а перед ней оплавленный автомат и фрагменты, похоже, что костей. Она поднялась, вышла на улицу, что это за город Клара как-то упустила, но первым делом, нащупав наличность пошла искать вокзал, так как в голове стоял нерушимый план действий на сегодняшний день.

По указателям увидела, как добраться до места откуда уходят поезда, купила билет на электричку, которая ехала на запад страны, вот так пересев несколько раз и ни разу не предъявляя паспорт ни в одной кассе, ведь для электричек он не нужен, она добралась к самой границе, там обналичила все деньги с карты и отправилась в противоположный конец страны, рассчитывая, что если её как-то и будут выслеживать, то пусть думают, что она удрала за границу именно здесь. Немного пораскинув мозгами купила себе несколько тетрадей, в телефоне изучила карту местности, куда собирается уехать прятаться, теперь уже на восток, записала название деревень, кое-как изобразила в тетради их расположение и даже выбрала где примерно сможет поселиться, телефон после этого просто выбросила.

Целые сутки Клара добиралась до восточной границы своей родины, приехав туда осознала, что приключения только начинаются, ведь все выбранные ей деревни так или иначе чем-то ей не подходили, хотя там и были пригодные для жизни строения, стояли они все вдоль проездных дорог, она же хотела найти себе какую-нибудь глушь. Пока искала жила в самых дешевых хостелах, один раз рассматривая вечером уже бумажный атлас области заприметила деревню Слепцово, от трассы к ней уходила лишь какая-то небольшая тропка. На следующий день Клара прибыла туда, поселение состояло из двух улиц, одна улица на возвышенности, вторая как бы на склоне холма, не очень покатого, просто пониже. На нижней улице уцелел только один дом и то, весьма условно, а вот сверху стоял в очень даже хорошем состоянии, разве что остатки деревянного забора повалились на землю и сейчас им

только морозец мешал догнать окончательно.

Внутри дома оказалось навалом посуды, пустых банок, даже линии электропередач каким-то чудом сохранились здесь, но к дому подведены не были. Клара попробовала затопить печь, но ничего не вышло, спасла кем-то оставленная буржуйка. Обдав дом теплом в нём заиграли какие-то совершенно иные запахи, которые к итак не понятно на каком основании растущему внутри Клары спокойствию добавляли аргументов снаружи одним только теплом и треском дров. На следующее утро Клара отправилась в город за едой, в книжном магазине прикупила литературу об электрике, ни черта не поняла, но не сдавалась и через месяц сидела уже со светом. Пока разбиралась с ним отремонтировала печь, которая к счастью неплохо сохранилась, лишь трещины пришлось заделать, о чём она тоже вычитала в купленной книге, хорошо, что они продавались на рынке, а там ещё без проблем брали наличку, её брали без проблем в принципе везде, просто на рынках никто не удивлялся.

Деньги таяли, Клара на ближайшее время придумала план, что весной посадит огород, к зиме сделает закатки, как их делать тоже разберётся из книг. Весной ещё и раздобыла велик, на котором теперь ездила до районного центра, где всё покупать было ещё более безопасно, чем в областном, ведь и автобус не нужен и полиция там отсутствует полностью.

К сентябрю Клара обжилась здесь совсем уж плотно, забор и дом снаружи не восстанавливала специально, чтобы всё так и казалось заброшенным. В очередной день случайно забыв завесить шторы она села читать, а когда глянула на окно, то немного испугалась своей невнимательности: она же совершенно не хотела такой явный знак оставить, который бы свидетельствовал, что это место обитаемое. Подорвалась к окну и замерла, на уцелевшем куске забора сидел неестественно яркий воробей, как канарейка, но скорее оранжевый, чем желтый, позабыв уже об окне она обулась и выскочила на улицу, посмотреть на него поближе, но птицы словно никогда и не было, Клара подошла к забору на нём заметила только обугленное пятно. «Ну может оно всегда здесь было», — подумала про себя Клара. И пошла домой.

Через неделю случилась вещь ещё страннее: она ехала с продуктами из городка, как всегда на велосипеде, зашла в «свой» двор, стала опираться навесной замок, который не понятно зачем вешала, ведь ни разу никого здесь не видела. Только вытянула ключ из скважины, как её заставил обернуться звук проезжающей мимо машины, первый раз за всё это время. И мгновения не прошло, как Клара стала укорять себя за то, что предалась рефлексам и обернулась на шум мотора. Вообще она замечала за собой, что осторожности от такой жизни всё меньше, уже даже парой слов может перекинуться со знакомыми продавцами, и вот чем это обернулось: если на той машине следили за ней — она только что подтвердила свою личность по своей же воле, можно сказать.

Но прошло недели три и никакой слежки больше не наблюдалось, Клара уже и успокоилась, подавив в себе всякую паранойю, ведь за эти дни в любом звуке она всегда находила какую-то опасность, а дальше фантазия находила любые логические обоснования этим подозрениям.

09.2047

Закатное солнце, конец сентября. Клара уже сделала некоторые закатки на зиму, хотя по её скромным потребностям денег хватило бы ещё на пару лет. Сейчас она убиралась, мыла пол под древним кухонным столом. Доски под ним уже прогнили, заменить бы, но она не знала, как их можно привезти сюда на велике, но, в общем-то, пока и так сойдёт.

Выжимая тряпку, которой теперь стала одна из её маек Клара услышала стук в дверь, сердце сразу изменило ритм на более высокий. Она замерла надеясь, что те, кто стучат просто уйдут, но стук последовал ещё раз, секунд через тридцать вроде всё затихло, и стоило Кларе подумать, что незваные гости, наверное, куда-нибудь делись, как застучали в окно. Она осторожно вылезла из-под стола, подняв над ним только лишь глаза: в окне было пусто, пока смотрела не появится ли в нём кто-то вновь, брэнчание стёкол зазвучало уже в другом окне, с другой стороны дома, а потом снова в двери.

Опираясь на колени и ладони, она пошла к коридору, посмотреть на дорогу, а там стояла машина, за рулём и на переднем пассажирском сидении точно кто-то был, но сумерках тяжело рассмотреть отчетливо. Опять короткие удары в дверь, как могла она посмотрела вбок и повсюду пусто, услышала, как дверь машины открывается и замерла, женский голос сказал:

— Катя, ты подёргай, — и дверь тут же несколько раз сотряслась.

Делать было нечего, Клара так же скрытным зверем проползла до кухни, схватила самый большой нож, что у неё был. Теперь уж выпрямилась в полный рост, одёрнула щеколду и отворила дверь, которая открывалась наружу, решила не кидаться на людей с ножом сразу, а первым делом посмотреть на тех, кто там был.

Дверь покосившегося тамбура отлетела, звонко ударившись о деревянную стену заставив отколоться от неё пару хлопьев потрескавшейся краски. Первым в поле зрения Клары попал ребёнок, девочка, далее она перевела взгляд на женщину, потребовалось секунд пять, чтобы осознать кто это.

Анастасия смотрела на неё с улыбкой и одновременно с укором, Катя же, девочка, которая её спрятала тогда в своём погребе, испугалась и сейчас, кажется, боялась лишний раз пошевелиться, видимо скрипучая дверь пронеслась у неё прямо перед носом.

— Вот это приёмчик, — начала Анастасия.

Клара всё ещё пребывая не совсем в своём сознании от страха, что её нашли и пришли арестовать не отвечала ничего.

— Ты никого не узнаешь? — осведомилась всё так же слегка улыбающаяся Анастасия.

— Узнаю, — ответила Клара, с лица правда не сходила никакая серьёзность.

— А я поняла, кто вы, — вмещалась Катя, — вы прятались у нас под полом.

— Было дело, — ответила подобревшая в миг Клара.

— Ну и как ты тут живёшь? — спросила Анастасия.

— Да ничего, а вы меня как нашли вообще?

— А ты выйди сюда на дорогу, сама догадаешься.

Клара всё ещё побаивалась, но всё же пошла, из машины как раз в это время вышел человек, лицо его было типичным для пострадавшего от зависимости, кожа морщинистая, обвисшая, глаза красные, но смотрят на удивление адекватно, осознанно, он как раз и посмотрел куда-то вверх, где между пожелтевшими клёнами парила маленькая птица, размером не превышающая синицу.

«Значит не показалось» — подумалось Кларе. Приглядевшись она поняла, что птица не просто яркая, а будто состоит из огня, что её совсем не удивляло, она знала, кто это мог быть. Заметив Клару, этот воробей или синица сделанная из пламени резко взмыла вверх, так высоко, что стала практически не видна на фоне темнеющего неба, в определённый миг её можно было принять за звезду. Но только лишь эти мысли пронеслись в голове у Клары, как звезда спикировала вниз, по мере приближения снова всё более походя на птицу.

Девушка стояла как завороженная не в силах пошевелиться. Десять метров, пять, один, она летит явно прямо в неё, но Клара скована, и вот уже птица ударяется ей прямо в грудь, а обжигающий жар разносится по всему телу, она кашлянула от неожиданности, да и от боли. В горле, внутри рта почувствовала жжение от высокой температуры выдыхаемого ей самой же воздуха.

Одновременно испуганно и вопросительно она посмотрела на Анастасию. Та же сохраняла полное спокойствие, а потом сказала:

— Может он свои последние силы так передал тебе?

— Ты это тоже видела, что ли? — спросила ещё жмурящаяся, согнутая Клара, не особо понимающая, что произошло.

— Да, стала замечать, — серьёзно отвечала ей Анастасия, — когда он прилетел ко мне, я вообще не хотела признавать, что вижу это, но это он нашёл тебя, притянул нас через месяц.

— Зачем? — Клара наконец-то распрямилась, в глазах стояли слёзы, то ли от того, что она с усилием зажмурилась, то ли от того, с ужасом допустила мысль, что возможно этот жар Абышев чувствовал всё время, — я вроде уже не рвусь спасать мир.

— Понимаю, но вот ей, — она махнула головой на Катю, — ты вроде как задолжала. Катя ты ей прощаешь долги?

— Какие? — совсем не поняла та.

— Что ты жизнь ей спасла, а она, по идее, теперь должна спасти твою. Ну не обязана конечно, это я так, для поэтичности.

— А вы?

— И я должна. Или о чём ты?

— Ну вы вроде меня уже из дома забрали, вместе с Лёхой, как меня ещё спасти?

— Выиграть гражданскую войну, чтобы немного приблизиться от нашей животной жизни и сознания к человеческому.

— Какую гражданскую войну? — не понимала теперь и Клара, — у меня в райцентре всё спокойно.

— Это пока. Заметила, что ментов совсем нет? Так они все у нас в городе, потому что у нас буянят больше всего, вон Анатолий, руководил одним из профсоюзов, а потом меня спас, помнишь, когда нас с тобой поймали, меня ж везли назад как добычу, поймали ГСБешницу предательницу, «такую премию дадут...», а я написала сообщение ему, телефон же никто не забирал, машину перехватили, меня достали, ну вот я и в бегах. Подумала ты захочешь к нам вернуться, и вот сама судьба подсобила тебя найти.

— Соглашайтесь, — заговорил Анатолий, — у вас же есть опыт диверсионной работы, там важен вообще каждый человек, потому что народу теперь много, кто недоволен тем каким стал мир, но в силу наших привычек стратегическое мышление у большинства не очень.

— А каким вы себя видите? — поинтересовалась Клара.

— Мы все себя видим теперь без прикрас. Но к сожалению, ещё много остаётся тех, кто надеется просто бахнуть спиртного или узаконенных с нового года наркотиков и снова смотреть на полное красоты тело, пребывать в эйфории, ну вы скорее всего знаете.

— Я могу собраться тогда? — спросила Клара, жар в груди и на кончиках пальцев прошёл, сменившись каким-то душевным подъёмом, уверенностью в своём пути, как бы тяжёл он не был.

— Собирайся конечно, можешь не спешить, чтобы сюда больше ездить не приходилось, — ответила ей Анастасия.

Они поехали в столицу, в машине всё это время был брат Кати, который сидел так тихо, что сразу Клара его даже не заметила. Анастасия рассказала, как забрала Катю из дома, та как раз в очередной раз получала от матери за то, что оказалась не в то время, не в том месте. Как обстоят дела в городе: забастовки теперь это нормальное дело, и они постоянно переходят в протесты, в нашем городе алкогольных заводов уже не осталось, товар таскают с областей, с конвоями, но количество бросивших только растёт. Клара, испытывая лёгкий стыд перебила Анастасию, попросилась к отцу, ей конечно же разрешили, как только будет возможность, Анастасия продолжила описывать новый мир, который прямо сейчас устаканивается в столице одной республики.

— А кто выигрывает хоть? — больше в шутку спросила Клара.

— Мы тебя не забирали бы посмотреть на наше поражение, — с улыбкой, но вполне серьёзно ответила Анастасия.

Через несколько часов они были в городе, сразу решили отвезти Клару к её отцу, он тоже её будто бы не узнал, а когда осознал кто перед ним, то растерялся и был больше похож на какого-то старого ребёнка. К Клариной радости он тоже оказался одним из бросивших, но жизнь его была не то чтобы лёгкой, ни о каком бизнесе речи уже и не шло, денег не водилось, жил он в основном сдачей вторсырья, питался более чем скромно, поэтому несказанно радовался свалившимся как с неба дочкиным закаткам. Времени на общение Анастасия отвела ей немного, поэтому Клара отдала ему почти все свои деньги, не забыв немного оставить и обещанное для Кати. После этого вся компания отправилась дальше, так как Клару хоть и вежливо, но поторапливали.

Они приехали на заброшенную ферму, где встречались с другими людьми, которые делали диверсии и руководителями профсоюзов, отличить их друг от друга можно было по характерной внешности. Клара примкнула к одному из отрядов диверсантов и не просто как участник, а человек с весомым словом, так было решено, после того как Анастасия быстро описала, где та успела поучаствовать.

— А нас тут не словят-то? — весьма наивно спросила Клара.

— Нет, эта половина города уже полностью наша, — пояснила ей Анастасия.

— Как вы вообще всё так сделали, ещё в декабре ничего не было, на тот момент пока я выпала, ну какие-то протесты бывали конечно, что-то такое помню.

— Объединились, — прозвучал чей-то голос.

— Осознали свои классовые интересы, — тоже выкрикнул и засмеялся в толпе кто-то.

Анастасия с лёгкой улыбкой, чуть подняв брови, осмотрела стоящих повсюду вокруг неё людей, чтобы найти того, кто это сказал. Выражение её лица говорило о том, что не такая уж это и шутка.